

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

Litera



*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-08-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhanova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-08-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpo@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpo@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrova - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

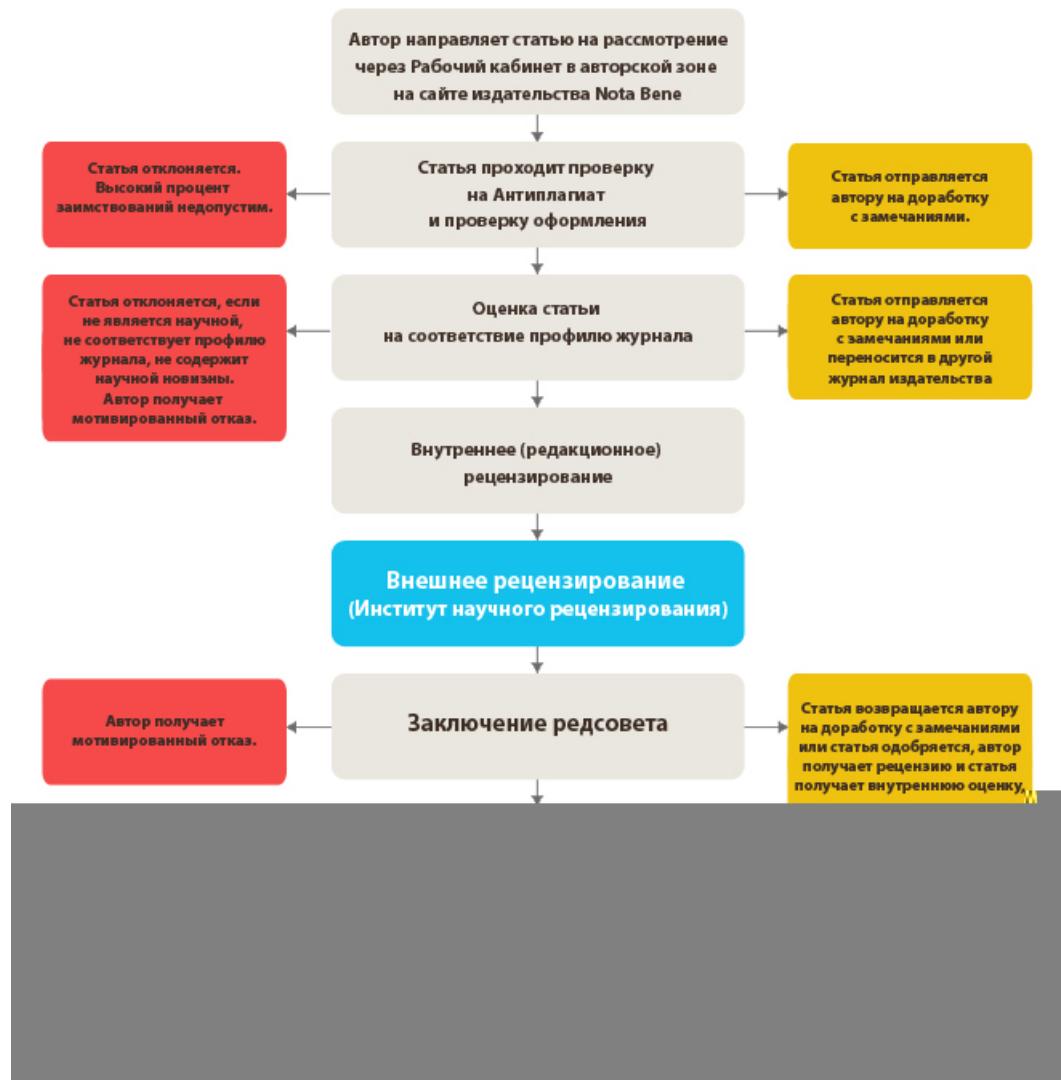
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Петрова А.Д. Ключевые лексемы метапоэтического дискурса Г. Аполлинера и особенности их перевода на русский язык	1
Дин П. Особенности образования префиксально-суффиксальных негатонимов	13
Чжао Ц. Освещение миграции в государственных и социальных медиа Китая	26
Ши Л. Восприятие образов китайских животных в России XVIII–XIX вв.	45
Морозов Д.А. Опыт корпусного анализа компаративов в современном чешском письменном дискурсе	66
Никонов С.Б., Каверина Е.А., Русыева А.С., Карпенко А.Ю. Первые леди арабского мира в зеркале западных медиа	77
Кокорина М.В. Структура и содержание лексико-семантического поля «Школьные предметы» в английском и русском языках	92
Ван С., Малаховский А.К., Малаховский И.А. Социализация новых медиа традиционными СМИ Китая на примере газеты «Ханчжоу Жибао»	102
Вэнь Б., Ду Ю. Восстановление национального имиджа в кризисных ситуациях: сравнение стратегий CGTN и RT по формированию общественного мнения (на примере пандемии Covid-19)	116
Вэй Ю., Лабуш Н.С. Образ политического лидера КНР в западных СМИ: стратегии формирования и восприятия образа Си Цзиньпина	127
Немиров В.Ю. Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.)	139
Рычкова Т.А. Динамика номинаций родителей в русской речевой культуре	154
Мельдианова А.В. Особенности функционирования прагматических видов вопросительных высказываний в англоязычных текстах авиационной направленности	171
Юй Ш. Концепт технологической утопии в постсоветской российской фантастике и его реализация в прозе С. Лукьяненко	182
Саввинова Г.Е. Интертекстуальность в прозе якутского писателя Платона Ойунского (1893–1939)	193
Скоропад Т.А. Антропологическая этика Чернышевского: «разумный эгоизм» alter аго альтруизма	204
Осадчая О.Н., Попова Л.Г. Именная префиксация как смыслобразующая константа в современном русском и английском языках	220
Гамзатова К.А. Аспектуальные значения прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке	234
Тянь Б. Ассоциативные связи топонимов в языковом сознании носителей русского и китайского языков	246
Дыдров А.А. «Кино в цифровую эпоху»: обзор конференции	256
Англоязычные метаданные	267

Contents

Petrova A.D. Key Lexemes of Guillaume Apollinaire's Metapoetic Discourse and Their Translation into Russian	1
Ding P. Features of the Formation of Prefix-Suffix Negatonyms	13
ZHAO Q. The portrayal of migration in China's state and social media: ideological frameworks, images of migrants, and the influence of digital platforms	26
Shi L. The perception of images of Chinese animals in Russia and the West	45
Morozov D.A. Corpora studies of comparatives in contemporary Czech written discourse	66
Nikonov S.B., Kaverina E.A., Rusiaeva A.S., Karpenko A.Y. First Ladies of the Arab World in the Mirror of Western Media	77
Kokorina M.V. The structure and content of the lexical-semantic field "School Subjects" in English and Russian languages.	92
Wang X., Malakhovskii A.K., Malahovskii I.A. The socialization of new media by traditional media in China: a case study of the Hangzhou Daily	102
Wen B., Du Y. Restoration of National Image in Crisis Situations: A Comparison of CGTN and RT Strategies for Shaping Public Opinion (Using the Example of the Covid-19 Pandemic)	116
Vei Y., Labush N.S. The Image of the Political Leader of the PRC in Western Media: Strategies for Shaping and Perceiving the Image of Xi Jinping	127
Nemirov V.Y. The linguistic and cultural image of Australia in the linguistic consciousness of the Russian-speaking inhabitants of the continent (based on the material of poetic works of the XX-XXI centuries)	139
Rychkova T.A. Dynamics of parents' nominations in Russian speech culture	154
Mel'dianova A.V. Functional peculiarities of pragmatic types of interrogative utterances in English aviation texts.	171
Yu S. The Concept of Technological Utopia in Post-Soviet Russian Science Fiction and Its Realization in the Prose of S. Lukyanenko	182
Savvinova G.E. Intertextuality in the prose of the Yakut writer Platon Oyunsky (1893-1939)	193
Skoropad T.A. The anthropological ethics of Chernyshevsky: "reasonable egoism" is altruism	204
Osadchaia O.N., Popova L.G. Nominal prefix as a semantic constant in modern Russian and English languages	220
Gamzatova K.A. Aspectual meanings of progressive and durative aspect in the Old Uyghur language	234
Tian B. Associative Connections of Toponyms in the Linguistic Consciousness of Russian and Chinese Speakers	246
Didrov A.A. "Cinema in the Digital Age": Conference Review	256
Metadata in english	267

Litera

Правильная ссылка на статью:

Петрова А.Д. Ключевые лексемы метапоэтического дискурса Г. Аполлинера и особенности их перевода на русский язык // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.74800 EDN: LRRTJD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74800

Ключевые лексемы метапоэтического дискурса Г. Аполлинера и особенности их перевода на русский язык

Петрова Анастасия Дмитриевна

кандидат филологических наук

Доцент; Санкт-Петербургский Государственный Университет, кафедра романской филологии, филологический факультет

Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Осипенко, д. 6а/8

✉ nastenka-petrova-2025@mail.ru



[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.74800

EDN:

LRRTJD

Дата направления статьи в редакцию:

11-06-2025

Дата публикации:

26-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является метапоэтический дискурс Гийома Аполлинера, представленный как в его поэтических произведениях, так и в манифестах. Объектом исследования выступают ключевые лексемы, репрезентирующие художественное мышление автора, его эстетические установки и концепцию поэзии как средства познания мира. Автор подробно рассматривает такие аспекты, как структурная организация метапоэтического высказывания, лексическая презентация понятий «искусство», «новизна», «реальность», «природа», «вдохновение». Особое внимание уделяется тому, как эти лексемы переводятся на русский язык в контексте поэтического текста. В качестве иллюстративного материала используется стихотворение «Le Pont Mirabeau» и его перевод Ирины Кузнецовой. Сравнительный анализ оригинального текста и перевода позволяет выявить трудности, связанные с трансляцией авторской

метапоэтики, и проследить стратегию переводчика в передаче ключевых семантических и стилистических элементов поэзии Аполлинера. Таким образом, исследование ориентировано на выявление языковых средств, формирующих метапоэтический дискурс, и на оценку эффективности их русскоязычного эквивалентирования. В исследовании применяются методы контекстуального, компонентного и сопоставительного анализа, а также элементы дискурс-анализа и лингвостилистического описания поэтического текста в оригинале и в переводе. Научная новизна исследования заключается в комплексном лингвистическом подходе к анализу метапоэтических лексем Гийома Аполлинера и в рассмотрении их переводческой трансформации в русском языке. Основными выводами проведённого исследования являются: 1) лексическая система метапоэтики Аполлинера организована на основе доминантных понятий, объединяющих философские и эстетические категории; 2) при переводе этих лексем на русский язык наблюдаются как сохранение семантического ядра, так и определённые смысловые смещения, обусловленные поэтической структурой и интерпретационной позицией переводчика; 3) анализ перевода позволяет выявить характерные способы компенсации авторской образности, что важно для дальнейших исследований в области поэтического перевода. Особым вкладом автора в исследование темы является выявление лексико-семантических и pragматических параметров метапоэтического дискурса в интерлингвальном аспекте.

Ключевые слова:

метапоэтический дискурс, Гийом Аполлинер, лексико-семантический анализ, перевод поэзии, pragmatika, когнитивные стратегии, Le Pont Mirabeau, лексико-семантические параметры дискурса, pragматические параметры дискурса, интерлингвальный аспект

Метапоэтика представляет собой область литературоведческого и лингвистического анализа, изучающую способы рефлексии поэзии о самой себе. В поэтическом тексте метапоэтика манифестируется через обращение к поэтическому слову, процессу письма и функции автора. Это явление соотносится с метадискурсом, понимаемым как «высказывание о высказывании», то есть авторская установка на интерпретацию условий собственного речевого акта [3]. Метапоэтические элементы формируют в тексте особую рефлексивную структуру, позволяющую поэту артикулировать собственные поэтические установки. В поэтическом дискурсе следует различать метатекст (имплицированную систему самоописания в пределах художественного текста) и метапоэтический текст в широком смысле — как внешние к художественному телу тексты (эссе, статьи, трактаты), в которых автор осмыслияет собственное творчество [3]. В модернистской и постмодернистской поэзии авторская рефлексия становится неотъемлемым компонентом дискурса, а сам автор — его комментатором и интерпретатором. Это отражается как в традиционных обращениях к читателю, так и в сложных автолитературоведческих конструкциях, вплоть до иронических или пародийных регистров. Рефлексия выполняет функцию самоидентификации автора и артикуляции творческого метода. Таким образом, метапоэтика функционирует как особый дискурсивный режим, позволяющий поэту концептуализировать природу поэтического творчества. В поэтической системе Гийома Аполлинера метапоэтика приобретает статус одного из ключевых средств самовыражения. Его поэтический дискурс характеризуется выраженной метарефлексивностью, реализующейся через устойчивое использование лексем, обозначающих поэта, поэзию и творческий процесс. Анализ этих единиц в оригинале и в переводе позволяет выявить pragматические и семантические сдвиги,

возникающие при трансформации авторской рефлексии в рамках межкультурного переноса.

Цель настоящего исследования — выявить особенности функционирования и перевода ключевых лексем метапоэтического дискурса Г. Аполлинара на русский язык.

Объект исследования — поэтический дискурс Гийома Аполлинара.

Предмет исследования — ключевые лексемы метапоэтического характера и особенности их перевода на русский язык.

Научная новизна работы заключается в комплексном лингвистическом анализе поэтической лексики, репрезентирующей метапоэтические стратегии автора, а также в выявлении типологии трансформаций, возникающих при переводе этих единиц на русский язык, на материале конкретных текстов.

Методология исследования базируется на сочетании теоретического и эмпирического подходов. Применяются методы лингвостилистического анализа, сопоставительного перевода, семантического и сравнительного анализа, а также элементы дискурсивного анализа.

Материалом исследования послужили поэтические тексты Гийома Аполлинара, преимущественно из сборника *Alcools* [1].

Обзор научной литературы.

Анализ метапоэтического дискурса в поэтическом и переводческом аспектах требует обращения к междисциплинарным исследованиям, охватывающим лингвистику, теорию поэтики, переводоведение и текстологию. Современные подходы к поэтическому переводу подчёркивают важность не только семантической, но и ритмической, модальной и pragmaticальной точности, особенно при работе с текстами, насыщенными автоинтерпретативными структурами.

Одним из наиболее значимых исследователей поэтического перевода Аполлинара является К.А. Скотт. В монографии *Translating Apollinaire* он рассматривает перевод каллиграмм не как репрезентацию оригинала, а как реконструкцию поэтической интенции, акцентируя внимание на необходимости сохранения визуального аспекта текста, его ритма и метапоэтической направленности [9].

Скотт предлагает сместить фокус с буквальной передачи содержания на перевод как отражение читательского восприятия, при этом считая читателя активным участником поэтической коммуникации. Такой подход сближает перевод с дискурсом рецепции, в котором поэтическая лексика не только обозначает, но и формирует когнитивный и эстетический отклик. В контексте метапоэтики это означает, что перевод должен улавливать не только значения лексем (*mot, chant, poète*), но и их практическую роль в построении авторской метапозиции.

Исследователь также отказывается от представления о переводе как о строго двуязычном процессе, предлагая многоязыковой и интермедиальный подход, основанный на взаимодействии языков, медиумов и культур. Перевод, по Скотту, — это не столько интерпретация оригинального текста, сколько фиксация динамики читательского опыта, в том числе визуального, графического и вербального. Именно такая стратегия позволяет, по его мнению, сохранить сложную структуру авторской рефлексии, характерную для поэзии Аполлинара, где лексема часто выходит за пределы

номинации и вступает в диалог с формой, пространством и читателем.

Таким образом, работа Скотта предлагает метапоэтически ориентированную модель перевода, в которой ключевые лексемы поэзии становятся инструментами концептуального моделирования, а не только языковыми единицами.

Классическую основу для осмысления поэтической рефлексии в переводе заложил А. Мешонник. В своей работе он формулирует концепт поэтического перевода как ритмической и модальной репрезентации субъекта речи, а не просто передачи содержания [\[2, с.72-88\]](#). Центральной становится идея, что перевод — это не только «переход между языками», сколько вмешательство в дискурс, акт перезапуска поэтического жеста в другом языковом пространстве. Он пишет: «Без напряжения и напряжённости не существует никакой теории... Всё есть вмешательство. Преподавание — вмешательство. Теория языка — вмешательство. Перевод тоже есть вмешательство. Поэтому я предпочитаю говорить не о переводоведении, а о поэтике перевода».

Мешонник критикует попытки выстроить жёстко структурированную, «научную» теорию перевода, если она исключает тело текста, ритм и субъективность поэтического акта. Он настаивает на том, что переводчик не должен становиться «Господином Журденом» от теории — то есть, неосознанно употребляющим теоретические категории, не осмыслия их. В его интерпретации, поэтика перевода — это теория языка, теория субъекта и теория ритма одновременно.

В контексте перевода поэзии Аполлинера этот подход особенно значим: рефлексия, ритмическая структура и метапозиция автора в его текстах тесно переплетены. При этом интонация неотделима от авторской рефлексии о поэзии, от лексических конструкций, которые у Аполлинера функционируют как метакомментарии к собственному творческому процессу.

Позиция Мешонника даёт теоретическое основание для понимания поэтического перевода как формы интерпретативной рефлексии, где ключевые лексемы выполняют не только лингвистическую, но и онтологическую функцию — участвуют в выстраивании авторской идентичности и способа бытия текста.

Новые исследовательские подходы представлены в коллективной антологии *Birds, Beasts and a World Made New* (2024), подготовленной под редакцией Р. Чандлера. Сборник включает новые английские переводы стихотворений Аполлинера и Хлебникова, выполненные с акцентом на сохранение метапоэтических и экспериментальных черт оригинала [\[8\]](#). Особый интерес представляют редакторские комментарии, в которых подчёркивается необходимость гибкой переводческой стратегии, ориентированной на экспрессию и интонацию.

Из российских исследователей стоит выделить Е.Д. Черникову, в работе которой анализируется концепция перевода как интерпретации. Автор подчёркивает, что переводчик, действуя в условиях культурного несоответствия, формирует авторскую метапозицию средствами целевого языка [\[7, с.226-231\]](#).

Значительный вклад в осмысление метапоэтической рефлексии Аполлинера вносит Р.В. Чвалун, чьи работы посвящены визуальной, графо-семиотической и театральной организации поэтического текста. Исследователь последовательно анализирует каллиграммы Аполлинера как особый тип текста, в котором вербальные и невербальные компоненты образуют единое семиотическое пространство, выступающее в качестве

рефлексивной платформы для авторского высказывания.

В статье «Каллиграфма Г. Аполлинера “La cravate et la montre”: графика, семантика, метаобращение» автор акцентирует внимание на функционировании графики как поэтического кода [4, с. 217-220]. Графические лексемы и их композиционное размещение рассматриваются как носители метатекста — то есть, они формируют вторичный смысловой пласт, интерпретирующий поэзию через форму.

В другой работе — «Роль экстралингвистических элементов в поэтическом тексте каллиграмм» — Чвалун подчёркивает, что визуальные, пространственные и типографические средства в каллиграммах соотносятся с лингвистическим слоем не только композиционно, но и семантически, усиливая авторскую метапозицию [5, с. 1-5]. Такие элементы, как линия, направление, цвет и интервал, встраиваются в дискурс и функционируют как формы графического высказывания о поэзии, что соотносится с понятием метапоэтической семиотики.

Особое место занимает статья «Средства реализации категории театральности в семиотически гетерогенном тексте каллиграмм», где описаны вербальные и невербальные средства реализации категории театральности — от лексики до графических элементов. Здесь каллиграфма рассматривается как поэтическая сцена, на которой размещены речевые и зрительные акценты. Автор трактует театрализацию как метафору авторского присутствия, усиленно маркируемого в тексте через визуальные решения и символические структуры [6].

Таким образом, труды Р. В. Чвалун предлагаю многослойный анализ каллиграмм как формы метапоэтического дискурса, в которой ключевые лексемы поэзии, графики и тела текста соотносятся не только с эстетикой, но и с концептом поэтической авторефлексии, активно включённой в переводческую задачу.

Таким образом, представленные исследования создают теоретическую и методологическую базу для анализа метапоэтических лексем в поэзии Г. Аполлинера и их перевода. Они обосновывают выбор стратегии функционального соответствия и прагматической адекватности как ключевой при передаче поэтической рефлексии средствами другого языка.

Ключевые лексемы метапоэтического дискурса.

Поэтический дискурс Гийома Аполлинера характеризуется выраженной метарефлексивностью, реализующейся через устойчивое использование лексем, обозначающих поэта, поэзию и творческий процесс. Эти единицы образуют особое когнитивно-прагматическое поле, в рамках которого осуществляется самореференция поэтического текста и вербализация авторской метапозиции. Подобный лексический пласт нельзя рассматривать исключительно в рамках номинации — его функции простираются в область поэтической прагматики, интерпретации и рецепции.

К числу ключевых лексем относятся: poète, poésie, mot, chant, vers, rime, langage, inspiration, lyrisme, forme. Они располагаются в структурно значимых позициях текста — в заголовках, интонационно или графически изолированных строках, концовках — и сигнализируют об установке на саморефлексию. Так, лексема mot (слово) у Аполлинера часто выходит за пределы своей базовой семантики, становясь маркером поэтического начала как такового. Она приобретает статус не только языкового элемента, но и субстанции, с которой связана сакрализованная функция поэта как творца. В переводе таких единиц на русский язык требуется учёт не только денотативного, но и

ассоциативного и прагматического аспектов. Например, *poète* может переводиться как «певец» или «глашатай», если контекст подчеркивает символическую или медиативную функцию субъекта речи. Лексема *chant* может быть передана как «песня», «гимн» или «голос», в зависимости от ритмоинтонационной структуры стиха. Такие случаи требуют от переводчика чуткого восприятия поэтической семантики и включённости в художественную систему текста-оригинала. Лексическая эквивалентность в этих случаях оказывается вторичной по отношению к функции — приоритет отдается прагматической адекватности.

Поэтическая лексика и концепт искусства.

Поэзия в текстах Аполлинера не только объект высказывания, но и самостоятельное дискурсивное пространство. Автор конструирует поэзию как феномен современной реальности: он говорит о ней как о «поэзии сегодняшнего дня» (*la poésie d'aujourd'hui*) [4]. Для обозначения этого явления он использует широкий спектр номинаций: *lyrisme* (лиризм), *l'expression lyrique* (лирическое выражение), *le domaine littéraire* (литературная область), *les expériences littéraires* (литературные эксперименты), *un domaine de l'esprit nouveau* (область нового сознания), *le vers libre* (свободный стих), *une activité poétique toute nouvelle* (совершенно новая поэтическая деятельность), *un lyrisme visuel* (визуальный лиризм), *les énormes espaces imaginatifs* (огромные пространства воображения) и др. Эти номинации репрезентируют как содержательный, так и формальный аспекты поэтического акта, подчеркивая его открытость эксперименту и включённость в современное культурное сознание.

В поэтической метарефлексии Гийома Аполлинера искусство предстает не как отвлечённое или декоративное явление, а как активный и сущностный элемент человеческого существования. Оно пронизывает повседневность, оказывает формирующее воздействие на личность субъекта и задаёт вектор его экзистенциального движения, раскрывая глубинные связи между индивидуальным восприятием и окружающей реальностью. В дискурсе Аполлинера искусство маркируется не одной доминантной лексемой (*art*), а реализуется через разветвлённую синонимическую и ассоциативную парадигму, включающую как конкретные, так и абстрактные номинации.

Лексемы *des objets authentiques* (подлинные объекты), *la nouveauté* (новизна), *la vérité* (истина), *la réalité* (реальность) вводят в дискурс категориальный ряд, указывающий на ценностную природу художественного объекта. Через эти слова Аполлинер подчеркивает органичную связь искусства с истиной и достоверностью, что разрушает дихотомию «искусство — вымысел» и утверждает искусство как форму бытийного постижения. Иные лексические единицы — *l'expression plastique* (пластическое выражение), *l'expression lyrique* (лирическое выражение), *la nature, mouvement de la nature* (движение природы), *synthèses* (синтезы) — формируют семантическое поле, в котором акцент смещается на динамику, экспрессию и природную обусловленность искусства. Эти номинации лексически конструируют метафору искусства как живой материи, неотделимой от природы и включённой в универсальные ритмы жизни.

Эвристический потенциал метапоэтики.

Особую группу составляют абстрактные и экспрессивно окрашенные лексемы: *l'inconnu* (неизвестное), *la surprise* (изумление), *l'inattendu* (неожиданное), *le nouveau* (новое), *l'esprit nouveau* (новое сознание), *les explorations* (исследования), *les recherches* (поиски) [4]. Эти единицы репрезентируют эпистемологический и эвристический потенциал искусства, подчеркивая его направленность на открытие, на выход за

пределы известного и заданного. Их синергия создает образ искусства как пространства прорыва, риска и когнитивного эксперимента.

Наконец, синтагма *cette nature intérieure aux merveilles insoupçonnées, impénétrables, impitoyables et joyeuses* (эта внутренняя природа неожиданных, неуловимых, беспощадных и радостных чудес) [4] служит примером сложной семантической конструкции, где художественное и экзистенциальное переживание объединяются в одну образную модель. Здесь искусство мыслится не просто как форма внешнего выражения, но как глубинная, внутренняя, почти онтологическая структура. Так, лексическое наполнение концепта *art* у Аполлинера демонстрирует сложную семантическую сеть, в которой сочетаются чувственное, рациональное и трансцендентное измерения. В лингвистическом плане это указывает на высокую степень дискурсивной вариативности, что делает перевод подобных фрагментов особенно чувствительным к контексту, регистру и культурной коннотации исходного языка.

Особенности перевода метапоэтических лексем (на примере «Le Pont Mirabeau»).

Перевод ключевых метапоэтических лексем в поэзии Гийома Аполлинера представляет значительный интерес с точки зрения лингвистики перевода, особенно в аспекте поэтической семантики и прагматики. Стихотворение *Le Pont Mirabeau* является репрезентативным примером использования метапоэтических элементов, реализуемых через лексику, грамматику и композицию текста. Анализ перевода Ирины Кузнецовой позволяет выделить конкретные преобразования при передаче таких элементов на русский язык.

Одной из центральных лексем с метапоэтической функцией в оригинале является глагол *demeurer* в строке *Les jours s'en vont je demeure*. Он формирует бинарную оппозицию с глаголом *s'en vont*, обозначая контраст между убыванием времени и оставанием субъекта. В переводе эта пара передана как «дни мчатся прочь — я остаюсь». Следует отметить, что «мчатся» усиливает динамику, отсутствующую в французском *s'en vont*, где акцент сделан на монотонное, необратимое течение. В результате нарушается исходный баланс между нейтральностью времени и статичностью лирического «я». Это является примером семантической интенсификации при передаче глагольной пары, влияющей на интерпретацию авторской позиции в отношении времени и бытия.

Выражение *faut-il qu'il m'en souvienne* представляет интерес в связи с модальностью и субъективной оценкой. Конструкция с *faut-il que* выражает неуверенность и сомнение, тогда как перевод «но помню я смиленно» реализует утвердительное, нейтрально-эмоциональное суждение. Семантика необходимости и условности устранена, что приводит к модально-прагматической редукции. Таким образом, наблюдается снижение рефлексивной функции оригинальной конструкции.

Метонимическая конструкция *Le pont de nos bras* выполняет функцию пространственной и телесной метафоры единства. В переводе «мост наших рук простерся над рекою» сохраняется номинативная структура, однако следующая строка — *Des éternels regards l'onde si lasse* — передана как «от глаз людских не знающей покоя». Это приводит к трансформации субъектной структуры: вместо индивидуализированного «вечного взгляда» появляется обобщённый образ массового наблюдения. Здесь осуществляется прагматическая транспозиция, при которой интимное взаимодействие заменяется на коллективно-обобщённое восприятие.

Конструкция *L'amour s'en va comme cette eau courante* демонстрирует формирование

анalogии между уходящей любовью и текучестью воды. Перевод «любовь уходит как вода разлива» модифицирует образ: лексема «разлив» маркирует неконтролируемость и стихийность, в то время как *eau courante* предполагает направленное течение. Возникает семантический сдвиг от концепта постепенного исчезновения к образу хаотичного расплывания. Это — пример концептуальной дивергенции в рамках переводческой метафорики.

Рефрен *Vienne la nuit sonne l'heure* в оригинале представляет собой констатирующее высказывание. Перевод «пусть бьют часы, приходит ночь» вводит элемент волеизъявления через частицу «пусть», отсутствующую в оригинале. Это смещает речевой акт из плана утверждения в модальность пожелания, что изменяет прагматический статус рефrena.

Таким образом, при анализе перевода стихотворения *Le Pont Mirabeau* выявляется ряд систематических трансформаций, затрагивающих ключевые метапоэтические лексемы: глаголы движения и состояния, модальные конструкции, пространственные метафоры и символические образы. Наиболее значимыми типами трансформаций являются: семантическая интенсификация (например, «мчатся» вместо *s'en vont*), модально-прагматическая редукция (ликвидация сомнения в *faut-il qu'il m'en souvienne*), прагматическая транспозиция (смена субъектной перспективы).

Перевод Кузнецовой характеризуется ориентацией на экспрессивность и поэтическую ясность.

Переводческие стратегии и метапоэтический регистр в стихотворении *Le Pont Mirabeau*.

Стихотворение *Le Pont Mirabeau* представляет собой не только образец модернистской лирики, но и метарефлексивный текст. В анализе переводов Ирины Кузнецовой выше были рассмотрены отдельные лексемы и конструкции, однако сопоставление полных поэтических переводов позволяет выявить контрастные подходы к передаче метапоэтических и прагматических смыслов. Ниже представлены два перевода стихотворения: Н. Стрижевской и М. Яснова.

В строке *Les jours s'en vont je demeure* у Стрижевской используется передача «Я стою — дни уходят прочь», где наблюдается функционально оправданная перестановка. Лексема *je demeure* не буквально переводится как «я остаюсь», а получает экспрессивное выражение в форме «я стою», что усиливает визуальный образ фигуры, застывшей во времени. При этом сохраняется контраст между движущимся временем и фиксированным субъектом речи, то есть метапоэтическая оппозиция лирического «я» и времени сохранена, хотя реализована не в прямом значении. Такая передача поддерживает авторскую интонацию и ритм, не нарушая поэтической установки.

Напротив, строка *La joie venait toujours après la peine* у Яснова передаётся как «Уступавшая радостям так смиренно». Здесь стремление к поэтической плавности приводит к утрате высказывательной структуры, в которой *la joie venait* в оригинале функционирует как наблюдение — почти философская формула. В результате исчезает метапоэтический элемент авторской позиции, характерный для поэтического дискурса Аполлинара.

Особенно показательно функционирование строки *Faut-il qu'il m'en souvienne*, которая в переводе Стрижевской получает форму «Лишь одно неизменно», а у Яснова — «Что же грусть неизменна». В обоих случаях теряется модально-прагматическая сложность

оригинала. Структура *faut-il que* выражает сомнение, неуверенность, внутреннее напряжение, что делает строку рефлексивной и концептуальной. Переводы сглаживают рефлексию, заменяя её на утверждение, и тем самым утрачивают ключевую функцию строки — выразить сомнение в устойчивости чувств и неизбежности воспоминаний.

Таким образом, сопоставление поэтических переводов позволяет выявить не только конкретные лексические и синтаксические решения, но и различия в стратегиях: от буквальной передачи к функциональной адаптации, от утраты прагматики до сохранения авторской рефлексии. Наиболее точные решения — это те, которые воспроизводят не только семантическое наполнение, но и интонационную, модальную и риторическую структуру оригинала, отражающую метапоэтический замысел.

Заключение.

В поэтическом дискурсе Гийома Аполлинера метапоэтика выступает как структурообразующий компонент, определяющий как лексический выбор, так и композиционные и интонационные особенности текста. Рефлексивная направленность его поэтического высказывания проявляется в акценте на самом процессе творчества, на поэте как субъекте речи и на языке как материале поэзии. Выделенные ключевые лексемы — *poète, mot, vers, lyrisme, forme, langage* и др. — организуют особое когнитивно-прагматическое пространство, в котором реализуется поэтическое самосознание автора.

Перевод этих единиц на русский язык сопряжён с рядом трудностей, связанных с необходимостью сохранить не только денотативную, но и прагматическую, интонационную и модально-ценностную структуру оригинала. Как показывает анализ стихотворения *Le Pont Mirabeau*, в различных переводах на русский язык наблюдаются разнотипные трансформации, среди которых — семантическая интенсификация, модально-прагматическая редукция, утрата рефлексивной функции и прагматическая транспозиция. Сравнение переводов позволяет увидеть, что даже при сохранении формальной точности возможны значительные потери в передаче метапоэтического регистра, авторской интонации и концептуального уровня поэтического текста.

Результаты настоящего исследования подтверждают необходимость комплексного подхода к переводу поэзии, в особенности метапоэтических текстов. Такой подход требует учёта не только лексико-семантического наполнения, но и поэтической прагматики, авторской позиции, культурной и риторической специфики оригинала. Перевод метапоэтических лексем — это не просто процесс лексической замены, а акт интерпретации художественного высказывания, в котором каждый элемент текста работает на выражение творческой концепции. Таким образом, перевод поэзии Гийома Аполлинера должен рассматриваться как поэтика во вторую степень — отражающая и воспроизводящая внутреннюю рефлексию оригинального текста.

Библиография

1. Аполлинер Г. Алкоголи. - СПб.: Терция; Кристалл, 1999. - (Библиотека мировой литературы. Малая серия).
2. Мешонник А. Поэтика: теоремы перевода // Философско-литературный журнал "Логос". - 2011. - С. 72-88.
3. Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: в 4 т. Т. 2: Конец XIX - начало XX века. Реализм. Символизм. Акмеизм. Модернизм / под ред. К. Э. Штайн. - Ставрополь: СГПИ, 2005. - 884 с.
4. Чвалун Р. В. Каллиграфма Г. Аполлинера "La cravate et la montre": графика,

- семантика, метасообщение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 4 (22), ч. 1. - С. 217-220. EDN: PVXYLZ
5. Чвалун Р. В. Роль экстралингвистических элементов в поэтическом тексте каллиграмм // Научно-методический электронный журнал "Инновации в науке". - 2012. - С. 1-5.
6. Чвалун Р. В., Кизилова Н. И. Средства реализации категории театральности в семиотически гетерогенном тексте каллиграмм (на материале каллиграмм Г. Аполлинара) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2024. - Т. 17, № 9. DOI: 10.30853/phil20240463 EDN: QJCDMQ
7. Черникова Е. Д. Процесс описания деятельности переводчика в метапоэтике перевода И. А. Кашкина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. - 2014. - С. 226-231.
8. Birds, Beasts and a World Made New: Selected Poetry of Guillaume Apollinaire and Velimir Khlebnikov / ред. R. Chandler. - New York: Faber Factory, 2024. - 272 с.
9. Scott C. A. Translating Apollinaire. - Exeter: University of Exeter Press, 2014. - 304 р.
10. Mercure de France, L'esprit nouveau et les poètes. Guillaume Apollinaire. № 491. Paris, 1918.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Ключевые лексемы метапоэтического дискурса Г. Аполлинара и особенности их перевода на русский язык».

Предмет исследования – особенности перевода ключевых лексем метапоэтического дискурса Гийома Аполлинара.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, интерпретации, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена важностью проблемы перевода лексики в художественной литературе, а также необходимостью исследования метапоэтического дискурса для более глубокого понимания художественного творчества, роли языка в нём и роли автора в процессе создания произведений.

Научная новизна заключается в том, что исследование представляет собой попытку анализа метапоэтического дискурса Гийома Аполлинара, а также в выявлении особенностей перевода ключевых лексем его дискурса на русский язык.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы); основная часть (выделены ключевые лексемы метапоэтического дискурса Гийома Аполлинара; выполнен анализ метапоэтической лексики в теоретических высказываниях Гийома Аполлинара и её переводческих трансформаций в стихотворениях; теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 4 источника).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием особенностей перевода художественного текста. Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы на занятиях по теории и практике перевода, а также в спецкурсах переводоведения.

Рекомендации автору:

1. Объем статьи не соответствует требованиям редакции. В статье не сформулированы

цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования.

2. Для лучшего восприятия статьи было уместно ввести подзаголовки. В начале статьи следует уточнить, на каком материале базируется исследование, указать источники эмпирического материала. Необходимо расширить заключение, сделав аргументированные выводы и выделив научную новизну исследования.

3. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным. Кроме того, необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.

4. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретических измышлений автора статьи (например, продемонстрировать различные переводческие решения при переводе метапоэтического дискурса Гийома Аполлинера на русский язык).

5. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует существенного доработка, в представленном виде работа не может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Ключевые лексемы метапоэтического дискурса Г. Аполлинера и особенности их перевода на русский язык" представляет собой исследование в области переводоведения и литературоведения.

Представленное исследование вносит вклад в изучение творчества Г. Аполлинера, а именно метадискурса. Целью данного исследования является выявление особенностей функционирования и перевода ключевых лексем метапоэтического дискурса Г. Аполлинера на русский язык.

Объектом исследования выступает поэтический дискурс Гийома Аполлинера.

Предметом исследования являются ключевые лексемы метапоэтического характера и особенности их перевода на русский язык.

Научная новизна работы заключается в комплексном лингвистическом анализе поэтической лексики, презентирующей метапоэтические стратегии автора, а также в выявлении типологии трансформаций, возникающих при переводе этих единиц на русский язык, на материале конкретных текстов.

Автор использует теоретико-эмпирический подход, используя методы лингвостилистического анализа, сопоставительного перевода, семантического и сравнительного анализа, а также элементы дискурсивного анализа.

Материалом исследования послужили поэтические произведения Гийома Аполлинера из сборника *Alcools*.

Статья состоит из введения, теоретической части, практической части, заключения и библиографии.

В теоретической части автор приводит обзор литературы по теме исследования, а также выделяет ключевые лексемы мета поэтического дискурса в творчестве автора, такие как *poète, poésie, mot, chant, vers, rime, langage, inspiration, lyrisme, forme*.

Автор также уделяет внимание искусствоведческому и эвристическому потенциалу исследуемой лексики.

В практической части автор рассматривает переводческие стратегии передачи метапоэтической поэтики Г. Аполлинера на русский язык.

В заключении автор приходит к выводу, что "в поэтическом дискурсе Гийома Аполлинера метапоэтика выступает как структурообразующий компонент, определяющий как лексический выбор, так и композиционные и интонационные особенности текста. Рефлексивная направленность его поэтического высказывания проявляется в акценте на самом процессе творчества, на поэте как субъекте речи и на языке как материале поэзии. Выделенные ключевые лексемы — *poète, mot, vers, lyrisme, forme, langage* и др. — организуют особое когнитивно-прагматическое пространство, в котором реализуется поэтическое самосознание автора.

Перевод этих единиц на русский язык сопряжён с рядом трудностей, связанных с необходимостью сохранить не только денотативную, но и прагматическую, интонационную и модально-ценностную структуру оригинала. Как показывает анализ стихотворения *Le Pont Mirabeau*, в различных переводах на русский язык наблюдаются разнотипные трансформации, среди которых — семантическая интенсификация, модально-прагматическая редукция, утрата рефлексивной функции и прагматическая транспозиция. Сравнение переводов позволяет увидеть, что даже при сохранении формальной точности возможны значительные потери в передаче метапоэтического регистра, авторской интонации и концептуального уровня поэтического текста"

Стиль статьи соответствует требованиям, предъявляемым к написанию научных статей и не содержит существенных недостатков.

В целом статья характеризуется чёткостью и последовательностью изложения, а также сбалансированностью составляющих её частей.

Библиография содержит необходимое количество актуальных отечественных и зарубежных источников.

Таким образом, статья "Ключевые лексемы метапоэтического дискурса Г. Аполлинера и особенности их перевода на русский язык" соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям в области переводоведения, и может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дин П. Особенности образования префиксально-суффиксальных негатонимов // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75052 EDN: ESTQNE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75052

Особенности образования префиксально-суффиксальных негатонимов

Дин Пэй

аспирант; кафедра русского языка; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1

✉ DingPei121@163.com



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75052

EDN:

ESTQNE

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2025

Дата публикации:

07-07-2025

Аннотация: Объектом настоящего исследования являются негатонимы – особый тип негативных псевдонимов, встречающихся в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова. В работе рассматриваются 67 негатонимов, которые образованы префиксально-суффиксальным способом, с использованием приставок без-/бес-, за- и суффикса -н-. Особое внимание уделяется разграничению однословных и неоднословных негатонимов, при этом преобладают последние. Предмет исследования составляют особенности образования негатонимов. Исследуются используемые способы и средства образования (включая производящие базы и дериваторы), типы мотивации, основанные на типичных лексических значениях этих баз, а также словообразовательные модели – как продуктивные, так и непродуктивные. Кроме того, анализируются мотивы выбора конкретных форм и устанавливается связь негатонимов с профессиональной, социальной и биографической

характеристикой авторов. Отдельно рассматриваются случаи языковой игры, включая оксюмороны, метафоры и транслитерации, что подчеркивает творческий характер именования. Материал анализируется с использованием описательного метода: производится выделение единиц описания, определение их свойств и характеристик, а также обобщение и интерпретация установленных фактов. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе 67 префиксально-суффиксальных негатонимов, зафиксированных в словаре И. Ф. Масанова. Установлено, что неоднословные негатонимы не только преобладают количественно, но и обеспечивают более развернутую характеристику автора – указывают на профессию, социальную роль или биографическую особенность. Как однословные, так и неоднословные формы образуются преимущественно по модели с приставкой без-/бес- и суффиксом -н-. Важную роль играет языковая игра (метафора, транслитерация, оксюморон), подчеркивающая творческий подход к именованию. Полученные результаты вносят вклад в развитие ономастики и расширяют представление о механизмах отрицательной самоидентификации в русской культуре, а также служат надежной основой для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова:

ономастика, антропонимы, псевдонимы, негатонимы, словарь И. Масанова, префиксально-суффиксальное словообразование, производящие базы, семантическая мотивированность, языковая игра, отрицание

Введение

Одной из актуальных проблем современного языкознания является изучение псевдонимов (как указывает Н. В. Подольская, псевдоним представляет собой «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [\[1, с. 113\]](#)). В ряде исследований последних десятилетий рассматриваются псевдонимы (см. [\[2\]](#), [\[3\]](#), [\[4\]](#), [\[5\]](#), [\[6\]](#), [\[7\]](#), [\[8\]](#), [\[9\]](#), [\[10\]](#), [\[11\]](#)), однако в научной литературе до сих пор остаются неизученными многие аспекты данной темы. Особый интерес представляют так называемые негатонимы (см. [\[12\]](#), [\[13\]](#), [\[14\]](#), [\[15\]](#)) – разновидность псевдонимов, которая, согласно определению В. Г. Дмитриева, представляет собой «подпись, отрицающую принадлежность автора к той или иной профессии, партии и так далее или противополагающую его тому или иному писателю» [\[16, с. 313\]](#). Анализ негатонимов позволяет выявить значимые социокультурные и лингвистические закономерности, свидетельствующие о неразрывной связи языка, авторского мировоззрения, общества и государства. Настоящее исследование посвящено описанию приставочно-суффиксального способа образования негатонимов на материале «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова. Издание включает около 80 тысяч псевдонимов XVIII – первой половины XX века и содержит 253 негатонима, образованных различными способами, в том числе с помощью приставочно-суффиксального способа (67 случаев).

По своей структуре негатонимы могут быть разделены на однословные и неоднословные. Однословные негатонимы – это псевдонимы, состоящие из одного слова с выраженной отрицательной семантикой (*Бездомный*, *Безпристрастный* и др.). Неоднословные негатонимы включают два и более компонентов, один из которых несет отрицание (*Безрукий инвалид*, *Заштатный поэт* и др.).

Основная часть

Анализ негатонимов позволил выявить основные способы их образования, типы деривационных моделей, а также мотивационные механизмы. Особое значение при этом имело определение типовых лексических значений производящих баз (ПБ), поскольку именно они задают семантическую оппозицию: автор псевдонима отрицает признак, выраженный ПБ. Результаты обобщены в виде описания словообразовательных пар с указанием: 1) типа деривата (однословный / неоднословный); 2) словообразовательной модели; 3) частеречной принадлежности ПБ); 4) типа негатонима по его значению. После каждого негатонима в скобках приводится имя автора и дается ссылка на источник («Словарь» И. Ф. Масанова). Также в рамках настоящего исследования комментируются негатонимы, происхождение которых представляется наиболее интересным и при этом имеет фактологическое основание.

1. Однословные негатонимы

I Словообразовательная модель с приставкой бес-/без- и суффиксом -н-

А. ПБ: нарицательное существительное

(1) Наличие жилья

Дом > Бездомный (= Ник. Ив. Пастухов) [\[17, с. 150\]](#);

Земля > Безземельный (= Ал. Устинов) [\[17, с. 150\]](#).

Данные негатонимы указывают на отсутствие у субъекта жилья или земельного надела.

(2) Принадлежность политической организации

Партия > Безпартийный (= Ал-др Ал-др. Пороховщиков) [\[17, с. 150\]](#).

Данный негатоним подчеркивает дистанцирование от любых партийных структур и может свидетельствовать о сознательном уклонении от политической активности.

(3) Отношение к судьбе

Доля > Бездольный (= Берсенев, Бор. Григ. Имас) [\[17, с. 150\]](#).

Негатоним указывает на то, что автор оценивает свою судьбу как несчастную.

(4) Черты характера человека

Покой > Безпокойный (= Мих. Ив. Рассудов) [\[17, с. 150\]](#);

Пощада > Беспощадный (= Пав. Григ. Иванов) [\[17, с. 158\]](#).

Пристрастие > Безпристрастный (= Евг. Ив. Богославский, Влас. Мих. Дорошевич) [\[17, с. 150, 151\]](#);

Страх > Безстрашный (= Ал-др. Вас. Смирнов) [\[17, с. 151\]](#);

Ум > Безумный (= Илья Вас. Селиванов) [\[17, с. 151\]](#).

Примечательно, что к данной группе относятся негатонимы, ПБ которых выражают значения разного типа (эмоциональное состояние: покой, страх; отношение к объекту,

проявляющее определенное моральное качество субъекта: *пощада, пристрастие; интеллектуальные способности: ум*).

Безпристрастный. Выбор В. М. Дорошевичем данного негатонима связан с редакционной позицией газеты «Русское Слово», которую он подробно раскрывает в своих статьях. Автор подчеркивает, что издание не служит интересам какой-либо партии и стремится к объективности, справедливости и практичности: «...“Русское слово” никогда не хотело быть ничьим слугой. Оно не разделяет целиком программы ни одной партии... Это – газета здравого русского смысла. Справедливого и практичного... Газета должна сообщать факты и давать обсуждение фактов. Но на первом плане стоят: Факты» [\[18\]](#). Таким образом, на наш взгляд, выбор негатонима *Безпристрастный* отражает стремление автора подчеркнуть независимость и беспристрастность газеты.

Безумный. Выбор негатонима *Безумный* отсылает к названию произведения «Повести безумного», написанного скрывающимся за псевдонимом И. В. Селивановым [\[17, с. 151\]](#).

(5) Наличие работы

Работа > Безработный (= Дм. Зах. Мануильский) [\[17, с. 151\]](#).

(6) Происхождение

Род > Безродный (= Ник. Адриан. Попов, Вас. Вас. Розанов) [\[17, с. 151\]](#).

Безродный. В. В. Розанов использовал негатоним *Безродный* в связи с тяжелым жизненным опытом: в возрасте четырех лет он потерял отца, а в четырнадцать – мать. Детство прошло в бедности, в Костроме, куда переехала многодетная семья. После смерти родителей Василия воспитывал старший брат Николай [см. 19]. Данный негатоним отражает чувство сиротства и утраты родовых корней.

(7) Онтологические признаки

Смерть > Безсмертный (= Ник. Петр. Кичеев) [\[17, с. 151\]](#).

(8) Наличие части тела человека

Пятка > Безпятый (= Фил. Степ. Шкулев) [\[17, с. 151\]](#);

Рука > Безрукий (= Фил. Степ. Шкулев) [\[17, с. 151\]](#).

Безпятый. Данный негатоним символизирует неполноценность или ущербность, связанную с утратой части тела. Также у автора имеются другие негатонимы, такие как *Безрукий* и *Безрукий*, Ф. [\[20, с. 529\]](#), образованные по той же модели.

Безрукий. Ф. С. Шкулев использовал негатоним *Безрукий* (или *Безрукий*, Ф.), отсылая к собственной биографии: в детстве он из-за бедности вынужден был оставить учебу и поступить на текстильную фабрику, где потерял правую руку и стал инвалидом [см. 21, с. 736].

(9) Наличие голоса

Глас > Безгласный (= Влад. Фед. Одоевский, Пав. Лукьян. Яковлев) [\[17, с. 150\]](#).

Слово *безгласный* не только означает «лишенный» вовсе способности говорить,

бессловесный, немой» [22, с. 60], но и может выражать значение «не могущий оглашать своего мнения, по обстоятельствам или по недостатку воли, самостоятельности; человек без веса и влияния» [22, с. 60]. Таким образом, использование этого негатонима выходит за рамки буквального значения «немой» и подчеркивает социальную или политическую бесправность человека.

II Словообразовательная модель с приставкой *за-* и суффиксом *-н-*

А. ПБ: нарицательное существительное

(1) Положение в структуре

Штат > Заштатный (= Влад. Мих. Каченовский) [17, с. 391].

Слово *заштатный* трактуется как «неположенный росписью, кто, что сверх положения» [22, с. 689] и буквально означает «находящийся за штатом». Данный негатоним подчеркивает дистанцированность автора от определенной социальной группы – людей, находящихся «в штате».

2. Неоднословные негатонимы

Общим признаком неоднословных негатонимов является то, что одна из их частей подвергается негации, при этом в ряде случаев эти «отрицаемые» части совпадают с однословными негатонимами, рассмотренными выше.

I Словообразовательная модель с приставкой *бес-/без-* и суффиксом *-н-*

А. ПБ: нарицательное существительное

(1) Наличие жилья

Дом > Бездомный, Борис (= Бор. Льв. Карелин) [17, с. 150];

Дом > Бездомный, Е. (= Евсей Ив. Уланов) [17, с. 150];

Дом > Бездомный, Евстигней (= Евсей Ив. Уланов) [17, с. 150];

Дом > Бездомный, Степан (= Мих. Дм. Покидов) [17, с. 150];

Дом > Бездомный скиталец Еремей Байгуш (= Ал-др Тим. Рончевский) [17, с. 150];

Земля > Устинов–Безземельный (= Ал. Ал. Устинов) [23, с. 186];

Приют > Безприютный Странник (= Фил. Диом. Нефедов) [17, с. 151].

Бездомный скиталец Еремей Байгуш. Негатоним «сообщает» не только об отсутствии жилья, но и о социальной изоляции, неприкосновенности автора, о чем свидетельствует включение в негатоним слова *скиталец*.

(2) Принадлежность политической организации

Партия > Беспартийный пассажир Савелий Октябрев (= Бор. Григ. Самсонов) [17, с. 158];

Партия > Беспартийный Савелий Октябрев (= Бор. Григ. Самсонов) [17, с. 158].

Автор использовал данные негатонимы в 1930-х гг. [17, с. 158]. По этой причине можно предположить, что фамилия-псевдоним Октябрев отсылает к Октябрьской революции, а использование определения беспартийный создает оксюморон, противопоставляя отказ от партийной принадлежности революционному звучанию фамилии.

(3) Черты характера человека

Печаль > *Безпечальный, Иван* (= Фил. Диомид. Нефедов) [17, с. 150];

Покой > *Беспокойный, Степан* (= С. С. Шилов) [20, с. 8];

Путь > *Безпутный гений* (= Пав. Евг. Симонов) [17, с. 151];

Шабаш > *Безшабашный корреспондент* (= Влас. Мих. Дорошевич) [17, с. 151];

Шабаш > *Безшабашный корреспондент «Будильника»* (= Влас. Мих. Дорошевич) [17, с. 151];

Шабаш > *Безшабашный корреспондент «Будильника» Wlas* (= Влас. Мих. Дорошевич) [17, с. 151];

Шабаш > *Безшабашный корреспондент Wlas* (= Влас. Мих. Дорошевич) [17, с. 151];

Шабаш > *Безшабашный скоропадент Wlas* (= Влас. Мих. Дорошевич) [17, с. 151].

Как и в случае с однословными негатонимами, к этой группе относятся псевдонимы, ПБ которых выражают значения разного типа (эмоциональное состояние: печаль, покой, шабаш; нравственный ориентир: путь).

Безпечальный, Иван. Данный негатоним подчеркивает стойкость автора к жизненным трудностям и его способность сохранять внутренний мир.

Безпутный гений. Данный негатоним использует прием оксюморона, объединяя противоположные по смыслу слова безпутный («легкомысленный, неосновательный, беспорядочный» [24, с. 131]) и гений (<1. Высшая творческая способность в научной или художественной деятельности. 2. Человек, обладающий подобной способностью» [24, с. 551]). Этот контраст создает яркий риторический эффект, подчеркивая двойственное самоощущение автора: с одной стороны, осознание собственного таланта, с другой – ироничное признание внутреннего беспорядка и отстраненности от социальных норм. Таким образом, негатоним представляет собой ироничное переосмысление стереотипов о «гении» и является результатом языковой игры, через которую автор отражает свою индивидуальность и дистанцируется от традиционных социальных моделей.

Безшабашный корреспондент, Безшабашный корреспондент «Будильника», Безшабашный корреспондент «Будильника» Wlas, Безшабашный корреспондент Wlas и Безшабашный скоропадент Wlas. В. М. Дорошевич, профессиональный журналист, часто использовал негатонимы, отражающие его принадлежность к профессии и конкретным изданиям, таким как журнал «Будильник», с которым он сотрудничал [см. 17, с. 151]. Одной из составляющих этих негатонимов является слово *безшабашный*, которое трактуется как «не знающий шабаша, праздника, отдыха; беспокойный, вздорный, сварливый, буйный, всем надоедающий, не дающий отдыха и покоя» [22, с. 80]. Такое значение позволяет рассматривать данные негатонимы как ироничное отражение образа деятельного,

неугомонного журналиста.

(4) Наличие надежды

Просвет > Безпросветный, Сергей (= Серг. Руденко) [\[17, с. 151\]](#).

(5) Наличие работы

Работа > Безработная, Пелагея (= Влад. Ник. Вентцель) [\[17, с. 151\]](#);

Работа > Безработный, И (= Дм. Зах. Мануильский) [\[17, с. 151\]](#);

Работа > Безработный, Иван (= Дм. Зах. Мануильский) [\[17, с. 151\]](#).

(6) Происхождение

Род > Безродная, Ю. (= Юлия Ив. Яковлева) [\[17, с. 151\]](#);

Род > Безродная, Юлия (= Юлия Ив. Яковлева) [\[17, с. 151\]](#);

Род > Безродный, А. (= Ал-сей Вас. Гертопан) [\[17, с. 151\]](#);

Род > Безродный, А. В. (= Н. В. Шаломытов) [\[17, с. 151\]](#);

Род > Безродный, Антон (= Сав. Григ. Утков) [\[17, с. 151\]](#).

Безродная, Юлия, и Безродная, Ю. Данные негатонимы связаны с биографией Ю. И. Яковлевой, которая рано осиротела и была отдана в пансион графини Е. В. Левашовой для девочек из бедных дворянских семей [см. 25, с. 584].

(7) Наличие узнаваемости

Весть > Безвестный, Александр (= Ал-др З. Эттинген) [\[17, с. 150\]](#);

Весть > Безвестный, П. (= Ал-др Вас. Дружинин) [\[17, с. 150\]](#);

Весть > Рабочий Александр Безвестный (= Ал-др З. Эттинген) [\[23, с. 24\]](#);

Имя > Безыменный, С. (= Ал-др Вас. Дружинин) [\[17, с. 151\]](#);

Имя > Безымянный, А. (= Ал-др Ильич Безыменский) [\[17, с. 151\]](#).

Безвестный, Александр, Безвестный, П. Данные негатонимы отражают суть самого понятия негатонима, так как это слово по своей форме отрицает известность. Они лишают носителя тех качеств, которые традиционно сопровождают публичные фигуры, определяя его положение как анонимное, где имя не несет значимой идентичности.

Рабочий Александр Безвестный. Данный негатоним создает образ человека, который ассоциируется не с личной известностью, а с тяжелым трудом. В сочетании с определением *безвестный* существительное *рабочий* создает образ человека, который является типичным представителем своего социального класса, ничем не отличающимся от других.

Безыменный, С. и Безымянный, А. Данные негатонимы отражают суть понятия «негатоним», отрицая наличие имени у авторов. Во втором случае негатоним

Безымянный, А. строится на основе тонкой языковой игры, поскольку настоящей фамилией автора, скрывающегося за псевдонимом, является оним *Безыменский*, которое представляет собой синоним слова *безымянный*.

(8) Наличие преимущества

Козырь > *Безкозырный, Евстафий* (= Е. Горский) [\[17, с. 150\]](#).

Слово «безкозырный» означает «не имеющий козыря» [\[22, с. 64\]](#). В данном контексте *безкозырный* используется как отрицательная характеристика личности или социального положения, подчеркивая отсутствие у автора статуса, капитала или некоего «козыря», то есть преимущества.

(9) Наличие возможности ответить

Ответ > *Безответный редактор А. Иванович* (= Ал-др Ив. Гомолицкий) [\[17, с. 150\]](#);

Ответ > *Безответный редактор Майор Бомба* (= Ив. Андр. Вашков) [\[17, с. 150\]](#);

Ответ > *Безответный редактор Отставной майор Тарах Бомба* (= Ив. Андр. Вашков) [\[17, с. 150\]](#).

Безответный редактор Майор Бомба, Безответный редактор Отставной майор Тарах Бомба. Данные негативные предикаты представляют ироничный образ редактора, лишенного права голоса (слово «безответный» означает «не дающий ответа, отзыва, вести. Молчаливый, немой исполнитель, ничему не противоречащий, не возражающий, безотказный, безотговорочный. Не могущий дать ответа, возражать, оправдываться, кругом виноватый, уличенный» [\[22, с. 69\]](#)), поданного с долей самоиронии как символ бессилия перед системой. Майор Бомба – гротескный, сатирический образ, создающий эффект абсурда и насмешки. В этом негативном сочетании сочетаются: маркер социальной несостоятельности (*безответный*), указание профессиональной принадлежности (*редактор*) и гиперболизированный, гротескный элемент (*Майор Бомба*), усиливающий сатирический эффект. Компонент *отставной майор* актуализирует стереотип фигуры, утратившей реальную власть, но сохраняющей символический статус, что соотносится с образом бюрократического типа. *Тарах Бомба*, включающий звукоподражание и лексему «бомба», формирует экспрессивный, но семантически обесцененный образ – «громкий, но пустой». Ироничный эффект усиливается за счет семантического конфликта между звучностью имени и полной безответственностью субъекта.

(10) Отношение к судьбе

Доля > *Бездольный, Андрей* (= Андр. Стюнин) [\[17, с. 150\]](#);

Доля > *Бездольный, Ив.* (= И. Э. Янкевич-Сапега) [\[17, с. 150\]](#);

Доля > *Бездольный, Иван* (= Игн. Ник. Потапенко) [\[17, с. 150\]](#);

Доля > *Бездольный, И. С.* (= И. С. Ходоровский) [\[17, с. 150\]](#);

Доля > *Бездольный, Никола* (= Ник. Лук. Пушкин) [\[17, с. 150\]](#);

Доля > *Бездольный, Сергей* (= Н. Д. Котельников) [\[17, с. 150\]](#).

(11) Наличие таланта

Талант > Безталанный, М. (= Мих. Ив. Орешников) [\[17, с. 151\]](#).

(12) Наличие скота

Копытное > Безкопытный Степан (= Петр Исаев. Вейнберг) [\[17, с. 150\]](#);

Лошадь > Безлошадный, Антон (= Ал-др Григ. Архангельский) [\[17, с. 150\]](#).

Безкопытный Степан. Слово *копытное* означает, что «1. Прил. к копыту. К. нож. Копытная мазь. Отряд копытных млекопитающих. 2. в знач. сущ. копытные, ых, ед. ое, ого, ср. Название отряда млекопитающих (зоол.)» [\[24, с. 1463\]](#). В данном контексте производящая база «копытное» интерпретируется не в зоологическом значении, а в связи с наличием копытного скота в хозяйстве. Соответственно, слово «безкопытный» указывает на человека, не имеющего скота.

(13) Наличие части тела человека

Рука > Безрукий инвалид (= Ив. Никит. Скобелев) [\[17, с. 151\]](#);

Рука > Безрукий, Ф. (= Фил. Степ. Шкулев) [\[17, с. 151\]](#).

Безрукий инвалид. И. Н. Скобелев использует негатоним, связанный со словом «инвалид», в произведении, посвященном военной тематике. Он печатался под псевдонимом «Русский инвалид» (или «Русский безрукий инвалид») [см. 26], что подчеркивает тематическую направленность текста и обусловленность выбора негатонима биографическими факторами.

(14) Наличие голоса

Глас > Безгласный, В. (= Влал Фед. Одоевский) [\[17, с. 150\]](#);

Глас > Гомозейка-Безгласный, Ириней Модестович (= Влад. Фед. Одоевский) [\[17, с. 297\]](#);

Глас > ъ. ъ. й. Безгласный (= Влад. Фед. Одоевский) [\[23, с. 261\]](#).

Слово *гомозейка* вызывает ассоциации с шумом, что обусловлено наличием корня «гом-», характерного для обозначения звука и многоголосого говора: в толковом словаре С. И. Ожегова отмечено, что «гомон» – это «громкий шум от множества голосов, звуков» [\[27, с. 294\]](#); как указывает М. Фасмер, «гом – шум, громкий смех, громкий разговор, диал. Сюда же гомоз, гомоза, беспокойный человек» [\[28, с. 435\]](#). Тем самым создается противопоставление внешнего шума – внутреннему молчанию, символизируемому словом *безгласный*. Это имя акцентирует утрату способности к речевой коммуникации, социальную изоляцию и сниженный уровень субъектной активности. Конфликт звучащего и беззвучного, внешнего и внутреннего выражен в оксюмороне, объединяющем противоположные смыслы в одном имени. Он усиливает экспрессию и подчеркивает внутреннюю раздвоенность субъекта, изолированного от социума.

ъ. ъ. й. Безгласный. Буквы «ъ» и «ъ» соотносятся с понятием *Безгласный*, поскольку они не обозначают какой-либо звук. Использование этих «беззвуковых» букв для обозначения «безгласного» создает языковой парадокс, подчеркивая остроумие автора.

II Словообразовательная модель с приставкой *за-* и суффиксом *-н-*

А. ПБ: нарицательное существительное

(1) Положение в структуре

Штат > Заштатный поэт (= Вас. Ал-др. Петров) [\[17, с. 391\]](#);

Штат > Заштатный юморист (= Григ. Евл. Благосветлов) [\[17, с. 391\]](#).

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Частотность однословных негатонимов значительно ниже, чем неоднословных (16 против 51), поскольку неоднословные образования чаще всего включают в себя как лексему с отрицательным значением (прилагательное или причастие), так и определяемое существительное, использование которого позволяет автору не только выразить отрицание, но и указать некоторую дополнительную характеристику (чаще всего обозначается профессия (*Безшабашный корреспондент*), социальная роль (*Безприютный Странник*) или принадлежность к определенной группе (*Беспартийный Савелий Октябрев*), а в некоторых случаях – индивидуализировать вымышленное имя посредством указания инициалов, отчества или транслитерированного варианта собственного имени, тем самым усиливая ассоциацию с реальной личностью (*Бездомный, Борис* (= Борис Львович Карелин); *Безответный редактор А. Иванович* (= Александр Иванович Гомолицкий); *Безшабашный корреспондент «Будильника» Wlas* (= Влас Михайлович Дорошевич)).
2. Семантика как однословных, так и неоднословных негатонимов сводится к отрицанию наличия того, что называют производящие нарицательные существительные, при этом используются схожие словообразовательные модели – прежде всего с приставкой *без-/бес-* и суффиксом *-н-* (в 15 однословных и 49 неоднословных).
3. Во многих случаях авторы прибегают к языковой игре: транслитерации (*Безшабашный корреспондент Wlas*), оксюморону (*Безпутный гений*), метафоре (*ъ. ъ. ѹ. Безгласный*). Мотивация выбора негатонима может быть связана с литературным псевдонимом автора (*Безумный* (= Илья Вас. Селиванов), его происхождением (*Безродная, Ю.* (= Юлия Ив. Яковлева)) или профессиональной деятельностью (*Безшабашный корреспондент «Будильника»* (= Влас Мих. Дорошевич)).

Библиография

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
2. Суперанская А. В., Суслова А. В. Современные русские фамилии. М.: Издательство Наука, 1981. 176 с.
3. Батюкова Н. В. Нормативное в социальной роли индивида // Живое слово в русской речи Прикамья. Прм.: Пермский государственный университет, 1992. 213 с.
4. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екб.: Уральский государственный педагогический университет, 1998. 232 с.
5. Мочалкина К. С. Псевдонимы в системе современной русской антропонимии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Вгг.: Волгоградский государственный педагогический университет, 2004. 184 с.
6. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.

7. Прокопьева О. В. Структура псевдонимов // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 278-280.
8. Калинкин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия филологические науки и культурология. 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 10-17.
9. Карпинец Т. А., Балакирева Е. А. «Всеобщее оборотничество»: Псевдонимы поэтов серебряного века // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе. Кем.: Издательство: Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф., 2021. С. 102-113.
10. Савельев В. С. Псевдонимы, включающие названия букв кириллицы: структура и способы образования. Статья 1 // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023а. № 2. С. 71-83.
11. Савельев В. С. Псевдонимы, включающие церковнославянские названия букв кириллицы: структура и способы образования (статья 2) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023б. № 3. С. 21-33.
12. Савельев В. С. Красов, Некрасов и Не-Некрасов // Карабихские научные чтения. После юбилея: Новые перспективы изучения Н. А. Некрасова и его эпохи. Яр.: Издательство: ООО «Академия 76». 2022. С. 168-172.
13. Савельев В.С., Дин П. Особенности образования негатонимов (на материале «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917 – 1945)» М. Шрубы) // Litera. 2025. № 1. С. 1-15. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.1.72884 EDN: VBCNYW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72884
14. Дин П. Особенности образования негатонимов с дефисным написанием приставки *не-* // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 523-526.
15. Савельев В. С., Дин П. Русские негатонимы: перспективы изучения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2025б. № 3. С. 69-81.
16. Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя. М.: Наука, 1980. 312 с.
17. Масанов И. Ф. Словарь негатонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. I. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1956. 440 с.
18. Дорошевич В. М. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/doroshevich_w_m/text_1916_russkoe_slovo.shtml (дата обращения: 05. 05. 2025)
19. Малышев В. Столетие. Пророчества Василия Розанова. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/kultura/prorochestva_vasilija_rozanova_402.htm?ysclid=lucl47b91i166751792 (дата обращения: 05. 05. 2025)
20. Масанов И. Ф. Словарь негатонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. IV. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1960. 557 с.
21. Шошин В. А. Русская литература XX века // Прозаики, поэты, драматурги. Биобиографический словарь. Т. III. Коллекция. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 736-738.
22. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. 723 с.
23. Масанов И. Ф. Словарь негатонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. III. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1958. 415 с.
24. Ушаков Д. И. Толковый словарь русского языка. Т. I. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. 1562 с.
25. Яковлева Ю. И. // Нива: журнал. 1910. № 33. С. 584-585.
26. Белинский В. Г. Бородинская годовщина. В. Жуковского... Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду. 1839. Lib.ru/Классика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_2230.shtml?ysclid=lvzgqkzuxf233678107

(дата обращения: 05. 05. 2025)

27. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению особенностей образования префиксально-суффиксальных негатонимов. Актуальность предмета исследования не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется тем, что «одной из актуальных проблем современного языкознания является изучение псевдонимов», «однако в научной литературе до сих пор остаются неизученными многие аспекты данной темы», «особый интерес представляют так называемые негатонимы». Отмечается, что «анализ негатонимов позволяет выявить значимые социокультурные и лингвистические закономерности, свидетельствующие о неразрывной связи языка, авторского мировоззрения, общества и государства».

Теоретической основой исследования выступили труды российских и зарубежных ученых, посвященные теоретическим аспектам ономастики; псевдонимам в системе современной русской антропонимии; русским негатонимам и др. Библиография статьи насчитывает 28 источников, в том числе лексикографические (Словарь негатонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей И. Ф. Масанов, Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, Толковые словари русского языка Д. И. Ушакова и С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовых, Этимологический словарь русского языка М. Фасмера). Библиография представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию; количественный и качественный анализы; сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический методы; семантический анализ и др.

В ходе исследования проведен анализ негатонимов с точки зрения их структуры (однословные и неоднословные); описаны их словообразовательные модели с указанием типа деривата, словообразовательной модели, частеречной принадлежности производящих баз («поскольку именно они задают семантическую оппозицию»); типа негатонима по его значению; прокомментированы негатонимы, происхождение которых представляется наиболее интересным и при этом имеет фактологическое основание. Сформулированы и обоснованы выводы относительно частотности однословных и неоднословных негатонимов («частотность однословных негатонимов значительно ниже, чем неоднословных, поскольку неоднословные образования чаще всего включают в себя как лексему с отрицательным значением (прилагательное или причастие), так и определяемое существительное, использование которого позволяет автору не только выразить отрицание, но и указать некоторую дополнительную характеристику»); их семантики («семантика как однословных, так и неоднословных негатонимов сводится к отрицанию наличия того, что называют производящие нарицательные существительные») и выбора негатонима («во многих случаях авторы прибегают к языковой игре: транслитерации, оксюморону», «мотивация выбора негатонима может

быть связана с литературным псевдонимом автора, его происхождением или профессиональной деятельностью»).

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования связана с его вкладом в изучение актуальных тенденций в области словообразования онимов, основных способов образования негатонимов, типов их деривационных моделей, а также мотивационных механизмов. Полученные результаты могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в курсах по лексикологии, словообразованию и современным языковым процессам, развитию словарного состава русского языка.

Содержание работы соответствует названию, логика исследования четкая. Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжао Ц. Освещение миграции в государственных и социальных медиа Китая // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75027 EDN: FCEOGE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75027

Освещение миграции в государственных и социальных медиа Китая

Чжао Цинсун

аспирант; факультет журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Нахимова, 3к2, кв. 102

✉ qingsongzhao666@gmail.com



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75027

EDN:

FCEOGE

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2025

Дата публикации:

13-07-2025

Аннотация: Статья представляет собой комплексное исследование репрезентации миграционных процессов в китайском медиапространстве, охватывающее как официальные государственные СМИ (на примере центрального издания "Жэньминь Жибао"), так и социальные платформы (Weibo). Основной фокус направлен на сравнительный анализ формирования образов двух ключевых групп: китайской диаспоры за рубежом (хуацяо) и иностранных мигрантов в КНР. Автор детально исследует идеологические рамки, задающие тон освещению миграционной тематики, включая акценты на патриотизме, экономической успешности и культурной адаптации. Особое внимание уделяется лингвистическим стратегиям конструирования медиаобразов, нарративным моделям и эмоциональной окраске публикаций. В работе также анализируется трансформация традиционных коммуникационных парадигм под влиянием цифровизации, проявляющаяся в появлении новых дискурсивных практик и

изменении роли пользовательского контента. Исследование раскрывает механизмы взаимодействия между государственной информационной политикой и общественными дискуссиями в социальных сетях, демонстрируя как сохраняющиеся различия, так и точки соприкосновения между официальным и пользовательским дискурсами. Методология включает контент-анализ 50 публикаций "Жэнъминь Жибао" и 50 постов Weibo о китайской диаспоре (хуацяо) и иностранных мигрантах. Был проведен дискурс-анализ и контент анализ (по позитивному и негативному треку). Исследование выявляет доминирование позитивного образа мигрантов в китайских медиа (90–95% в госСМИ, 75–80% в соцсетях), что отражает идеологическую направленность на укрепление национального единства и глобального имиджа Китая. Государственные СМИ акцентируют патриотизм, коллективизм и успешную интеграцию, в то время как социальные сети допускают больше вариативности, включая обсуждение трудностей адаптации. Ключевое различие заключается в культурной интеграции: для хуацяо важно сохранение традиций, для иностранцев – их освоение. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе взаимодействия государственного и пользовательского дискурсов, а также в демонстрации механизмов формирования управляемого медиапространства в условиях цифровой эпохи. Выводы подчеркивают, что социальные медиа, несмотря на большую свободу, не противоречат официальному дискурсу, а расширяют его, сохраняя лояльность идеологическим установкам.

Ключевые слова:

Китай, миграция, государственные СМИ, социальные медиа, идеология, образ мигранта, дискурс-анализ, Weibo, цифровые платформы, информационная политика

Введение

Миграция является неотъемлемой частью современного глобализированного мира [1], и Китай не исключение. Это сложное и многогранное явление, которое затрагивает политические и социальные аспекты жизни общества. То, как медиа освещают миграционные процессы, отражает не только их специфику в конкретной стране, но и особенности самого общества, а также роль СМИ в формировании общественного восприятия этого феномена [2].

Такой подход позволяет рассматривать медийную репрезентацию миграции как важный индикатор социальных норм, ценностей и идеологических установок, доминирующих в обществе. В то же время он демонстрирует, как медиа могут влиять на общественное мнение, формируя определенные образы и стереотипы, связанные с мигрантами и их ролью в социально-экономической жизни страны.

Актуальность темы освещения миграции в государственных и социальных медиа Китая обусловлена комплексом социально-политических, технологических и культурных факторов, определяющих современные дискурсы о мобильности населения. Китай сталкивается с со стабильными потоками миграции как из страны, так и в страну, что делает вопрос ее репрезентации в медиа ключевым для понимания механизмов социальной интеграции и управления [3]. Государственные СМИ, функционируя в рамках строгих идеологических рамок, конструируют конкретный, идеологически вверенный образ мигранта [4]. Этот нарратив, однако, вступает в диалог (а порой и в противоречие) с альтернативными образами, формируемыми в цифровых пространствах социальных

платформ, где сами мигранты получают возможность участвовать в создании контента.

[\[5\]](#)

Рост влияния цифровых платформ, таких как Weibo, Douyin и WeChat, трансформирует традиционные модели коммуникации, позволяя мигрантам публично обсуждать проблемы дискриминации, трудовых прав и культурной адаптации [\[6\]](#). Это создает новые вызовы для государственной информационной политики, вынужденной балансировать между контролем над дискурсом и адаптацией к меняющимся медиаландшафтам. Кроме того, актуальность темы усиливается на фоне глобальных дебатов о миграции, цифровом суверенитете и регулировании социальных медиа — Китай здесь демонстрирует уникальную модель, сочетающую жесткий идеологический контроль с активным использованием цифровых технологий для управления общественным мнением.

Предметом настоящего исследования является репрезентация миграции — как китайской diáspоры за рубежом, так и иностранных мигрантов в Китае — в государственном и цифровом медиапространстве КНР. Особое внимание уделяется механизмам формирования медиадискурса и идеологических рамок, в которых происходит описание миграционного опыта, а также сравнительному анализу между официальным медиадискурсом и пользовательским контентом в социальных сетях.

Научная новизна работы заключается в многоаспектном сопоставлении дискурсивных стратегий двух типов медиа — государственных СМИ и социальных цифровых платформ — в освещении темы миграции. Впервые на обширном эмпирическом материале выявлены структурные и лексико-семантические различия и сходства в репрезентации китайских мигрантов (хуацяо) и иностранных мигрантов, с учётом pragматических целей дискурса, эмоциональной окраски, идеологических нарративов и коммуникативных интенций. Новизна также заключается в выявлении взаимосвязи между официальным дискурсом и самоорганизованными медиапрактиками в условиях цифрового контроля и управляемой открытости китайского информационного пространства.

Данная статья направлена на комплексное исследование системы освещения темы миграции в китайских СМИ (как государственных, так и социальных медиа), в том числе способов конструирования образа мигранта, а также на выявление идеологических рамок, в которых происходит освещение миграционных процессов. Методологической основой исследования служат контент-анализ и дискурс-анализ текстов, позволяющие системно выявить лексические, семантические и pragматические особенности описания мигрантов в различных медийных форматах. Предварительно было отобрано по 50 текстов государственных медиа (Жэньминь Жибао) и текстов постов лидеров мнений в социальной сети Weibo теме миграции из Китая (феномен хуацяо) и также по 50 текстом по теме миграции в Китай и проведен лингвистический анализ этих текстов. Эмпирическую базу исследования составляют 200 текстов, отобранных по следующим критериям:

- принадлежность к официальным государственным СМИ (в частности, «Жэньминь Жибао»),
- принадлежность к контенту, опубликованному на платформе Weibo независимыми пользователями (лидерами мнений),
- тематическая релевантность (в тексте должны освещаться миграционные процессы, связанные с хуацяо или иностранцами в Китае),
- жанровое разнообразие (новости, интервью, комментарии, пользовательские посты),
- временной диапазон: 2024–2025 годы (для обеспечения актуальности и релевантности анализа современной медийной среды).

Корпус текстов включает по 50 публикаций на каждую из следующих тематик:

1. китайская диаспора (хуацяо) в зарубежных странах — в государственных СМИ;
2. китайская диаспора (хуацяо) — в пользовательских публикациях на Weibo;
3. иностранные мигранты в Китае — в государственных СМИ;
4. иностранные мигранты — в пользовательском контенте на Weibo.

Такой подход обеспечивает глубокое понимание того, как через язык и дискурс формируются социальные представления и стереотипы о мигрантах в современном китайском медиапространстве.

Теоретические аспекты освещения вопросов миграции в Китае

В китайских СМИ освещение миграционных вопросов, как и в целом вся журналистская деятельность, строится на фактах и осуществляется через различные медиа-платформы – такие, как сайты газет и телеканалов, страницы официальных СМИ в социальных сетях, таких, как WeChat и Weibo, а также страницах лидеров мнений – неофициальных источников информации в китайском обществе – для оперативного и точного информирования общества, при этом строго соблюдаются нормы редактирования, внутренней цензуры и публикации, а также действует система экстренного реагирования и контроля общественного мнения [7].

Выявим основные особенности системы освещения вопросов миграции в китайских медиа. Система редактирования и управления публикациями предполагает строгий контроль за профессиональной этикой журналистов и поддержание положительного имиджа медиа-отрасли, причем большинство журналистов и редакторов работают в государственных структурах, что обеспечивает определенный стандарт освещения миграционных тем. Важную роль играют редакционные принципы, которые должны соблюдаться особенно тщательно в условиях развития социальных медиа, чтобы избежатьискажений информации. СМИ оказывают значительное влияние на общественное мнение, поэтому материалы должны быть не только достоверными, но и соответствовать официальной идеологии, включая идеи марксизма-ленинизма, Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина, что способствует формированию правильного мировоззрения и укреплению чувства ответственности перед обществом.[8]

Журналисты обязаны строго соблюдать законы, особенно при взаимодействии с иностранцами, чьи взгляды могут отличаться от официальной позиции, и при затрагивании религиозных, военных вопросов или прав граждан на неприкосновенность частной жизни.

Важнейшими принципами работы являются достоверность и актуальность информации, все источники проходят проверку, а публикация недостоверных данных запрещена; для этого в Китае существует система регистрации журналистов. Журналисты не имеют права вмешиваться в судебные процессы, при спорных вопросах обязаны проводить дополнительные расследования и учитывать мнения разных сторон, а также соблюдать принцип независимости, чтобы избежать конфликта интересов.[9] Профессиональная этика требует избегать платных публикаций и не использовать служебное положение для личной выгоды, особенно учитывая влияние на общественное мнение. Большинство публикаций о миграции выпускаются государственными СМИ, журналисты обязаны предъявлять служебные удостоверения, а за серьезные нарушения предусмотрены жесткие санкции, вплоть до пожизненного запрета на работу в СМИ.

Для упорядочивания освещения миграционных вопросов действует система проверки содержания, основанная на ряде законов, включая Закон о защите государственных тайн, Закон о кибербезопасности и другие, которые распространяются на все медиапубликации в Китае [10]. Проверка содержания осуществляется по принципу «сначала проверка, затем публикация, кто опубликовал, тот и отвечает», а также по процессу «трёх проверок и трёх редактирований» [11], где редакторы, главные ответственные лица СМИ и соответствующие органы поэтапно проверяют законность, соответствие и эффективность материалов, особое внимание уделяя вопросам государственной безопасности, конфиденциальности и соответствуию идеологическим требованиям. Такой подход позволяет предсказывать социальные последствия публикаций и поддерживать общественную стабильность, а система управления и контроля предусматривает учет и наказание за повторяющиеся нарушения, особенно в случае серьезных идеологических отклонений.

Официально публикация материалов о миграции в китайских СМИ осуществляется строго через государственные пропагандистские платформы, что требует соблюдения установленного процесса публикации. Цель — всесторонне и достоверно информировать граждан о миграционной работе и противодействовать негативному влиянию неофициальных источников. В новостных агентствах создана трехуровневая организационная структура под контролем партийных органов: руководитель, его заместители и сотрудники, непосредственно готовящие материалы [12]. Основными формами работы являются пресс-конференции, брифинги и официальные новостные сообщения, которые позволяют избежать распространения недостоверной информации и своевременно реагировать на общественные вопросы. Рабочий процесс строго регламентирован: от планирования и подготовки материалов до согласования с руководством, оповещения журналистов, проведения мероприятий и последующей оценки эффективности [13]. Такая система обеспечивает объективность, достоверность и оперативность освещения миграционных вопросов, однако с развитием независимых платформ традиционные механизмы сталкиваются с новыми вызовами, требующими научно обоснованных методов публикации и ужесточения ответственности за нарушения. Тем не менее, остается возможность относительно независимых публикаций, которые создаются лидерами мнений в социальных сетях, таких, как Weibo.

Образ китайских мигрантов за рубежом в медиа

Для понимания китайского медийного и общественного пространства, и в целом дискурса, выстроенного вокруг темы миграции, важно проанализировать, будет ли отличаться образ мигранта (как иностранного в Китае, так и китайского за рубежом) в государственных медиа и в социальных медиа в Китае.

Первый аспект – это китайские мигранты за рубежом, также известные как хуацяо [14]. «Несмотря на то, что в настоящее время представители хуацяо имеют гражданство страны проживания, они по-прежнему поддерживают очень прочные связи с Китаем, что проявляется в использовании влияния КНР для продвижения культурных, экономических и политических интересов китайского государства в Юго-Восточной Азии.» [15]. Проведем дискурс-анализ массива текстов государственных медиа. Важным дискурсивным аспектом образа мигранта-хуацяо в государственных медиа являются патриотизм и героизация. В текстах, посвящённых исторической памяти (например, о китайских мигрантах в Юго-Восточной Азии во время Второй мировой войны: «英勇无畏反抗侵略者暴行, 为捍卫菲律宾的民族独立与解放付出巨大牺牲 (храбро и бесстрашно противостояли агрессии,

внесли огромную жертву ради независимости и освобождения Филиппин)» (中国驻菲律宾使馆赴马尼拉华侨义山祭奠华侨抗日英烈 // 人民网-国际频道. 2025. 2 апр. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2025/0402/c1002-40452512.html>)), образ китайских мигрантов конструируется через призму коллективного героизма, патриотизма и жертвенности. Мигранты представлены как защитники не только своей новой родины, но и как носители китайской национальной идентичности, готовые к самопожертвованию ради свободы и независимости Китая. [16] Это закрепляет за мигрантами статус «строителей и защитников» как зарубежных обществ, так и китайской нации в целом. Вторым важным дискурсивным аспектом является интеграция и вклад в принимающее общество китайских мигрантов. В ряде публикаций подчёркивается глубокая интеграция китайских мигрантов в местное общество, их вклад в экономику, культуру и социальную жизнь принимающих стран. Мигранты описываются как трудолюбивые, предпримчивые и способные к адаптации, что позволяет им становиться неотъемлемой частью многонационального социума. (中国驻菲律宾使馆赴马尼拉华侨义山祭奠华侨抗日英烈//人民网-国际频道. 2025年04月02日 URL:<http://world.people.com.cn/n1/2025/0402/c1002-40452512.html>) Это способствует формированию позитивного имиджа, подчёркивающего гармоничное сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество. Третьим дискурсивным аспектом является дискурс сохранения культурной идентичности и трансляция традиций. В текстах широко представлена тема сохранения и трансляции китайской культуры среди мигрантов и их потомков. Через описание участия в национальных праздниках, проведение культурных мероприятий, популяризацию китайской одежды (ханфу), традиционной музыки, чая и новых культурных трендов («国潮», «Национальный прилив» (严 瑜.华侨华人新生代爱上新国潮(侨界关注)//人民网—人民日报海外版, 2025年04月11日 URL <http://edu.people.com.cn/n1/2025/0411/c1006-40457611.html>)), формируется образ мигранта как носителя и проводника китайской цивилизации за рубежом. Особое внимание уделяется молодому поколению, которое сочетает традиционное и современное, усиливая свою культурную идентичность и гордость за китайское происхождение: «中国传统文化与现代时尚潮流碰撞迸发的火花, 对拥有中西文化背景的华侨华人新生代释放出巨大吸引力, 也激发了他们的民族文化自豪感 (Искры, возникшие в результате столкновения традиционной китайской культуры и современных модных тенденций, имеют огромную привлекательность для нового поколения китайцев, проживающих за рубежом, имеющих как китайское, так и западное культурное наследие, а также пробудили в них чувство национальной культурной гордости.)» (严 瑜.华侨华人新生代爱上新国潮(侨界关注)//人民网-国际频道. 2025年04月11 URL: <http://edu.people.com.cn/n1/2025/0411/c1006-40457611.html>). Четвертый аспект, характерный для коммунистического дискурса, связан с упоминаниями колlettivizma, единства и роли в национальных целях. Для китайского дискурса в целом важна роль КПК [17]. Мигранты часто изображаются как сплочённая община, способная к мобилизации ради решения национальных задач — будь то поддержка политики «единого Китая», участие в мероприятиях, направленных на мирное объединение страны, или продвижение инициативы «Один пояс — один путь». Через риторику единства, преемственности поколений и коллективной ответственности закрепляется образ мигранта как активного участника национального развития и глобальных стратегий Китая. Последним, но немаловажным, является дискурс успешности и экономического роста. В ряде текстов отмечается успех китайских мигрантов в бизнесе, их вклад в развитие финансовых и технологических секторов, а также роль в продвижении китайских инноваций и брендов на мировой арене (например, в сфере финансовых услуг, новых медиа, игровой индустрии). Это формирует образ мигранта как современного, успешного, способного к глобальной конкуренции.

Также был проведен контент анализ по схеме «позитивного» и «негативного» трека для

того, чтобы определить, в каком ключе чаще упоминаются китайские мигранты в текстах и какова в целом эмоциональная окраска текстов о китайской миграции за рубежом. В результате проведённого контент-анализа публикаций китайских государственных медиа, посвящённых китайским мигрантам за рубежом, чётко прослеживается доминирование позитивного трека в формировании их образа и эмоциональной окраске сообщений.

В первую очередь, тексты активно конструируют образ мигранта как патриота, героя и строителя. Подчёркивается жертвенность, коллективизм и готовность к самопожертвованию ради защиты не только новой родины, но и китайской национальной идентичности. Мигранты описываются как неотъемлемая часть принимающих обществ, внесшая значительный вклад в их экономическое и культурное развитие. Подчёркивается их трудолюбие, способность к интеграции и гармоничному сосуществованию с местным населением, что закрепляет за ними статус «строителей и защитников» новых обществ. Важный пласт позитивного трека связан с сохранением и трансляцией китайской культуры. Позитивная окраска усиливается риторикой единства, коллективной мобилизации и сопричастности к национальным целям.

Даже когда в текстах упоминаются трудности, связанные с историческими событиями, жертвы и угрозы («**深重灾难**», («великая катастрофа») «**生灵涂炭**», (смерть всем) «**为捍卫..付出巨大牺牲**» («огромные жертвы, принесенные ради защиты...»), они интерпретируются сквозь призму героизма, преодоления и коллективной мобилизации, что нивелирует возможную негативную окраску и подчеркивает стойкость, единство и моральную силу китайских мигрантов. Негативный трек, связанный с упоминаниями о жертвах, трудностях интеграции, ностальгии по родине или внешних угрозах, встречается значительно реже и, как правило, служит фоном для дальнейшего возвеличивания достоинств мигрантов и их вклада в общее дело. Отрицательные аспекты всегда компенсируются акцентом на преодолении, патриотизме и коллективной ответственности.

В целом, эмоциональная окраска текстов о китайской миграции за рубежом в китайских государственных медиа ярко позитивна, мобилизующая и вдохновляющая. Примерно 90–95% материалов имеют ярко выраженную позитивную окраску. Мигранты изображаются как гордость нации, пример для подражания, активные участники глобальных и национальных процессов, способные интегрироваться в новые общества и вносить значимый вклад в их развитие, не теряя при этом связи с родиной и национальной идентичности. Такой подход способствует формированию устойчивого позитивного имиджа китайских мигрантов и укреплению национального единства в глобальном контексте.

Таким образом, можно сделать вывод, что в китайских государственных медиа образ мигранта за рубежом строится на сочетании патриотизма, культурной идентичности, коллективизма и успешной интеграции в принимающие общества. Наиболее часто встречающаяся лексика связана с концептами «патриотизм», «успех», «традиции», «героизм». Мигранты представлены как носители и трансляторы китайской культуры, активные участники национальных и международных инициатив, а также как пример трудолюбия, инновационности и социальной ответственности.

Также был проведен анализ дискурса текстов о хуацяо в социальной сети Weibo, где на тему миграции публиковали посты независимые лидеры мнений. Дискурс-анализ публикаций в китайских социальных сетях, посвящённых жизни и опыту китайских мигрантов за рубежом, выявляет сложную и многогранную структуру их медийного образа. В первую очередь, в постах и комментариях часто акцентируется индивидуальность, уникальность и самобытность мигранта. Сообщения с хештегом #华侨

наполнены высказываниями о необходимости «живь своей жизнью», «не терять себя среди чужих успехов», «быть уникальным среди миллиардов» и «сохранять внутреннюю силу», несмотря на внешние трудности. Эта риторика подчеркивает ценность личного пути и самоидентификации, что особенно актуально для людей, оказавшихся в иной культурной среде.

Второй заметный мотив — гордость за китайское происхождение и стремление сохранить культурную связь с родиной: «文化、青春、团结”四大主题, 策划一系列丰富多彩的活动, 向海内外潮籍乡亲展示新时代侨乡的新面貌、新形象、新作为, 推动全球潮汕人的大团结、大联合、大共赢 («мероприятия показывают новый имидж и новые действия зарубежных китайцев в новую эпоху, а также содействуют великому единству, и великой взаимопомощи китайскому народу во всем мире.)» (@最后评论 来自 华侨超话厚德行.官方号 //Weibo. 2024-8-1 URL: <https://m.weibo.cn/status/5062513652141202>). Здесь заметно сходство с официальным дискурсом китайских государственных медиа. Сообщества и отдельные пользователи активно делятся опытом участия в культурных фестивалях, праздновании традиционных китайских праздников за рубежом, образовательных и творческих программах для детей мигрантов, таких как «Китайский корень» или мастер-классы по китайскому искусству и ремёслам. Упоминания о таких инициативах строят образ мигранта как носителя и транслятора китайской культуры, открытого к диалогу, но не теряющего национальной идентичности.

Третий пласт — акцент на коллективной поддержке, единстве и успехах диаспоры. Это также коррелирует с официальным дискурсом. В социальных сетях регулярно появляются новости о крупных мероприятиях, объединяющих китайцев за рубежом, о поддержке со стороны государства и местных сообществ, о совместных экономических и культурных проектах, а также о достижениях представителей китайской диаспоры в бизнесе, науке и искусстве. Позитивные истории о предпринимателях, учёных, спортсменах и артистах служат примерами для подражания и укрепляют чувство общности.

Однако в дискурсе социальных сетей присутствует и рефлексия над трудностями и противоречиями. Пользователи обсуждают вопросы интеграции, языкового барьера, дискриминации, а также внутренние разногласия между мигрантами разных поколений. Иногда звучит критика в адрес «первой волны» мигрантов, сложности адаптации и даже предостережения о необходимости сохранять осторожность в отношениях с соотечественниками за границей. Эти темы подаются в более личностном, эмоциональном ключе, чем в официальных СМИ, и часто сопровождаются советами, обменом опытом и поддержкой друг друга.

Наконец, в социальных сетях заметна отсутствующая в государственных медиа тенденция к публичному обсуждению острых тем: от эвакуации соотечественников из зон конфликтов до случаев дискриминации или недопонимания со стороны местного населения: «中国逐渐强大之后, 让印尼华侨不再受到歧视 (По мере того, как Китай становится сильнее, китайцы, проживающие за рубежом в Индонезии, больше не будут подвергаться дискриминации.)» (@南归孤夷 南归孤夷的微博视频//Weibo. 2025-25-5 URL: https://weibo.com/tv/show/1034:5170322241159246?from=old_pc_videoshow) Такие публикации, как правило, вызывают активное обсуждение, сочувствие и солидарность, а также подчеркивают важность государственной поддержки и дипломатической защиты интересов китайских граждан за рубежом.

Рассмотрим также проведенный контент-анализ по позитивному и негативному треку. В большинстве постов и комментариев доминирует позитивная оценка опыта китайских мигрантов. Часто встречаются высказывания, подчеркивающие уникальность,

внутреннюю силу и самоценность каждого человека, оказавшегося за границей. Позитивный трек также проявляется в рассказах об успехах китайских мигрантов в бизнесе, науке, культуре. Посты о мероприятиях, таких как международные фестивали, встречи диаспоры, образовательные проекты для детей мигрантов, создают образ сплочённой, активной иуважаемой общины. В этих публикациях подчеркивается гордость за китайское происхождение, сохранение культурных корней, а также вклад мигрантов в развитие принимающих обществ. Отдельно выделяется мотив поддержки и солидарности: пользователи делятся советами по адаптации, рассказывают о взаимопомощи в трудных ситуациях, благодаря государству за поддержку и защиту интересов соотечественников за рубежом (например, в случаях эвакуации из зон конфликтов). Такие сообщения формируют ощущение единства и уверенности в завтрашнем дне.

Наряду с позитивными, присутствуют и сообщения с негативной окраской, хотя их заметно меньше (но больше, чем в государственных медиа). Примерно 75–80% публикаций о китайских мигрантах за рубежом имеют позитивную или нейтрально-позитивную окраску, и 25–20% – негативную. Посты с такой эмоциональной окраской касаются, прежде всего, трудностей интеграции, языкового икультурного барьера, дискриминации и внутренней конкуренции среди мигрантов. В некоторых публикациях затрагиваются вопросы ностальгии по родине, одиночества, эмоционального выгорания и необходимости «учиться быть сильным в одиночестве». Иногда звучит критика в адрес отдельных представителей диаспоры или обсуждаются спорные ситуации, связанные с поведением китайцев за границей. Однако даже эти негативные моменты обычно сопровождаются советами, поддержкой и призывами к взаимопомощи, что смягчает общий тон.

Анализ показывает, что в китайских социальных сетях образ мигранта в целом окрашен позитивно. Преобладают истории успеха, примеры личной и коллективной силы, гордость за национальную принадлежность и активное участие в жизни принимающих обществ. Даже обсуждение проблем и трудностей подается конструктивно, с акцентом на преодоление, личностный рост и поддержку со стороны сообщества. Негативные аспекты присутствуют, их больше, чем в государственных медиа, но они не доминируют и чаще всего служат фоном для обсуждения путей решения проблем, обмена опытом и укрепления солидарности. Таким образом, эмоциональный фон публикаций о китайских мигрантах за рубежом в социальных сетях преимущественно положительный, поддерживающий и мобилизующий, что способствует формированию устойчивого позитивного имиджа китайской диаспоры в глазах как самих мигрантов, так и широкой аудитории.

В целом, образ китайского мигранта в социальных сетях Китая – это сочетание индивидуализма и коллективной идентичности, гордости за культурные корни и открытости к новым вызовам, стремления к успеху и готовности преодолевать трудности. Дискурс наполнен позитивными примерами, но не избегает обсуждения реальных проблем, что делает его более живым, разнообразным и приближённым к повседневному опыту самих мигрантов по сравнению с государственными медиа. Таким образом, общий дискурс и образ китайского мигранта за рубежом в государственных СМИ и социальных сетях схож – он позитивный, подчеркивающий связь китайских мигрантов с Родиной, и описывающий мигрантов как успешных, трудолюбивых и приносящих пользу. В социальных сетях, однако, допускается больше свободы и критики, показываются не только позитивные, но и негативные аспекты жизни мигрантов, сопряженные с трудностями. Однако даже в лексике негативного трека служит фоном для формирования

позитивного и продуктивного образа хуацяо. Таким образом, нет значительной разницы между государственными и негосударственными (социальными) медиа в вопросах освещения миграции китайцев за границу.

Образ иностранных мигрантов в Китае в медиа

Рассмотрим теперь противоположный кейс – миграцию иностранцев в Китай. Первым был проанализирован корпус 50 текстов газеты Женьминь Жибао. Следует отметить, что текстов, касающихся иностранцев, мигрирующих в Китай, публикуется на порядок меньше, чем текстов, касающихся китайской миграции за границу. Это связано как с тем, что миграционные потоки в Китай в целом ниже, чем из Китая, так и с меньшим интересом к теме иностранных мигрантов в Китае. Дискурс-анализ публикаций китайских государственных СМИ о иностранных мигрантах в Китае выявляет устойчивую позитивную и прагматичную рамку формирования их образа. Образ иностранного мигранта рассматривается как ценный ресурс и носитель компетенций: «**为金华市企业招引跨境电商、直播运营、国际贸易等急需紧缺的外籍人才提供便利支撑** (Оказывать удобную поддержку предприятиям Цзиньхуа в привлечении остро необходимых иностранных талантов в сфере трансграничной электронной коммерции, прямых трансляций, международной торговли и т. д.)» (张益晓, 金华:超9000人持外国人来华工作许可证// 人民网-国际频道.2025年05月19日 URL: <http://zj.people.com.cn/n2/2025/0519/c186327-41232078.html>). В большинстве материалов иностранцы в Китае описываются прежде всего как профессионалы, востребованные в сферах науки, образования, высоких технологий, бизнеса и культуры. Подчёркивается их вклад в развитие китайской экономики, инноваций, образования, а также международного сотрудничества. Примеры включают истории иностранных учёных, преподавателей, специалистов по ИТ, предпринимателей и инвесторов, которые не только успешно работают и интегрируются в китайское общество, но и становятся «послами» китайской модернизации и открытости миру. В текстах делается фокус на институциональной поддержке и сервисах. В публикациях активно освещаются меры по упрощению процедур для иностранных специалистов: внедрение «одного окна», сокращение сроков оформления разрешений на работу, интеграция разрешения на работу с социальной картой, цифровизация и повышение прозрачности бюрократических процедур. Это подаётся как проявление заботы государства о создании комфортной среды для жизни и работы иностранцев, а также как элемент конкурентоспособности Китая на мировом рынке талантов. Публикации регулярно подчёркивают, что иностранцы не только работают, но и активно участвуют в жизни китайского общества: занимаются спортом, ведут блоги, участвуют в научных, культурных, образовательных и волонтёрских инициативах, заводят дружеские отношения с местными жителями. Описываются примеры успешной адаптации, межкультурного обмена, а также личные истории, в которых иностранцы отмечают комфорт, безопасность, дружелюбие и динамичность китайской среды: «**现场, 戴安诺表示, 非常荣幸成为广州首个领到新版社保卡实体卡的外国人, 他期待用这张卡坐地铁、购物、看病,** (**«На месте** Бернард Аннуо сказал, что для него большая честь быть первым иностранцем, получившим новую версию карты социального обеспечения в Гуанчжоу. Он с нетерпением ждал возможности использовать эту карту, чтобы ездить на метро, ходить по магазинам и посещать врача.») (**粤首批外国人工作许可和社会保障融合集成实体卡发放“证卡合一”为在粤外国人提供便利** //南方日报. 2025年01月16日 URL: <http://gd.people.com.cn/n2/2025/0116/c123932-41110075.html>). Эмоциональный фон текстов связан с понятиями «благодарность», «взаимное уважение», «человеческое тепло». В текстах часто встречаются благодарственные отзывы иностранцев о качестве сервиса, о внимании и поддержке со стороны государственных органов и китайских коллег. Описываются случаи, когда иностранцы выражают признательность за помощь, оставляют благодарственные записки, дарят сувениры сотрудникам миграционных служб,

а также отмечают, что чувствуют себя частью местного сообщества. В ряде материалов подчеркивается, что такие истории способствуют формированию позитивного имиджа Китая как открытой, гостеприимной и современной страны.

В риторике СМИ прослеживается прагматичный подход: привлечение иностранных специалистов рассматривается как стратегическая задача для обеспечения экономического роста, технологического лидерства и международной конкурентоспособности Китая. Подчёркивается, что упрощение процедур и создание комфортных условий — это не только проявление гостеприимства, но и инструмент для реализации национальных приоритетов.

В текстах китайских государственных СМИ, посвящённых иностранным мигрантам в Китае, доминирует ярко выраженный позитивный трек, что проявляется как на уровне лексики, так и в структуре нарратива. Образ иностранца в Китае конструируется прежде всего через призму профессионализма, вклада в экономику, инновации, науку и культуру. Иностранные специалисты, преподаватели, учёные, предприниматели и студенты представлены как носители уникальных компетенций, востребованных для реализации национальных стратегий модернизации и повышения международной конкурентоспособности страны.

Негативный трек представлен крайне ограниченно и носит преимущественно нейтрально-конструктивный характер. Упоминания о трудностях интеграции, языковом барьере или бытовых сложностях встречаются редко и всегда сопровождаются описанием успешного преодоления этих проблем благодаря профессионализму и доброжелательности китайских сотрудников, а также постоянному совершенствованию сервисов. Конфликтные или проблемные темы, связанные с дискриминацией, нарушениями или конфликтами, практически отсутствуют в публичном пространстве государственных СМИ1.

Таким образом, эмоциональная доминанта текстов — это оптимизм, благодарность, открытость и стратегическая целесообразность. Через лингвистические средства — оценочную лексику, нарративы успеха, риторические фигуры гостеприимства и взаимного уважения — формируется образ иностранного мигранта как стратегически значимого, интегрированного иуважаемого участника китайского общества. Такой дискурс не только транслирует позитивный имидж Китая на международной арене, но и служит внутренней мобилизационной функцией, укрепляя представление о Китае как о современной, открытой и конкурентоспособной державе.

В китайских государственных СМИ образ иностранных мигрантов строится вокруг идей профессионализма, вклада в развитие страны, успешной интеграции и межкультурного диалога. Дискурс насыщен позитивной лексикой, примерами благодарности и взаимного уважения, а также подчёркивает стратегическую важность привлечения иностранных специалистов для модернизации и глобального лидерства Китая.

Анализ дискурса постов социальных сетей показал высокую схожесть образа мигранта с текстами официальных СМИ. Большинство популярных постов и видеороликов строятся на демонстрации удивления и восхищения иностранцев повседневной жизнью в Китае. Часто встречаются видео, где иностранцы пробуют китайскую еду, путешествуют по разным регионам, отмечают высокий уровень безопасности, чистоту, развитую инфраструктуру, удобство городских сервисов и гостеприимство местных жителей. Такие публикации сопровождаются комментариями в духе: «не ожидал, что Китай настолько современный», «здесь безопасно и вкусно», «китайцы очень доброжелательны». Образ иностранца в этом дискурсе — это восторженный, открытый к новому человек, который

искренне наслаждается китайской реальностью и часто публично опровергает стереотипы, навязанные западными медиа.

Важным дискурсом является культурный обмен и интеграция. Посты и видео, посвящённые попыткам иностранцев изучать китайский язык, участвовать в традиционных праздниках, пробовать местную кухню, вызывать живой интерес и одобрение у китайских пользователей. Иностранцы, которые заводят друзей среди китайцев, создают смешанные семьи, ведут блоги на китайском, воспринимаются как «свои», а их успехи в адаптации вызывают гордость и симпатию. Подчёркивается, что Китай — страна возможностей, где иностранцы могут реализовать себя и стать частью многонационального общества. При этом в дискурсе социальных сетей редко идет речь о том, какую пользу иностранные мигранты приносят Китаю на своем профессиональном поприще или о том, как упрощается бюрократическая ноша иностранцев. Эти темы не соответствуют общему «развлекательному» характеру постов в социальных сетях. В дискурсе социальных сетей взаимодействие иностранцев с Китаем происходит по линии «человек-человек», а не «человек-государство».

В ряде публикаций и комментариев прослеживается лёгкая ирония по отношению к наивности или неожиданным реакциям иностранцев на китайские реалии (например, удивление бесплатной питьевой водой на вокзале, восторг от уличной еды, шок от острого блюда). Эти сюжеты подаются с юмором, но без злобы, что формирует атмосферу дружелюбного культурного обмена. Нередко иностранцы публично выражают благодарность за помощь, гостеприимство, высокий уровень сервиса, отмечают безопасность и отсутствие дискриминации. Такие истории активно распространяются и комментируются, укрепляя позитивный образ Китая и китайцев в глазах аудитории. Большинство текстов через образ иностранца конструируют образ Китая.

В меньшей степени встречаются посты с критикой или выражением настороженности. Они касаются отдельных случаев некорректного поведения иностранцев (например, громкие разговоры в метро, нарушение общественного порядка), а также обсуждений, связанных с визовыми и медицинскими вопросами (например, необходимость медицинских справок для брака или учёбы). Эти темы, как правило, не доминируют, но присутствуют в комментариях и обсуждениях, отражая определённую долю социальной тревожности или недоверия.

В китайских социальных сетях образ иностранного мигранта в Китае преимущественно позитивен: это человек, открытый к новому, благодарный, готовый интегрироваться и ценящий китайскую культуру. Дискурс насыщен лексикой восхищения, благодарности, юмора и дружелюбия, что формирует эмоционально тёплый и привлекательный имидж. Критические нотки и осторожность по отношению к отдельным аспектам поведения или политике присутствуют, но не определяют общий тон обсуждения.

В китайских социальных сетях образ иностранных мигрантов формируется преимущественно в позитивном ключе, однако в дискурсе присутствуют и негативные обертоны, зачастую выраженные посредством юмора, иронии или сдержанной критики.

Контент-анализ выявляет преобладание лексических единиц с ярко выраженной положительной коннотацией (примерно 80-85%), что свидетельствует о формировании образа иностранца как восторженного, благодарного и интегрированного актора китайского общества. Часто используются такие выражения, как «удивительно», «шокирующее» (в положительном смысле), «безопасно», «вкусно», «удобно», «гостеприимно». Тексты, демонстрирующие восхищение иностранцев китайской

инфраструктурой, кулинарией, безопасностью и культурой, сопровождаются комментариями, в которых подчёркивается «неожиданность» и «открытость» иностранных гостей к китайским реалиям. Распространены нарративы о том, как иностранцы «влюбляются» в Китай, осознавая, что их представления, сформированные западными медиа, были ошибочными («итальянский парень плачет: в Китае нет краж и бедности! Был обманут СМИ» (@今天也要按时吃火锅: 意大利小伙直接泪奔 // Weibo URL:

Значительное место занимают сюжеты, демонстрирующие успешную культурную интеграцию иностранцев: освоение китайского языка. Это подкрепляется лексикой, указывающей на принятие и адаптацию: «свои», «адаптировался», «принял».

Наряду с доминирующим позитивом, в социальных сетях проявляется и негативный трек, хотя и в значительно меньшей степени. Он выражается через иронию, критику или настороженность в отношении отдельных аспектов поведения иностранцев или спорных тем. Примерами негативно окрашенной оценочной лексики служат слова «странно», «громко», «нецивилизованно», «опасно», «недоверие», «сомнение», «осторожность», «тревожно», «критика». Однако такие обсуждения, как правило, возникают в контексте конкретных инцидентов и не формируют доминирующий образ. Критика часто направлена не столько на иностранцев в целом, сколько на конкретные поступки или на несовершенство регулирующих механизмов, что выражается в репликах типа: «некоторые иностранцы уже не так цивилизованы, как мы думали» (@梅河口发布.现在有些外国人好像已经不是我们认为的那么文明了 // Weibo URL:

В целом, дискурс в китайских социальных сетях демонстрирует более многогранный и динамичный образ иностранца в Китае по сравнению с государственными СМИ. Если государственные медиа стремятся к созданию однозначно положительного и идеализированного образа, то социальные сети, при общем преобладании позитива, допускают более нюансированное восприятие, включающее иронические, критические и настороженные оттенки, отражающие реальные сложности и амбивалентность межкультурного взаимодействия.

В целом можно отметить, что образ мигранта в китайских СМИ сильно идеологизирован как важная и социально чувствительная тема. Государственные медиа Китая формируют образ мигранта (как китайского за рубежом, так и иностранного в Китае) в рамках официальной идеологии. В текстах доминируют такие концепты, как патриотизм, коллективизм, героизм, культурная идентичность, вклад в развитие страны и интеграция. Даже негативные аспекты (трудности, жертвы, вызовы) интерпретируются сквозь призму героизма, преодоления и коллективной мобилизации, что нивелирует негативную окраску и подчеркивает моральную силу и стойкость мигрантов.

Заключение

Контент-анализ показывает, что в государственных СМИ позитивная эмоциональная окраска встречается в 90–95% публикаций. Мигранты изображаются как пример для подражания, гордость нации, активные участники глобальных и национальных процессов. Используется лексика, связанная с успехом, традициями, инновациями, социальной ответственностью. Такой подход способствует формированию устойчивого позитивного имиджа мигрантов и укреплению национального единства. В социальных медиа также преобладает позитивный трек, но негативно окрашенных текстов больше – их может быть 20-25%. Это указывает на то, что, хотя социальные медиа в целом следуют государственному дискурсу, они, тем не менее, обладают большей свободой в

выражении взглядов на проблемы у и используют более разнообразную эмоционально-окрашенную лексику. В социальных медиа допускается обсуждение проблем, ирония, критика, что отражает реальную амбивалентность и сложности межкультурного взаимодействия.

В китайских социальных сетях (на примере Weibo) образ мигранта более многогранен. Здесь акцент делается на индивидуальности, уникальности, самоидентификации, личном опыте и эмоциональной рефлексии. Мигранты сами становятся авторами контента, обсуждают проблемы дискриминации, интеграции, культурной адаптации, делятся советами и поддержкой. Присутствует больше личных историй, а также обсуждение сложностей, что делает дискурс более живым и приближённым к реальному опыту. Таким образом, рост влияния цифровых платформ трансформирует традиционные модели коммуникации. Социальные медиа дают мигрантам возможность самим участвовать в формировании своего образа, обсуждать острые темы, делиться опытом и поддержкой, что создает новые вызовы для государственной информационной политики.

В государственных СМИ действует строгая система контроля, редактирования и цензуры, что обеспечивает идеологическую согласованность и предотвращает распространение негативных или противоречивых нарративов. В социальных сетях, несмотря на наличие модерации, пространство для альтернативных точек зрения шире.

Еще один вывод, который можно сделать, связан с тем, что не существует ни принципиальной разницы между образами китайского мигранта за границей и иностранного мигранта в Китае (дискурс трудолюбия и успеха, пользы для общества), так и нет разницы в использовании этого образа: оба они используются для возвышения и восхваления Китая и китайской нации. При этом следует отметить разницу во взгляде на культурную интеграцию. Так, для китайских мигрантов хуацяо позитивным качеством, характеризующим их образ, является сохранение традиций своей родины, а для иностранных мигрантов позитивной характеристикой является изучение местных китайских традиций и культурная интеграция. Следовательно, хотя образ китайского и иностранного мигранта в целом характеризуются схожей лексикой и в схожих дискурсах, существует принципиальная разница в вопросах культурной интеграции.

Но в целом в Китае, как показывает анализ, дискурс и образ мигранта как в государственных СМИ, так и в социальных сетях не вступает в резкую полемику. Социальные сети не выступают как противник государственному дискурсу и не создают радикально новый образ мигранта. Это может быть связано как с цензурой, так и с самоцензурой, а также в целом к стремлению распространения в основном позитивного контента как минимум по теме миграции. Социальные медиа служат механизмом расширения дискурса, создавая для населения свободу самовыражения в контролируемых условиях. Это отражает как специфику китайской информационной политики, так и особенности современного медиапространства, где цифровые платформы становятся важнейшим инструментом самоидентификации, поддержки и общественной дискуссии о миграции.

Библиография

1. Умурзакова М. И., Назаров Н. Б. Международная миграция // Journal of marketing, business and management. 2025. Т. 3, № 8. С. 320-323.
2. Осин Р. В. Медиообраз трудового мигранта в период пандемии COVID-19 // Пензенский психологический вестник. 2021. № 1. С. 115-122. DOI: 10.17689/psy-2021.1.10 EDN: KTEKNH.
3. Добрынина М. И. Китайская миграция в условиях модернизации: российский вектор //

- Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 149-157.
DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-149-157 EDN: OGDLVB.
4. Чжао Ц. Освещение в СМИ миграционных вопросов в контексте китайской идеологии // Litera. 2024. № 8. С. 46-58. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71393 EDN: QEXLUV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71393
5. Chen Lixiong, Xu Nairui. Public Response to Government Information on Weibo: Friction, Contestation, and Crisis Communication During the 2018 Shouguang Flood in China // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Т. 5, № 3. С. 55-78. DOI: 10.46539/gmd.v5i3.388. EDN: HHTYHV.
6. Чжао Ц. Сравнительный анализ образа китайского мигранта в китайских материковых СМИ и СМИ китайской эмиграции // Litera. 2024. № 11. С. 47-64. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.11.72043 EDN: GLJIJH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72043
7. Чжан Ж. Тенденции развития СМИ в контексте современной китайской политической идеологии // Litera. 2024. № 12. С. 69-79. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72672 EDN: WFYZWD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72672
8. Капустина А. Г., Цзян Сыши. Законодательные основы регулирования СМИ в Китае // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 10-6 (19). С. 71-72. EDN: QVVGIX.
9. 李安山. 国际政治话语中的中国移民: 以非洲为例 // 西亚非洲. 2016. № 1. С. 78-97.
10. 张焕萍. 中国网络媒体中的移民报道框架 – 以新浪网为例的分析 // 华侨华人历史研究. 2014. № 3. С. 42-50.
11. Афонасьева А. В. Влияние зарубежных китайцев на экономическое развитие КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 1. С. 66-77. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-1-66-77. EDN: IFCIKR.
12. Ван Ю. Основные направления внешней политики Китая в Юго-Восточной Азии: применение инструментов "мягкой силы" // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 62-68.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Освещение миграции в государственных и социальных медиа Китая: идеологические рамки, образы мигрантов и влияние цифровых платформ».

Предмет исследования – репрезентация миграции в китайских государственных и социальных медиа. Проведенный сравнительный анализ репрезентации миграции позволяет глубже понять механизмы формирования информационного пространства в Китае, где функционирует уникальная модель, сочетающая жесткий идеологический контроль с активным использованием цифровых технологий для управления общественным мнением.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением контент-анализа и количественного анализа публикаций китайских государственных медиа и социальных сетей, автор также прибегает к общенаучным методам.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного общества выявления разнообразных феноменов языка и культуры: исследование особенностей репрезентации миграции в государственных и социальных медиа Китая позволяет лучше понимать представление о различных аспектах миграции. Кроме того, проведенный

анализ СМИ позволил сделать аргументированные выводы об особенностях восприятия китайских и иностранных мигрантов, автор указывает на связь представленных в СМИ образов китайского мигранта с политическим контекстом и редакционной политикой издания.

Научная новизна заключается в том, что автор проводит сопоставительный анализ представлений о миграции в государственных и социальных медиа Китая, что позволяет продемонстрировать как в современном Китае государственная информационная политика балансирует между контролем над дискурсом и адаптацией к меняющимся медиаландшафтам, а также показать, как через язык и дискурс формируются социальные представления и стереотипы о мигрантах в современном китайском медиапространстве.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура работы прослеживается, хотя автором не выделены основные смысловые части: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, приводит методологическую базу исследования, дана характеристика эмпирического материала); основная часть (выявлены основные особенности системы освещения вопросов миграции в китайских медиа; отмечено, что журналисты в государственных СМИ обязаны строго соблюдать законы, при этом важнейшими принципами работы являются достоверность и актуальность информации, все источники проходят проверку, публикация недостоверных данных запрещена; описаны особенности образа мигранта и проанализирована эмоциональная окраска публикаций о миграции в китайских СМИ и текстов о хуацяо в социальной сети Weibo; автор также рассматривает миграцию иностранцев в Китай, отмечено, что дискурс в китайских социальных сетях демонстрирует более многогранный и динамичный образ иностранца в Китае по сравнению с государственными СМИ); заключение (автор делает общие выводы, отмечено, что социальные сети не выступают как противник государственному дискурсу и не создают радикально новый образ мигранта); библиография (включает 12 отечественных и зарубежных источников). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики, полученные результаты будут интересны тем, кто занимается изучением культуры китайского народа, а также тем, кто исследует влияние СМИ на формирование общественного мнения. Проведенный анализ эмпирического материала даёт актуальное представление об образе китайского мигранта в государственных и социальных медиа Китая, а также образе иностранца в Китае. Именно средства массовой информации играют ключевую роль в распространении и усилении стереотипов, соответственно, исследование публикаций позволяет подтвердить или опровергнуть укоренившиеся стереотипы.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы предмет и научная новизна проведенного исследования. В начале статьи было уместно дать более подробную характеристику эмпирического материала (в частности, указать критерии отбора, инструментарий, временные рамки выборки). Для лучшего восприятия статьи было бы уместно ввести подзаголовки.

2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным. Стоит расширить библиографию.

3. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретические измышлений автора статьи.

Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть рекомендован к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит признать, что «Миграция является неотъемлемой частью современного глобализированного мира [1], и Китай не исключение. Это сложное и многогранное явление, которое затрагивает политические и социальные аспекты жизни общества. То, как медиа освещают миграционные процессы, отражает не только их специфику в конкретной стране, но и особенности самого общества, а также роль СМИ в формировании общественного восприятия этого феномена». Осмысление этого феномена необходимо в рамках научного изыскания. Актуальность подобного исследования не вызывает сомнений, оно востребовано, дискуссионно. Автор отмечает, что «актуальность темы усиливается на фоне глобальных дебатов о миграции, цифровом суверенитете и регулировании социальных медиа — Китай здесь демонстрирует уникальную модель, сочетающую жесткий идеологический контроль с активным использованием цифровых технологий для управления общественным мнением». В целом работа имеет завершенный вид, она достаточно интересна; вызывает симпатию сознательно-выверенный взгляд автора на проблему, а также методологически системный анализ вопроса. В тексте работы отмечено, что «научная новизна заключается в многоаспектном сопоставлении дискурсивных стратегий двух типов медиа — государственных СМИ и социальных цифровых платформ — в освещении темы миграции. Впервые на обширном эмпирическом материале выявлены структурные и лексико-семантические различия и сходства в репрезентации китайских мигрантов (хуацяо) и иностранных мигрантов, с учётом pragматических целей дискурса, эмоциональной окраски, идеологических нарративов и коммуникативных интенций». Стоит согласиться, что «статья направлена на комплексное исследование системы освещения темы миграции в китайских СМИ (как государственных, так и социальных медиа), в том числе способов конструирования образа мигранта, а также на выявление идеологических рамок, в которых происходит освещение миграционных процессов». Стиль работы соотносится с научным типом: например, «Выявим основные особенности системы освещения вопросов миграции в китайских медиа. Система редактирования и управления публикациями предполагает строгий контроль за профессиональной этикой журналистов и поддержание положительного имиджа медиа-отрасли, причем большинство журналистов и редакторов работают в государственных структурах, что обеспечивает определенный стандарт освещения миграционных тем. Важную роль играют редакционные принципы, которые должны соблюдаться особенно тщательно в условиях развития социальных медиа, чтобы избежать искажений информации», или «Профессиональная этика требует избегать платных публикаций и не использовать служебное положение для личной выгоды, особенно учитывая влияние на общественное мнение. Большинство публикаций о миграции выпускаются государственными СМИ, журналисты обязаны предъявлять служебные удостоверения, а за серьезные нарушения предусмотрены жесткие санкции, вплоть до пожизненного запрета на работу в СМИ». На мой взгляд, тема раскрывается планомерно, логика разверстки вопроса выдержана. Иллюстративный фон достаточен: «В текстах широко представлена тема сохранения и трансляции китайской культуры среди мигрантов и их потомков. Через описание участия в национальных праздниках, проведение культурных мероприятий, популяризацию китайской одежды (ханфу), традиционной музыки, чая и новых культурных трендов («*国潮*», «Национальный прилив» (严瑜.华侨华人新生代爱上新国潮(侨界关注)//人民网-人民日报海外版,

2025年04月11日 URL <http://edu.people.com.cn/n1/2025/0411/c1006-40457611.html>), формируется образ мигранта как носителя и проводника китайской цивилизации за рубежом». В выводах отмечено, что «в целом в Китае, как показывает анализ, дискурс и образ мигранта как в государственных СМИ, так и в социальных сетях не вступает в резкую полемику. Социальные сети не выступают как противник государственному дискурсу и не создают радикально новый образ мигранта. Это может быть связано как с цензурой, так и с самоцензурой, а также в целом к стремлению распространения в основном позитивного контента как минимум по теме миграции». На мой взгляд, тему / саму формулировку можно несколько видоизменить: оставить только первую часть «Освещение миграции в государственных и социальных медиа Китая». В целом же материал соотносится с одной из рубрик издания и его можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Освещение миграции в государственных и социальных медиа Китая" представляет собой исследование в области медиадискурса Китая.

Тема исследования безусловно является актуальной, так как в силу социальных причин влияние миграционной политики на образ государства трудно переоценить.

Актуальность работы заключается в том, что освещение миграции в государственных и социальных медиа Китая обусловлено комплексом социально-политических, технологических и культурных факторов, определяющих современные дискурсы о мобильности населения. Китай сталкивается с со стабильными потоками миграции как из страны, так и в страну, что делает вопрос ее репрезентации в медиа ключевым для понимания механизмов социальной интеграции и управления.

Научная новизна работы заключается в многоаспектном сопоставлении дискурсивных стратегий двух типов медиа — государственных СМИ и социальных цифровых платформ — в освещении темы миграции. Впервые на обширном эмпирическом материале выявлены структурные и лексико-семантические различия и сходства в репрезентации китайских мигрантов (хуацяо) и иностранных мигрантов, с учётом pragматических целей дискурса, эмоциональной окраски, идеологических нарративов и коммуникативных интенций. Новизна также заключается в выявлении взаимосвязи между официальным дискурсом и самоорганизованными медиапрактиками в условиях цифрового контроля и управляемой открытости китайского информационного пространства.

Приведён подробный анализ влияния ключевых китайских изданий на миграцию.

Библиография содержит необходимое количество актуальных источников.

В заключении автор статьи делает следующий вывод " как показывает анализ, дискурс и образ мигранта как в государственных СМИ, так и в социальных сетях не вступает в резкую полемику. Социальные сети не выступают как противник государственному дискурсу и не создают радикально новый образ мигранта. Это может быть связано как с цензурой, так и с самоцензурой, а также в целом к стремлению распространения в основном позитивного контента как минимум по теме миграции. Социальные медиа служат механизмом расширения дискурса, создавая для населения свободу самовыражения в контролируемых условиях. Это отражает как специфику китайской информационной политики, так и особенности современного медиапространства, где цифровые платформы становятся важнейшим инструментом самоидентификации, поддержки и общественной дискуссии о миграции".

Представленный в статье вывод автора можно считать достоверным на основании данных большого количества проанализированных автором источников.

Исследование вносит значительный вклад в области изучения медиадискурса Китая и освещения процесса миграции и отношения к нему китайского общества. Исходя из вышеизложенного можно заключить, что таким образом, данное исследование может быть рекомендовано к публикации в журнале "Litera".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ши Л. Восприятие образов китайских животных в России XVIII–XIX вв // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.74511 EDN: AKDNZW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74511

Восприятие образов китайских животных в России XVIII–XIX вв.

Ши Лу

аспирант; кафедра истории русской литературы; Санкт-Петербургский государственный университет

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Центральный р-н, ул. Малая Морская, д. 6

✉ shiluaptx4869@mail.ru



[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.74511

EDN:

AKDNZW

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Дата публикации:

16-07-2025

Аннотация: В статье рассматривается путь и смысловая эволюция образов традиционных китайских животных – дракона, феникса, цилиня, тигра, журавля, панды и др. – в российской культуре XVIII–XIX вв. Автор показывает, как эти знаки, переместившись из китайского сакрально-мифологического контекста, были восприняты, адаптированы и переосмыслены в России. Предметом исследования является процесс восприятия и трансформации символических значений китайских образов животных в российской культурной традиции. Объектом выступают традиционные китайские символы животных в литературных и архитектурных памятниках, а также исторических артефактах России. Эти образы традиционно связаны с философскими и моральными представлениями китайской культуры, отражая важные аспекты мировоззрения и социального порядка. В России символы воспринимались как экзотика, приобретая новые эстетические и идеологические значения. Автор применяет сочетание

взаимодополняющих методов: семиотический анализ выявляет, какие сдвиги значения происходили (например, «императорский дракон» превращается в декоративный мотив); сравнительно-исторический подход соотносит китайский и русский культурно-исторические контексты (феникс и жар-птица); иконографическое исследование прослеживает изменения визуального облика символов: от селадонового фарфора Кремля до фасада Чайного дома Перлова. Научная новизна работы состоит в том, что впервые в единой логике описаны механизмы эстетизации, рассакрализации китайских зоомифов, благодаря которым сакральные тотемы стали, во-первых, модными знаками роскоши дворцового шинуазри, во-вторых, удобными брендовыми маркерами восточной экзотики в городском пространстве и, в-третьих, художественными приемами создания мистического колорита или сатирического эффекта в русской литературе и театре. Основные выводы заключаются в том, что в китайской традиции животные-символы образуют целостный «код добродетелей» (могущество, гармония, долголетие). При переносе в Россию этот код сохранил положительный эмоциональный эффект, но утратил сакральность, превратившись в визуальный и риторический ресурс самоидентификации российского высшего общества. Тем самым зоосимволы выступили «посредниками» межкультурного диалога, демонстрируя общие механизмы адаптации и переосмыслиния чужого культурного наследия.

Ключевые слова:

культурный обмен, символизм животных, межкультурная адаптация, экзотизация, историческая трансформация, Визуальные образы, Межкультурное восприятие, межкультурное взаимодействие, восточные мотивы, символическое значение

Введение

Объектом данного исследования выступают образы традиционных китайских животных — как мифологических (дракон, феникс, цилинь), так и реальных, наделенных в рассматриваемой культуре определенной символикой (тигр, журавль, панда и др.) — и их восприятие российской культурой. Речь идет о том, как эти образы, перенесенные из китайского контекста, были приняты, поняты и преобразованы в России.

Актуальность темы обусловлена усилившимися на протяжении веков культурными контактами между Россией и Китаем. Уже с XVIII в. для русского общества Китай ассоциировался с экзотическим, манящим Востоком [7], восточные мотивы проникали в русское искусство, архитектуру и литературу. Изучение пути, который прошли китайские символы (например, образ дракона) в чуждом им русском окружении, имеет большое значение: оно проливает свет на механизмы межкультурной коммуникации, на то, как один и тот же знак меняет смысл при «переводе» с языка одной культуры на язык другой.

Цель данной работы заключается в анализе того, как китайские символы были восприняты, адаптированы и переосмыслены в западной культуре и какое значение эти образы приобрели в европейском культурном и философском контексте. В этой связи культурный обмен определяется важностью более глубокого осмыслиения собственной культуры и поиска новых подходов к решению современных задач в условиях глобализации.

Научная новизна исследования состоит в особом акценте на трансформационных

процессах, которым подверглись образы китайских животных в России. В отличие от прежних работ, главным предметом анализа становятся механизмы рассакрализации и эстетизации восточных символов. Иначе говоря, животное изображение рассматривается не как статичный эмблематический символ, раз и навсегда зафиксированный в исходной традиции, а как «медиатор» — носитель смысла, способный менять значение в ином культурном коде. К примеру, священный для китайской культуры дракон (олицетворение императорской власти и доброго начала ян) в России эпохи шинуазри превратился в экзотический декоративный мотив, часто далекий от своего подлинного прототипа. Китайскую жизнь стилизовали и изображали произвольно, порой причудливо смешивая разные восточные образы, — таким образом драконы, фениксы и иные существа из древних мифов стали для русского взгляда прежде всего эстетическим феноменом, узорной диковиной, утрачивая изначальную сакральность.

Методология и методы исследования

Для достижения поставленных целей автор опирается на комплексный методологический подход, сочетающий несколько взаимодополняющих методов.

Семиотический анализ позволяет проследить, какие семантические сдвиги претерпевал знак при переходе из китайской знаковой системы в российскую. Например, посредством семиотического подхода сопоставляется значение дракона как имперского, космологического символа в Китае с его восприятием в России, где дракон ассоциировался то с фольклорным Змеем Горынычем, то с условным воплощением Китая как государства. Такой анализ выявляет, какие элементы исходного значения сохранились, а какие были утрачены или заменены новыми смыслами.

Сравнительно-исторический метод используется для учета различий культурно-исторического контекста Китая и России при восприятии таких символов. Метод предполагает сравнительный анализ условий и сред, в которых существовали образы животных в Китае, и условий тех, при которых они были восприняты в России. Так, например, китайский феникс понимался через призму китайской космологии и народного культа, тогда как в России отсутствовала такая мифологическая основа: вместо этого имелись свои сказки о Жар-птице. Сравнительный анализ исторических взглядов (китайских хроник и преданий, с одной стороны, и русских источников и художественной литературы, с другой) позволяет выявить, какие структурные различия этих культур повлияли на интерпретацию образов.

Метод иконографического анализа применен при изучении орнаментов с изображениями китайского дракона и феникса в убранстве царскосельских павильонов XVIII в. Это позволяет понять, как внешнее визуальное воплощение китайского символа адаптировалось под вкусы и идеологические настроения эпохи.

Степень изученности проблемы

Для более глубокого понимания научного контекста и обоснования поставленных задач ниже приводится краткий обзор актуальных исследований по указанной теме.

Проблематика китайских символов животных и их распространения изучалась ранее лишь фрагментарно в работах как российских, так и зарубежных (включая китайских) авторов.

В академической литературе Китая и других стран Востока распространение китайских зоосимволов за рубежом привлекало относительно мало внимания, хотя смежные

асpekты этого явления изучались. Чаще исследователи сосредоточивались на собственно китайской символике или на общекультурных сопоставлениях. Например, ряд работ носит сравнительный характер и посвящен сопоставлению образов животных в китайской и русской традициях. Так, в статье Цзюя Чуаньтина анализируются сходства и различия символического значения животных в китайских и русских пословицах [15], выявляются совпадающие и расходящиеся культурные коннотации образов тигра, змеи, собаки и т. п.

В другой группе исследований рассматривается образ китайского дракона в восприятии разных культур. Отмечается, что уже к концу XVI в. европейцы познакомились с эмблемой китайского дракона: он представлялся как «свернувшаяся змея», символ императора Китая [16].

Некоторые современные китайские исследования вносят ценный вклад в осмысление культурного восприятия символов животных. Например, политолог У До в работе, посвященной феномену «дипломатии панд», рассматривает символическую функцию образа панды как средства мягкой силы и национального имиджа Китая на международной арене [14]. Однако его анализ фокусируется на одном конкретном образе и не затрагивает трансформацию мифических зоосимволов в целом. Наряду с этим заслуживает внимания исследование Ли Минбина, в котором раскрывается процесс культурного обмена между Россией и Китаем с конца XVII в., в том числе интерес русской элиты к китайским эстетическим формам и символике животных [5].

В российском востоковедении и культурологии китайские зооморфные образы исследовались главным образом в контексте изучения китайской традиционной культуры. Так, Н. А. Сомкина рассматривала зооморфные мифологические образы в истории императорского Китая, раскрывая их духовно-символические функции. В ее работах подробно показано, как мифические животные (дракон, феникс и др.) служили знаками небесного мандата и легитимации власти китайских правителей [10]. В другой работе она проанализировала благопожелания, основанные на омофоничности иероглифов и символических характеристиках отдельных животных и растений [11]. Тем самым ее исследования существенно дополняют наше понимание исходного, сакрального статуса этих образов в китайской культуре. Однако рамки работы Н. А. Сомкиной ограничиваются китайским материалом; вопрос о судьбе данных символов за пределами Китая (в том числе в России) оставался вне поля ее анализа.

В изучение визуального восприятия китайских образов большой вклад внесла А. В. Трошинская, показавшая, как китайский фарфор с изображениями животных оказался в допетровской Руси, где он воспринимался как признак престижа и связи с экзотическим Востоком [13]. Это свидетельствует о ранней эстетизации китайских символов до их полного осмысливания.

В. Г. Власов, исследуя стиль шинуазри, указал на условность и произвольность европейских интерпретаций китайских мотивов: реальные культурные образы были переосмыслены как декоративные элементы, лишенные сакральной сути [1]. Этот вывод напрямую подтверждает тенденцию к рассакрализации символов.

В. И. Дятлов проанализировал стереотип «жёлтой опасности» в дореволюционной России с точки зрения ее общественно-политического восприятия и выдвинул концепцию экзотизации китайской культуры [2]. Однако следует отметить, что фокус его исследования был направлен преимущественно на идеологические клише и

демографические страхи. Собственно же символика китайских животных как знаков иной цивилизации в его работах специально не анализировалась.

Приведенный обзор показывает, что, хотя в научной литературе накоплены ценные сведения о традиционной символике животных в Китае (Н. А. Сомкина и др.), об экзотизации восточных образов в Европе (В. Г. Власов, западные исследователи ориентализма) и о формировании в России стереотипов о Китае (В. И. Дятлов и др.), тем не менее проблема трансформации значений китайских зооморфных символов при переносе в новую культурную среду освещена недостаточно. То, как переосмыслились в России исходные китайские семантические коды, как происходило их встраивание в местную систему ценностей, порой с утратой сакральных аспектов и приобретением новых, зачастую утилитарно-декоративных функций — подобные аспекты оставались вне фокуса прежних исследований, что и определяет задачу настоящей работы.

Наше исследование призвано восполнить указанные пробелы, опираясь на междисциплинарный подход: соединяя данные синологии, истории культуры и искусствоведения, оно покажет, как образы китайских животных служат «посредниками» культур, меняясь и обогащаясь (или упрощаясь) по мере продвижения из Китая в российскую культурную среду. Это позволит по-новому взглянуть на процесс культурного трансфера символов и глубже понять механизмы кросс-культурной интерпретации в эпоху глобальных взаимодействий Востока и Запада.

Источниками исследования являются китайские исторические хроники и мифологические тексты; произведения русского искусства и литературы XVIII–XX вв., содержащие образы китайских животных; периодическая печать дореволюционной России (сатирические журналы, карикатуры); а также материалы, приведенные в трудах упомянутых исследователей (Н. А. Сомкиной, В. Г. Власова, В. И. Дятлова и др.).

Образы животных в китайской культуре

Образы животных прочно вплетены в китайскую культуру, находя свое выражение как в классической, так и в современной трактовках. Они распространены в различных сегментах общества, включая высокую императорскую и массовую, деревенскую культуру.

Классические трактовки образов животных в китайской культуре основаны на традиционных концепциях, таких как учение «И цзин» — наиболее ранний из китайских философских текстов (самый ранний слой, традиционно датируемый ок. 700 г. до н. э. и предназначавшийся для гадания, состоит из 64 гексаграмм.), даосизм и буддизм. В китайской народной культуре они отражены в «Книге песен» («Ши Цзин») и «Лунной гармонии, книге ритуалов» («Юэ лин Ли цзи»). «Книга песен» («Ши Цзин») — сборник народной поэзии, созданный в период Западного Чжоу до конца периода Весны и Осени (11 в. до н. э. – 6 в. до н. э.). Основа «Лунной гармонии, книги ритуалов» («Юэ лин Ли цзи») сложилась в 4–2 вв. до н. э. как календарная запись, служившая для организации обрядового поведения и общественной жизни в соответствии с астрономическими наблюдениями и сезонами. Образы животных в этих источниках символизируют различные качества, добродетели и идеалы китайского народа.

Н. А. Сомкина в статье «Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений» [11] описывает образ дракона в традиции китайских благопожеланий на основе исследований китайских фольклористов и культурологов, в частности, работы «Счастье, жалование чиновника, долголетие, радость: китайские новогодние народные

изречения» культуролога Ли Ин [4] и книги «Народный календарь прошений о счастье и выборе благоприятных дней» фольклориста Сюй Бансюэ [12]. Традиция благопожеланий отражена в китайских идиомах и мифологических рассказах, сохраняется в практиках нематериального культурного наследия, таких, как благопожелательная вырезка из красной бумаги. Н. А. Сомкина отмечает: «Дракон воспринимается как символ императорской власти и силы»; «Писю (貔貅) — сын дракона, его считали талисманом, способствующим обогащению. Отличается добродетелью и душевной чистотой; Феникс (凤凰) ассоциируется с благополучием и удачей /.../; Цилинь (麒麟) — отражает гармонию единства противоположностей, символ многочисленного потомства» [11] и т. д.

Образы животных в китайской культуре имеют исторические корни, но они также могут приобретать новые значения и интерпретации в современном контексте. Это означает, что символы, связанные с животными, нередко меняют свое значение и смысл в соответствии с развитием общества, культуры и изменениями в восприятии людей. Если в классической китайской культуре образы животных часто были обусловлены духовными и мифологическими аспектами, то в современной культуре они приобрели новые значения и интерпретации, связанные с социальными и политическими реалиями, и адаптировались к новым культурным контекстам. Например, дракон в древней китайской культуре символизирует мудрость и силу, но сейчас он также может быть использован для представления мощи и престижа Китая как нации. Панды стали одним из наиболее узнаваемых образов Китая в массовой культуре, символизируя мир, дружбу и природную красоту.

Политолог У До рассматривает символику образов животных в современной китайской культуре именно на примере образа панды. Он пишет, что «дипломатия панды» для установления политического диалога или привлечения инвестиций практикуется в Китае уже много лет. «Этот вариант дипломатических средств изменил жесткую традиционную модель и позволил продемонстрировать миру новый образ Китая. Панды, к которым положительно относятся во всем мире, также приблизили людей к пониманию китайской нации» [14]. В зоологии панда — вид всеядных млекопитающих из семейства медвежьих, но в древней мифологии это ездовое животное Чи Ю, великана-колдуна, наследника Владыки Юга Янь-ди, оспаривавшего власть над миром у Небесного владыки Хуан-ди. В войне между Янь-ди («огненным императором», одним из императоров глубокой античности, родоначальником китайской нации) и Хуан-ди (главой императоров в античности, родоначальником китайской нации и ханьской народности) панда, как свирепый и необычный зверь, играла важную роль. Это зафиксировано летописью «Ле-Цзы» («Учителя Ле»), даосского трактата, написанного в период правления династии Восточная Чжоу (770–256 гг. до н. э.). В летописи читаем: «Когда Желтый Владыка бился с Яньди на равнине Фань-цюань, он поставил впереди медведей (панду), волков, леопардов и тигров, а знаменосцами у него были орлы, фазаны, коршуны и кречеты» [3].

Другие животные, такие как тигр, также используются в современной китайской культуре как символы силы и мужества. В совокупности эти звери и мифические существа образуют иерархически выстроенную систему китайского символического мира. Дракон и феникс относятся к сфере мифа: воплощают вселенский порядок или императорскую благодать. Тигр, журавль и панда — реальные животные, однако в культурном воображении они наделены сверхреальными чертами: тигр символизирует храбрость, журавль — долголетие, панда — мягкую силу и доброжелательность современной нации. С мировоззренческой точки зрения эти животные представляют ключевые добродетели, ценимые в китайской цивилизации: стремление к гармонии, укрепление справедливой

власти, поддержание мужественного духа и почитание жизненной силы. Именно такая матрица: «добродетель — символ — образ» — обеспечивает долговечность мотивов: они легко транслируются из эпохи в эпоху, адаптируются к новым социальным контекстам и при этом сохраняют узнаваемое идеологическое ядро. По этой причине китайские зоосимволы остаются востребованными не только в традиционных ритуалах, но и в массовых медиа, дипломатической практике и визуальной культуре XXI в.

Итак, образы животных оказывали влияние на различные стороны китайской культуры — от императорской власти до массовой, деревенской культуры — в древности и продолжают использоваться, в частности, в актуальной традиции благопожеланий. Они не только являются символами определенных качеств и идеалов, но и отражают динамическую природу культуры и ее способность к изменениям с течением времени.

Эта охватывающая как мифических, так и реальных животных символическая система заложила концептуальную основу для последующего восприятия китайских зооморфных образов в России: она предлагала легко узнаваемый «универсальный набор добродетелей»: могущество, гармония, долголетие — в сильно обобщенной форме. Такое «обезоруженное» восприятие, где значение сводится к декоративной эмблеме удачи, подготовило почву для последующей адаптации зоосимволов в России. Именно эта двойственная природа — «упрощенный смысл + яркий образ» — сделала дракона, феникса, цилинья, журавля и других существ ядром восточной символики в России XVIII–XIX вв. и позволила им быть переосмысленными и воссозданными в архитектуре, садово-парковом искусстве и литературе.

Ранние пути проникновения китайских символических образов в Россию

Формирование визуального восприятия китайской культуры в России началось задолго до активных контактов XVIII в. Еще в допетровскую эпоху материальные артефакты, а позднее — дипломатические инициативы стали первыми каналами, по которым символические образы китайских животных проникли в русскую среду.

Торговля и дипломатические связи между Китаем и Россией существовали еще до Петра I, а самые ранние примеры относятся к XIII–XIV вв. Прямыми свидетельством этого служат фрагменты селадонового фарфора, найденные в Московском Кремле. Российский археолог и историк А. В. Трошинская отмечает, что в 1894 г. в подклете Благовещенского собора в Москве был обнаружен клад, в состав которого, наряду с изделиями золотоордынской, самаркандской и персидской («султанабадской») керамики, а также кобальтовой посуды Переднего Востока, подражающей китайскому фарфору, входило пять предметов (или их фрагментов) высококачественных китайских селадонов, датируемых второй половиной XIII–XIV в. Атрибуция этих артефактов подтверждается другими находками фрагментов селадонов, обнаруженных при раскопках на территории Кремля и относящихся к тому же периоду. В состав этих находок входит пять селадоновых изделий: две чаши, большое блюдо и фрагменты двух сосудов; они покрыты прозрачной глазурью фисташкового цвета на серо-голубом черепке. Эти изделия отличаются высоким качеством, искусственным исполнением и интересной орнаментацией. О раннем происхождении данных предметов свидетельствует красный оттенок фарфора на непокрытых глазурью поддонах [\[13\]](#).

Орнаменты китайского фарфора хорошо изучены, для них характерны образы дракона, феникса, журавля и других сверхъестественных существ. По мнению А. В. Трошинской, на таком фарфоре чаще всего изображались драконы, фениксы, цилини в виде львов или коней, а также белые цапли у прудов. Пейзажи с горными скалами и

растительностью, такой как папоротник и бамбук, выполнены мастерски. Среди растительных узоров выделяются побеги вьюнка, виноградные лозы и плоды дыни. В композициях также встречаются насекомые и рыбы, а пустые участки часто заполнены узорами, главным образом содержащими цветы лотоса [13]. Все элементы имели символическое значение: цилинь выражал пожелание долгой жизни и процветания, а цапля — спокойствия и комфорта.

Официальный культурный обмен России и Китая начался с Нерчинского договора (1689 г., правление Петра I и Канси). Наиболее яркий пример — Китайская гостинная Летнего дворца Петра I (см. Рис. 1), выполненная в китайском стиле с изображениями драконов, лотосов и традиционными узорами, что отражает интерес России к китайской эстетике в эпоху петровских реформ.



Рис. 1. Китайская гостинная Летнего дворца Петра I

Таким образом, уже допетровские образцы селадонового фарфора заложили фундамент визуального представления о Китае в русской среде. Для придворной знати драконы и фениксы на зеленых чашах были прежде всего доказательством роскоши и дальних связей, а потому быстро превратились в статусный маркер, противопоставленный местной орнаментике. Мифические существа, ассоциированные в Китае с верховной властью и вселенской гармонией, в России воспринимались как «волшебные» эмблемы Востока, — их сакральный подтекст уменьшился, но экзотическая ценность возрасла. Русская аудитория увидела в китайских зоосимволах и любопытную экзотику, и универсальные добродетели, которые можно перенять. Следовательно, ранние импортные предметы не были лишь диковинками; они сформировали долговечный визуальный репертуар, к которому архитекторы, художники и писатели обращались уже в XVIII–XIX вв., развивая более системное восприятие китайской культуры.

Китайские животные в эстетике высшего общества XVIII в.

В XVIII в. «китайский бум», начавшийся во Франции и распространявшийся по всей Европе, оказал большое влияние на Россию. На фоне интереса к восточной экзотике китайские зоосимволы, особенно мифологические существа, стали важными элементами в оформлении дворцовых интерьеров и наружной архитектуры. В моду вошел стиль шинуазри, в котором изображения драконов, феников, львов и журавлей заняли центральное место. Эти образы не только служили декоративными мотивами, но и выполняли символическую функцию, отражая эстетические вкусы и философские идеи того времени.

Стиль шинуазри был весьма популярен в оформлении дворцовых интерьеров, а затем и в более скромных русских интерьерах, а также в наружных архитектурных украшениях. Часто использовались изображения дракона, льва, феникса, журавля.

Особое внимание образу дракона из древнекитайской мифологии уделялось в дизайне

интерьеров и внешней архитектуре. Дракон, являясь ведущим символическим созданием китайской мифологии и тотемом китайской нации, находит применение в русской архитектуре, отражая культурный обмен между двумя странами.

Домики со статуями дракона, расположенные в Царском Селе, были построены в середине 1780-х гг. по проекту шотландского архитектора Ч. Камерона (см. Рис. 2). Крыши домиков были выполнены «по-китайски» изогнутыми и украшены изображениями драконов. На самом деле применение декора с драконами на крыше имеет глубокое значение в китайском фэн-шуй — отрасли восточной астрологии, связанной с предсказаниями в строительстве. Дракон символизирует воду. В древности здания строились в основном из кирпича и дерева, они подвергались риску возгорания, и люди размещали изображения двух драконов на коньке дома, чтобы предотвратить пожар. Кроме того, дракон является символом справедливости, отпугивает демонов, снимает бедствия и вызывает молитвы о мире. Таким образом, включив «драконий» крыши, Камерон подчеркивал модный шинуазри-стиль и экзотическую роскошь, тогда как изначально сакральный китайский символ водной защиты и императорской справедливости воспринимался в русской резиденциальной среде прежде всего как декоративный орнамент, а не как объект реальной фэншуй-практики.



Рис 2. Домики со статуями дракона, расположенные Царском Селе

Помимо дракона, важным мифологическим животным в китайской культуре является треххвостый феникс. Издавна в Китае существует поговорка: «Дракон и феникс приносят удачу» (龙凤呈祥), — феникс также является символом удачи. Эта фигура скорее декоративная, она используется в оформлении интерьеров Китайского дворца. (См. Рис 3.) Треххвостый феникс, воплощавший в Китае императрицу и космическую гармонию, в интерьере Стеклярусного кабинета Ораниенбаума выполнял главным образом роль эффектного восточного акцента: для русской аудитории он обозначал престиж и модное увлечение «китайщиной», но первоначальное сакрально-династическое содержание крайне уменьшилось, превратившись из сакрального символа в декоративный орнамент.



Рис 3. Стеклярусный кабинет в Китайском дворце Ораниенбаума. На центральном панно виден треххвостый феникс.

Важное место в китайской культуре занимает лев — животное, символизирующее благополучие. Издревле считалось, что каменные львы обладают способностью отгонять демонов и злых духов, что объясняет их применение для охраны гробниц. Каменные львы нередко устанавливаются не только у ворот дома для охраны, но и на сельских перекрестках с целью противодействия домовым, злым духам, для предотвращения бед и обеспечения благополучия деревни. Они также служат оберегом от невезения. Вазы с изображениями львов, хранящиеся в Китайском дворце Ораниенбаума, могли символизировать высокий статус их владельца и выражать надежды на успешную карьеру. Образ льва, украшающий крышку вазы, отражает его значение в качестве талисмана, отгоняющего злых духов (См. Рис. 4 и 5). Таким образом, изображенные на фарфоровых вазах каменные львы, служившие в Китае охранителями гробниц и перекрестков, в интерьере Китайского дворца Ораниенбаума выполняли прежде всего репрезентативную функцию: для русской аристократии они подчеркивали статус владельца и экзотическую роскошь коллекции, тогда как их изначальная апотропейная роль защитников от злых духов воспринималась скорее как любопытная культурная деталь, а не как реально действенный оберег.



Рис 4. Фрагмент Стеклярусного кабинета в Китайском дворце в Ораниенбауме. Китайский дворец создан по заказу императрицы Екатерины II в 1762–1768 гг. по проекту итальянского архитектора Антонио Ринальди. На фото показана фарфоровая ваза в китайском стиле с сидящим на крышке львом.



Рис 5. Китайские вазы в Зале муз Китайского дворца в Ораниенбауме. На фото

представлены две китайские фарфоровые вазы с маленькими львами, сидящими на крышках.

Можно констатировать, что для русской знати XVII в. китайские животные-символы оказались прежде всего элементами модной эстетики: дракон, феникс и лев служили знаками роскоши и принадлежности к европейскому стилю шинуазри, тогда как их первоначальный сакральный или охранительный смысл воспринимался лишь как любопытная экзотическая деталь. Иначе говоря, восточная зоосимволика выполняла в России прежде всего презентативную, а не религиозную функцию, превращаясь из носителя космогонических идей в изысканный декор. Именно такое эстетизированное освоение образов подготовило почву для нового этапа: уже в XIX в. эта же символика выходит за пределы дворцовых интерьеров и начинает активно формировать облик общественных зданий и коммерческих особняков, подчеркивая, что интерес к китайским мотивам постепенно переходит к более широкому городскому ландшафту.

Китайские мотивы и зоосимволика в архитектуре XIX в.

В XIX в. в России продолжается эстетическое увлечение Китаем, унаследованное от XVIII в. Однако если в петровскую и екатерининскую эпохи китайские образы в основном ограничивались оформлением дворцов и императорских резиденций, то в XIX столетии они получают более широкое распространение, в том числе в городской архитектуре, частных особняках и коммерческих постройках. Визуальные образы китайских животных становятся неотъемлемой частью декоративной программы, отражая как эстетические вкусы, так и идеологию владельцев зданий.

Один из наиболее ярких и хорошо сохранившихся примеров — знаменитый Чайный дом Перлова на Мясницкой улице в Москве (арх. Р. Клейн, XIX в.) (См. Рис. 6). Архитектурный облик здания насыщен элементами, заимствованными из китайской традиции: драконы, фениксы, золотые карпы, цилины, а также декоративные мотивы в виде лотоса, облаков и волновых узоров. В локальном контексте это не просто стилистическая игра: каждый элемент несет в себе глубокую символическую нагрузку, указывающую на престиж, удачу, духовную чистоту и гармонию.



Рис 6. Чайный дом Перлова на Мясницкой, 19 в Москве

На изображении (Рис. 7) мы видим двух сидящих цилиней, расположенных на потолочной балке. Цилинь — одно из самых почитаемых мифологических существ китайской культуры, символ мудрости и благородства. В контексте русской архитектуры его включение в декор указывает на культурную апpropriацию восточного символа, которому придается скорее репрезентативный, чем сакральный характер. Фигуры цилиней напоминают не только об их охранной функции в китайском искусстве, но и о народных верованиях, приписывающих этим существам способность приносить в дом благополучие и долгожданных наследников.



Рис 7. Цилини, расположенные на потолочной балке Чайного дома

В другом элементе фасадной композиции (Рис. 8) изображены дракон и феникс, украшающие входной портал. В китайской традиции союз дракона и феникса символизирует идеальную гармонию: мужское и женское начала, силу и милость. В московском Чайном доме эта пара функционирует главным образом как статусный «восточный бренд»: дракон и феникс маркируют дом как модный и дорогостоящий, при этом их изначальная императорская семантика для российского зрителя сведена к эффектному орнаменту.



Рис 8. Дракон и феникс на входном портале Чайного дома

На потолке одного из внутренних помещений (Рис. 9) представлена сложная орнаментальная программа, включающая карпов, фениксов и драконов. Карп в китайской культуре символизирует успех и настойчивость, феникс — возрождение и благодать, дракон — величие и мощь. Русским посетителем конца XIX в. эти образы читались прежде всего как элементы экзотического декора, а не как носители религиозно-философского смысла, что вновь фиксирует границу между мифом и его «музейным» переосмыслением.



Рис 9. Потолок Чайного дома с традиционными образами животных

Таким образом, к концу XIX в. китайская зоосимволика в Российской империи прошла заметную эволюцию от редких дворцовых курьезов до «визуального бренда» на фасадах и потолках общественных и коммерческих зданий. Общим для всех рассмотренных примеров является то, что мифические существа (дракон, феникс, цилинь) и реальные животные (карп) утратили сакральное значение и превратились в эмблемы престижного, модного и «иного» мира, отражая одновременно восторг перед Востоком и воображаемое конструирование его образа. Эта тенденция наглядно демонстрирует, как «чужой» символ переходит из сферы частной роскоши в публичный городской пейзаж. Неудивительно, что подобная экзотическая визуальность вышла за пределы архитектуры: в художественной литературе того же столетия животные образы Китая получили не менее заметное — хотя и по-своему интерпретированное — воплощение.

Образы китайских животных в русской литературе

В XIX в. китайские символы, включая образы животных, продолжают свое распространение в России, проникая не только в архитектуру и декоративное искусство, но и в художественную литературу. При этом важно отметить, что восприятие китайской культуры в литературе происходило в основном через призму европейского посредничества — прежде всего французской и немецкой традиций. Китайские мотивы, включая образы дракона, феникса, журавля и мифических существ, встраивались в литературную ткань как экзотические и эстетически привлекательные элементы, зачастую лишенные своей исходной философской нагрузки.

Одним из наиболее ярких примеров такого вторичного восприятия является творчество Александра Сергеевича Пушкина. А. С. Пушкин был знаком с китайской культурой по тем же источникам, что и другие образованные люди его времени. Сначала он узнает о Китае из переводных произведений из Франции, Англии и Германии. В его коллекции собрано более 82 различных книг о Китае [5]. Во время учебы в Императорском лицее он познакомился с парковым аттракционом в стиле шинуазри, устроенным Екатериной Великой в Александровском парке при дворце. Об атмосфере деревни с ее садами, павильонами и мостиками он писал как о большом китайском саде в своей поэме «Руслан и Людмила»:

Весны огнем оживлены;

С прохладой вьется ветер майский

Средь очарованных полей,

И свищет соловей китайский.[\[9\]](#).

Здесь китайский соловей выполняет прежде всего атмосферную функцию: он добавляет сцене экзотический, почти сказочный колорит, подчеркивая дистанцию между привычным русским пейзажем и воображаемым «Востоком». Таким образом, упоминание китайской птицы не документирует реальные наблюдения автора, а создает эффект «тайного сада», который усиливает романтическую тональность произведения.

В дальнейшем Пушкин неоднократно упоминал о Китае в своих произведениях, особенно в поэме «Евгений Онегин», где поэт приобщает героя к западной культуре, отправляя его на просмотр масштабного балета на китайскую тему «Хензи и Тао, или Красавица и чудовище» у Шарли Луи Дидло, поставленного в Петербурге. Несколько раз после возвращения у Онегина перед глазами возникают сцены из него:

И молвил: «Всех пора на смену;

Балеты долго я терпел,

Но и Дидло мне надоел».

Еще амуры, черти, змеи

На сцене скачут и шумят [\[8\]](#).

Змеи здесь выступают эффектным «заморским» аттракционом, подчеркивающим пеструю, поверхностную природу столичных развлечений. Их нарочитая экзотичность лишь усиливает ощущение внешнего блеска без глубины, и именно через такую чрезмерную сценографию Пушкин демонстрирует скуку и усталость Онегина от светской театральности, превращая китайский животный образ в инструмент характеристики героя.

Кроме того, важную роль в знакомстве русской публики с китайскими сюжетами сыграли переводы европейских литературных обработок китайских пьес. Так, пьеса Вольтера «Китайский сирота» ("Orphelin de la Chine"), основанная на китайской драме династии Юань, была переведена и адаптирована для русской сцены. В российских постановках вольтеровского «Сироты» фигура дракона, украшавшая театральные декорации, работала как визуальный код «высокой добродетели» и «императорского величия», однако для зрителей она оставалась декоративным знаком, отделенным от первоначального конфуцианского подтекста о справедливом правлении.

Подводя итог, отметим, что упоминания китайских животных у Пушкина и его современников выполняют двойную функцию: они создают экзотическую атмосферу и одновременно используются как художественные маркеры характера, настроения или нравственной идеи. Именно эта «символическая гибкость» объясняет, почему восточные звери и птицы так легко прижились в русской поэтике, не теряя при этом своего загадочного флерса.

Таким образом, обращение русских писателей-романтиков к восточным существам служило не фиксацией подлинной китайской действительности, а прежде всего инструментом художественной экспрессии: они использовались для создания мистической атмосферы или для сатирического подчеркивания светской пустоты. В обоих

случаях китайский зоомиф превратился в гибкий семантический ресурс, который одновременно удовлетворял читательскую жажду экзотики и позволял писателям решать собственные эстетические задачи. Этим литература логично продолжила тенденцию, наблюдавшуюся в архитектуре и декоративном искусстве: символы, пришедшие из китайской сакральной сферы, в России получили статус визуальных и вербальных знаков «иного», потому особенно привлекательного. Следовательно, рецепция китайских животных образов в русской культуре XIX в. не была поверхностным подражанием: она обнажила механизмы культурной фантазии, в которых «чужой» символ, лишенный первоначального сакрального смысла, помогает выстраивать собственную художественную картину мира.

Заключение

Мы показали, что в китайской традиции животные-символы образуют единую систему, где мифические существа (дракон, феникс, цилинь) и реальные животные (тигр, журавль, панда) выполняют сходные ценностные функции. В летописи «Шань хай цзин» (древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая и соседних земель и обитающих там созданий) дракон И nlun выступает военачальником Хуан-ди и побеждает Чи Ю: «Откликающийся дракон убил Чию и убил Отца Цветущего, ушел на юг и поселился там. Поэтому-то на юге часто идут дожди» — пример слияния мифа и реальности. Журавль в «Хуайнань-цзы» служит метафорой долголетия и духовного совершенства: «Журавль, долгожитель тысячелетий, поэтому способен путешествовать по всему миру; насекомое, хотя и рождается утром, и умирает вечером, тем не менее способно наслаждаться всеми радостями жизни» [6]. Таким образом, для китайцев принципиального разграничения «вымысел – реальность» не существовало; важнее была способность образа транслировать «код добродетелей».

При переносе этих символов в Россию произошла их эстетизация и десакрализация: они сохранили общий позитивный смысл — могущество (дракон), гармонию (цилинь), долголетие (журавль) и др., — но превратились в эффектные декоративные эмблемы. Уже селадоновый фарфор XIII в. вызвал восхищение экзотикой, а в XVIII в. шинуазри закрепил за этими животными статус модных маркеров роскоши; в XIX в. они вышли в городской ландшафт, а в литературе служили для создания мистической атмосферы или сатирической маски (Пушкин, Дидло, адаптации Вольтера). Как отмечает В. Г. Власов, образы животных «в отличие от подлинных произведений китайского искусства представляют собой произвольное, часто далекое от действительности изображение китайской жизни в представлениях европейцев» [1]. Они инкорпорировали в себя множество художественных стилей Китая: летящие карнизы, мотивы дракона и феникса, львы, рисунок тушью на фарфоре и др. Однако отсутствие глубокого понимания культурного значения самих художественных предметов в сочетании с тем, что русский народ наделил китайский стиль своими собственными фантазиями и интерпретациями, сделали эти произведения «причудливой художественной игрой» [Там же].

Эти символы в России обрели новое значение: они превратились в «экзотический декор», демонстрирующий статус и изысканный вкус высшего общества и служащий визуальным знаком его космополитизма (например, Китайский дворец в Ораниенбауме);. Выйдя в городское пространство, образы животных стали быстрым маркером восточной атмосферы (дракон, феникс, цилинь в интерьере Чайного дома в Москве). В литературе и театре они использовались как риторический прием для создания мистики или для сатирического изображения светской мишуре (змеи или соловей в произведениях Пушкина). Это отражает двойственную культурную психологию: с одной стороны,

романтическое воображение, стремление «присвоить чужое» через эстетическую игру; с другой — безопасная дистанция, при которой чужой миф превращается в поверхностный декор и подтверждает собственную культурную идентичность. Это соответствует описанной В. И. Дятловым логике экзотизации: «чужое» присваивается после отбора и переосмысливания [2]. Тем самым животные образы Китая выступили медиаторами китайско-русского культурного диалога: сохранив универсальные добродетели, они утратили священную сущность и обрели новую жизнь как эстетические и идеологические знаки российского модерна.

Интеграция образов китайских животных в русскую культурную практику через «экзотическое окно» подчеркивает динамику взаимодействия, влияния и трансформации культур, иллюстрируя то, что границы культурных практик не являются постоянными. Это свидетельствует о продолжающемся диалоге между культурами и о том, что чужие идеи адаптируются, усваиваются и переосмыляются в новом контексте.

Библиография

1. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. Т. 10. СПб.: Азбука-Классика, 2010. С. 564-567. EDN: QSBOOKP.
2. Дятлов В. И. Экзотизация и "образ врага": синдром "желтой опасности" в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. № 2 (20), ч. 1. С. 26-36.
3. Ле-Цзы / Пер. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 17.
4. Ли Ин. Фу-Лу-Шоу-Си: аннотированные обычаи Китайского Нового года. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. 342 с.
5. Ли Минбин. 300 лет распространения китайской культуры в России. Ч. I: Ранний "китайский бум" // Исследования китайской культуры. 1996. № 13. С. 127-132.
6. Лю Ань. Хуайнань-цзы. Шуо лин щунь. Гл. 15 // Электронная программа "Китайская философия". URL: <https://ctext.org> (дата обращения: 20.12.2023).
7. Пономарева М. Г., Шунникова А. А. Китайская образность в отечественной поэтической традиции XX века // Человек в информационном пространстве: сб. ст. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2020. С. 62-68. EDN: GSPVVI.
8. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 14. URL: <https://feb-web.ru> (дата обращения: 04.12.2023).
9. Пушкин А. С.魯斯蘭和李柳米拉. М.: ДА! Медиа, 2014. С. 25.
10. Сомкина Н. А. Некоторые аспекты зооморфной символики власти в Китае // Материалы конференции "Ломоносов-2007". М.: Издательство Московск. ун-та, 2007. 2 с. URL: <https://lomonosov-msu.ru> (дата обращения: 31.05.2025).
11. Сомкина Н. А. Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2009. Вып. 2. С. 77-80. EDN: MBWREN.
12. Сюй Бан-сюэ. Minjian qifu zeji tongshu ["Народный календарь прошений о счастье и выбора благоприятных дней"]. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2006. 232 с.
13. Трощинская А. В. Китайский фарфор в допетровской Руси: на пересечении культур Востока и Запада // Труды исторического факультета СПбГУ. 2013. Вып. 16. С. 246-269. EDN: RPYXSH.
14. У До. Китайская "дипломатия панд" и имидж государства // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 3 (68). С. 26-31.
15. Цзюй Чуаньтин. Различия и интеграция символических значений животных в китайской и Российской национальной культурной традиции (на примере пословиц и поговорок) // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5. С. 559-561. EDN: YOBPWH.

16. Ши Ай-дун. Zhongguo long de faming: jin-xiandai Zhongguo xingxiang de yuwai bianqian ["Изобретение китайского дракона: зарубежные трансформации образа Китая в новое и новейшее время"]. Пекин: Цзю-чжоу чубаньшэ, 2024. 379 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемом тексте «Восприятие образов китайских животных в России и на Западе» автор изначально ставит слишком обширную задачу без определенных временных и тематических рамок, чтобы ее можно было решить в рамках такого довольно небольшого по объему текста. В работе отсутствует обзор литературы, не заявлены методология и оригинальность исследования, работа носит обзорный характер, причем автор существенно уклоняется от изначально заявленной темы и как итог - не раскрывает ее. Исследовательского характера рецензируемый текст не носит. Автор недостаточно четко представляет, что именно он пытается рассмотреть и о чем имеет смысл в связи с этим писать. Первая фраза основной части выглядит так: "Исследуя историю распространения образов животных из китайской культуры в России и на Западе, отметим, что Европа познакомилась с древнекитайской философией в XVI-XVII веках, когда даосские учения были переведены на европейские языки". После этого автор несколько абзацев (примерно четверть статьи) посвящает распространению китайской философии безо всякого упоминания образов животных. В вводной части работы автор заявляет: «Цель данной статьи заключается в анализе того, как китайские символы были восприняты, адаптированы и переосмыслены в западной культуре, и какое значение эти образы приобрели в европейском культурном и философском контексте». Между тем статья называется «Восприятие образов китайских животных в России и на Западе», и практически все конкретные примеры в искусстве и архитектуре автор берет из российской культуры, большая часть текста посвящена именно российско-китайским культурным связям, хотя и тут есть проблемы: автор в довольно хронологически-беспорядочной манере доходит до Пушкина, после чего сразу переносится в 2003 г. и на этом заканчивает работу. Европа возникает в тексте лишь в связи с распространением китайской философии, что является очевидно побочным сюжетом при заявленной тематике. Автор регулярно забывает о том что исследует «Восприятие образов китайских животных....» и пишет о китайском влиянии вообще, фрагментарно и поверхностно; упоминания Вольтера, Радищева, Екатерины II и т.д. совершенно не связаны с темой работой и были бы оправданы, имей мы дело с фундаментальным исследованием китайских культурных влияний, но перед нами текст совершенно другого свойства. Выводы в работе посвящены только китайскому влиянию на русскую культуру (и носят довольно общий характер), т.е. автор отклоняется здесь и от заглавия работы и от поставленных в начале работы целей. Библиографический список состоит из всего девяти позиций, две из которых - произведения Пушкина. Работа нуждается в глубоком переосмыслении тематики, целей, методологии и т.д. Рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Восприятие образов китайских животных в России XVIII–XIX вв.» посвящена разнообразным нюансам восприятия китайских зооморфных образов в России в указанный период.

Сам автор отмечает: «Объектом данного исследования выступают образы традиционных китайских животных — как мифологических (дракон, феникс, цилинь), так и реальных, наделенных в рассматриваемой культуре определенной символикой (тигр, журавль, панда и др.) — и их восприятие российской культурой».

Методология исследования разнообразна и включает сравнительно-исторический, аналитический, описательный и др. методы. Автор посвятил собственной методологии целый раздел, в котором охарактеризовал весь комплекс использованных методов. Обычно мы рекомендуем авторам воздержаться от характеристики собственной методологии, но в данной работе это представляется нам весьма уместным, т.к. исследователь весьма подробно и обстоятельно раскрывает необходимость использования того или иного метода, а именно: «Сравнительно-исторический метод используется для учета различий культурно-исторического контекста Китая и России при восприятии таких символов. Метод предполагает сравнительный анализ условий и сред, в которых существовали образы животных в Китае, и условий тех, при которых они были восприняты в России. Так, например, китайский феникс понимался через призму китайской космологии и народного культа, тогда как в России отсутствовала такая мифологическая основа: вместо этого имелись свои сказки о Жар-птице».

Умение самым обстоятельным образом доказывать важность приведенных аргументов вообще отличает эту превосходную работу, о чем пойдет речь далее.

Актуальность статьи необычайно велика, особенно в свете возросшего интереса современного научного сообщества к истории и культуре Востока, в т.ч. изобразительному искусству и литературе.

Научная новизна работы также не вызывает сомнений, равно как и ее практическая польза. Исследователь отмечает: «В академической литературе Китая и других стран Востока распространение китайских зоосимволов за рубежом привлекало относительно мало внимания, хотя смежные аспекты этого явления изучались».

В главе «Степень изученности проблемы» автор представляет подробный обзор литературы, тщательно анализируя ее, например: «В российском востоковедении и культурологии китайские зооморфные образы исследовались главным образом в контексте изучения китайской традиционной культуры. Так, Н. А. Сомкина рассматривала зооморфные мифологические образы в истории императорского Китая, раскрывая их духовно-символические функции». Это чрезвычайно важно для достоверности и глубины исследования.

Перед нами — весьма достойное научное исследование, в котором стиль, структура и содержание полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к статьям такого рода. Оно отличается обилием полезной информации и важными выводами. Статья четко и логично выстроена, имеет 3 части: введение, основную часть и выводы. Основную часть исследователь делит на главы: «Образы животных в китайской культуре; Ранние пути проникновения китайских символических образов в Россию; Китайские животные в эстетике высшего общества XVIII в.; Китайские мотивы и зоосимволика в архитектуре XIX в.; Образы китайских животных в русской литературе». В них он проводит основную мысль о том, что «Классические трактовки образов животных в китайской культуре основаны на традиционных концепциях, таких как учение «И цзин» — наиболее ранний из китайских философских текстов (самый ранний слой, традиционно датируемый ок. 700 г. до н. э. и предназначавшийся для гадания, состоит из 64 гексаграмм.), даосизм и буддизм».

Остановимся на ряде положительных моментов. Автор весьма подробно и интересно

характеризует зооморфные образы в их историческом развитии: «Если в классической китайской культуре образы животных часто были обусловлены духовными и мифологическими аспектами, то в современной культуре они приобрели новые значения и интерпретации, связанные с социальными и политическими реалиями, и адаптировались к новым культурным контекстам. Например, дракон в древней китайской культуре символизирует мудрость и силу, но сейчас он также может быть использован для представления мощи и престижа Китая как нации. Панды стали одним из наиболее узнаваемых образов Китая в массовой культуре, символизируя мир, дружбу и природную красоту».

Он дает исчерпывающие представления о зооморфных образах в современной китайской культуре: «Другие животные, такие как тигр, также используются в современной китайской культуре как символы силы и мужества. В совокупности эти звери и мифические существа образуют иерархически выстроенную систему китайского символического мира. Дракон и феникс относятся к сфере мифа: воплощают вселенский порядок или императорскую благодать. Тигр, журавль и панда — реальные животные, однако в культурном воображении они наделены сверхреальными чертами: тигр символизирует храбрость, журавль — долголетие, панда — мягкую силу и доброжелательность современной нации», - отмечает он.

Заслуживает уважения то, что исследователь подкрепляет свои основные мысли соответствующими промежуточными выводами: «Итак, образы животных оказывали влияние на различные стороны китайской культуры — от императорской власти до массовой, деревенской культуры — в древности и продолжают использоваться, в частности, в актуальной традиции благопожеланий». Или: «Таким образом, обращение русских писателей-романтиков к восточным существам служило не фиксацией подлинной китайской действительности, а прежде всего инструментом художественной экспрессии: они использовались для создания мистической атмосферы или для сатирического подчеркивания светской пустоты». Таких примеров можно привести множество.

Весьма похвально, что автор снабдил работу рядом рисунков: «Рис. 1. Китайская гостиная Летнего дворца Петра I, Рис 2. Домики со статуями дракона, расположенные Царском Селе» и т.д.

Он уделяет большое внимание изучению объектов ленинградской и московской области, что придает работе особый исследовательский интерес.

Библиография исследования обширна, включает основные иностранные источники по теме, оформлена корректно.

Апелляция к оппонентам достаточна и сделана на достойном профессиональном уровне. Выводы, как мы уже отмечали, сделаны серьезные и обширные, вот лишь часть из них: «Мы показали, что в китайской традиции животные-символы образуют единую систему, где мифические существа (дракон, феникс, цилинь) и реальные животные (тигр, журавль, панда) выполняют сходные ценностные функции. <...> Интеграция образов китайских животных в русскую культурную практику через «экзотическое окно» подчеркивает динамику взаимодействия, влияния и трансформации культур, иллюстрируя то, что границы культурных практик не являются постоянными. Это свидетельствует о продолжающемся диалоге между культурами и о том, что чужие идеи адаптируются, усваиваются и переосмыляются в новом контексте».

На наш взгляд, статья будет иметь большое значение для разнообразной читательской аудитории - востоковедов, культурологов, студентов и педагогов, историков, искусствоведов и т.д., а также всех тех, кого интересуют вопросы восточного искусства и международного культурного сотрудничества.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Морозов Д.А. Опыт корпусного анализа компаративов в современном чешском письменном дискурсе // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75167 EDN: ATSHHJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75167

Опыт корпусного анализа компаративов в современном чешском письменном дискурсе

Морозов Даниил Александрович

ORCID: 0009-0004-2654-8477

аспирант; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Технический писатель; ООО "Датадванс"

606015, Россия, Нижегородская обл., г. Дзержинск, ул. Самохвалова, д. 3, кв. 68

✉ mda1998@yandex.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75167

EDN:

ATSHHJ

Дата направления статьи в редакцию:

13-07-2025

Дата публикации:

20-07-2025

Аннотация: В статье представлен опыт корпусного анализа компаративов прилагательных в современном чешском письменном дискурсе. Предметом исследования являются формы сравнительной степени прилагательных, образованные аналитическим и синтетическим способами. Исследование сфокусировано на возможности функционирования аналитических компаративных конструкций прилагательных в современном чешском языке, где такие формы считаются допустимыми только в случае невозможности образования синтетического компаратива. Тем не менее, в русском языке и в других языках славянской группы наблюдается сосуществование сложных и простых форм сравнительной степени, вследствие чего была выдвинута гипотеза об аналогичном сосуществовании компаративных форм чешских прилагательных. Целью исследования являлось обнаружение контекстов, где аналитические формы

используются вместо синтетических, а также определение возможности конкуренции таких форм. Источником фактического материала послужил корпус Synek, являющийся пропорционально редуцированным корпусом современных письменных текстов SYN2000. Отобранные контексты обрабатывались системным и функциональным методами, разработанными советской школой богемистики. Построение таблицы конкуренции осуществлялось с помощью статистического метода. Научная новизна исследования заключается в надежном документировании выявленной конкуренции благодаря средствам компьютерного анализа данных. На материале корпуса Synek показано, что в современном чешском письменном дискурсе аналитические формы типа *více populární* могут употребляться и встречаются даже в тех случаях, когда существуют их синтетические аналоги типа *populárnější*. То есть вопреки чешской лингвистической традиции аналитические и синтетические компаративы могут конкурировать между собой, и контексты таких употреблений обнаружены в чешском национальном корпусе. В статье описан алгоритм построения таблицы конкуренции, а также приведены 72 найденных соответствия между аналитическими и синтетическими компаративными конструкциями – от формы *více rovný* «более равный», встретившейся в 12 контекстах и имеющей 5 соотносимых синтетических компаративов, до формы *víc silný* «более сильный», употребленной в 1 контексте и имеющей 343 соотносимые простые формы. Полученные данные позволяют судить об абсолютной и относительной частотности употребления аналитических компаративов в современном чешском языке.

Ключевые слова:

корпусные исследования, славистика, чешский национальный корпус, чешский язык, чешский письменный дискурс, сравнительная степень, компаратив, степени сравнения прилагательных, аналитические формы компаративов, конкуренция форм компаративов

Введение

Актуальность настоящего исследования определена глобальным интересом современных лингвистов к корпусным исследованиям и использованию компьютерных технологий для анализа больших данных. Обращение к корпусу как основному источнику фактического материала позволяет находить случаи употребления грамматических моделей в большом объеме текстов, а статистический анализ выявленных включений – судить о вероятности их появления в тех или иных контекстах. В условиях современного развития информационных технологий это на порядок повышает надежность полученных данных [1]. Например, исследование функционирования суперлативов на материале корпуса Synek показало, что аналитические суперлативные конструкции прилагательных в современном чешском языке образуются не только в случаях, когда образование соответствующих синтетических форм недопустимо, вопреки мнению авторов пражской «Русской грамматики» 1979 г. [2, 3].

Достижение упомянутой в аннотации цели исследования предполагало решение следующих задач:

- поиск в корпусе Synek контекстов, в которых употреблены аналитические формы сравнительной степени чешских прилагательных;
- исключение в процессе визуального анализа нерепрезентативных контекстов и лемматизация обнаруженных словоформ;

- построение таблицы конкуренции аналитических и синтетических компаративов прилагательных в современном чешском письменном дискурсе.

Выбор методов исследования обусловлен целью и поставленными задачами. Отбор фактического материала осуществлялся методом корпусного анализа: поиск в корпусе Synek производился с помощью корпусного менеджера Bonito (Manatee) v. 1.10.usck. Для обработки собранный в корпусе материал применялись системный и функциональный методы в том виде, в котором они были разработаны советской школой богоемистики, основанной заслуженным профессором МГУ им. М. В. Ломоносова А. Г. Широковой [4]. Построение таблицы и подсчет частотности осуществлялись с помощью статистического метода.

Материалом исследования послужил электронный корпус Synek (11 959 431 токен), являющийся десятикратно пропорционально редуцированным корпусом современных письменных текстов SYN2000 (120 908 724 токена). Данный корпус отличается от других корпусов в составе Чешского национального корпуса принципами отбора входящих в него текстов. Так как письменный текст не только отражает языковую ситуацию, но и формирует ее, влияя на идиолект читателя, для отбора текстов создатели корпуса SYN2000 опирались на результаты социологических исследований о читательских предпочтениях своих современников. Это обусловило степень представленности в SYN2000 текстов различного рода: основную часть языкового материала SYN2000 составляют публицистические тексты (60%), на втором месте – специальные тексты, справочники, энциклопедии и т.д. (25%), на третьем – беллетристика (15%). При этом корпус Synek достаточно велик (запрос на простые компаративы [`tag="AA.....2.*"`] дал 27207 контекстов употребления), чтобы адекватно представить функционирование таких единиц в современном чешском письменном дискурсе.

Теоретической базой исследования стали работы лингвистов Московской школы богоемистики [4], а также труды сотрудников отдела грамматики Института чешского языка Академии наук Чешской Республики, в частности, «Большая академическая грамматика литературного чешского языка» [5, 6] и выпускаемые ими журналы «Наша речь» [7], «Корпус-грамматика-аксиология» [8], «Слово и словесность» [9]. В качестве tertium comparationis полезными были также предшествующий вариант академической грамматики чешского языка [10] и «Грамматика современного чешского языка» для высших учебных заведений [11].

Практическая значимость исследования заключается в применении его результатов в прикладных лингвистических дисциплинах, таких как автоматическая обработка естественного языка (NLP) и машинное обучение (ML): при совершенствовании систем машинного перевода и обучении больших языковых моделей (LLM). Полученные данные могут быть полезны в академических курсах стилистики и грамматики чешского языка.

Экскурс в теорию проблемы

Среди языков славянской группы чешский в большей мере обладает чертами синтетизма, что проявляется в том числе и в вопросе градационности качественного признака прилагательных [12]. Это создает пресуппозицию о тенденции чешского языка использовать синтетический способ выражения компаративности везде, где это возможно. Синтетические модели образования степеней сравнения в славянских языках происходят из общих архетипов **j̊s*, **ěj̊s* [13, с. 59], но если русский язык продуктивно образует компаратив двумя способами: аналитическим сочетанием «более +

положительная степень» или синтетической формой, образованной суффиксом *-ejš-/ajš-*, за которым следуют флексии положительной степени – то в современном чешском языке «степени сравнения прилагательных представлены системой простых форм», а «сравнительная степень образуется посредством суффиксов *-ejš-/ajš-* и *-š:* *novější*». Если «по формально-техническим причинам» чешское прилагательное не образует простых форм сравнительной степени, пражская «Русская грамматика» допускает возможность образования «описательных сочетаний *v i c e <...>* + положительная степень: *více překvapující*» [14, с. 349-350].

В академической грамматике чешского языка конца XX века, в разделе «Морфология», компаративу (чеш. komparativ) отводится один абзац. В нем указано, что эти формы прилагательных противопоставлены суперлативу (чеш. superlativ) и позитиву (чеш. pozitiv), поскольку выражают более высокую степень качества, обозначаемого прилагательным, по сравнению с позитивом, например: *Jan je vysoký, Jiří vyšší a Zdeněk nejvyšší* 'Ян высокий, Иржи выше, а Зденек самый высокий' [10, с. 80].

В современном издании «Большой академической грамматики литературного чешского языка» компаратив описан более подробно. Подчеркивается возможность его образования преимущественно у качественных прилагательных, а редкие случаи формирования компаратива от относительных прилагательных трактуются как результат окказионального перехода последних в разряд качественных, например: *písek stříbrnější a květy mimoz zlatější* 'песок **более серебряный** и цветы мимоз **более золотые**' [5, с. 54]. Авторы грамматики отмечают, что основа сравнения в компаративе («более интенсивное качество по сравнению с кем-либо/чем-либо») каждый раз устанавливается контекстуально. Это позволяет считать вполне нормативными конструкции типа *Pan Tomášek byl čtyřikrát starší, než jeho nejstarší dcera* 'Господин Томашек был вчетверо старше своей старшей дочери' [6, с. 854]. В данном случае суперлатив *nejstarší* указывает на высшую степень признака лишь в пределах ограниченной группы (дочери господина Томашека), в то время как за ее границами (включая самого господина Томашека) могут существовать носители этого признака в еще большей степени. Ограничение по аспекту сравнения выделяется как один из критериев разграничения омографичных форм компаратива и суперлатива во всех славянских языках (ср. рус. форму *старший*, которая может выражать как сравнительную степень, так и превосходную) [13, с. 62].

В «Грамматике современного чешского языка» отмечается, что лишь около 6% прилагательных способны образовывать формы сравнительной степени. При этом полный парадигматический ряд, включающий все три степени сравнения, в современном чешском языке характерен только для 3% прилагательных, что составляет около двух тысяч лексем [11, с. 205].

Итак, обзор справочных материалов подчеркнул стремление чешского языка к синтетическим средствам выражения степени сравнения, но также указал на ограниченность образования компаративных форм качественными прилагательными. Логично предположить, что при таком ограничении в чешском языке могут использоваться аналитические компаративные конструкции, однако особенно любопытно проверить возможность функционирование сложных форм сравнительной степени в контекстах, где употребление простых форм является возможным.

Корpusное исследование частотности компаративов

Корпусный менеджер Bonito позволяет производить поиск по словоформе, по лемме, по грамматической матрице и их сочетаниям. Для поиска простых форм компаративов использовался запрос `[tag="AA.....2.*"]`, а поиск аналитических форм сравнительной степени чешских прилагательных в корпусе Synek осуществлялся с помощью запросов `([word="[Vv]íc"] [tag="AA.....1.*"])` и `([word="[Vv]íce"] [tag="AA.....1.*"])`. Об ограниченной употребительности таких аналитических компаративных конструкций свидетельствует тот факт, что на 27207 контекстах, полученных по запросу на простые компаративы, приходится 306 и 132 контекста, полученных по запросам на сочетания «*více* + положительная степень» и «*víc* + положительная степень» соответственно. Из этих 438 контекстов продуктивными оказались 174, другие же были исключены, так как в них квантификатор *více/víc* относился не к прилагательному, ср. *Ve 20. letech bylo v Německu <víc obrázkových> časopisů než kdekoli jinde ve světě* 'В 1920-е гг. в Германии было больше иллюстрированных журналов, чем где бы то ни было в мире'.

Полученные результаты необходимо было выверить посредством визуального контроля и лемматизировать, так как, например, запрос на простые компаративы `[tag="AA.....2.*"]` дал 27207 контекстов употребления 2346 прилагательных в форме сравнительной степени, среди которых встречались дублеты и контексты с опечатками. Составители корпуса исходили из того, что опечатки в письменном тексте заслуживают внимания как потенциальный объект корпусного анализа, и сознательно оставили во входящих в состав корпусов SYN2000 и Synek текстах опечатки. Такие опечатки могли скрывать нерепрезентативные сочетания букв типа *ml*, *věro*, ошибочно выделенные в отдельные прилагательные части слов типа *jší*, *nější* или же слитые с предыдущей словоформой компаративы типа *přesvědčen*, *že mohu zažít <ilepší> sezónu*.

Следует упомянуть и особенности поиска по корпусу, которые повлияли на абсолютные и относительные результаты корпусного исследования:

1. Корпусный менеджер Bonito не смог соотнести с формой позитива = формы с лишними или пропущенными буквами (*nižších* < *nižší* < *nízký* 'низкий'; *vyší* < *vyšší* < *vysoký* 'высокий'), с употребленным дефисом вместо знака переноса (*lep-ší* < *lepší* < *dobrý* 'хороший'), с пропущенной или неверной диакритикой (*menších* < *menší* < *malý* 'маленький'), а также с фиксацией нелитературной речи (*lepčím* < лит. *lepší* < *dobrý* 'хороший').
2. В корпусе Synek был обнаружен один контекст с огласовкой *exkluzívnejší* и один контекст с огласовкой *exkluzivnější*, из которых программа восстановила формы позитивов *exkluzívni* и *exkluzivní* 'эксклюзивный'. При этом имеется в виду одна и та же лексема, приведенная в соответствии со старой (*exkluzivní*, *exkluzivnější*) и новой (*exkluzívni*, *exkluzivnější*) орографическими нормами. Интересно, что чешский модуль орографии текстового процессора Microsoft Word 1997 выделяет формы с долгим í (*exkluzívni*, *exkluzivnější*) как ошибочные, одобряя при этом формы с кратким í (*exkluzivní*, *exkluzivnější*).
3. С позитивом *šťastný* 'счастливый' менеджер Bonito соотнес не только формы компаратива *šťastnější* (38 контекстов обнаружено в результате запроса `[(tag="AA.....2.*") & (lemma="šťastný")]`), но и формы компаратива *nešťastnější* (3 контекста в корпусе Synek), безусловно связанные с другим позитивом, а именно – *nešťastný* 'несчастный'. Сходная ситуация наблюдалась с позитивом *bezpečný* 'безопасный': программа соотнесла с ним не только формы компаратива *bezpečnější* (55 контекстов в корпусе Synek), но и формы компаратива *nebezpečnější* (41 контекст в корпусе Synek), связанного с позитивом *nebezpečný* 'опасный'.

4. В корпусе Synek обнаружены два контекста с формой *významější* и один контекст с формой *významějšího*, которые должны выглядеть как *významnější* и *významnějšího* соответственно и включаться в статистику употребления компаратива *významnější* и позитива *významný* 'значительный'. Причиной ошибочных написаний в данном случае является одинаковое чтение сочетаний *tě* и *tpě* в чешском языке.

Результаты экспериментального исследования

Исключив неподходящие контексты и используя леммы, то есть приводя словоформы прилагательных к основе, удалось сократить дублеты и выделить 1330 прилагательных, которые возвращались на запрос [tag="AA.....2.*"]. Аналогичным образом было выявлено 240 прилагательных в коллокации с *více* и 113 – в коллокации с *víc*. 72 из них были сопоставлены на основе общего позитива, к которому восходят простые и сложные формы.

В результате была составлена *Таблица 1*, свидетельствующая о сосуществовании и конкуренции соотносимых аналитических и синтетических форм сравнительной степени в современном чешском языке по данным корпуса Synek. В третьей колонке указано число обнаруженных программой аналитических конструкций, в пятой – число соотносимых с ними синтетических компаративов, а в шестой – доля аналитических конструкций. Во втором столбце представленной таблицы приводится русский лексический эквивалент, зафиксированный в классическом чешско-русском словаре, изданным пражским «Государственным педагогическим издательством» совместно с московским издательством «Просвещение» [15]. Из предлагаемых в данном словаре русских лексических соответствий выбирались те, которые максимально соотносились с обнаруженными контекстами [16].

více rovný	более равный	12	rovnější	5	0,706
víc závislý (1)	более зависимый	3	závislejší	2	0,600
více závislý (2)					
víc soustředěný	более сосредоточенный	2	soustředěnější	2	0,500
více vyhledávaný	более популярный	2	vyhledávanější	2	0,500
více energický	более энергичный	1	energičtější	1	0,500
více hravý	более игривый	1	hravější	1	0,500
více nepostradatelný	более незаменимый	1	neposradatelnější	1	0,500
víc nepravděpodobný	более неправдоподобный	1	nepravděpodobnější	1	0,500
více nepříznivý	более неблагоприятный	1	nepříznivější	1	0,500
více postižený	более пострадавший	1	postiženější	1	0,500
více povedený	более удачный	1	povedenější	1	0,500
víc povědomý	более знакомый	1	povědomější	1	0,500
více průměrný	более средний	1	průměrnější	1	0,500
více roztríštěný	более раздробленный	1	roztríštěnější	1	0,500
více smyslný	более чувственный	1	smyslnější	1	0,500
víc špinavý	более грязный	1	špinavější	1	0,500
více vyvinutý	более развитый	1	vyvinutější	1	0,500
více harmonický	более гармоничный	1	harmoničtější	2	0,333

více ...nější,	...česky výraznější...	-	...nější...	-	...
více katolický	более католический	1	katoličtější	2	0,333
více dominantní	более доминантный	1	dominantnější	3	0,250
víc nešťastný	более несчастный	1	nešťastnější	3	0,250
více přizpůsobivý	более легко приспособляющийся	1	přizpůsobivější	3	0,250
víc pyšný	богее гордый	1	pyšnější	3	0,250
víc ambiciozní	более амбициозный	1	ambicióznější	4	0,200
víc dráždivý	более раздражительный	1	dráždivější	4	0,200
více duchovní	более духовный	1	duchovnější	4	0,200
více kvalifikovaný	более квалифицированный	1	kvalifikovanější	4	0,200
víc vyvážený	более уравновешенный	1	vyvženější	4	0,200
více aktuální	более актуальный	1	aktuálnější	5	0,167
více patrný	более явный	1	patrnější	5	0,167
více podobný	более похожий	1	podobnější	5	0,167
více přiměřený	более соразмерный	1	přiměřenější	5	0,167
více sebevědomý	более самоуверенный	1	sebevědomější	5	0,167
více důvěryhodný	более достоверный	1	důvěryhodnější	6	0,143
více rozšířený	более распространенный	1	rozšířenější	6	0,143
víc zranitelný (1)	более ранимый	2	zranitelnější	13	0,133
více zranitelný (1)					
víc problematický	более проблемный	1	problematictější	7	0,125
víc smutný	более грустный	2	smutnější	16	0,111
více náchylný	более склонный	1	náchylnější	8	0,111
více nervózní	более нервный	1	nervóznější	8	0,111
více propracovaný	более проработанный	1	propracovanější	8	0,111
více racionální	более рациональный	1	racionálnější	8	0,111
více realistický	более реалистический	1	realističtější	8	0,111
víc přirozený	более естественный	1	přizorenější	9	0,100
více potřebný	более необходимый	1	potřebnější	10	0,091
více zřejmý	более очевидный	1	zřejmější	10	0,091
více živý	более живой	1	živější	11	0,083
více rafinovaný	более рафинированный	1	rafinovanější	12	0,077
víc agresivní	более агрессивный	1	agresivnější	14	0,067
více komplexní	более комплексный	1	komplexnější	14	0,067
více luxusní	более роскошный	1	luxusnější	14	0,067
více sympathetický	более симпатичный	1	sympatičtější	17	0,056
více spokojený	более довольный	1	spokojenější	21	0,045
více vyrovnaný	более сбалансированный	1	vyrovnanější	21	0,045
více důrazný	более настоятельный	1	důraznější	22	0,043
více otevřený	более открытый	1	otevřenější	25	0,038
více přitažlivý	более привлекательный	1	přitažlivější	26	0,037

více jistý	более несомненный	1	jistější	27	0,036
víc populární	более популярный	1	populárnější	31	0,031
více opatrný	более осторожный	1	opatrnejší	32	0,030
více citlivý	более чувствительный	1	citlivější	34	0,029
více pravděpodobný	более правдоподобный	1	pravděpodobnější	35	0,028
více efektivní	более эффективный	1	efektivnější	41	0,024
více nebezpečný	более опасный	1	nebezpečnější	42	0,023
více pohodlný	более удобный	1	pohodlnější	44	0,022
více aktivní	более активный	1	aktivnější	46	0,021
víc šťastný	более счастливый	1	šťastnější	52	0,019
více jasný	более ясный	1	jasnější	57	0,017
více vzdálený	более далекий	1	vzdálenější	63	0,016
více bohatý	более богатый	1	bohatější	101	0,010
více složitý	более сложный	1	složitější	255	0,004
víc silný	более сильный	1	silnější	343	0,003

Таблица 1. Конкуренция аналитических и синтетических компаративов чешских прилагательных

Анализируя данные построенной таблицы, можно заметить, что из 72 задокументированных в корпусе случаев сосуществования простых и сложных форм сравнительной степени у 15 прилагательных вероятность конкуренции составляет 50%, у 11 – от 20% до 33%, у 16 – от 10% до 20%; также в двух случаях аналитические компаративы оказались более частотными, чем синтетические. Безусловно, чешский язык остается преимущественно синтетическим, так как на 10 самых частотных качественных прилагательных (*velký, nový, dobrý, malý, vysoký, starý, mladý, dlouhý, důležitý, špatný*) корпус не дает примеров аналитических компаративных конструкций. Однако справедливо утверждать, что для ряда прилагательных (а возможно, и грамматических моделей) вероятность употребления аналитического компаратива соразмерна вероятности использования синтетической формы, что ранее считалось в принципе невозможным.

Заключение

Анализ данных электронного корпуса современных чешских письменных текстов *Synek*, представляющего собой пропорционально сокращенную версию SYN2000 в рамках Чешского национального корпуса, дает возможность изучить частотность синтетических и аналитических форм компаративов прилагательных в современном чешском письменном дискурсе, а также определить их функциональные особенности.

В отличие от традиционного взгляда чешской лингвистической школы, согласно которому аналитические формы степеней сравнения прилагательных в чешском языке возможны лишь при невозможности образования синтетических форм, анализ корпуса *Synek* выявил случаи параллельного существования аналитических и синтетических форм компаративов у 72 чешских прилагательных. Вкупе с данными об аналогичной конкуренции суперлативных форм можно выдвинуть предположения об абсолютной и относительной частотности их употребления в современном чешском языке.

Дальнейшие перспективы исследования предполагают обращение к другим корпусным ресурсам Чешского национального корпуса, включая синхронные и диахронные, письменные и устные, региональные, специализированные, двуязычные и многоязычные

корпусы. Это позволит углубить изучение различных аспектов рассматриваемой проблематики, а полученные результаты могут найти применение как в теоретических исследованиях способов выражения градации признака, так и в практической области преподавания чешского языка и совершенствовании систем машинного перевода.

Библиография

1. Изотов А.И. Корпусная революция: от искусства к науке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 68-71. EDN: PVXXUR.
2. Изотов А.И., Морозов Д.А. Суперлатив в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа // Славянский альманах. 2025. № 1-2. [В печати].
3. Изотов А.И. Опыт корпусного анализа степеней сравнения прилагательных (на материале современного чешского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2025. № 7.
4. Широкова А.Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Изотов А.И., Ананьева Н.Е. Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 10-99.
5. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I., Morfologie. Druhy slov, tvoření slov / Fr. Štícha a kol. Praha: Academia, 2018. [dva svazky] 1148 s.
6. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. II., Morfologické kategorie, flexe / Fr. Štícha a kol. Praha: Academia, 2021. [dva svazky] 977 s.
7. Naše řeč // <https://asjournals.lib.cas.cz/naserec/home> (Последнее обращение 29.06.2025).
8. Korpus-Gramatika-Axiologie // <https://asjournals.lib.cas.cz/korpus-gramatika-axiologie/home> (Последнее обращение 29.06.2025).
9. Slovo a slovesnost // <https://asjournals.lib.cas.cz/slovoaslovesnost/home> (Последнее обращение 29.06.2025).
10. Mluvnice češtiny / M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková et al. Díl 2. Tvarosloví. Praha: Academia, 1986. 536 s.
11. Mluvnice současná čeština 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček et al. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2010. 353 s.
12. Рылов, С. А. Проблема типологии современных славянских языков: социально-функциональный аспект // Лингвистические традиции и современность: сборник статей, посвящённый 90-летию проф. В. Н. Немченко / Отв. ред. Л. В. Рациурская. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 113-120. EDN: XZXCDZ.
13. Морозов, Д. А., Рылов, С. А. Функционально-грамматическая градационность качественного признака в современных славянских языках: универсальное и локальное // Актуальные проблемы славянской филологии, культуры и журналистики: материалы I Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 57-63. EDN: QXMDHF.
14. Русская грамматика / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Zkoumalová, V. Straková. Díl 1. Praha: Academia, 1979. 664 s.
15. Чешско-русский словарь / Под ред. Л.В. Копецкого и Й. Филипца. В 2-х томах. Прага: Государственное педагогическое издательство, 1976. Т. 1 580 с.; Т. 2 864 с.
16. Изотов А.И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. М.: Издательство "Просвещение", 2021. 1023 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Опыт корпусного анализа компаративов в современном чешском письменном дискурсе" представляет собой исследование в области богемистики и грамматики чешского языка.

Актуальность исследования определена глобальным интересом современных лингвистов к корпусным исследованиям и использованию компьютерных технологий для анализа больших данных.

В исследовании реализовались следующие задачи:

- поиск в корпусе Synek контекстов, в которых употреблены аналитические формы сравнительной степени чешских прилагательных;
- исключение в процессе визуального анализа нерепрезентативных контекстов и лемматизация обнаруженных словоформ;
- построение таблицы конкуренции аналитических и синтетических компаративов прилагательных в современном чешском письменном дискурсе.

Теоретической базой исследования стали работы лингвистов Московской школы богемистики, а также труды сотрудников отдела грамматики Института чешского языка Академии наук Чешской республики, в частности, «Большая академическая грамматика литературного чешского языка» и выпускаемые ими журналы «Наша речь», «Корпус-грамматика-аксиология», «Слово и словесность».

В работе использованы методы корпусного исследования, а также статистические методы.

Практическая значимость исследования заключается в применении его результатов в прикладных лингвистических дисциплинах, таких как автоматическая обработка естественного языка (NLP) и машинное обучение (ML).

В основной части статьи автор описывает историю вопроса и особенности поиска по корпусу.

В результате автором была составлена таблица, свидетельствующая о существовании и конкуренции соотносимых аналитических и синтетических форм сравнительной степени в современном чешском языке по данным корпуса Synek.

Библиография содержит необходимое количество актуальных отечественных и зарубежных источников по теме исследования.

Основываясь на представленных проанализированных данных, в заключении автор статьи приходит к следующему выводу: "анализ данных электронного корпуса современных чешских письменных текстов Synek, представляющего собой пропорционально сокращенную версию SYN2000 в рамках Чешского национального корпуса, дает возможность изучить частотность синтетических и аналитических форм компаративов прилагательных в современном чешском письменном дискурсе, а также определить их функциональные особенности".

В отличие от традиционного взгляда чешской лингвистической школы, согласно которому аналитические формы степеней сравнения прилагательных в чешском языке возможны лишь при невозможности образования синтетических форм, анализ корпуса Synek выявил случаи параллельного существования аналитических и синтетических форм компаративов у 72 чешских прилагательных. Вкупе с данными об аналогичной конкуренции суперлативных форм можно выдвинуть предположения об абсолютной и относительной частотности их употребления в современном чешском языке".

На основании приведённого объёма и качества материала представленный вывод, опровергающий традиционный взгляд на современное состояние вопроса

использования синтетических и аналитических форм компаративов прилагательных можно считать достоверным.

Таким образом, исследование вносит вклад в современную богемистику и может быть рекомендовано к публикации в журнале "Litera".

Litera*Правильная ссылка на статью:*

Никонов С.Б., Каверина Е.А., Русыева А.С., Карпенко А.Ю. Первые леди арабского мира в зеркале западных медиа // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75146 EDN: BKDXGF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75146

Первые леди арабского мира в зеркале западных медиа

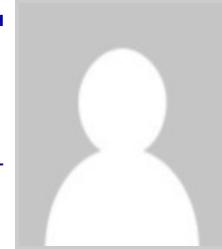
Никонов Сергей Борисович

ORCID: 0000-0002-8340-1541

доктор политических наук

профессор; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11

[✉ NikonorS@mail.ru](mailto:NikonorS@mail.ru)**Каверина Елена Анатольевна**

ORCID: 0000-0002-3738-3581

доктор философских наук

профессор; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11

[✉ e.kaverina@spbu.ru](mailto:e.kaverina@spbu.ru)**Русыева Александра Сергеевна**

независимый исследователь

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11

[✉ aleks.2110.a@yandex.ru](mailto:aleks.2110.a@yandex.ru)**Карпенко Анастасия Юрьевна**

независимый исследователь

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11

[✉ nast-2407@yandex.ru](mailto:nast-2407@yandex.ru)[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.7.75146

EDN:

BKDXGF

Дата направления статьи в редакцию:

13-07-2025

Дата публикации:

24-07-2025

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ репрезентации образов первых леди стран Ближнего Востока, на примере Иордании, в глобальных медиа. Основное внимание уделяется механизмам конструирования их публичного имиджа как инструмента мягкой силы и дипломатии, включая стратегии самопрезентации, медийные нарративы и визуальные репрезентации в ключевых контекстах их деятельности: парадных визитах, публичных выступлениях, реализации социальных проектов. Особенно в сферах образования, женских инициатив и здравоохранения. А также при продвижении национального культурного наследия и моды. Анализируется, как международные англоязычные СМИ формируют восприятие этих политических фигур. Рассматриваются ключевые аспекты их роли – патронаж образовательных и женских инициатив, культурное посредничество, продвижение национального наследия, моды, а также выявляются доминирующие стереотипы и их влияние на кросс-культурное восприятие региона. Исследование основано на дискурс-анализе материалов международных СМИ: The New York Times, BBC, CNN. Анализ включает визуальный и цифровой контент, что позволяет проследить эволюцию медийных образов и их роль в публичной дипломатии. В работе использовались такие методы, как case-study, дискурс-анализ, контент-анализ, медиапортретирование, визуальный анализ, сравнительный анализ. Данная работа вносит существенный вклад в научное понимание феномена первых леди Ближнего Востока, выявляя принципиально новые аспекты. Она систематизирует глубинные исторические корни их политического влияния, убедительно опровергая стереотипы о полной исключенности женщин из сферы власти в регионе. При этом исследование разработало типологию устойчивых медийных фреймов (таких как "Модернизатор" и "Хранительница традиций"), используемых ведущими западными СМИ, и проанализировало механизмы конструирования этих часто поляризованных образов. Ключевые выводы подтверждают, что первые леди являются значимыми акторами "мягкой силы". Их деятельность в сферах благотворительности, поддержки образования и культурного посредничества оказывает существенное влияние на формирование международного восприятия всего региона Ближнего Востока. Однако анализ показывает, что их медийные репрезентации часто страдают от искажений и стереотипизации. Поэтому принципиально важным выводом является необходимость для стран региона разработки стратегий, направленных на обеспечение более объективного и сбалансированного освещения деятельности первых леди в мировых медиа.

Ключевые слова:

Ближний Восток, Первая леди, Имидж, СМИ, Культурный контекст, Иордания, Политика, Права женщин, Репрезентация образа, Мягкая сила

Роль первых леди стран Ближнего Востока в дипломатической сфере имеет большое значение. Они являются неофициальными представителями своих стран, оказывают влияние на улучшение отношений между государствами. Важную роль играет их деятельность в области благотворительности, поддержки различных социальных проектов и инициатив. Так, первые леди становятся лицом кампаний по борьбе с социальными проблемами, организуют помочь нуждающимся, курируют поддержку медицинских и образовательных программ. Их участие привлекает внимание общественности к важным проблемам, а также способствует созданию положительного имиджа страны на международной арене.

Кроме того, первые леди Ближнего Востока активны в культурной и гуманитарной дипломатии. Участвуя в официальных визитах и международных форумах, они служат мостами между культурами и демонстрируют традиции и ценности своей страны. Например, организация выставок, фестивалей и благотворительных акций под их эгидой способствует развитию диалога между народами и снижению политической напряженности [\[1\]](#).

Их роль в продвижении женского лидерства и расширении прав и возможностей женщин в регионе особенно важна. Поддерживая образовательные программы для девочек, инициативы по борьбе с гендерным неравенством и проекты в области социального предпринимательства, первые леди вносят свой вклад в устойчивое развитие своей страны [\[2\]](#). Такая общественная активность вдохновляет женщин на Ближнем Востоке, показывая, что они могут играть важную роль не только в семье, но и в общественной жизни [\[3\]](#).

Современные медиа, особенно глобальные информационные агентства и социальные сети, играют решающую роль в процессе формирования их имиджа. Они выступают основными каналами трансляции образов первых леди для международной аудитории. Способ подачи информации зависит от поставленной задачи. Выбор лексики, визуального ряда, жанра публикации напрямую влияет на то, какие аспекты их деятельности будут выдвинуты на первый план, а какие останутся в тени. Понимание данных медийных механизмов конструирования образа является ключевым для анализа их эффективности как инструментов мягкой силы и публичной дипломатии.

Таким образом, первые леди рассматриваемого региона совмещают множество функций. Их работа не только способствует решению внутренних социальных проблем, но и укрепляет международные отношения и формирует более открытый и толерантный образ Ближнего Востока в мире.

Ближний Восток — это историко-географический регион, охватывающий Юго-Западную Азию и частично Северную Африку. Он включает страны Аравийского полуострова, Леванта (Сирия, Ливан, Израиль, Палестина, Иордания), Месопотамию (Ирак), а также Египет и Турцию. Этот регион известен как колыбель древних цивилизаций, место зарождения авраамических религий и важнейший центр мировой нефтедобычи. Его политическая и культурная роль остается крайне значимой в современном мире.

Актуальность исследования определяется контекстом глобализации и растущим вниманием к культурной специфике. В условиях современных геополитических изменений глубокое понимание репрезентации женщин арабского мира в западных медиа становится ключевым для межкультурной коммуникации.

Объект исследования - образ и медийная репрезентация первых леди стран Ближнего

Востока в западных СМИ как инструмент формирования международного восприятия региона.

Предмет исследования - первые леди арабского мира в зеркале западных медиа.

Научная новизна заключается в комплексном анализе образов первых леди арабских стран – темы, ранее не становившейся предметом специального изучения. В статье выявлены доминирующие в западных СМИ ключевые тенденции и стереотипы.

Основная цель исследования – критически проанализировать, как западные и американские медиа формируют образы первых леди Ближнего Востока и как эти образы влияют на международное восприятие региона.

Задачи исследования:

- Изучить историческую эволюцию роли первых леди в странах Ближнего Востока.
- Выявить ключевые стереотипы и нарративы в репрезентации первых леди в западных СМИ.
- Оценить влияние медиаобразов на международное восприятие Ближнего Востока.

Исследование основано на дискурс-анализе материалов международных СМИ, таких как: The New York Times, BBC, CNN. Анализ включает визуальный и цифровой контент, что позволяет проследить эволюцию медийных образов и их роль в публичной дипломатии. В работе использовались такие исследовательские методы, как: case-study, дискурс-анализ, контент-анализ, медиапортретирование, визуальный анализ, сравнительный анализ.

Исторический контекст образа первых леди Ближнего Востока

Как упоминалось ранее, первая леди – это титул, который обычно используется для обозначения супруги президента или другого главы государства. Первая леди чаще всего активно участвует в общественной деятельности, поддерживает своего супруга в политических делах, часто занимает важные позиции в обществе. В некоторых странах титул «первая леди» также применяется к жене премьер-министра или другого высокопоставленного чиновника.

Образ первых леди Ближнего Востока имеет древние корни, он тесно связан с историческим контекстом этого региона и основан на религиозных особенностях стран Востока. В традиционном обществе Ближнего Востока женщины обладали и обладают ограниченными правами – они подчинены мужчинам. Однако даже в таких условиях первые леди всегда имели значительное влияние [\[4\]](#).

Перейдем к рассмотрению образа первых леди Ближнего Востока в историческом контексте. Ульрих Марцольф в энциклопедии «Тысяча и одна ночь» упоминает, что в древности первые леди Ближнего Востока часто играли роль посредников между своими мужьями и другими важными политическими фигурами.

В качестве примера можно привести Роксолану (Хюррем-султан) [\[5\]](#). Будучи законной супругой османского правителя султана Сулеймана Великолепного, она вела активную международную переписку и принимала участие в общественных делах.

Заметно это и в сказочных вариациях. Например, в сказках о 1001 ночи и Шахерезаде. Главная героиня играет не только роль рассказчика, но и мудрого советника, способного влиять на правителя. Британский филолог Лейн Э.У. в своих переводах

упоминает, что их образ символизирует дипломатическую мудрость, позволяющую избежать конфликтов и справиться с гневом деспотического правителя [\[6\]](#).

Аналогичные тенденции прослеживаются и в исторических хрониках. Историк Хью Найджел Кеннеди упоминает, что Амат аль-Азиз Умм аль-Вахид Умм Джафар Зубейда (Зубайда) бинт Джафар, любимая жена халифа Харуна ар-Рашида, известна как активная участница политической жизни, финансировавшая инфраструктурные проекты [\[7\]](#). Приведенные примеры подтверждают тезис о том, что первые леди средневекового мусульманского мира часто играли роль неформальных политических деятелей.

Женщины могли участвовать в политических делах, влиять на принятие решений их мужьями, оказывать влияние на общественную жизнь. Примером такой первой леди может быть царица Зенобия (267-272 гг. н.э.). После трагической смерти мужа царя Одената II она не только унаследовала власть, но и значительно расширила границы царства Пальмира.

Как пишет Аласаад Шаза, Зенобия, вероятно, оказалась в плену и была доставлена в Рим после того, как римляне в 272 году завоевали Пальмиру, положив конец кровопролитной войне. До этого она значительно увеличила территорию своего государства, включив в его состав Египет, Малую Азию, Анатолию и другие области Ближнего Востока [\[8\]](#).

Культурная политика Зенобии заслуживает особого внимания. Царица создала при своем дворе настоящий интеллектуальный центр, где встречались философы и учёные. Среди них был известный мыслитель Дионисий Кассий Лонгин, который, по некоторым данным, был советником правителя. Его правление было отмечено уникальным синтезом римских и восточных культурных традиций, что нашло отражение в архитектуре и искусстве Пальмиры.

Следует отметить, что Зенобия не только сохранила власть после смерти своего мужа, но и смогла значительно укрепить позиции Пальмирского королевства, сделав его на некоторое время серьезным соперником Римской Империи на востоке. Ее политика показывает, что в определенных исторических условиях женщины Древнего Ближнего Востока могли не только участвовать в правительстве, но и проводить независимую политику.

С развитием истории и политическими изменениями в регионе образ первых леди также претерпел изменения. В современном мире они часто занимают активную общественную позицию, выступают в защиту прав женщин, участвуют в благотворительных проектах. Эту возможность им дает хорошее образование. Например, в своей родной Иордании Ее Королевское Высочество принцесса Хайя бинт аль-Хусейн основала первую арабскую неправительственную организацию Tkuyet Um Ali (TUA) («Есть, чтобы жить»). Организация активно занимается поддержкой бедных семей, предоставляя им продовольственную помощь и ассистируя в поиске работы. Основная миссия – это борьба против голода.

В Хашимитском Королевстве Иордания Tkuyet Um Ali предоставляет поддержку 30 000 семей, находящихся в состоянии крайней нужды, обеспечивая их необходимыми для жизни товарами и продуктами питания через поставки продовольственных наборов.

Рания аль-Абдулла, королева Иордании, активно занимается благотворительностью через созданные ею организации. Одна из таких инициатив – это фонд, созданный в 2013 году, который носит ее имя (QRF) и направлен на улучшение образовательных и

развивающих программ для детей и молодежи. Фонд ставит своей целью обеспечить молодых людей необходимыми знаниями и умениями, что позволит им адаптироваться и достичь успеха в условиях глобальной конкуренции и перемен [9].

«То, в чем арабский мир нуждается сегодня – это образовательная революция, и мы должны фундаментально измениться, чтобы выполнять амбиции каждого родителя обеспечить ребенка качественным образованием», – рассказывает Рания аль-Абдулла.

В современном обществе традиционные роли женщин, включая те, что касаются поддержания культурных и религиозных стандартов, часто оказываются нарушенными. Первые леди, влиятельные представительницы элиты, теперь не всегда отражают эти устоявшиеся ценности. Они, обладая индивидуальными убеждениями и четко выраженнымми жизненными позициями, могут сталкиваться с конфликтами, что существенно влияет на то, как они представлены в медиа, и часто приводит к проблемам.

Культурные особенности и традиции первых леди Ближнего Востока

Культурные особенности и традиции первых леди Ближнего Востока имеют древние корни. Они, как уже было сказано, тесно связаны с историей и обычаями этого региона. В традиционном обществе Ближнего Востока женщины играли важную роль в поддержании культурных и религиозных традиций. И первые леди, как представительницы высшего слоя общества, отражали эти ценности и нормы. Например, одной из важных культурных особенностей первых леди данного региона является уважение к семейным ценностям и традициям. Они часто выступают в качестве защитниц семьи, заботятся о благополучии своих детей и родственников. При этом они поддерживают традиционные обычаи в сфере одежды, кулинарии и религии. Однако сегодня это часто нарушается [10]. Королева Иордании Рания аль-Абдулла носит нехарактерные для королев джинсы с белой рубашкой или почти традиционный мусульманский наряд. «Почти» – потому что много лет назад королева Рания сказала во всеуслышание: «В религии нет принуждения. Я сама приняла решение не носить чадру», – ответив на постоянные вопросы западных журналистов о том, почему даже во время официальных визитов с мужем, королем Абдаллом II ибн Хусейн аль-Хашими, она не покрывает голову платком [11].

Репрезентация первых леди Ближнего Востока в мировых СМИ

Еще одним важным аспектом культуры первых леди Ближнего Востока является участие в социальных и благотворительных проектах. Они часто играют важную роль в различных благотворительных организациях и инициируют проекты по улучшению образования. Являются патронами организаций здравоохранения и социального развития. Например, будучи главой Иорданского фонда, неправительственной организации, которую она создала в 1995 году, королева Рания помогает женщинам принимать участие в экономической жизни страны и создавать новые компании [12].

В 1960 году Фаррохру Парса вошла в историю Ирана, став первой женщиной, занявшей министерский пост в кабинете шаха Резы Пехлеви. Ее назначение способствовало продвижению прав женщин, в том числе обеспечивая им доступ к голосованию и праву на развод.

Фаррохру Парса сыграла важную роль в развитии феминистского движения в Иране и стала важной фигурой в борьбе за права женщин [13]. Как пишет А.В. Березина, ее

деятельность получила высокую оценку видных общественных деятелей, в том числе правозащитницы Махназ Афхами и лауреата Нобелевской премии мира 2003 года Ширин Эбади, которые неоднократно упоминали ее заслуги в своих выступлениях [14].

Фаррохру Парса была казнена во время исламской революции, некоторые из ее идей и разработок позже нашли отражение в политике нового правительства.

«Я – врач, поэтому смерти не боюсь. Смерть – мгновение и не более того. Я готова встретить смерть с распростертыми объятиями, чем жить в позоре, будучи насильственно укрытой покрывалом. Я не покорюсь тем, кто ждет от меня раскаяния в моей полувечевой борьбе за равенство мужчин и женщин. Я не готова носить чадру и шагнуть обратно в прошлое», – цитирует последнее письмо детям от Фаррохру Парсы журнал *Forbes*.

Стоит упомянуть и о Фарах Пехлеви – экс-императрица Ирана (1967–1979), третья супруга шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. В медиапространстве её образ конструируется через несколько ключевых нарративов.

В западных и прозападных СМИ Фарах Пехлеви часто представляется как воплощение «прогрессивного» монархического Ирана. Акцент делается на её роли в продвижении искусства, образования и женской эмансипации, а также на меценатской деятельности (например, создание Музея современного искусства в Тегеране).

«В 60-70-е годы о Фарах Пехлеви можно было прочитать что угодно, а история ее жизни возглавляла все аристократические романы: будучи "простой студенткой", она завоевала сердце могущественного шаха Персии и родила ему четверых детей. Ее сравнивали с Грейс Келли и Джеки Кеннеди», – пишет в своей статье "Императрица Ирана Фарах Пехлеви: жизнь в изгнании" журнал "Фокус".

В иранских государственных медиа после 1979 года её изображают как часть «коррумпированного режима Пехлеви», подчёркивая связь с авторитаризмом и западным влиянием. Левые движения также критиковали её за принадлежность к элитарному классу, игнорирующему социальное неравенство.

В эмигрантских иранских СМИ (особенно в США и Европе) её фигура мифологизируется как «последняя императрица», символизирующая утраченную светскую идентичность Ирана. Этот дискурс подкрепляется её мемуарами («An Enduring Love», 2004) и редкими публичными выступлениями.

Вне политики Фарах Пехлеви остаётся медиаперсоной благодаря её стилю (её образ ассоциируется с модой 1970-х) и связям с мировыми знаменитостями (например, дружба с Энди Уорхолом).

Сегодня Иран сменил вектор. Так жена экс-президента Ирана Эбрахима Раиси Джамилэ-Садат Аламолхода рассказала во время интервью венесуэльскому телеканалу Telesur, что обучение и работа для женщин является «примером насилия». Об этом рассказывает и *Iran International*. Несогласная с мировым движением феминизма, экс-первая леди Ирана заявила, что страны подвергают женщин организованному сексуализированному насилию, разрешая работать и учиться «под предлогом свободы». «Мы хотим, чтобы женщины оставались женщинами. Почему мы должны быть похожи на мужчин? Почему мы должны учиться, работать или жить как мужчины? Это форма насилия», – сказала она.

Анализ медийных репрезентаций в ведущих западных изданиях (*The New York Times*,

BBC, CNN, Le Monde) выявляет устойчивые медийные фреймы, через которые преподносятся первые леди региона. Часто доминируют фреймы «Модернизатор», «Сторонница западных ценностей», «Хранительница традиций», «Символ Востока». Подобные фреймы редко существуют в чистом виде, но их чередование или смешение создает упрощенное, а иногда и противоречивое представление. Важно отметить, что выбор фрейма часто зависит не только от действий самой первой леди, но и от текущей политической повестки, редакционной политики издания и культурных стереотипов его аудитории.

Напомним, что не все первые леди Ближнего Востока придерживаются консервативных взглядов в отношении роли женщины в обществе. Хотя они и выступают в качестве символа традиционной женственности и добродетели, соблюдая определенные нормы поведения и этикета, но сегодня их роль на международной арене возрастает все больше и больше [\[15\]](#).

Рассмотрим репрезентацию первых леди Ближнего Востока в мировых СМИ. Анализ основных тенденций и стереотипов неоднозначен. Если говорить об основных тенденциях в представлении первых леди Ближнего Востока журналистами, то можно заметить две противоречивых тенденции [\[16\]](#).

Например, одна из тенденций – жена всегда подчиняется мужу, а вторая тенденция состоит в том, что женщины Ближнего Востока стали более независимыми. Они совершают самостоятельные визиты в другие страны.

Известна встреча королев Ближнего Востока с бывшей королевой Великобритании Елизаветой II.

Стереотипы же заключаются в том, что женщина должна быть скромной, с покрытой головой и в традиционной одежде. Но сегодня данное правило соблюдается далеко не всегда. Этот факт подтверждают ранее приведенные примеры. В последние годы первые леди Ближнего Востока стали все более заметными и активными в мировой политике и общественной жизни. Их образы и деятельность часто обсуждаются в мировых СМИ.

Поэтому первые леди этого региона часто подвергаются критике и осуждению (за свои действия и высказывания). Они становятся объектами общественного недовольства, что также отражается в репрезентации в мировых СМИ. То есть репрезентация первых леди Ближнего Востока в медиапространстве отражает как положительные, так и отрицательные стороны их деятельности. Важно осознавать, что образы и стереотипы, создаваемые вокруг этих женщин, могут быть искаженными и не всегда отражают их реальную роль и вклад в общественную жизнь.

Образ первых леди Ближнего Востока имеет значительное влияние на восприятие этого региона за рубежом. Он может быть как позитивным, так и негативным для иностранцев. Ведь многие формируют свое впечатление о странах Ближнего Востока на основе того, как позиционируются их лидеры с супругами на мировой арене новостей [\[17\]](#).

Первые леди Ближнего Востока, как правило, сталкиваются с определенными стереотипами. Они могут изображаться как подчиненные, безгранично верные своим мужьям и лишенные собственного мнения. Но если образ первых леди Ближнего Востока используется для поддержания и укрепления имиджа страны за рубежом, то такой стереотип опасен. Только если первая леди представляет собой современную, образованную и активную женщину, она может стать символом прогресса и

современности своей страны. Такой образ вполне может способствовать улучшению восприятия данного региона. При этом привлечение внимания к его культуре и достижениям сегодня необходимо: на Востоке снижается добыча нефти и на первый план выходит сфера туризма.

Как видим, образ первых леди играет важную роль в формировании восприятия Ближнего Востока за рубежом. Он является как источником стереотипов и предвзятого отношения, так и возможностью для просвещения. Поэтому важно, чтобы мировые СМИ представляли первых леди в объективном свете, учитывая их индивидуальные качества. Достижения и вклад в общественную жизнь первых леди неоспоримы.

Исследования современных СМИ показывают устойчивую тенденцию к упрощенному и часто поляризованному изображению образа первых леди Ближнего Востока. Существует четкая дихотомия в их представлении в западных СМИ: с одной стороны, они представлены как носители прогрессивных и активистских взглядов, с другой стороны – как последователи радикальных взглядов, хранители традиционных ценностей с ограниченной общественной ролью. Такой бинарный подход не только искажает реальную ситуацию, но и помогает закрепить упрощенные представления о сложных социально-политических процессах в регионе.

При этом не следует недооценивать значительный позитивный потенциал, заложенный в грамотном и сбалансированном освещении деятельности первых леди государств Ближнего Востока. Многочисленные примеры показывают, как их социальная работа в различных областях – от образования и здравоохранения до культурного диалога и эмансипации женщин – может оказывать значительное влияние на международное восприятие их стран.

Достоверное и всестороннее освещение их инициатив и проектов позволяет разрушить устоявшиеся стереотипы и продемонстрировать разнообразие социальных ролей, которые женщины играют в обществах Ближнего Востока. Особенно важно выделить конкретные достижения и вклад в различные сферы общественной жизни, что способствует более объективному и дифференцированному взгляду на регион в целом.

В этом отношении особенно показателен контраст в освещении деятельности различных представителей этого статуса. В то время как некоторые из них привлекают значительное внимание СМИ и представляются как символы модернизации, другие практически не появляются в международном информационном пространстве. Такая избирательность в освещении формирует фрагментарное и часто искаженное представление о реальной роли и влиянии женщин в политической и социальной жизни стран региона.

Критический анализ и перспективы дальнейших исследований

В дальнейшем для критического анализа влияния образа первых леди Ближнего Востока на восприятие этого региона за рубежом нужно уделить внимание некоторым ключевым аспектам [18]. Важно изучить, какие именно образы и стереотипы оказывают наибольшее влияние на восприятие первых леди Ближнего Востока. Какие качества и действия первых леди вызывают наибольший интерес или критику со стороны мировой общественности? А затем проанализировать: позитивный или негативный образ с помощью этого формируется?

Также необходимо провести анализ того, как образы первых леди Ближнего Востока влияют на политические и экономические отношения между странами. Нужно

рассмотреть как взаимоотношения в регионе, так и взаимоотношения со странами Запада. Можно рассмотреть вопросы: «В какой степени образ первой леди может стать фактором внешнеполитического влияния?», «Какие стратегии используются для управления этим образом в целях достижения внешнеполитических целей?».

Также можно оценить роль и влияние мировых СМИ на формирование образа первых леди Ближнего Востока: механизмы, которые используются для создания определенных образов и стереотипов, методы, применяющиеся для изменения негативных представлений и повышения объективности в презентации первых леди.

Безусловно одно: для дальнейших исследований необходимо углубленное изучение влияния образа первых леди Ближнего Востока на восприятие региона за рубежом. Проведение анализа на основе конкретных примеров, исследование динамики изменения образов первых леди в мировых СМИ поможет более глубоко понять роль этих женщин в формировании общественного мнения. Такой анализ можно использовать и в практических целях, например для разработки стратегий публичной дипломатии или улучшения международного имиджа стран региона [\[19\]](#).

Особый интерес представляет сравнение медийных образов первой леди в западных и восточных СМИ, а также анализ влияния ее общественной деятельности – будь то участие в социальных проектах, появление на международных платформах или модные предпочтения – на восприятие ее как женщины. Не менее важно изучить, как культурные и религиозные особенности Ближнего Востока отражаются в их публичных образах и как эти образы адаптируются к мировой аудитории.

Кроме того, исследование могло бы охватить влияние цифровых технологий и социальных сетей на формирование имиджа первой леди. Сегодня публичные выступления, публикации и даже стиль одежды первых леди мгновенно распространяются по интернету, создавая определенный контент. Анализ этих данных позволит выявить закономерности в изображении в СМИ женщин, находящихся у власти, и их роли в «мягкой силе» своей страны [\[20\]](#).

Таким образом, тщательное изучение этого явления может не только расширить академические знания о гендерных аспектах ближневосточной политики, но и предоставить практические инструменты для формирования более сбалансированного восприятия региона в мире.

Исследование подтверждает, что первые леди Ближнего Востока являются значимыми акторами в дипломатии, социальной сфере и формировании международного имиджа своих стран, несмотря на исторические и культурные контексты. Их деятельность в благотворительности, образовании и культурном посредничестве служит важным инструментом "мягкой силы". Анализ медиарепрезентаций выявил преобладание поляризованных фреймов, искажающих сложность их роли. Ключевой вывод: образ и деятельность первых леди существенно влияют на внешнее восприятие региона, опровергая стереотипы о тотальном угнетении женщин и подчеркивая их агентность. Для улучшения международного позиционирования стран региона необходимо разрабатывать стратегии более объективного и сбалансированного медийного освещения их первых леди.

Библиография

1. Марцольф У. Энциклопедия "Тысяча и одна ночь" / пер. с англ. А.Н. Смирнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восточная литература, 2004.

2. Lane E.W. *The Thousand and One Nights*. London: Charles Knight and Co., 1839. Vol. 1.
3. Kennedy H. *The Court of the Caliphs: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2004.
4. Аласаад Ш. Историко-археологическое наследие Пальмиры и его сохранение в условиях военного конфликта // *Поволжская археология*. 2018. № 4 (26). С. 222-234. DOI: 10.24852/2018.4.26.222.234 EDN: SNGWDJ.
5. Березина А.В. Феминизм в Иране: генезис и эволюция // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 2(18). С. 114-130. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-2-18-114-130 EDN: NTVTYN.
6. Брауэр К.А. Первая леди. Тайная жизнь жен президентов. М.: Эксмо, 2021.
7. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978.
8. Морозова Н.Н. Король Иордании Абдалла II: политический портрет // *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 4. С. 690-701. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-690-701 EDN: NNPKCJ.
9. Абрамова А.В. Роль цифровой дипломатии королевы Рании в формировании имиджа Иордании // Центр востоковедных исследований, Центр внешнеполитического сотрудничества имени Е.М. Примакова, 2020. 11 с.
10. Торубарова Т.В., Андрейченко Л., Зидан Ж.Р. Первые леди Ближнего Востока: изменение образа в мировых СМИ // Litera. 2022. № 9. С. 59-69. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.9.38809 EDN: PVNMFH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38809
11. Al-Sharmani M. Egyptian Family Courts: A Pathway of Women's Empowerment? // *Islamic Law and Society*. 2013. Vol. 20, No. 3. P. 267-298.
12. Сайфатова А.Р. Политический институт первой леди: мировой опыт и перспективы современной России // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 145-147. DOI: 10.34823/SGZ.2022.5.518897 EDN: LQKSQE.
13. Нормаева М. Гендерный фактор в современной Турции // *Central Asian Journal of Education and Innovation*. 2024. Т. 3, № 2-2. С. 132-137.
14. Никифорова Д.О. Влияние внешнего вида первой леди на ее образ // Форум молодых ученых. 2022. № 12. С. 191-197. EDN: NUYXCV.
15. Перевезенцев А.Л. Первые леди в истории США: историко-библиографический обзор // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2024. Т. 26, № 1. С. 145-156.
16. Гаджимурадова Г.И., Рабат Л. Роль женщин в политическом дискурсе мусульманских стран // *Исламоведение*. 2020. Т. 11, № 3 (45). С. 5-23. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-3-5-23 EDN: ZIBAYN.
17. Лай Л. Медиаобраз первой леди как элемент "мягкой силы" в публичной дипломатии Китая // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2017. Т. 14, № 3. С. 455-465. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.312 EDN: ZNIKGH.
18. Куркемова Э.Т. Стратегии формирования и трансляции имиджа политиков в сети интернет // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1 (66). С. 84-89. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-084-089 EDN: ZPHSCH.
19. Руженцева Н.Б., Кошмарова Н.Н., Чудинов А.П. Триггеры в дискурсе власти и их отражение в СМИ // Язык и культура. 2020. № 50. С. 99-114. DOI: 10.17223/19996195/50/8 EDN: YYYINY.
20. Васильева Л.А. Ролевые функции современных медийных каналов в процессе политической мифологизации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 61-66. EDN: PACFFH.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

НА НАУЧНУЮ СТАТЬЮ «ПЕРВЫЕ ЛЕДИ АРАБСКОГО МИРА В ЗЕРКАЛЕ ЗАПАДНЫХ МЕДИА»

Данная научная статья посвящена анализу роли первых леди арабского мира в зеркале западных средств массовой информации.

Предмет исследования - первые леди арабского мира в зеркале западных медиа. Статья посвящена анализу образов, создаваемых в западных СМИ о жёнах арабских лидеров. Данное исследование охватывает разные аспекты представления этих женщин, в том числе роль женщин в политике, жизни общества и различных культурных аспектах.

Методика исследования. Автор научной работы применяет контекстуальный анализ, подробно рассматривая научные публикации и репортажи западных СМИ о первых леди арабского мира в различные временные периоды. Методика включает не только количественный, но и качественный подходы, предоставляя возможность более глубоко понимать, как именно формируются стереотипы о женщинах в целом в контексте арабского мира. В том числе, применяется сопоставительный анализ для определения различий (выявления общего и специфического) в представлении первых леди в разных странах мира.

Актуальность работы обусловлена процессами глобализации, а также повышенного интереса к культурной специфике. В рамках современных геополитических трансформаций глубокое понимание того, как западные СМИ формируют образы женщин в арабском мире, имеет главное значение для межкультурной коммуникации.

Научная новизна работы состоит в том, что представляет собой комплексный анализ образов первых леди арабских стран, анализ ранее не являлся предметом исследования. В статье выделяются ключевые тенденции, а также стереотипы, доминирующие в западных СМИ. Автор научной работы рассматривает влияние данных образов на общественное мнение и на политику в целом.

Стиль, структура, содержание. Научная статья написана в научном стиле и состоит из Введения, раздела Методы и принципы исследования, раздела Обсуждение и Основные результаты, Заключения (выводы и рекомендации) и Списка источников с текущими исследованиями в рассматриваемой области.

Заключение подводит итоги проведённого исследования, в том числе, формулируя рекомендации для перспектив дальнейших исследований.

Библиография научной статьи включает различные источники, как например, научные публикации, по теме:

1. Нормаева М. Гендерный фактор в современной Турции // Central Asian Journal of Education and Innovation. 2024. Т. 3, № 2-2. С. 132-137.

Замечания к статье:

В разделе Введение не прописана актуальность, объект и новизна исследования, не соответствует требованиям оформления.

В соответствии с вышеизложенным целесообразно отклонить представленный материал с правом повторного представления в журнал «Litera» только при условии учета автором замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Первые леди арабского мира в зеркале западных медиа" представляет собой исследование в области медиадискурса.

Актуальность исследования определяется контекстом глобализации и растущим вниманием к культурной специфике.

Научная новизна заключается в комплексном анализе образов первых леди арабских стран – темы, ранее не становившейся предметом специального изучения.

Объект исследования – образ и медийная репрезентация первых леди стран Ближнего Востока в западных СМИ как инструмент формирования международного восприятия региона.

Предмет исследования – первые леди арабского мира в зеркале западных медиа.

Цель исследования – критически проанализировать, как западные и американские медиа формируют образы первых леди Ближнего Востока и как эти образы влияют на международное восприятие региона.

Задачи исследования состоят в

изучении исторической эволюции роли первых леди в странах Ближнего Востока, выявлении ключевых стереотипов и нарративов в репрезентации первых леди в западных СМИ, а также оценке влияния медиаобразов на международное восприятие Ближнего Востока.

К сожалению, в работе есть недостатки этического характера.

Так, выявлено противоречие и ангажированность.

Сначала, говоря об Иорданской монархии, автор пишет, что женщины в правящей элите выступают за традиционные ценности, что преподносится как позитивное направление. При этом, говоря современном Иране, где первая леди говорит приблизительно то же самое, автор оценивает это как "откат".

В исследовании в целом присутствует оценочность действий главных леди, что недопустимо в научном исследовании.

Утверждая, что на Ближнем востоке "жена всегда подчиняется мужу", автор не приводит ссылки на эту цитату.

Кроме того, автор, говоря о разных ветвях ближневосточного общества объединяет разные традиционные системы, в том числе кардинально различающиеся положением женщин мусульманскую шиитскую и суннитскую, разные национальности (арабы и персы) и разные эпохи.

При этом автор избегает определения Ближнего Востока и входящих в него стран. Так, не проанализированы образы первых леди стран Магриба, Египта, Турции, Израиля. Фактически, в статье описан образ воспитанных и живущих в Лондоне иорданских жены и дочери монарха, имеющих мало отношения как к политике региона, так и к его жителям.

Описывая первых леди, автор избегает упоминания жены Шаха Пехлеви, говоря лишь о министре, что является намеренным искажением информации.

Автор также не упоминает недавний скандал с женой Пехлеви, представленный в мировых СМИ, что также дополняет образ первых леди и делает его более объективным.

В статье также присутствуют догадки автора, не осведомлённого о религиозной и идеологическом многообразии Ближнего Востока, не подкрепленные никакими источниками, кроме запрещённых в РФ ваххабитских идей, популярных в Саудовской Аравии, о которой автор не упоминает, например, "по мусульманским законам, женщина должна выходить из дома желательно с мужем либо с кем-то из мужской части семьи".

Не указан метод исследования.

Библиография содержит необходимое количество актуальных источников.

Таким образом, статья не соответствует заявленной теме, в ней отсутствует научный метод исследования, есть оценочность, в связи с чем она не может быть рекомендована

к публикации в журнале "Litera".

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет изучения рецензируемой статьи довольно оригинален и специфичен, при этом нетривиален, нов. Автор осуществляет попытку проанализировать как в формате медиа и СМИ складывается образ первых леди Ближнего Востока. Собственно цель исследования – «критически проанализировать, как западные и американские медиа формируют образы первых леди Ближнего Востока и как эти образы влияют на международное восприятие региона». Считаю, что четкость цели (прагматика задач) задает выверенную логику разверстки указанной проблемы. Исследования этого вопроса есть, но новая версия (системный ориентир) дополнит имеющийся базис наработок. Статья достаточно объемна, ей присуща должная научная новизна, объективность манифестируемой точки зрения. Стиль сочинения соотносится с научным типом: например, «первая леди – это титул, который обычно используется для обозначения супруги президента или другого главы государства. Первая леди чаще всего активно участвует в общественной деятельности, поддерживает своего супруга в политических делах, часто занимает важные позиции в обществе. В некоторых странах титул «первая леди» также применяется к жене премьер-министра или другого высокопоставленного чиновника», или «Культурная политика Зенобии заслуживает особого внимания. Царица создала при своем дворе настоящий интеллектуальный центр, где встречались философы и учёные. Среди них был известный мыслитель Дионисий Кассий Лонгин, который, по некоторым данным, был советником правителя. Его правление было отмечено уникальным синтезом римских и восточных культурных традиций, что нашло отражение в архитектуре и искусстве Пальмиры» и т.д. На мой взгляд, автор статьи стремится к некому синкретизму в рассмотрении вопроса, т.к. в работе сбалансирован и исторический план, и философский, и социологический, и кульстрологический. Разные варианты оценки дают, пожалуй, и нужный результат; статья информативна, целостна, логически точна. Большая часть суждений объективна: например, «с развитием истории и политическими изменениями в регионе образ первых леди также претерпел изменения. В современном мире они часто занимают активную общественную позицию, выступают в защиту прав женщин, участвуют в благотворительных проектах» и т.д. Серьезных фактических не точностей не выявлено, текст не нуждается в особой правке. Думаю, что цитаты / отсылки могли быть оформлены «точнее», в виде – «...» [2, с. 345]. Но этот момент остается на усмотрении главного редактора, если есть смысл – автор может формально это доработать. Библиографические источники разнообразны, автору удалось максимально подобрать литературу, которую можно использовать далее при формировании новых тематических близких статей. Текст дробится на т.н. смысловые части, думаю, что это оправдано; читателю удобно будет следить за развитием научной мысли, двигаться «как бы» в след за автором. Думаю, что в целом тема, заявленная в заголовке, раскрыта: автору удалось обозначить ряд основных тенденций презентации первых леди Ближнего Востока в мировых СМИ, при этом данная оценка сделана аргументировано, точно. Автор приходит к выводу, что «первые леди Ближнего Востока являются значимыми акторами в дипломатии, социальной сфере и формировании международного имиджа своих стран, несмотря на исторические и культурные контексты. Их деятельность в благотворительности, образовании и культурном посредничестве служит важным

инструментом "мягкой силы". Анализ медиарепрезентаций выявил преобладание поляризованных фреймов, искажающих сложность их роли». Стоит согласиться с данным итогом, но автор указывает, что изучение темы вполне перспективно. С учетом сказанного можно тезировать: статью «Первые леди арабского мира в зеркале западных медиа» можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кокорина М.В. Структура и содержание лексико-семантического поля «Школьные предметы» в английском и русском языках // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75271 EDN: BGEQRM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75271

Структура и содержание лексико-семантического поля «Школьные предметы» в английском и русском языках

Кокорина Мария Владиславовна

аспирант; филологический факультет; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

115054, Россия, г. Москва, р-н Замоскворечье, ул. Дубининская, д. 40, кв. 143

✉ kokorina.96@inbox.ru



[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75271

EDN:

BGEQRM

Дата направления статьи в редакцию:

18-07-2025

Дата публикации:

25-07-2025

Аннотация: В современном мире происходят трансформационные геополитические процессы, которые напрямую влияют на состояние, функционирование и перспективы образовательной политики разных стран, что ведет к изменению векторов развития терминосистем образования. В статье сопоставляются структурно-содержательные характеристики лексико-семантического поля «Школьные предметы» в английском и русском языках. Рассматриваются современные научно-теоретические подходы к заявленной проблеме и выявляются основные тенденции развития терминосистем образования в США, Великобритании и Российской Федерации. Предметом исследования является сопоставительный анализ совокупности единиц, составляющих исследуемое поле в двух языках. Цель работы – сопоставить номинации школьных предметов в английском и русском языках в рамках лингвокультурологического подхода. Особое

внимание уделено особенностям институционализации и образовательных традиций, а также их языковой объективации. На основе разработанных параметров проанализированы универсальные и уникальные единицы, сопоставлена их семантическая диффузия и потенциал к синонимии. При проведении исследования использовались методы тематической классификации и систематизации языкового материала, методы контекстуального и лексико-семантического анализов, а также метод лингвокультурологического анализа, основанный на сопоставлении и сравнении этнокультурных различий в концептуализации обозначений школьных предметов и их языковой объективации. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на обширном языковом материале определены объем, структура и состав субполей, формирующих лексико-семантическое поле «Школьные предметы» в сопоставляемых языках, а также выявлены причины асимметричной семантической стратификации данного поля. Практическая значимость работы определяется возможностью ее применения при создании билингвальных глоссариев, переводе образовательных документов, а также в процессе подготовки переводчиков, задействованных в работе международных образовательных программ. В результате установлено, что в настоящее время в англоязычной и русскоязычной образовательных терминосистемах преобладают центробежные тенденции, что свидетельствует об устойчивом процессе деглобализации и стремлении к сохранению уникальности терминосистем. Объективация обозначений школьных предметов в английском и русском языках обусловлена не только различиями в языковых структурах, но и значительным влиянием экстралингвистических факторов. Таким образом, проведенное исследование обогащает теоретическую базу по теме, а также подчеркивает актуальность изучения образовательных терминологий и определяет общий вектор развития современных систем образования.

Ключевые слова:

обозначения школьных предметов, терминосистемы школьного образования, русскоязычный образовательный дискурс, англоязычный образовательный дискурс, лексико-семантическое поле, субполе, универсальность единиц, уникальность единиц, семантическая диффузия, синонимия

Введение

Изучение терминосистем образования представляет собой важное и актуальное направление лингвистических исследований, поскольку именно через данный пласт лексики проявляются как внутренняя структура и организация учебного процесса, так и тенденции социокультурных, когнитивных и лингвокультурологических трансформаций в современном обществе (см. [\[1\]](#),[\[2\]](#),[\[3\]](#),[\[4\]](#)). Наряду с данными преобразованиями происходят неизбежные изменения в общеупотребительной лексике и специализированных терминологиях, поскольку «локальное своеобразие культуры и системы образования неизбежно начинает оказывать влияние на любую новую терминологию, в том числе призванную нивелировать различия и облегчить понимание» [\[3, С. 30-31\]](#).

Указанные изменения предопределяют переориентацию образовательной парадигмы: от приоритетов глобализации — к сохранению лингвокультурной идентичности и национальных образовательных традиций. В рамках этих преобразований наблюдается

активное обновление терминологических систем в сфере образования. Анализ лингвистических и лингвокультурных характеристик образовательной терминологии позволяет не только выявить актуальные тенденции в развитии образовательного дискурса, но и определить перспективы его дальнейшей эволюции [5]. В этом контексте особую значимость приобретают исследования лексико-семантических полей, презентирующих ключевые элементы образовательной системы, в том числе — номинации школьных предметов.

Целью настоящего исследования является сопоставительный анализ структуры и семантической стратификации поля «Школьные предметы» в английском и русском языках. В рамках работы предполагается выявить универсальные и этноспецифические характеристики представления учебных дисциплин в образовательной терминологии.

Методы и материалы

При проведении исследования использовались методы тематической классификации и систематизации языкового материала, методы контекстуального и лексико-семантического анализа, а также метод лингвокультурологического анализа, основанный на сопоставлении и сравнении этнокультурных различий в концептуализации обозначений школьных предметов и их языковой объективации.

Материалом для исследования послужила авторская картотека терминологических единиц (более 700), относящихся к номинации школьных дисциплин. Эмпирический материал был извлечен методом целевой выборки из нормативных и программных образовательных документов, регламентирующих работу образовательных организаций США, Великобритании и Российской Федерации. Основу эмпирического исследования составил материал, представленный на официальных сайтах и порталах государственных общеобразовательных учреждений сопоставляемых систем образования.

По результатам отбора материала были выведены параметры для сравнительно-сопоставительного анализа, а также применен количественный метод в исследовании для обобщения полученной информации.

Результаты

Результаты исследования свидетельствуют об асимметрии семантической стратификации поля «Школьные предметы» в английском и русском языках. В английском языке данное поле структурируется на три субполя — «обязательные предметы», «предметы по выбору (элективы)» и «предметы для углубленного изучения». В русском языке организация поля представлена двумя субполями — «обязательные предметы» и «предметы по выбору (элективы)». Симптоматично слияние субполей «предметы по выбору» и «предметы для углубленного изучения» в русском языке, что обусловлено спецификой образовательной системы РФ, а также особенностями академической традиции. Выбранные старшеклассниками учебные дисциплины предполагают углубленное изучение определенных предметов и становятся обязательными элементами учебного плана [6, С. 82].

Как показал сопоставительный анализ, исследуемые субполя дифференцируются по объему, структуре и содержанию. Так, в англоязычном материале субполе «обязательные предметы» имеет 4 ядерные единицы (Language Arts, Math, Science, Social Studies), тогда как в русскоязычном корпусе выявлено 13 ядерных лексем (русский язык, литература, иностранный язык, математика, информатика, история, география, обществознание, физика, химия, биология, физкультура, ОБЖ).

При сопоставлении субполей «предметы по выбору» установлены как типологические различия, так и дифференцированные тенденции в трактовке элективных дисциплин. Анализ 300 единиц в английском языке позволяет сделать вывод о широкой диверсификации элективов, не ограниченных рамками академических требований, что свидетельствует о гибкой структуре образовательных систем Великобритании и особенно — США. Анализ 80 единиц, функционирующих в аналогичном субполе в русском языке, приводит к выводу о количественной асимметрии совокупности единиц (по сравнению с англоязычным материалом), дифференциации структурно-содержательных характеристик субполей, а также разнице образовательных подходов при формировании учебных планов.

Анализ единиц, входящих в субполе «предметы для углубленного изучения» свидетельствует о широкой диверсификации и количественной асимметрии в американском и британском материале. Установлено, что дифференциация учебных программ (Advanced Placement vs A-level в американской и британской системах образования соответственно) является ключевым фактором обуславливающим различия структуры и содержания данного субполя. Как упоминалось, слияние субполей «предметы по выбору» и «предметы для углубленного изучения» в русском языке исключают возможность релевантного сопоставления с англоязычным материалом, вследствие чего представляется необходимым выведение параметров, соответствующих поставленной задаче.

Исследование образовательной терминологии в рамках поля «Школьные предметы» осуществлялось в ракурсе когнитивно-дискурсивной парадигмы с акцентом на три ключевых параметра:

- универсальность / уникальность;
- семантическая диффузия / прозрачность;
- синонимия.

Универсальность сопоставляемых единиц обусловлена общей этимологией, латинизацией научной традиции, стремившейся к единообразию в эпохи Возрождения и Просвещения, англизацией терминов как глобальной тенденцией в языке, описывающем научно-технические достижения. Приведем примеры из сопоставляемого материала: биология — biology, физика — physics, 3D печать — 3D printing, копирайтинг — copywriting и др.

Уникальность лексем проявляется в объеме и характере номинаций. Наиболее широкий спектр таких единиц выявлен в американской образовательной терминосистеме, которая отличается высокой степенью терминологической продуктивности, лингвокреативностью, а также ориентацией на практикоориентированный и междисциплинарный подход: AP Research, Advanced Video Games Design, American Sign Language, Flight Training and Global Commerce и др.

В британской терминосистеме количество уникальных единиц значительно меньше, чем в американской; их функционирование соотносится с более устойчивым, академически ориентированным понятийным рядом, обусловленным исторической традицией. Приведем примеры: Media Studies, Law, Classics, Classical Civilisation и др.

Российская терминосистема образования характеризуется сохранением собственной самобытности, а также тенденцией к переосмыслению терминов советской эпохи, наряду с существующими процессами заимствования новых терминоединиц: семеведение, мировая художественная культура, основы религиозных культур и светской этики, компьютерное моделирование технических систем, культура и креативность и др.

Превалирование уникальных лексем в англоязычном материале логично взаимосвязанно с выраженной семантической прозрачностью: *Automotive Braking Systems, Design + Marketing, Apparel Construction, Personal Financial Management* и др. Поскольку в русскоязычной терминосистеме образования доминируют универсальные термины, семантическая диффузия одной из симптоматических характеристик рассматриваемых совокупностей единиц. Приведем примеры: индивидуальный проект, основы предпринимательской деятельности, введение в лингвистику, право, экономика и др. Тем не менее, отметим, что большой приток неологизмов в русскоязычную терминосистему образования обусловил наличие определенного количества единиц, обладающих размытым семантическим объемом: ИТ-специальность, 3D-моделирование, креативность, медиаграмотность и др.

Установлено, что синонимические отношения лексем особенно ярко проявлены в русскоязычном материале. Функционирование синонимических дублетов обусловлено структурой русского языка и его словообразовательным потенциалом с одной стороны и обновлением терминологии в контексте модернизации образования — с другой. Выраженная синонимия часто является результатом введения новых лексем наряду с функционированием устоявшихся терминоединиц образования, например: вертикаль — профиль — направление — класс; технология — труд — трудовое обучение и др.

В англоязычном материале синонимия выражается в функциональных различиях и носит условный характер: *electives — advanced courses — advanced placement — enrichment courses*.

Проведенное исследование показало, что структура и функционирование поля «Школьные предметы» в английском и русском языках имеет выраженную лингвокультурную обусловленность, а также институциональную дифференциированность. Анализ структурно-содержательных характеристик поля по выведенным параметрам свидетельствует о специфическом соотношении уникальности, прозрачности и синонимической организации терминоединиц, что обусловлено как лингвистическими, так и экстравалингвистическими причинами. Установлено, что среди многообразия факторов наибольшее влияние оказывает дифференциация образовательных моделей.

Американская система образования ориентирована на гибкость и адаптивность, что приводит к большому притоку терминов-неологизмов, вводимых в терминосистему в соответствии с актуальными образовательными и рыночными запросами. Британская образовательная система сохраняет академическую традицию и умеренную инновационность, однако также подвержена определенной трансформации под влиянием социально-общественных и geopolитических преобразований. Российская модель образования имеет централизованный характер и регламентируется государством. Такая система стремится к балансированию между сохранением собственной уникальности и необходимым инновациям в области пополнения терминологического аппарата.

Установлено, что адаптация к современным реалиям обусловило появление новых терминов в русскоязычной терминосистеме образования, однако их количество значительно меньше, как минимум, в три раза, по сравнению с англоязычными терминосистемами. Это подтверждает уникальность образовательного пространства РФ, а также подчеркивает этноспецифическую сущность русской лингвокультуры.

Обсуждение

В области языкоznания тезис о неразделимости языка и мысли служит фундаментом научных исследований на протяжении целого столетия. По образному выражению

Уолласа Чейфа, лингвистика, основанная на мышлении, представляет собой сложную и комплексную проблему, поскольку структура и содержание мысли не поддаются прямому лингвистическому анализу [7]. Тем не менее, аксиоматичность связи языка и мышления остается неоспоримой.

Как справедливо отмечает А.А. Кибрик, данный тезис формирует «когерентную картину всей основной проблематики лингвистики» [8, С. 166]. Язык становится доступным для наблюдения и анализа именно через проявления когнитивной системы. Ergo, изучение ментальных процессов, лежащих в основе познания и коммуникации, приобретает особую значимость. Исследование терминосистемы образования в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы представляется закономерным и необходимым процессом, поскольку таким образом обеспечивается понимание механизмов концептуализации знания, специфики его вербализации в образовательном дискурсе, а также взаимодействия языка, мышления и социокультурного контекста в передаче смыслов [9].

Представленные результаты исследования свидетельствуют о дифференциации академических традиций и институциональных стандартов в сопоставляемых странах, однако следует особенно выделить значительное влияние лингвокультурного контекста, о чем неоднократно говорили исследователи (см. [10], [11], [12]). Выявленные структурно-содержательные различия в исследуемом поле отражают этнокультурную специфику англо-американской и русской лингвокультур, где дилемма индивидуализм vs коллективизм выступает детерминирующим фактором. Как показал сопоставительный анализ материала, эта дилемма имеет конкретную реализацию в образовательной политике: в странах с преобладанием коллективистских установок (РФ) наблюдается высокая степень государственного регулирования образовательного процесса, что выражается в существенно большем количестве обязательных учебных предметов по сравнению с сопоставляемыми программами Великобритании и США.

Системы образования стран с выраженной индивидуалистической культурной доминантой выстраиваются по принципу гибкости и персонализации. Вектор индивидуального подхода в образовательной траектории особенно выражен в США и проявляется в большом количестве элективных предметов, вариативности учебных планов и автономии образовательных учреждений. В Великобритании частичная фиксированность учебных программ обусловлена исторической преемственностью академических традиций и многовековой институциональной стабильностью. В качестве иллюстрации укажем на популярность изучения латыни в британских школах: латинский язык занимает четвертое место среди иностранных языков [13].

Лингвокультурный фактор является детерминирующим при сопоставлении особенностей институционализации, а также в объективации исследуемых субполей в языке. Уникальность культурно маркированных единиц отражает характерный образ мышления и способ восприятия носителей определенной лингвокультуры [14]. Выявлено, что состав поля «Школьные предметы» дифференцируется во всех трех сопоставляемых лингвокультурах, главным образом, вследствие устойчивого функционирования уникальных единиц. По мнению языковедов, именно лингвокультурный фактор обеспечивает сохранение самобытности терминосистем, несмотря на существующие глобальные тенденции к унификации образовательных терминологий [3].

Симптоматично, что реализация лингвокультурной характеристики также дифференцируется в отношении актуальных понятий мультикультурализм и

мультилингвизм. Так, среди ученых Великобритании ведутся дебаты относительно корректировки оценочных шкал по английскому языку для учащихся иных лингвокультур [15, 16]. Примечательна и разница в номинации предмета английский язык как иностранный в британской и американской терминосистемах образования (*English as an additional language* vs *English as a second language* соответственно). Выявленное различие иллюстрирует вышеупомянутый тезис о специфике вербализации знания в образовательном дискурсе.

Реализация мультикультурализма в русской лингвокультуре в целом и русскоязычном образовательном дискурсе — в частности проявляется иначе. Российский поликультураллизм в среднем образовании нацелен на сохранение ценностей и традиций других народов, при этом изучение русского языка и культуры включается в региональные учебные программы в качестве обязательной составляющей. Важно подчеркнуть, что языковая политика РФ предусматривает замену оппозиции «свой — чужой» на лингвоэкологичную парадигму «свой — другой». Это проявляется, в первую очередь, в том, что изучение русского и родного языков в российских регионах является обязательной частью учебных программ [17]. Отметим, что данная особенность образовательного процесса в России имеет давнюю историю и подчеркивает этноспецифику данной терминосистемы образования.

По результатам анализа было выявлено, что терминологизация учебных предметов определяется как лингвистическими (языковая экономия — в английском языке vs избыточность языковых средств — в русском), так и экстралингвистическими факторами, в частности: geopolитика, изменение курса образовательной политики, включая факт выхода РФ из Болонского Процесса. По справедливому мнению О.А. Зябловой, влияние внешних и внутренних факторов является константным элементом формирования терминологической системы [18]. В работах ученого также подчеркивается, что только в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы возможно адекватное изучение процессов терминообразования и функционирования терминов [ibid.]. Реализация экстралингвистических факторов в русскоязычном материале особенно ярко проявляется в номинации таких учебных предметов, как: семьеоведение, основы безопасности и защиты Родины, история нашего (родного) края, основы духовно-нравственной культуры народов России и др.

Таким образом, полученные результаты согласуются с выводами других исследователей, подтверждая, что формирование образовательных терминосистем и функционирование лексико-семантических полей определяется совокупностью вышеперечисленных факторов.

Заключение

Сравнительно-сопоставительный анализ структуры и содержания лексико-семантического поля «Школьные предметы» продемонстрировал устойчивую тенденцию к сохранению лингвокультурной идентичности, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод об устойчивом процессе деглобализации и стремлении к сохранению уникальности терминосистем. Данные наблюдения открывают перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований в области лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, педагогике, переводоведения.

Выявленные сходства и различия в структуре и содержании исследуемого поля также представляют интерес для разработчиков учебных программ, ориентированных на мультикультурную и многоязычную аудиторию, а также специалистов по эвалюации

документов о получении среднего образования.

Библиография

1. Заварзина В. А. О системной классификации терминологической лексики современного образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2022. № 1. С. 13-23. EDN: ZHPVIZ.
2. Загоровская О. В., Еремеева О. А. Новые методические термины в современном русском образовательном дискурсе // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. 2021. № 3. С. 139-144. DOI: 10.47438/2309-7078_2021_3_139. EDN: YRKNYI.
3. Иконникова В. А., Цверкун Ю. Б. Взаимодействие центробежной и центростремительной тенденций развития терминосистемы школьного образования Англии // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2017. С. 23-33.
4. Кузьминова Е. А. О проблеме асимметрии терминосистем в сфере образования в русском и английском языках // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 40-46. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2024/1/40-46. EDN: FKAONH.
5. Шилихина К. М., Кузьминова Е. А. Влияние исторических факторов на изменение терминосистемы сферы образования в русском языке // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 110-116. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2022/3/110-116. EDN: ZPDYGO.
6. Трубина Г. Ф., Мащенко М. В. Предпрофессиональная социализация личности старшеклассника в процессе обучения // Педагогическое образование в России. 2017. № 1. С. 79-86. DOI: 10.26170/po17-01-11. EDN: XSFFFX.
7. Chafe W. *Thought-based linguistics: How languages turn thoughts into sounds*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
8. Кибрик А. А. "Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки." Итоговая книга У. Чейфа // Вопросы языковедения. 2023. № 4. С. 157-168. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.157-168. EDN: QUMANB.
9. Баженова Е. А., Шенкман В. И. Понятие школа и его дискурсивные реализации: монография. Пермский гос. нац. исследовательский университет. – Пермь, 2022. 192 с. EDN: CKFKGQ.
10. Abdurahmonov, M. O. o'g'li. A Comparative analysis of English and Russian Terminology in Education // Research and Education. 2023. 2(7). Pp. 38-42.
11. Walker, A. D. Developing Cross-Cultural Perspectives on Education and Community // In: Begley, P. T., Johansson, O. (eds) *The Ethical Dimensions of School Leadership. Studies in Educational Leadership*, 2023. Vol. 1. Springer, Dordrecht. Pp. 145-160.
12. Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. McGraw-Hill Irwin, 2010. 578 p.
13. Holmes-Henderson, A., Hunt, S., Imrie, A. Ancient Languages in UK Schools: Current Realities and Future Possibilities // *Languages, Society and Policy*. 2024. URL: <https://www.lspjournal.com/post/ancient-languages-in-uk-schools-current-realities-and-future-possibilities>.
14. Volkova, M. V. et al. Cross-Cultural Markings Of Communication In Modern Times // Knowledge, Man and Civilization – ISCKMC. 2022, vol 129. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Pp. 576-582. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2022.12.74>.
15. Rutgers, D. et al. Multilingualism, Multilingual Identity and Academic Attainment: Evidence from Secondary Schools in England // Journal of Language, Identity & Education. 2021. № 23 (2). Pp. 210-227. DOI: <https://doi.org/10.1080/15348458.2021.1986397>. EDN: MIKEAH.
16. Fisher, L. et al. Participative multilingual identity construction in the languages

- classroom: a multi-theoretical conceptualisation // International Journal of Multilingualism. 2020. Vol. 17 (4). Pp. 448-466. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790718.2018.1524896>.
17. Projoga A. V., Pakhmutova Y. D., Lapteva I. V. Multilingualism in a Global World: Advantages, Problems and Development Prospects // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 6 (42). DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.37>. EDN: IERGPG.
18. Зяброва О. А. Особенности формирования термина как результата когнитивной деятельности специалистов // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.24>. EDN: EXIADP. "

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают структура и содержание лексико-семантического поля «Школьные предметы» в английском и русском языках. Актуальность работы обоснованно аргументируется тем, что «изучение терминосистем образования представляет собой важное и актуальное направление лингвистических исследований, поскольку именно через данный пласт лексики проявляются как внутренняя структура и организация учебного процесса, так и тенденции социокультурных, когнитивных и лингвокультурологических трансформаций в современном обществе», «анализ лингвистических и лингвокультурных характеристик образовательной терминологии позволяет не только выявить актуальные тенденции в развитии образовательного дискурса, но и определить перспективы его дальнейшей эволюции» и т.д. Эмпирическим материалом послужила авторская картотека терминологических единиц (более 700), относящихся к номинации школьных дисциплин, отобранная методом целевой выборки из нормативных и программных образовательных документов, регламентирующих работу образовательных организаций США, Великобритании и Российской Федерации.

Теоретической основой научной работы послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам развития терминосистемы современного школьного образования, системной классификации терминологической лексики образования, многоязычию и многоязычной идентичности и др. Библиография насчитывает 18 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (более 60% за последние 3 года), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и количественный методы, сравнительно-сопоставительный анализ, методы тематической классификации и систематизации языкового материала, методы контекстуального и лексико-семантического анализов, а также метод лингвокультурологического анализа, основанный на сопоставлении и сравнении этнокультурных различий в концептуализации обозначений школьных предметов и их языковой объективации.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проведен сопоставительный анализ структуры и семантической стратификации поля «Школьные предметы» в английском и русском языках; выявлены универсальные и этноспецифические характеристики репрезентации учебных дисциплин в

образовательной терминологии; сделаны соответствующие выводы («адаптация к современным реалиям обусловило появление новых терминов в русскоязычной терминосистеме образования, однако их количество значительно меньше, как минимум, в три раза, по сравнению с англоязычными терминосистемами», «представленные результаты исследования свидетельствуют о дифференциации академических традиций и институциональных стандартов в сопоставляемых странах, однако следует особенно выделить значительное влияние лингвокультурного контекста», «терминологизация учебных предметов определяется как лингвистическими (языковая экономия — в английском языке vs избыточность языковых средств — в русском), так и экстравербальными факторами» и др.).

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология; в сравнительно-сопоставительное изучение лексико-семантического поля «Школьные предметы» в английском и русском языках. Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лексикологии, лингвокультурологии, сопоставительной лингвистике и переводоведению.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. В целом, рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна и оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван С., Малаховский А.К., Малаховский И.А. Социализация новых медиа традиционными СМИ Китая на примере газеты «Ханчжоу Жибао» // Litera. 2025. № 7. С. 102-115. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.74627 EDN: CKDMWV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74627

Социализация новых медиа традиционными СМИ Китая на примере газеты «Ханчжоу Жибао»

Van Сюсой

ORCID: 0009-0000-2441-584X

аспирант; кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

108801, Россия, Москва, Бачуринская улица, 11, кв. 146

✉ 1042235411@pfur.ru



Малаховский Алексей Кимович

ORCID: 0000-0002-6372-3455

кандидат исторических наук

доцент; кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 корп. 2, оф. филологический факультет

✉ malakhovskiy_ak@pfur.ru



Малаховский Иван Алексеевич

ORCID: 0009-0000-8447-9036

независимый исследователь

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 к. 2, каб. 647

✉ malakhovskiy2468@gmail.com



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.74627

EDN:

CKDMWV

Дата направления статьи в редакцию:

28-05-2025

Дата публикации:

01-08-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является процесс социализации новых медиа традиционными СМИ Китая. Объектом исследования является региональная газета «Ханчжоу Жибао». Авторы подробно анализируют инновационные практики «Ханчжоу Жибао» в аспектах институциональных механизмов, производства контента, применения технологий и предоставления государственных услуг. Исследование показывает, что «Ханчжоу Жибао» осуществила переход от традиционных СМИ к новым основным медиа посредством различных методов, включая реформу «разделения предприятий и учреждений, разделения управления и деятельности», инновации в создании рубрик, разработку продуктов новых медиа, применение технологии дополненной реальности (AR) и участие в проекте «Городской мозг». В заключение отмечается, что, несмотря на значительные достижения, построение новых основных медиа все еще сталкивается со многими проблемами и традиционным СМИ необходимо продолжать инновации и адаптацию, чтобы сохранить свое важное положение и влияние в эпоху новых медиа. В своем исследовании авторы опираются на метод научного наблюдения, анализ статистических данных, критический анализ медиатекстов. Авторы провели исследование, критически используя труды М. МакКлюэна, Ю. Хабермаса, Э. Каца и П. Лазарсфельда, а также ориентируясь на публикации А. Н. Тепляшиной, Н. В. Ландиной Е. Н. Морозовой. Новизна исследования заключается в том, что впервые в русскоязычной научной литературе анализу подвергается деятельность китайской региональной газеты в контексте социализации с использованием новых медиа. Авторы пришли к следующим выводам: с помощью проведенной институциональной реформы «Ханчжоу Жибао» повысила способность адаптации к рынку; газете также удалось повысить привлекательность контента с помощью инновационных разработок медиапродуктов (AR и "городской мозг"). При этом новые вызовы требуют от газеты воспитывать новое поколение универсальных медиаспециалистов, усиливать интеграцию с новыми технологиями, исследовать более диверсифицированные бизнес-модели, повышать способность производства контента. Только с помощью постоянных инноваций традиционные СМИ могут лучше адаптироваться к новой среде коммуникации и потребностям аудитории, чтобы сохранить свое влияние в эпоху новых медиа.

Ключевые слова:

традиционные СМИ, новые медиа, социализация, медиаконвергенция, Ханчжоу Жибао, умный город, технология AR, городской мозг, общественные услуги, инновации

Введение

Совершенствование традиционных средств массовой информации является важным направлением развития в современной журналистике и в работе с общественным мнением. Актуальность избранной авторами темы обусловлена тем, что в условиях современной цифровизации, сетевых технологий и интеллектуализации традиционные СМИ сталкиваются с беспрецедентными возможностями и вызовами. Как отмечает российский исследователь Тепляшина А.Н., конкуренция между новыми медиа и традиционными СМИ становится определяющим трендом современного медиарынка [1, с. 45]. Поэтому важным вопросом, стоящим перед традиционными СМИ, является то, как

сохранить свой авторитет, адаптируясь к новой среде коммуникации и повышая эффективность распространения информации, взаимодействия с обществом, доверие аудитории. Рост числа пользователей социальных сетей в Китае с 2024 г. по 2025 г. составил 2,5%, при этом популярность китайских социальных сетей беспрецедентна: по данным 2025 г. платформа WeChat/Weixin насчитывает 1,38 млрд пользователей, Douyin - 1 млрд, Weibo - 587 млн (Top 8 Most Popular Social Media Platforms in China (2025) // EC Innovations, 19.05.2025 URL: <https://www.ecinnovations.com/blog/social-media-platforms-in-china/>). Таким образом, проблема социализации для традиционных СМИ КНР в высококонкурентной, динамично меняющейся медиасреде является весьма актуальной.

Предметом настоящего исследования является трансформация традиционных китайских СМИ в современной высококонкурентной медиасреде страны, характеризующейся широкомасштабным и глубоким проникновением социальных сетей во все аспекты жизни общества, которые интегрируют социальные и коммерческие функции, создавая своеобразную общественно-экономическую и культурную экосистему. Объектом нашего исследования является деятельность ведущей региональной газеты "Ханчжоу Жибао" по адаптации данного СМИ к условиям современной китайской медиасреды.

Целью настоящей статьи является рассмотрение специфики деятельности и способов адаптации традиционных китайских СМИ к условиям быстро меняющейся современной информационной среды. Для достижения поставленной цели необходимо на примере газеты "Ханчжоу Жибао" проанализировать: (а) институциональные преобразования, (б) технологические инновации, (в) конкретные информационные кампании и социально-направленные мероприятия, способствующие сохранению заметной роли данного издания в информационной среде провинции Чжэцзян, одного из самых высокоразвитых в экономическом и технологическом аспектах регионов КНР.

Научная новизна избранной темы заключается в рассмотрении на примере региональной газеты "Ханчжоу Жибао" процесса интеграции функций новых медиа традиционными СМИ КНР, при этом авторы анализируют инновационные практики в области совершенствования институциональных механизмов, производства контента, внедрения интерактивных практик предоставления пользователям государственных услуг, что стало моделью трансформации для других традиционных СМИ Китая.

Методологической базой исследования явились метод научного наблюдения, контент-анализ и дискурс-анализ медиатекстов по избранной теме, которые позволили авторам выявить основные направления модернизации деятельности газеты «Ханчжоу Жибао» в современной китайской медиасреде. Эмпирическую основу статьи составили материалы, опубликованные в официальном цифровом архиве на сайте газеты «Ханчжоу Жибао» («Ханчжоу Жибао»/Официальный цифровой архив. URL: <https://www.hbjt.com.cn/index.htm>), на сайте Администрации провинции Чжэцзян (Администрация печати провинции Чжэцзян. URL: <http://www.zja.org.cn/>), на сайте агентства "Синьхуа" (Xinhuanet. URL: <http://www.zj.xinhuanet.com/>) за 2020 - 2025 гг. Для отбора релевантных материалов в указанных информационных массивах нами осуществлен поиск с помощью встроенных поисковых систем соответствующих платформ с применением структурированных булевых запросов. Нами найдено 50 релевантных статей за указанный период по следующим темам:

1. Институциональные реформы (модель «разделение предприятий/учреждений, разделение управления/деятельности»).
2. Инновационные медиапродукты (H5-приложения, AR-технологии).
3. Интеграция с проектом «Городской мозг».

4. Технологические приложения (AI-генерация контента, большие данные).

В силу специфики работы современного китайского информационного пространства метод научного наблюдения использовался авторами при анализе функционирования мобильных приложений газеты "Ханчжоу Жибао" в приязке к конкретному телефонному номеру в КНР, поскольку данные приложения не имеют дублирующих сайтов в международном интернете: это мобильные приложения Hangzhou Daily в таких сетях, как WeChat/Weixin и Douyin.

Постановка проблемы

«Ханчжоу Жибао», являясь одним из наиболее влиятельных представителей локальных партийных изданий Китая, на протяжении последних лет систематически и целенаправленно исследует возможности медиа-конвергенции в условиях цифровой трансформации. Опыт данного издания имеет не только локальное значение, но демонстрирует стратегические тенденции развития всей медиаиндустрии Китая. Практика «Ханчжоу Жибао» представляет собой комплексный подход к интеграции традиционных форматов с инновационными технологическими решениями, что позволяет изданию сохранять релевантность в стремительно меняющемся информационном пространстве. Согласно информации, представленной на официальном сайте Hangzhou Daily Press Group, медиахолдинг «Ханчжоу Жибао» за последние годы осуществил значительные инвестиции в цифровую инфраструктуру и подготовку специалистов в области новых медиа, что позволило ему занять лидирующие позиции среди региональных изданий Китая (Ханчжоу Жибао Групп. О компании//Hangzhou Daily Press Group. 2024. URL: <https://www.hbjt.com.cn/intro/index.html>).

Анализируя многоаспектную стратегию трансформации данного издания, мы получаем возможность выявить ключевые механизмы адаптации традиционных СМИ к новым условиям цифровой среды, включая оптимизацию организационной структуры, диверсификацию контентного предложения и внедрение передовых технологий в редакционные процессы.

Дискуссия

Динамичное развитие социальных сетей и интернет-пространства в Китае ставит перед традиционными СМИ страны новые задачи. Как отмечают С. В. Мажинский, И. Г. Нагибина, Юй Чжан, китайское информационное пространство используется не только для быстрого информационного обмена, но и для понимания общественного мнения по политическим, социальным, экономическим и традиционным культурным повесткам [2]. Современная теоретическая база медиаисследований выделяет четыре ключевых аспекта функционирования современных традиционных медиа, каждый из которых имеет фундаментальное значение для понимания процессов трансформации медиаиндустрии.

Первый и наиболее значимый аспект заключается в укреплении руководящей роли основных СМИ в формировании общественного мнения. Концепция Маршалла Маклюэна "средство коммуникации есть сообщение" приобретает особую актуальность в современных условиях информационного перенасыщения [3, с. 32]. В эпоху, когда информационные потоки характеризуются беспрецедентной плотностью и интенсивностью, традиционные медиа сталкиваются с фундаментальной проблемой рассеивания публичного дискурса и фрагментации информационного поля. Данное явление существенно ослабляет традиционную монополию основных СМИ на формирование повестки дня, что требует качественно новых подходов к организации

коммуникационных процессов. Как подчеркивает Ландина Н.В., социальные сети стали основным полем функционирования современных СМИ, что вынуждает традиционные издания адаптировать свои контентные стратегии к специфике цифровых платформ [4]. Внедрение инновационных форматов подачи материала, реструктуризация контентных стратегий и персонализация информационных предложений позволяют традиционным медиа адаптироваться к изменившимся паттернам медиапотребления и восстановить свою роль в формировании общественного мнения. Теоретическое обоснование данного подхода находит отражение в концепции публичной сферы Юргена Хабермаса, акцентирующей внимание на ключевой роли СМИ в структурировании общественного дискурса и обеспечении площадки для общественной дискуссии [5].

Второй значимый аспект связан с повышением эффективности распространения информации и усилением влияния традиционных медиа в новой цифровой среде. "Теория двухступенчатого потока коммуникации", разработанная Элиху Кацем и Полом Лазарсфельдом, постулирует, что процесс распространения информации носит опосредованный характер и реализуется через медиаторную функцию лидеров мнений [5, с. 214]. В современных условиях данная теория требует существенной ревизии, учитывающей трансформацию информационных каналов и появление новых типов коммуникационных посредников. Построение экосистемы новых основных СМИ предполагает интеграцию традиционных форматов с возможностями цифровых платформ, что обеспечивает синергетический эффект в распространении информации. Морозова Е.Н. в своих исследованиях подчеркивает особую роль медиа-дизайна в новых медиа, отмечая, что визуальное оформление контента становится ключевым фактором его восприятия и распространения в цифровой среде [7, с. 78]. Комплексное использование различных медиаканалов, включая социальные сети, мобильные приложения и интерактивные онлайн-платформы, позволяет существенно расширить охват аудитории, увеличить глубину вовлечения и оптимизировать процессы трансляции контента. Данный подход обеспечивает трансформацию традиционных СМИ в многоканальную коммуникационную систему, способную эффективно конкурировать с новыми медиа за внимание аудитории и влияние на формирование общественного мнения.

Третий аспект сфокусирован на инновациях в бизнес-моделях традиционных медиа, обеспечивающих их экономическую устойчивость в условиях цифровой трансформации. Исследования Роберта Г. Пикарда в области медиаэкономики убедительно демонстрируют необходимость постоянной ревизии и оптимизации операционных моделей медиаорганизаций в контексте динамично меняющейся рыночной конъюнктуры [8].

Трансформация традиционных СМИ предполагает модернизацию технологической инфраструктуры и контентного предложения, а также фундаментальный пересмотр источников монетизации и финансовой стратегии. Развитие интегрированных бизнес-моделей, объединяющих новостное производство, предоставление государственных услуг и коммерческие сервисы, позволяет медиаорганизациям диверсифицировать источники дохода и снизить зависимость от традиционных рекламных бюджетов. По данным Hangzhou Daily Press Group, за последние пять лет доля доходов от цифровых продуктов и услуг в структуре выручки медиахолдинга увеличилась с 15% до 47%, что свидетельствует об успешной трансформации бизнес-модели (Ханчжоу Жибао Групп. О компанияи / / Hangzhou Daily Press Group. 2024. URL: <https://www.hbjt.com.cn/intro/index.html>). Инновационные подходы к финансированию медиапроектов, включая венчурное инвестирование, краудфандинг и различные

форматы государственно-частного партнерства, обеспечивают дополнительные возможности для капитализации и устойчивого развития традиционных СМИ в цифровую эпоху.

Четвертый аспект связан с расширением функции общественного обслуживания, что трансформирует роль традиционных медиа в социальной экосистеме. Денис Маккуэйл в своей «теории эффективности СМИ» акцентирует внимание на социальной ответственности медиаорганизаций как неотъемлемом элементе их институциональной идентичности [9]. В контексте цифровой трансформации данная концепция приобретает новое измерение, предполагающее не только информационное обслуживание общества, но и активное участие медиа в решении социально значимых задач. Интеграция новостного контента с сервисными функциями, обеспечивающими доступ граждан к государственным услугам, образовательным ресурсам и социальной инфраструктуре, позволяет традиционным СМИ укрепить связь с аудиторией и повысить уровень общественного доверия. Как отмечает Ч. Янь, китайские СМИ, включая как традиционные, так и новые медиа, активно участвуют в защите интересов китайских компаний за рубежом, что демонстрирует расширение их функций за пределы чисто информационных задач [10]. Данный подход трансформирует традиционные медиа из пассивных трансляторов информации в активных участников социальных процессов, способствующих повышению качества жизни и развитию гражданского общества.

Результаты

В данном контексте комплексный анализ практики "Ханчжоу Жибао" необходим с тем, чтобы выявить практическую реализацию теоретических концепций медиатрансформации в условиях китайской социально-экономической модели. Детальное изучение инновационных подходов данного издания в области институциональной реструктуризации, модернизации контентного производства, технологической оптимизации и развития сервисных функций позволяет сформировать целостное представление о механизмах адаптации традиционных СМИ к вызовам цифровой эпохи. Опыт «Ханчжоу Жибао» демонстрирует, что успешная трансформация традиционных медиа требует системного подхода, интегрирующего организационные, технологические и контентные инновации в единую стратегию развития, соответствующую актуальным потребностям аудитории и социальным вызовам современности.

Китайские исследователи подчеркивают, что конкуренция между китайскими традиционными СМИ и новыми медиа - это не столько спор о средствах массовой информации, сколько спор об институтах и механизмах [11]. Внедряя инновации институциональных механизмов, «Ханчжоу Жибао» проводит реформу «разделения дел и предприятий, разделения управления и работы». Газета создала компанию с ограниченной ответственностью Hangzhou Newspaper Group, ускоряя переход от управлеченческой модели государственного учреждения к групповому, предпринимательскому и индустриальному механизму управления. «Разделение дел и предприятий, разделение управления и работы» является важной стадией реформы системы СМИ Китая. «Разделение дел и предприятий» означает разделение новостного редакционного бизнеса (дела) и коммерческого бизнеса (предприятия) для обеспечения достоверности и независимости новостных репортажей; «разделение управления и работы» означает разделение управлеченческих функций правительства и функций работы СМИ, повышение самостоятельности и рыночной адаптивности СМИ. Ханчжоу Жибао исследует новый путь реформы «разделения предприятий и управления». 2025. URL:<http://www.zj.xinhuanet.com/20250226/e884cadd10b34373844fa04ff32f9ad1/c.html>). С

помощью данной реформы «Ханчжоу Жибао» сохранила отделы новостного редактирования как коллективы, продолжающие выполнять функции информации, пропаганды и взаимодействия с обществом; в то же время рекламой, дистрибуцией и другими коммерческими вопросами занимается компания с ограниченной ответственностью Hangzhou Newspaper Group, работающая в бизнес-сфере с целью повышения рыночной конкурентоспособности. Правительственные ведомства более не участвуют напрямую в повседневной работе СМИ, а, прежде всего, берут на себя роль отраслевого надзора и политического руководства, давая СМИ большую автономию на рынке.

Данная реформа сформировала рыночный статус СМИ, а также создала операционную модель, сочетающую централизацию и децентрализацию, вдохнув новую жизнь в развитие СМИ. «Централизация» проявляется в единой стратегии планирования, распределении ресурсов и управлении брендом на уровне группы; «децентрализация» проявляется в том, что каждая дочерняя компания имеет относительно независимое право принятия решений в конкретной бизнес-операции и может гибко корректировать свою деятельность в соответствии с рыночным спросом. Эта модель обеспечивает согласованность общего направления развития группы и стимулирует активность и креативность каждой бизнес-единицы.

Новые СМИ Китая, по мнению ряда китайских исследователей, сосредоточены на разнообразии и персонализации контента и, в отличие от традиционных СМИ, в которых основными носителями являются тексты, фото- и аудиоинформация, предоставляют пользователям не только более многообразные видео, анимацию, инфографику, но и интерактивные формы общения, в том числе игры [12]. В области производства контента «Ханчжоу Жибао» придерживается принципа внедрения современных интерактивных технологий, ориентации на общественное мнение, в то же время стремясь к инновационной практике тематических репортажей, в результате чего появился ряд уникальных рубрик и новых медиапродуктов. Инновации проявляются в реформе традиционных рубрик, а также распространяются на область новых медиа, полностью демонстрируя адаптивность и инновационный потенциал традиционных СМИ в современной медиасреде.

В рубрике «Политическая интерпретация» газета фокусируется на анализе и разъяснении политики китайского правительства, умело сочетая глубокие интервью, публикацию статистических данных и доступные формы изложения материала, говоря о государственных делах простым и понятным языком, значительно повышая эффективность реализации политического курса руководства страны. Рубрика «Глубина» фокусируется на острых социальных вопросах, используя методы расследовательской журналистики, предоставляя читателям детальный анализ актуальных общественных проблем. Для важных политических событий «Ханчжоу Жибао» специально создала «группу глубинной политики», собрав команду репортеров, которые, используя преимущества аккредитации традиционных СМИ и свои профессиональные навыки, обеспечивают систематическое освещение важных тем политической повестки («Ханчжоу Жибао». URL: <https://mdaily.hangzhou.com.cn/>).

В то же время «Ханчжоу Жибао» активно ведет разработку новых медиапродуктов, сосредоточившись на репортажах о важных событиях. Например, в репортажах о 19-м и 20-м съездах КПК, «Ханчжоу Жибао» запустила серию инновационных продуктов конвергентных медиа, эффективно демонстрируя современные возможности традиционных СМИ в новой медиасреде. В частности, была использована

мультимедийная платформа, включающая в себя «Hangzhou TV». Данный продукт Н5 превращает традиционную газету в онлайн-канал, ведущий телевизионное вещание. Пользователи могут просматривать трансляции с помощью мобильного телефона на который загружено мультимедийное приложение "Ханчжоу Жибао" («Ханчжоу Жибао». URL: <https://mdaily.hangzhou.com.cn/>). В период проведения важных политических мероприятий редакция ежедневно выпускает как минимум 5 видеороликов, включая репортажи центральных СМИ, связанные, например, с партийным съездом; постоянно размещаются собственные уличные интервью на повседневные темы такие, как «Каковы ваши представления о хорошей жизни» и «Каковым должно быть народное образование». Контент, отражающий реальные проблемы граждан, успешно расширил круг пользователей издания (Цифровые услуги населению и эксплуатационные услуги // Цифровой Ханчжоу Digital-Hangzhou Технологическая и сервисная компания городского мозга Ханчжоу. URL: [https://www.digital-hangzhou.com/index.php/zh/bestprojects/13-shu-zi-min-sheng-ji-yun-yieng-fu-wu.html](https://www.digital-hangzhou.com/index.php/zh/bestprojects/13-shu-zi-min-sheng-ji-yun-ying-fu-wu.html)).

Другим инновационным продуктом "Ханьчжоу Жибао" являются AR-новости. Газета встроила технологию AR в свое приложение, став первым СМИ в провинции Чжэцзян, использующим данный метод. Так, пользователи могут «оживить» статичные фотографии в газете с помощью функции сканирования в клиентском приложении «Hang + News», реализуя глубокую интеграцию печатных и цифровых медиа. Например, в рамках кампании «Вырази любовь к Ханчжоу» фотографии жизни горожан превратились в «говорящие» видео с помощью технологии AR, демонстрируя сценки городской жизни Ханчжоу, предоставляя возможность пользователям передать привет друзьям и добрые пожелания своему городу.

Взяв курс на создание "умных медиа", газета "Ханчжоу Жибао" активно осуществляет цифровую трансформацию. Помимо применения технологии AR, «Ханчжоу Жибао» также запустила серию продуктов Н5, посвященных партийно-государственной тематике. Газета вводит практику интерактивного взаимодействия с аудиторией в области освещения политики КПК, отходя от традиционного дидактического стиля изложения решений партии, внедряя элементы онлайн-игры и квеста, интригую аудиторию такими Н5-ссылками, как, например, «Уважаемые члены партии, обратите внимание, вас ждет коробка с подарком...». Используются также AR-ссылки в режиме мини-театра, интерактивного просмотра партийных документов; после визита Председателя Си Цзиньпина в регион появился инновационный продукт интерактивного изображения под названием «Пройти по маршруту визита Си Цзиньпина в Ханчжоу» («Ханчжоу Жибао». URL: <https://mdaily.hangzhou.com.cn/>). Эти инновационные практики не только повысили привлекательность новостных материалов и охват аудитории, но и продемонстрировали инновационный потенциал традиционных СМИ в производстве контента с применением современных технологий.

В области государственных услуг «Ханчжоу Жибао» активно сотрудничает с центральными и местными правительственные структурами, сочетая медиаресурсы и государственные услуги для создания сценарной платформы предоставления удобных услуг населению. Проект «Облачная платформа интеграции городских медиа городского мозга Ханчжоу» является примером данной инновации. Эта платформа объединяет новостную информацию, правительственные данные и ресурсы общественных услуг, реализуя глубокую интеграцию медиаплатформы и системы городского управления (Проект единого управления городом// Цифровой Ханчжоу Digital-Hangzhou Технологическая и сервисная компания городского мозга Ханчжоу.

URL:

<https://www.digital-hangzhou.com/index.php/zh/bestprojects/12-yi-wang-tong-guan-xiang-mu.html>.

Данная платформа использует карту в качестве центра макета, локализуя на ней городские события с помощью тепловых меток разных цветов. Система в реальном времени наблюдает за городом с помощью 2 453 видеосенсорных установок, при этом общее количество накопленных событий в сутки равняется 9 832. Платформа может фиксировать события, осуществлять их интеллектуальный анализ и реагирование на них (Ханчжоу полностью запускает строительство городского мозга 3.0 // Синьхуа Финансы. 01.04.2025. URL: <https://finance.sina.com.cn/roll/2025-04-01/doc-inerrnxw0456629.shtml>).

С помощью данной платформы граждане могут получать своевременную и точную новостную информацию и пользоваться различными государственными услугами. Например, в области транспорта платформа сочетает новостные репортажи и рекомендации по передвижению горожан с информацией о дорожной ситуации в реальном времени; в сферу услуг для населения интегрирована информация и сервисные порталы в области образования, здравоохранения, социального обеспечения и других областей жизни города, реализуя новую модель «новости + госуслуги + сервис».

Эта инновационная практика расширила функциональные границы традиционных СМИ, укрепила роль СМИ в социальном управлении. Она отражает трансформацию СМИ от распространителей информации к комплексным поставщикам общественных услуг, что отражает новую тенденцию развития традиционных СМИ в контексте цифровизации и интеллектуализации. Таким образом, «Ханчжоу Жибао» обрела возможность предоставлять общественные услуги, в определенной степени переосмыслила роль СМИ в городском управлении, предоставив новые идеи для трансформации и развития традиционных СМИ.

Практика «Ханчжоу Жибао» показывает, что китайские традиционные СМИ осуществляют трансформацию в условиях взрывного развития новых СМИ с помощью многомерных инновационных практик. Этот процесс включает системные изменения в институциональных механизмах, производстве контента, применении технологий и предоставлении государственных услуг, отражая активные исследования традиционных СМИ с целью адаптации к новой медиасреде и переосмысления их ключевых конкурентных преимуществ. Например, в статье на официальном сайте «Синьхуа» (2025) подчеркивается, что реформа «разделения предприятий и управления» позволила «Ханчжоу Жибао» внедрить новые модели управления, обеспечив разделение редакционных и коммерческих функций (Ханчжоу Жибао исследует новый путь реформы «разделения предприятий и управления». URL: <http://www.zj.xinhuanet.com/20250226/e884cadd10b34373844fa04ff32f9ad1/c.html>). В материалах газеты «Ханчжоу Жибао» отмечается, что участие редакции в проекте «Городской мозг» предоставило возможность интегрировать медиаресурсы в систему городского управления, усиливая социальную функцию СМИ (Проект интегрированной платформы // Цифровой Ханчжоу Digital-Hangzhou Технологическая и сервисная компания городского мозга Ханчжоу. URL: <https://www.digital-hangzhou.com/index.php/zh/bestprojects/11-lin-an-xiang-mu.html>). Дополнительно, согласно текущему пятилетнему плану развития отрасли на 2020 - 2025 гг., опубликованному Администрацией печати и публикаций провинции Чжэцзян, внедрение новых технологий, таких как AR и продукты H5, стало ключевым направлением в модернизации медиаиндустрии региона (Hangzhou Daily News Group:

быстрая интеграция и практическая трансформация. 17.08. 2020. URL: <http://www.zja.org.cn/zja/system/2020/08/17/032679425.shtml>).

Выводы

С помощью институциональной реформы «разделения дел и предприятий, разделения управления и работы» «Ханчжоу Жибао» повысила способность адаптации к рынку; с помощью инноваций в создании рубрик и в разработке новых медиа-продуктов газета повысила привлекательность контента и эффективность его распространения; с помощью применения новых технологий, таких как AR и H5, она реализовала глубокую интеграцию традиционных и новых медиа; посредством участия в проекте «Городской мозг Ханчжоу» газета расширила роль и функции традиционных СМИ в социальном управлении. Эти инновационные практики повысили конкурентоспособность самой «Ханчжоу Жибао», предоставили полезный опыт трансформации и развития другим традиционным СМИ. Однако в процессе трансформации традиционные СМИ сталкиваются с новыми вызовами, обусловленными необходимостью сбалансировать традиционные ценности китайского общества и реалии современной медиасреды, формирующуюся в условиях динамично развивающихся информационных технологий и высокой рыночной конкуренции. Следовательно, перед "Ханьчжоу Жибао" стоят задачи как сохранения темпов внедрения инноваций, так и подготовки универсальных медиаспециалистов для создания привлекательного медиконтента, отвечающего требованиям современным информационной эпохи. Структура и методология данной статьи воспроизводима и может быть полезна для сравнительных исследований китайского опыта традиционных медиа цифровой эпохи и российской медиасреды.

Библиография

1. Тепляшина А.Н. Новые медиа & традиционные СМИ: конкуренция как тренд // Современные СМИ и медиарынок. 2018. С. 45-52.
2. Мажинский С. В., Нагибина И. Г., Чжан Юй. Дискурсивное пространство ведущих китайских "новых медиа" // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 903-913. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-903-91. EDN: EQCUWL.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2023. 464 с. ISBN 978-5-9950-1022-7.
4. Ландина Н.В. Социальные сети, как основное поле функционирования СМИ в наши дни, перспективы развития // Вестник современных исследований. 2018. № 7.3. С. 370-371. EDN: XUWRTV.
5. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь Мир, 2016. 344 с.
6. Кац Э., Лазарсфельд П. Личное влияние: роль людей в потоке массовых коммуникаций / Пер. с англ. И.В. Кушнаревой. М.: Издательство редких книг, 2024. 393 с. ISBN 978-5-6051445-6-4.
7. Морозова Е.Н. Медиа-дизайн и его роль в новых медиа // Дизайн и искусство: теория и практика. 2021. № 3. С. 78-86. EDN: CBENXK.
8. Пикард Р.Г. Экономика СМИ: управление ресурсами, затратами и доходами / Пер. с англ. А.В. Смирнова. М.: Издательский дом ВШЭ, 2018. 296 с.
9. Маккуэйл Д. Теория массовой коммуникации / Пер. с англ. О.В. Гритчиной. М.: Гуманитарный центр, 2014. 608 с.
10. Янь Ч. СМИ КНР в защите интересов китайских компаний за рубежом: анализ материалов традиционных и новых медиа // Век Информации. 2024. № 1 (26). С. 112-123.
11. С Цянь. Особенности китайской медиасреды в XXI веке // Управление образованием:

- теория и практика. 2022. Т. 12. С. 40-44. DOI: <https://doi.org/10.25726/d5965-7729-8925-q>.
12. Ш. Лю. Новые медиа КНР: специфика контента и особенности функционирования // Век информации. 2023. Т. 7. № 4 (25). DOI: <https://doi.org/10.33941/2618-9291.2023.25.4.005>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена проблеме социализации новых медиа традиционными СМИ Китая. Отмечается, что «важным вопросом, стоящим перед традиционными СМИ, является то, как сохранить авторитет и доверие основных СМИ, адаптируясь к новой среде коммуникации и повышая свою способность распространения информации, руководства, влияния и доверия». Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения механизмов адаптации традиционных СМИ к вызовам цифровой эпохи; важностью анализа современных тенденций развития медиаиндустрии Китая. В качестве предмета исследования выступила китайская газета «Ханчжоу Жибао». Выбор данного издания обосновано аргументируется тем, что «практика «Ханчжоу Жибао» представляет собой комплексный подход к интеграции традиционных форматов с инновационными технологическими решениями, что позволяет изданию сохранять релевантность в стремительно меняющемся информационном пространстве», «анализируя многоаспектную стратегию трансформации данного издания, мы получаем возможность выявить ключевые механизмы адаптации традиционных СМИ к новым условиям цифровой среды, включая оптимизацию организационной структуры, диверсификацию контентного предложения и внедрение передовых технологий в редакционные процессы».

Теоретической основой научной работы являются труды российских и зарубежных исследователей, посвященные теории массовой коммуникации, новым медиа и традиционным СМИ, социальным сетям и др. Библиография насчитывает 15 источников, в том числе электронные ресурсы, однако в их числе дважды встречается источник Тепляшина А.Н. Новые медиа & традиционные СМИ: конкуренция как тренд // Современные СМИ и медиарынок. 2018. С. 45-52. В целом, библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Обращаем внимание, что автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; сравнительно-сопоставительный метод; контент-анализ; дискурс-анализ; метод интерпретации полученных результатов и др.

В ходе исследования рассматривается процесс социализации новых медиа традиционными СМИ Китая, анализируются инновационные практики в аспектах институциональных механизмов, производства контента, применения технологий и государственных услуг. Делаются выводы о том, что «Ханчжоу Жибао» повысила способность адаптации к рынку; с помощью инновации в создании рубрик и разработке новых медиапродуктов повысила привлекательность контента и эффект его распространения; реализовала глубокую интеграцию традиционных и новых медиа», «строительство новых СМИ по-прежнему сталкивается со многими вызовами, такими как: как сбалансировать основные ценности и рыночный спрос, как постоянно воспитывать

всесторонних медиаспециалистов, а также как сохранить привлекательность контента в эпоху информационного взрыва».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования расширяют знание в области новых медиа и традиционных средств массовой коммуникации и могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Содержание статьи соответствует названию. Однако рукопись нуждается в стилистической правке: см «строительство новых основных средств массовой информации», «четыре ключевых аспекта ценности построения новых основных медиа», «строительство новых СМИ по-прежнему сталкивается со многими вызовами, такими как: как сбалансировать основные ценности и рыночный спрос, как постоянно воспитывать всесторонних медиаспециалистов» и пр.

Также в представленном материале отсутствует Приложение 1, которое упоминается в тексте («Как показано в Приложении 1, данная платформа использует карту в качестве центра макета, наглядно демонстрируя распределение городских событий через метки разных цветов и тепловые карты»).

Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Социализация новых медиа традиционными СМИ Китая на примере газеты «Ханчжоу Жибао»" представляет собой исследование в области китайского медиадискурса.

В статье автор анализирует взаимную интеграцию современных и традиционных китайских медиа и рассматривает результаты анализа с точки зрения улучшения качества медиаконтента и степени его доступности для современных китайских потребителей.

Статья хорошо структурирована и состоит из введения, основной части, состоящей из поставки проблемы, дискуссии, результатов, а также содержит заключение и библиографию.

Стиль статьи соответствует критериям научного.

Библиография содержит необходимое количество актуальных источников.

В результате анализа в заключении автор приходит к выводу о том, что: "с помощью институциональной реформы «разделения дел и предприятий, разделения управления и работы» «Ханчжоу Жибао» повысила способность адаптации к рынку; с помощью инноваций в создании рубрик и в разработке новых медиапродуктов газета повысила привлекательность контента и эффективность его распространения; с помощью применения новых технологий, таких как AR и H5, она реализовала глубокую интеграцию традиционных и новых медиа; посредством участия в проекте «Городской мозг Ханчжоу» газета расширила роль и функции традиционных СМИ в социальном управлении. Эти инновационные практики повысили конкурентоспособность самой «Ханчжоу Жибао», предоставили полезный опыт трансформации и развития другим традиционным СМИ. Однако в процессе трансформации традиционные СМИ сталкиваются с новыми вызовами, обусловленными необходимостью сбалансировать традиционные ценности китайского общества и реалии современной медиасреды, формирующейся в

условиях динамично развивающихся информационных технологий и высокой рыночной конкуренции. Следовательно, перед "Ханьчжоу Жибао" стоят задачи как сохранения темпов внедрения инноваций, так и подготовки универсальных медиаспециалистов для создания привлекательного медиконтента, отвечающего требованиям современным информационной эпохи".

Данный вывод можно признать достоверным.

Однако в работе есть ряд связанных с формальной структурой рекомендуемых к устраниению недостатков.

Автор недостаточно ясно обосновывает новизну и актуальность исследования, при том, что исследование, безусловно, является таковым.

Не указан метод исследования, что также необходимо указывать в научных статьях, и что является неукоснительным требованием журнала.

Не очень чётко обозначен материал исследования, неясно конечное число проанализированных данных, на основании которых автор делает выводы.

Работа не содержит оформленного описания предмета и объекта исследования.

Работа также не имеет чёткой цели и задач для проведения анализа медиадискурса.

Таким образом, из-за несоответствия требованиям журнала, несмотря на ценность полученных выводов и актуальность темы, статья "Социализация новых медиа традиционными СМИ Китая на примере газеты «Ханчжоу Жибао»" на данном этапе не может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera" без устраниния вышеописанных формальных недостатков.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Социализация новых медиа традиционными СМИ Китая на примере газеты "Ханчжоу Жибао"»

Предметом исследования, представленного в рецензируемой статье, является трансформация традиционных китайских СМИ в условиях цифровой медиасреды, с акцентом на практики адаптации и интеграции новых медиа на примере региональной газеты «Ханчжоу Жибао». Автор фокусируется на вопросе, как традиционные СМИ могут сохранить свое значение, реагируя на вызовы цифровизации, рост социальной мобильности и развитие интеллектуальных платформ в КНР.

Методологическая база статьи включает научное наблюдение, контент-анализ и дискурс-анализ. Эмпирический материал собран из официальных цифровых архивов китайских СМИ и административных ресурсов за 2020–2025 годы. Использование структурированных запросов и работа с интерактивными мобильными приложениями демонстрируют высокий уровень эмпирической работы. Такой комплексный подход позволяет охватить как институциональные, так и технологические аспекты медиатрансформации.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. В условиях глобальной цифровизации и конкуренции традиционных СМИ с новыми платформами опыт Китая, в частности региональных партийных изданий, представляет значительный интерес. Учитывая стремительный рост китайских социальных сетей и вовлеченность населения в цифровое потребление, представленная работа затрагивает важные проблемы функционирования и выживания традиционных СМИ в новых реалиях.

Научная новизна статьи заключается в анализе китайской модели «медиаконвергенции»

на конкретном кейсе — газете «Ханчжоу Жибао». Впервые в российской научной литературе системно показано, как традиционное СМИ превращается в цифровую мультифункциональную платформу, интегрируя новостную подачу, государственные сервисы и элементы интерактива (Н5, AR, мини-игры). Анализируются новые бизнес-модели и институциональные реформы («разделение дел и предприятий»), что делает работу ценной для изучения китайского управленческого опыта.

Текст статьи выстроен логично, обладает четкой структурой: введение, постановка проблемы, методология, аналитическая часть, выводы. Изложение выдержано в академическом стиле, насыщено профессиональной лексикой. Ошибок, нарушающих нормы русского языка, не выявлено. Иногда встречаются перегруженные синтаксические конструкции, однако они не затрудняют восприятие.

Библиография статьи включает как классические труды по медиа (Маклюэн, Хабермас, Маккуэйл), так и современные российские и китайские источники, большинство из которых актуальны, рецензируемы и релевантны. Оформление библиографии соответствует академическим стандартам.

Автор статьи корректно взаимодействуют с теоретическими концепциями и моделями массовой коммуникации, предлагая их адаптацию к китайскому контексту. Работа содержит конструктивную интерпретацию известных теорий (например, «двухступенчатой коммуникации») применительно к условиям цифровой среды КНР.

Вывод: статья представляет собой самостоятельное, качественно выполненное исследование с высокой степенью новизны и теоретико-практической значимости. Рекомендуется к публикации в научном журнале без существенных доработок. Единственная рекомендация автору/ам на будущее — частично упростить перегруженные абзацы и усилить интерпретационную часть в отдельных фрагментах аналитического раздела. Полагаем, что статья «Социализация новых медиа традиционными СМИ Китая на примере газеты "Ханчжоу Жибао"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале Litera без существенных замечаний.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Вэнь Б., Ду Ю. Восстановление национального имиджа в кризисных ситуациях: сравнение стратегий CGTN и RT по формированию общественного мнения (на примере пандемии Covid-19) // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.74238 EDN: DDEIUY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74238

Восстановление национального имиджа в кризисных ситуациях: сравнение стратегий CGTN и RT по формированию общественного мнения (на примере пандемии Covid-19)

Вэнь Боюань

ORCID: 0009-0007-0874-7650

доктор филологических наук

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, улица Миклухо-Маклая, 6



✉ 1042228177@pfur.ru

Ду Юйвай

ORCID: 0009-0005-1483-4596

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, улица Миклухо-Маклая, 6



✉ 1042228058@pfur.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.74238

EDN:

DDEIUY

Дата направления статьи в редакцию:

27-04-2025

Аннотация: В статье рассматриваются медиастратегии CGTN и RT, направленные на восстановление и поддержание национального имиджа в условиях глобального кризиса,

вызванного пандемией COVID-19. Представлен сравнительный анализ контента, нарративов и методов взаимодействия с аудиторией на международной арене. В исследовании акцентируется внимание на особенностях подачи информации, характере откликов аудитории, а также на влиянии культурных и политических факторов на выбор медиатехнологий для продвижения позитивного образа страны. В качестве основной цели данного исследования выступает выявление и анализ стратегий формирования национального имиджа, реализуемых медиаплатформами CGTN и RT в период пандемии COVID-19. Особое внимание уделяется сопоставлению коммуникативных инструментов и оценке их эффективности в процессе влияния на общественное мнение. Материалом для анализа послужили публикации, официальные сообщения, а также комментарии пользователей и экспертные оценки, опубликованные в период активного распространения пандемии. В работе применялись методы тематического, дискурсивного и сравнительного анализа. Тематический анализ выявил ключевые нарративы пандемии, дискурсивный — речевые стратегии воздействия на аудиторию, а сравнительный анализ позволил сопоставить медиастратегии CGTN и RT, выявив общие черты и различия в восстановлении национального имиджа. В статье определяются сильные и слабые стороны стратегий CGTN и RT, выявляются сходства и различия в подходах к формированию общественного мнения, а также формулируются выводы о степени их эффективности. Влияние культурных и политических факторов отражается в выборе инструментов продвижения имиджа, определяя приоритеты медиаплатформ и степень их влияния на общественное мнение. Эффективная адаптация стратегий к особенностям целевой аудитории, а также использование комплексных подходов к формированию нарративов обеспечивают устойчивое присутствие стран в глобальном информационном пространстве и способствуют формированию позитивного образа государства в условиях современных коммуникационных вызовов. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении медиапрактик двух ведущих международных платформ в сопоставительном аспекте, а также в выявлении факторов, обуславливающих специфику национальных коммуникационных моделей в кризисных условиях.

Ключевые слова:

медиастратегии, национальный имидж, пандемия COVID-19, международное общественное мнение, фрейминг, нарратив, CGTN, RT, кризисная ситуация, информационная война

Введение.

Восстановление национального имиджа в кризисных ситуациях становится одной из ключевых задач государственной коммуникации в современных условиях глобализации и информационной открытости. Пандемия COVID-19, охватившая весь мир, стала серьезным испытанием для большинства государств, вынудив их не только мобилизовать внутренние ресурсы, но и активно работать над формированием позитивного образа страны в международном информационном пространстве. В этих условиях особую роль приобретают глобальные медиаплатформы, такие как CGTN (Китай) и RT (Россия), которые выступают инструментами внешней коммуникации и влияния на общественное мнение за пределами национальных границ.

Вопрос формирования национального имиджа в условиях кризиса требует комплексного подхода, учитывающего специфику медиакоммуникаций, особенности политического дискурса, а также динамику общественных настроений. Современные глобальные СМИ

становятся не только источником информации, но и активными участниками конкурентной борьбы за интерпретацию событий, связанных с пандемией. На примере деятельности CGTN и RT в период пандемии COVID-19 можно проследить разные стратегические подходы к восстановлению и поддержанию национального имиджа на международной арене.

В исследованиях отмечается, что медиаплатформы формируют определённые нарративы, отражающие приоритетные направления государственной политики, а также транслируют образ страны как ответственного и эффективного участника мирового сообщества [1, c.88]; [7, c.99]. Так, CGTN акцентирует внимание на успехах Китая в сдерживании распространения вируса, поддержке других государств и эффективности принятых антикризисных мер. В то же время RT делает акцент на критике западных подходов к управлению кризисом, что позволяет позиционировать Россию как альтернативный центр силы и рациональности в условиях глобальной неопределенности [2, c.107]. Анализ медиастратегий CGTN и RT в период пандемии COVID-19 позволяет выявить основные механизмы формирования и восстановления национального имиджа, а также оценить их влияние на общественное мнение как внутри стран, так и на международном уровне.

Методы и материалы.

В качестве основной цели данного исследования выступает выявление и анализ стратегий формирования национального имиджа, реализуемых медиаплатформами CGTN и RT в период пандемии COVID-19. Особое внимание уделяется сопоставлению коммуникативных инструментов и оценке их эффективности в процессе влияния на общественное мнение.

Материалом для исследования послужили медиатексты, размещённые на официальных интернет-ресурсах CGTN и RT, а также публикации в социальных сетях и новостных агрегаторах за период с января 2020 года по июнь 2022 года. В анализ включены видеорепортажи, аналитические статьи, интервью с экспертами, посты в официальных аккаунтах и комментарии аудитории.

В работе использовались методы тематического анализа, дискурсивного анализа и сравнительного анализа. Тематический анализ применялся для выявления ключевых нарративов, повторяющихся тем и образов, связанных с освещением пандемии и позицией государства. С помощью дискурсивного анализа исследовались речевые стратегии и способы создания нужного эффекта воздействия на аудиторию. Сравнительный анализ позволил сопоставить медиастратегии CGTN и RT, выявить общие черты и различия в подходах к формированию и восстановлению национального имиджа.

Результаты исследования

Национальный имидж представляет собой сложную систему представлений, стереотипов и ценностных ориентаций, формирующихся в массовом сознании внутри страны и за её пределами. В научной литературе данное понятие трактуется как результат целенаправленной деятельности государства, направленной на создание устойчивого позитивного образа страны или, напротив, на преодоление негативных ассоциаций, возникающих в условиях внешних или внутренних кризисов [2, c.106]. Значимость национального имиджа для международных отношений определяется не только его символическим, но и pragmatическим характером: положительный образ способствует укреплению статуса государства на мировой арене, расширяет возможности для

политического диалога и экономического сотрудничества [\[7, с.100\]](#).

Понятие национального имиджа тесно связано с механизмами международной коммуникации и внешнеполитического позиционирования. По мнению М. Вана, успешное формирование имиджа требует системного подхода, включающего как внутренние, так и внешние коммуникации, а также постоянного мониторинга общественного мнения [\[1, с. 88\]](#). В качестве примера можно привести кампанию по популяризации китайских достижений в борьбе с пандемией, развернутую в международных СМИ на платформе CGTN (CGTN. 12.04.2020).

Кризисные коммуникации отличаются высокой динамичностью и неоднозначностью, что обусловлено необходимостью немедленного реагирования на быстро меняющиеся обстоятельства. В условиях пандемии COVID-19 процессы формирования и корректировки национального имиджа приобретают особое значение, так как обостряются конкуренция нарративов и борьба за интерпретацию происходящих событий [\[8, с.124\]](#). Характерной чертой кризисных коммуникаций становится фокус на прозрачности, достоверности и своевременности передаваемой информации.

Р. Е. Коперник отмечает, что в подобных ситуациях возрастает риск распространения фейковых новостей и манипуляций, направленных на дискредитацию конкурирующих стран [\[6, с.141\]](#). К примеру, в ходе пандемии в информационном пространстве фиксировались многочисленные публикации, ставящие под сомнение достоверность официальной статистики заражений и эффективности принимаемых мер (RT. 05.05.2020). Эффективная кризисная коммуникация требует не только контроля над распространением информации, но и гибкости в выборе коммуникативных стратегий.

Средства массовой информации играют ключевую роль в процессе формирования и поддержания национального имиджа, особенно в периоды кризисных ситуаций. По мнению С. Сунь, именно СМИ становятся основным источником сведений для широкой аудитории, а их интерпретация событий непосредственно влияет на характер общественных настроений [\[11, с.189\]](#). Анализ материалов CGTN и RT показывает, что медиаплатформы целенаправленно выстраивают нарративы, способствующие укреплению доверия к государственным институтам и формированию позитивного образа страны.

Я. Жуи указывает, что в условиях пандемии значимость медиакоммуникаций значительно возросла, поскольку они выступают не только инструментом информирования, но и платформой для мобилизации граждан и международной поддержки [\[4, с.380\]](#). В качестве иллюстрации можно привести новостные выпуски CGTN, в которых подчеркивается вклад Китая в глобальную борьбу с COVID-19 и демонстрируется солидарность с другими странами (CGTN. 19.03.2020). Формирование национального имиджа в современной практике связано с комплексным использованием медиаресурсов, оперативным реагированием на кризисные ситуации и продуманной стратегией публичной коммуникации. Эффективность этих процессов во многом определяется способностью государства адаптироваться к изменяющимся условиям и сохранять доверие как внутри страны, так и на международной арене.

Медиаплатформы CGTN и RT представляют собой ключевые инструменты государственной коммуникации, ориентированные на формирование и продвижение позитивного национального имиджа на международной арене. CGTN (China Global Television Network) была создана в 2016 году как глобальное подразделение государственной

медиакорпорации Китая. Основная задача канала заключается в представлении позиции КНР по важнейшим мировым вопросам, а также в демонстрации экономических, социальных и культурных достижений страны [13, с.134]. В материалах CGTN акцентируется внимание на успехах Китая в борьбе с пандемией COVID-19, что призвано укрепить доверие к китайской модели управления кризисами и повысить авторитет страны в мировом сообществе (CGTN. 22.02.2021).

RT (ранее Russia Today) начала свое вещание в 2005 году и позиционирует себя как международный новостной канал, освещющий мировые события с альтернативной точки зрения. Миссия RT заключается в предоставлении аудитории информации, неискажённой западной интерпретацией, а также в продвижении российских интересов за рубежом [10, с.1029]. RT активно использует собственные аналитические и документальные проекты для демонстрации достижений России и создания позитивного образа страны в глазах зарубежной аудитории (RT. 15.04.2021). Обе платформы функционируют как важные элементы «мягкой силы» государств, стремящихся к расширению влияния в глобальном информационном пространстве.

CGTN и RT ориентируются на многонациональную и многоязычную аудиторию, что позволяет им охватывать различные регионы мира и эффективно продвигать национальные интересы на международной арене. CGTN вещает на английском, испанском, французском, арабском и русском языках, что обеспечивает доступность информации для широкой аудитории [15, с.87]. Такая языковая политика способствует формированию доверия к китайским источникам информации и снижает барьер восприятия среди зарубежных зрителей. RT также осуществляет вещание на нескольких языках, в том числе на английском, испанском, французском, немецком и арабском. Подобная стратегия позволяет каналу конкурировать с ведущими мировыми медиаресурсами и формировать альтернативную повестку в глобальном дискурсе [14, с.25]. Примером успешной языковой адаптации может служить развитие англоязычной редакции RT, которая активно взаимодействует с западной аудиторией через социальные сети и мультимедийные платформы (RT. 10.06.2021).

Глобальное позиционирование CGTN и RT определяется не только масштабом вещания, но и особенностями контентной политики. По мнению Я. Жуи, данные медиаплатформы формируют свои нарративы с учетом региональных особенностей, что позволяет им влиять на восприятие внешней политики Китая и России в различных странах [4, с.381]. Анализ публикаций свидетельствует о том, что обе платформы активно используют современные технологии мультимедийной журналистики, создавая привлекательный и доступный контент для различных категорий пользователей [16, с.311]. CGTN и RT выступают эффективными инструментами формирования национального имиджа, обеспечивая широкий охват аудитории и гибко адаптируя свою коммуникационную стратегию к специфике международной информационной среды.

CGTN в период пандемии COVID-19 акцентировала внимание на положительных сторонах национального антикризисного управления, демонстрируя эффективность китайской модели борьбы с вирусом и значимость международного сотрудничества. В информационной политике платформы фиксируется установка на прозрачность действий властей, мобилизацию общества и научный подход к решению актуальных проблем здравоохранения [2, с.108]. В одном из сюжетов подчеркивается: «Объединение усилий и обмен опытом между странами – ключ к победе над пандемией» (CGTN. 15.05.2020).

CGTN целенаправленно формировала образы Китая как ответственного глобального лидера, готового оказывать гуманитарную помощь и делиться своими наработками. Значительное место занимали материалы, посвящённые отправке медицинских специалистов и оборудования в разные регионы мира. Важной составляющей нарратива стала идея технологического прогресса – освещение успехов китайских ученых и внедрение инновационных решений для контроля над распространением инфекции. CGTN целенаправленно использовала комплекс позитивных нарративов, подчеркивающих эффективность государственного управления, высокий уровень научной экспертизы и готовность к международной солидарности, что усиливало доверие к Китаю как к ответственному участнику мировой системы.

RT в аналогичный период акцентировала внимание на критике западных моделей управления кризисом, а также демонстрировала успехи России в борьбе с пандемией на фоне ошибок других стран. Медиаплатформа активно использовала нарративы о необходимости суверенитета в вопросах здравоохранения, разоблачала предполагаемые манипуляции западных СМИ и подчеркивала значимость национального опыта [4, с.381]. В одном из репортажей отмечается: «Западные страны не справляются с вызовами пандемии, тогда как Россия демонстрирует устойчивость» (RT. 22.04.2020).

Особое место занимала тема международной критики в адрес России, на которую платформа отвечала материалами о действенности российских мер, успешной разработке вакцин и мобилизации общества. RT также уделяла внимание вопросам социальной поддержки граждан и демонстрировала примеры эффективного взаимодействия между государством и обществом. RT выстраивала нарративы вокруг идей независимости, национального суверенитета и противопоставления российской модели западным практикам, что способствовало формированию патриотического дискурса и укреплению доверия к отечественным институтам.

Сравнительный анализ медийных стратегий CGTN и RT выявил различия и сходства в механизмах формирования общественного мнения. Обе платформы активно использовали фрейминг – структурирование информации с акцентом на ключевых ценностях и успехах, однако CGTN концентрировалась на глобальной солидарности и инновациях, в то время как RT делала упор на критике альтернативных моделей и национальном суверенитете [16, с.316]. Важную роль играла аргументация с использованием экспертных мнений и научных данных. CGTN чаще привлекала международных специалистов, демонстрируя прозрачность и открытость, тогда как RT делала акцент на отечественных экспертах, укрепляя авторитет национальной науки. Визуальные средства на обеих платформах были направлены на создание эмоционального отклика аудитории: CGTN использовала инфографику и визуализацию успехов в борьбе с пандемией, RT – кадры социальной поддержки и национального единства. CGTN и RT применяли разные акценты в стратегиях формирования общественного мнения, что отражало специфику национальных коммуникационных задач. Обе платформы стремились повысить доверие к своим государствам, но через разные ценностные и информационные конструкции.

Результаты анализа откликов аудитории на медиаконтент CGTN и RT свидетельствуют о значительном вовлечении пользователей и формировании устойчивых образов государств на международной арене. В качестве индикаторов были использованы количественные и качественные показатели: число комментариев, репостов, уровень цитируемости материалов, а также эмоциональная окрашенность откликов.

1 . В публикациях CGTN, освещающих гуманитарную помощь и научные достижения

Китая, отмечается высокий уровень положительных откликов, выраженных в государственных комментариях и распространении контента в англоязычных и испаноязычных сегментах социальных сетей (CGTN. 10.04.2021).

2 . Материалы RT, посвящённые критике западных стратегий и продвижению национального суверенитета, вызывают активные обсуждения, часто сопровождающиеся поляризацией мнений и ростом числа репостов среди аудитории стран СНГ и Восточной Европы (RT. 22.06.2021).

3 . Анализ цитируемости экспертных оценок, приведённых в выпусках обеих платформ, показывает, что международные СМИ чаще ссылаются на материалы CGTN при освещении тематики сотрудничества в сфере здравоохранения, тогда как RT становится источником альтернативной информации при обсуждении эффективности мер в России.

4 . В ряде случаев комментарии к видеоматериалам CGTN содержат запросы на уточнение научных данных и дополнительные разъяснения, что свидетельствует о стремлении аудитории к получению достоверной информации (CGTN. 29.03.2021).

5 . Репосты видеорепортажей RT фиксируются преимущественно в группах патриотической и антиглобалистской направленности, что формирует дискурс поддержки национального курса и критики внешнего давления (RT. 05.05.2021).

Медиастратегии обеих платформ оказывают значимое влияние на характер и динамику международного общественного мнения, способствуя не только распространению информации, но и формированию определённых ценностных установок и ориентаций в различных регионах мира. Эффективность медиастратегий CGTN и RT по восстановлению национального имиджа проявляется в изменении тональности международных публикаций и трансформации восприятия государств в зарубежном информационном пространстве. По оценке Л.К. Михиной, высокий уровень доверия к материалам CGTN связан с демонстрацией прозрачности и акцентом на коллективных усилиях в преодолении кризиса [9, с.198]. К примеру, публикации о совместных исследованиях с ВОЗ и других международных организациях получили широкое распространение и положительные отзывы как среди экспертов, так и среди широкой аудитории (CGTN. 12.05.2020).

RT успешно реализует стратегию позиционирования России как независимого и суверенного игрока, что отражается в устойчивости патриотического дискурса и росте числа поддерживающих комментариев в зарубежных социальных сетях. Критика западных подходов и демонстрация успехов российской науки способствуют укреплению национального имиджа и повышению интереса к альтернативным источникам информации [5, с.162]. В частности, освещение запуска вакцины «Спутник V» сопровождалось широким откликом и обсуждением в международных медиа (RT. 17.08.2020).

Значимым результатом применения медиастратегий обеих платформ становится формирование у зарубежной аудитории устойчивых ассоциаций с эффективностью, открытостью и инновационностью (для КНР) и с независимостью, технологическим развитием и национальной солидарностью (для России). Интеграция визуальных, текстовых и экспертных форматов позволяет платформам адаптироваться к запросам разных сегментов аудитории и поддерживать высокий уровень цитируемости. Медиастратегии CGTN и RT проявляют высокую результативность как инструменты формирования и восстановления национального имиджа, обеспечивая устойчивое

присутствие стран в глобальном информационном пространстве и способствуя развитию позитивных ассоциаций в международном общественном мнении.

Медиастратегии CGTN и RT демонстрируют как значительные преимущества, так и определённые ограничения в процессе формирования национального имиджа. CGTN строит коммуникацию на принципах открытости, международного сотрудничества и акценте на научно-технологических достижениях. К сильным сторонам этой стратегии относится системная интеграция экспертов, мультиязычная подача информации и ориентация на позитивные глобальные нарративы [15, с.88]. В репортажах CGTN особое внимание уделяется международной поддержке, что способствует формированию имиджа Китая как ответственного и прогрессивного государства (CGTN. 12.04.2021). Основная слабость CGTN заключается в восприятии ее контента как официального и, следовательно, предсказуемого. В отдельных случаях зарубежная аудитория проявляет скепсис по отношению к материалам, выходящим за рамки привычных нарративов, что снижает доверие к платформе при освещении острых политических тем [10, с.1032]. В дискуссиях на англоязычных форумах встречаются замечания о недостаточной критичности отдельных материалов CGTN, что ограничивает влияние на аудиторию, ориентированную на плюралистичное восприятие информации (Reddit. 14.06.2021). RT отличается ярко выраженной альтернативной повесткой, акцентом на национальном суверенитете и критике западных моделей. Сильной стороной RT является способность формировать и поддерживать дискуссионный потенциал, привлекать аудиторию, стремящуюся к альтернативным точкам зрения [14, с.27]. Примером служат многочисленные обсуждения сюжетов о российских научных разработках, которые получают широкий резонанс среди пользователей социальных сетей (RT. 21.07.2021). Слабой стороной RT является риск усиления поляризации и восприятия платформы как инструмента пропаганды, что может ограничить доверие в ряде зарубежных сегментов аудитории. Кроме того, фокус на конфронтационной риторике не всегда способствует формированию позитивного имиджа на глобальном уровне [11, с. 190].

Выбор инструментов и методов продвижения национального имиджа определяется не только стратегическими задачами, но и особенностями культурного и политического контекста. Китайская медиамодель опирается на коллективистские ценности, уважение к государственному управлению и стремление к гармонии, что отражается в акценте на сотрудничестве, единстве и технологическом прогрессе [16, с. 314]. К примеру, освещение совместных научных проектов и гуманитарной помощи формирует образ КНР как солидарного и инновационного государства (CGTN. 08.05.2020).

Российская модель коммуникации ориентируется на сохранение национальной идентичности, преемственность традиций и защиту суверенитета. В условиях политических вызовов RT использует инструменты, подчеркивающие независимость и альтернативность национального пути развития [6, с.142]. В репортажах RT часто встречается фрейминг, противопоставляющий российские достижения западным практикам, что позволяет формировать устойчивый патриотический дискурс (RT. 11.03.2021). Политический климат и особенности ценностных установок аудитории влияют на структуру нарративов и выбор каналов коммуникации. В странах с высоким уровнем доверия к государственным институтам положительный эффект имеют стратегии, основанные на демонстрации национальных успехов и международного сотрудничества. В регионах с развитыми традициями свободы слова и критического мышления значимым становится баланс между официальной позицией и возможностью альтернативных интерпретаций [13, с.137].

Таким образом, эффективность медиастратегий определяется способностью учитывать культурные и политические ожидания целевой аудитории, а также гибкостью в адаптации инструментов продвижения имиджа к изменяющимся условиям международного информационного пространства.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить специфику медиастратегий CGTN и RT в условиях пандемии COVID-19 и определить их влияние на формирование и восстановление национального имиджа на международной арене. Анализ содержания, структуры нарративов, а также способов взаимодействия с аудиторией показал, что обе платформы эффективно используют современные медийные инструменты для достижения коммуникативных и имиджевых целей. CGTN опирается на позитивный образ страны, демонстрируя успехи в борьбе с пандемией, акцентируя внимание на международном сотрудничестве, научных достижениях и технологическом развитии. RT, напротив, делает ставку на альтернативность взглядов, противопоставляет национальную модель зарубежным практикам, формируя дискурс независимости и суверенитета.

Сравнительный анализ показал, что медиастратегии CGTN и RT обладают как сильными сторонами, способствующими росту доверия и расширению аудитории, так и определёнными ограничениями, связанными с восприятием контента и спецификой культурного и политического контекста. Результаты анализа откликов аудитории свидетельствуют о значительном влиянии выбранных стратегий на характер международных коммуникаций и на формирование устойчивых ценностных установок.

Влияние культурных и политических факторов отражается в выборе инструментов продвижения имиджа, определяя приоритеты медиаплатформ и степень их влияния на общественное мнение. Эффективная адаптация стратегий к особенностям целевой аудитории, а также использование комплексных подходов к формированию нарративов обеспечивают устойчивое присутствие стран в глобальном информационном пространстве и способствуют формированию позитивного образа государства в условиях современных коммуникационных вызовов.

Библиография

1. Ван М. Анализ общественного мнения в интернете по вопросам китайско-российских отношений в ситуации пандемии / М. Ван // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 3. С. 87-89. EDN: TJOQTW.
2. Ван С. Китайско-российское сотрудничество в области СМИ в условиях эпидемии на примере CGTN и RT / С. Ван // Актуальные проблемы гуманитарного знания: прошлое и современность. 2023. С. 105-111.
3. Влияние пандемии COVID-19 на внешнеполитические позиции и международный образ КНР / Лонгрид сессии XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества // Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. 2022. 15 с.
4. Жуи Я. Роль медиакоммуникаций в формировании имиджа странового бренда в период пандемии / Я. Жуи // Брендинг как коммуникационная технология XXI века. 2021. С. 379-382. EDN: VDOABU.
5. Иванников Н. С., Правдина Е. Е. Особенности оценки имиджа КНР за рубежом на примере новостного освещения COVID-19 / Н. С. Иванников, Е. Е. Правдина // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. № 2 (48). С. 159-166. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-159-166. EDN: LNJPVS.
6. Коперник Р. Е. Фейковые новости как инструмент манипулирования общественным

- мнением в условиях пандемии COVID-19 / Р. Е. Коперник // Молодежь в современном мире: противодействие экстремизму. 2022. С. 140-152. EDN: GTAZVF.
7. Лексютина Я. В. Пандемия COVID-19 как "окно возможностей" для развития Китая и расширения его влияния в мире / Я. В. Лексютина // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27, № 27. С. 98-111. DOI: 10.48647/IFES.2022.13.15.025. EDN: LLIUFF.
8. Лэмэн Ч. Формирование национального имиджа Китая и коммуникационный подход / Ч. Лэмэн // Advances in science and technology. 2024. С. 123-125. EDN: SOVJCY.
9. Михина Л. К. Новая экономическая стратегия Китая и способы преодоления государственного кризиса, связанного с пандемией COVID-19 / Л. К. Михина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7-2. С. 192-200. DOI: 10.17513/vaael.1798. EDN: UHBVXF.
10. Сингаевская М. В. Роль общественного мнения в преодолении политических рисков и кризисных тенденций в условиях пандемии / М. В. Сингаевская // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. 2021. С. 1028-1030. EDN: DQLNTJ.
11. Сунь С. К вопросу о дискредитации государственного имиджа Китая в международной коммуникации / С. Сунь // Коммуникационный вектор-2024. 2024. С. 187-193.
12. Тишкова Д. Роль интегрированных маркетинговых коммуникаций в процессе формирования общественного мнения в условиях пандемии / Д. Тишкова // Collegium Linguisticum-2021. С. 196-197. EDN: KBOIMD.
13. Хэ Н. Кризис имиджа Китая в западных массмедиа в контексте инициативы "один пояс один путь" в период пандемии COVID-19 / Н. Хэ // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия. 2022. С. 134-135.
14. Шиняева О. В., Лапина А. А. Формирование общественного мнения в условиях пандемии: диалог власти и населения / О. В. Шиняева, А. А. Лапина // Гражданское участие и публичная власть в Ульяновской области в 2020-2021 гг.: вызовы пандемии, уроки и перспективы. – 2021. С. 19-33. EDN: GYNJJL.
15. Юймо Л. Роль информационно-коммуникационных технологий в формировании национального имиджа Китая / Л. Юймо // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2022. № 2. С. 86-91. EDN: IYDQAO.
16. Ян Ж. Отражение национального имиджа Китая в российских СМИ в период пандемии / Ж. Ян // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей. 2021. С. 310-316. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46096282&ysclid=m9zgn063gc281138244>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет изучения данной работы – «восстановление национального имиджа в кризисных ситуациях». На мой взгляд, подобная вариация темы в принципе возможна, ибо сама ситуация диктует нечто подобное, да и СМИ ориентированы на подобное генерирование. Автор отмечает, что «в качестве основной цели данного исследования выступает выявление и анализ стратегий формирования национального имиджа, реализуемых медиаплатформами CGTN и RT в период пандемии COVID-19. Особое внимание уделяется сопоставлению коммуникативных инструментов и оценке их эффективности в процессе влияния на общественное мнение». Стоит согласиться с

данным утверждением, оно правомерно, точечно, актуально. Материалом исследования являются «медиатексты, размещённые на официальных интернет-ресурсах CGTN и RT, а также публикации в социальных сетях и новостных агрегаторах за период с января 2020 года по июнь 2022 года. В анализ включены видеорепортажи, аналитические статьи, интервью с экспертами, посты в официальных аккаунтах и комментарии аудитории». Доступ и открытость к данным приветствуется, соответствие с одной из рубрик издания есть. Стиль статьи ориентирован на научный тип наррации: например, «Национальный имидж представляет собой сложную систему представлений, стереотипов и ценностных ориентаций, формирующихся в массовом сознании внутри страны и за её пределами. В научной литературе данное понятие трактуется как результат целенаправленной деятельности государства, направленной на создание устойчивого позитивного образа страны или, напротив, на преодоление негативных ассоциаций, возникающих в условиях внешних или внутренних кризисов», или «Средства массовой информации играют ключевую роль в процессе формирования и поддержания национального имиджа, особенно в периоды кризисных ситуаций. По мнению С. Сунь, именно СМИ становятся основным источником сведений для широкой аудитории, а их интерпретация событий непосредственно влияет на характер общественных настроений [11, с.189]. Анализ материалов CGTN и RT показывает, что медиаплатформы целенаправленно выстраивают нарративы, способствующие укреплению доверия к государственным институтам и формированию позитивного образа страны» и т.д. Статья соотносится с каноном научного изыскания, фактор аналитики и аргументации наличен. Думаю, что основные тезисы работы выверены, фальсификаций и подтасовки фактов нет. Некоторые позиции выглядят дискуссионно, но и это стоит оценить положительно: например, «Особое место занимала тема международной критики в адрес России, на которую платформа отвечала материалами о действенности российских мер, успешной разработке вакцин и мобилизации общества. RT также уделяла внимание вопросам социальной поддержки граждан и демонстрировала примеры эффективного взаимодействия между государством и обществом. RT выстраивала нарративы вокруг идей независимости, национального суверенитета и противопоставления российской модели западным практикам, что способствовало формированию патриотического дискурса и укреплению доверия к отечественным институтам». Принцип сравнительно-сопоставительного характера вполне удачно раскрывает тему, следовательно, и цель исследования достигается. Автор приходит к выводу, что «медиастратегии CGTN и RT обладают как сильными сторонами, способствующими росту доверия и расширению аудитории, так и определёнными ограничениями, связанными с восприятием контента и спецификой культурного и политического контекста. Результаты анализа откликов аудитории свидетельствуют о значительном влиянии выбранных стратегий на характер международных коммуникаций и на формирование устойчивых ценностных установок» и т.д. Формальные требования издания учтены, серьезная правка текста излишня. Статья «Восстановление национального имиджа в кризисных ситуациях: сравнение стратегий CGTN и RT по формированию общественного мнения (на примере пандемии Covid-19)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Вэй Ю., Лабуш Н.С. Образ политического лидера КНР в западных СМИ: стратегии формирования и восприятия образа Си Цзиньпина // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75069 EDN: IZBKCC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75069

Образ политического лидера КНР в западных СМИ: стратегии формирования и восприятия образа Си Цзиньпина

Вэй Юйци

ORCID: 0000-0002-8135-2213

аспирант; высшая школа Журналистика и массовые коммуникации ; Санкт-Петербургский государственный университет

199004, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, линия 1-я В.О., д. 26

✉ st098006@student.spbu.ru



Лабуш Николай Сергеевич

доктор политических наук

профессор; высшая школа журналистики и массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199004, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, линия 1-я В.О., д. 26

✉ n.labush@spbu.ru



[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75069

EDN:

IZBKCC

Дата направления статьи в редакцию:

04-07-2025

Аннотация: В статье проанализировано, как формируется и воспринимается образ Си Цзиньпина в западных СМИ с учётом китайских стратегий имиджевого продвижения, критического отношения западных медиа и данных международных опросов общественного мнения. Раскрываются особенности восприятия на фоне геополитических и идеологических различий между Востоком и Западом. Описаны информационные

кампании, проводимые Китаем для формирования позитивного образа страны и её руководства за рубежом. Рассмотрена роль пропаганды, дипломатии, контроля над СМИ и культурных программ. Особое внимание уделено критическому освещению внутренней и внешней политики Си в западных медиа, а также результатам международных опросов, демонстрирующих низкий уровень доверия к Си в развитых демократиях и относительно высокий – в ряде развивающихся стран. В исследовании применены качественный контент-анализ медиа-материалов и количественный анализ данных международных опросов. Методология включает изучение китайских информационных кампаний, анализ публикаций западных СМИ (например, The New York Times), использование оценок независимых организаций (например, Freedom House) и интерпретацию результатов глобальных опросов доверия к Си Цзиньпину. Научная новизна работы состоит в междисциплинарном сопоставительном анализе образа Си Цзиньпина в западных и китайских источниках с использованием методов контент-анализа, дискурсивного анализа и нарративного фрейминга. Впервые в статье систематизируются устойчивые фреймы, риторические паттерны и визуальные стратегии, формирующие двойственную репрезентацию китайского лидера как внутри КНР, так и за её пределами. Работа детализирует механизмы китайской публичной дипломатии (например, инициативу «Один пояс – один путь», деятельность Институтов Конфуция, работу агентства Синьхуа), а также выделяет ключевые фреймы в западном медиадискурсе. На основе количественного анализа международных опросов продемонстрирован значительный разрыв в уровне доверия к китайскому лидеру: в развитых демократиях он не превышает 20% (например, Германия – 16%, Япония – 8%), тогда как в ряде развивающихся стран достигает 50–66% (Нигерия – 66%, Кения – 64%). Эти данные подтверждают существование устойчивой асимметрии восприятия между Западом и Глобальным Югом. Делается вывод о сохранении разрыва в восприятии китайского лидера между Западом и странами Глобального Юга.

Ключевые слова:

Си Цзиньпин, Китай, западные СМИ, имидж, пропаганда, общественное мнение, доверие, международные отношения, медийные кампании, восприятие

Введение

В условиях глобальной информационной трансформации политический имидж лидера перестает быть исключительно внутренним феноменом и становится предметом международного символического соперничества. Особенно актуально это в отношении образа председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, который, будучи одним из наиболее влиятельных политиков XXI века, оказывается в фокусе противоречивых репрезентаций в глобальных медиапотоках.

Актуальность исследования определяется усилением информационного противостояния между КНР и западными странами, в рамках которого образ Си Цзиньпина приобретает ключевое значение как символ альтернативной политико-идеологической модели. Формирование и интерпретация этого образа в медиа отражают внутренние стратегические цели Китая и характер глобального медиадискурса, где легитимность, харизма и политическое лидерство становятся объектами манипулятивного и идеологически окрашенного освещения.

Цель статьи заключается в исследовании стратегий формирования и восприятия образа

Си Цзиньпина в западных СМИ.

Объектом исследования является политический медиаобраз председателя КНР Си Цзиньпина, как репрезентируемый в международной информационной среде.

Предметом является совокупность стратегий визуального, лингвистического и контекстуального построения образа лидера в западных массмедиа, а также их восприятие в сопоставлении с китайским официальным нарративом.

Научная новизна работы состоит в междисциплинарном сопоставительном анализе образа Си Цзиньпина в западных и китайских источниках с использованием методов контент-анализа, дискурсивного анализа и нарративного фрейминга. Впервые в статье систематизируются устойчивые фреймы, риторические паттерны и визуальные стратегии, формирующие двойственную репрезентацию китайского лидера как внутри КНР, так и за её пределами.

В исследовании применены качественный контент-анализ медиа-материалов и количественный анализ данных международных опросов. Методология включает изучение китайских информационных кампаний, анализ публикаций западных СМИ (например, The New York Times), использование оценок независимых организаций (например, Freedom House) и интерпретацию результатов глобальных опросов доверия к Си Цзиньпину.

Таким образом, данное исследование представляет собой попытку раскрыть, каким образом современные массмедиа становятся ареной символического конфликта, в центре которого оказывается фигура китайского лидера как медиаперсонажа, символа, идеологической конструкции и инструмента внешнеполитической стратегии.

Си Цзиньпин в мировой прессе: битва за имидж в эпоху информационной войны

Образ Си Цзиньпина в зарубежной прессе формируется под влиянием глобальных информационных кампаний и медиапредставлений. Со стороны Китая проводятся масштабные кампании «рассказов о Китае», призванные противодействовать негативным стереотипам. В 2013 году Си Цзиньпин запустил программу «рассказывать истории Китая» для усиления международного информационного присутствия [71], а в 2021 году призвал китайские СМИ «представлять миру истинный, трёхмерный и всесторонний Китай» [12]. Ежедневно в китайских изданиях перепечатывается авторские пропагандистские материалы [10]. По данным Freedom House, с 2019 по 2021 год интенсивность усилий Китая по влиянию на мировые СМИ была «высокой или очень высокой» в большинстве исследованных стран (16 из 30). Эти стратегии направлены на формирование позитивного восприятия Китая и его руководства за рубежом, подчёркивая экономические успехи и социальный прогресс.

Важной составляющей современной стратегии КНР является акцент на публичной дипломатии и культурном обмене. Китай активно инвестирует в создание и продвижение образовательных, научных и культурных инициатив за рубежом, что способствует укреплению позитивного имиджа страны на международной арене [12]. Значительную роль в этих процессах играют Институты Конфуция и реализация международных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Всё это способствует выстраиванию прочных связей с другими странами и более глубокому пониманию китайских ценностей за рубежом [11].

Параллельно развивается система государственных СМИ, выполняющих функцию трансляции официальной позиции Китая и освещения достижений в социально-экономической и культурной сферах [10]. Такой подход способствует интеграции национальных интересов в мировое информационное пространство и ослаблению негативных стереотипов. В результате этих усилий формируется целостное и многогранное представление о роли Си Цзиньпина в современном мире и о вкладе Китая в глобальное развитие.

Стратегии формирования имиджа Си Цзиньпина

Китайское руководство рассматривает пропаганду и дипломатическую риторику как ключевые инструменты продвижения имиджа. Си Цзиньпин подчёркивал необходимость совершенствования международного повествования о Китае. В стране действует жёсткая цензура и централизованное управление СМИ, позволяющие транслировать единую партийную линию: современный Китай подчёркивает стабильность, развитие, борьбу с бедностью и антикоррупционные меры. Официальные источники утверждают, что при Си ВВП Китая удвоился, ликвидирована абсолютная бедность и достигнуто "среднее благосостояние" населения (Основные вехи в построении общества с высоким уровнем жизни. URL: http://www.news.cn/mrdx/2023-03/12/c_1310702452.htm дата обращения: 13.06.2025). Агентство Синьхуа называет его «рулевым», способным провести страну через трудности к модернизации (Общественное мнение объединило народ, который поднялся на путь возрождения — Си Цзиньпин был единогласно избран председателем Государственного совета и председателем Центрального военного совета, что воодушевило и вдохновило всю партию, всю армию и все народы страны на новый путь. URL: http://www.news.cn/mrdx/2023-03/12/c_1310702452.htm дата обращения: 13.06.2025). Зарубежные эксперты, цитируемые Синьхуа, подчеркивают стратегическое мышление Си и его ориентацию на служение народу, американский эксперт подчеркнул его всестороннее понимание ситуации. Эти официальные нарративы и проходят внутреннюю «чековую пропускную» фильтрацию, давая Китаю полный контроль над выдаваемой информацией.

Ключевые компоненты стратегии включают китайские кампании публичной дипломатии и пропаганды (например, «великий поход» социализма с китайской спецификой), контролируемая экспансия госСМИ, приобретение зарубежных медиа-ресурсов, образовательные и культурные программы (конфуцианские институты, инвестиции в инфраструктуру) – всё это формирует фон для восприятия личности Си Цзиньпина за рубежом [3]. Freedom House сообщает об усилении принудительных методов воздействия на зарубежные СМИ. Несмотря на эти усилия, независимые исследования указывают, что в демократических странах репутация Си ухудшается: опросы фиксируют снижение доверия к нему наряду с усилением мер по контролю над медиа.

Восприятие Си Цзиньпина в западных СМИ

Западные СМИ сосредоточены на политическом стиле Си и ключевых аспектах его правления [3]. Исследования показывают, что в США и Европе Си чаще ассоциируют с авторитаризмом. Анализ The New York Times выделяет три фрейма: внутренние политические кампании (особенно антикоррупционный «удар молотом»), отношения с США и внешняя политика (Фу Цайде. Какие риски грозят политике Си Цзиньпина, направленной на укрепление внутренней стабильности и отражение внешних угроз? URL: <https://cn.nytimes.com/china/20150203/c03macfarquhar/> дата обращения: 13.06.2025). При этом ведущие издания стремятся подчеркнуть конкуренцию с Китаем: западные

эксперты отмечают рост его влияния наряду с вызовами (торговые конфликты, права человека и т.д.). Одновременно *Business Insider* подчеркнул, что Си «укрепил себя как сильнейшего лидера Китая за десятилетия», признавая его расширенную власть. Однако успехи Китая в социально-экономической сфере редко упоминаются без критики [2].

Уровень доверия к Си в мире неоднороден. Мировой медианный показатель доверия к Си Цзиньпину — 25% [9]. В Германии, Японии, Швеции и Австралии — менее 20%. В странах Африки и Юго-Восточной Азии (Нигерия, Кения, Индонезия) — более 50% (Исследование дипломатической мысли Си Цзиньпина — китайская модель модернизации и построение сообщества общей судьбы человечества. URL: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/> дата обращения: 13.06.2025). Эти цифры иллюстрируют разрыв между восприятием Си в Западных и развивающихся странах.

Рисунок 1. Уровень доверия к Си Цзиньпину в развитых демократиях, в мировой медиане и в развивающихся странах (%)

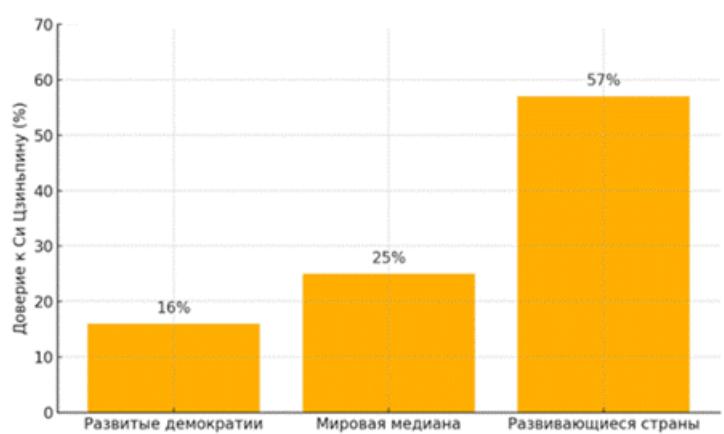


Таблица 1. Уровень доверия к Си Цзиньпину по странам (%)

Страна	Доверие к Си (%)
Канада	26
Венгрия	34
Великобритания	31
Греция	37
Польша	13
Италия	30
Нидерланды	23
Франция	20
Испания	18
Германия	16
Швеция	14
Индия	24
Япония	8
Индонезия	53
Южная Корея	15
Австралия	15
Израиль	9
Турция	25
Нигерия	66
Кения	64

...	...
ЮАР	46
Бразилия	22
Аргентина	26
Мексика	36
24-стран. медиана	25

Данные опросов показывают, что за последние годы популярность Си в западном мире остаётся низкой. В 35 странах только 24% респондентов выразили хотя бы умеренное доверие китайскому лидеру. В США, Канаде и Западной Европе подавляющее большинство опрошенных не доверяют ему. Критическое отношение отчасти обусловлено акцентом западных СМИ на правах человека, территориальных спорах и позициях Китая в конфликтах (напр. в Южно-Китайском море) [4].

Западные комментаторы напоминают о лозунге «американская закалка» («Make America Great Again»), противопоставляя ему «развитый Китай» с его моделью развития [5]. Тем не менее некоторая экспертиза признаёт достижения Китая: сообщается, что за 40 лет «национальная крайность нищеты» в Китае сократилась на ~800 млн человек. В целом образ Си Цзиньпина в зарубежных СМИ сформирован как сложное сочетание «могущественного автократа» и «архитектора экономического чуда». С одной стороны, аналитики указывают на его укрепление власти (3-й срок, культ личности) и авторитарную политику, что западным СМИ помогает сконцентрироваться на недостатках демократии. С другой стороны, факт экономического роста и социальной стабильности приводит к тому, что некоторые прогнозы («Крах Китая») неоднократно оказывались неверными (Western media is still wrong, China will continue to rise // Noema. URL: <https://www.noemamag.com/western-media-is-still-wrong-china-will-continue-to-rise/> дата обращения: 13.06.2025). Так, Эрик Ли отмечает, что западные обозреватели исторически недооценивали Китай – его развитие регулярно «отвечало противоположным результатом» ожиданиям критиков [6].

В то же время стоит отметить, что восприятие Си Цзиньпина в зарубежной прессе остается динамичным и подверженным изменениям, обусловленным как глобальными сдвигами в международных отношениях, так и внутренними преобразованиями в самом Китае [5]. За последние годы международная общественность всё чаще сталкивается с необходимостью переосмысления роли Китая на мировой арене, что неизбежно влияет и на трактовку деятельности его лидера. С одной стороны, акцент на стабильности, развитии и социальной справедливости становится важной частью внешнего образа современного Китая. С другой — реализуемые инициативы в сферах инфраструктуры, науки, технологий и образования находят свое отражение даже в западных и международных экспертных сообществах.

Положительный аспект восприятия во многом строится на фактических результатах: впечатляющий экономический рост, успешные антикоррупционные кампании и масштабные программы по борьбе с бедностью. Важно подчеркнуть, что достижения Китая в сфере модернизации и повышения качества жизни населения признаются не только на национальном, но и на глобальном уровне. В ряде развивающихся стран позитивный опыт Китая часто рассматривается как пример для подражания, а Си Цзиньпин — как символ эффективного руководства и дальновидной государственной политики (Южноафриканский министр о книге «Си Цзиньпин о государственном управлении»: ценность превосходит золото. URL: http://za.china-embassy.gov.cn/znzfgx/2017/201712/t20171214_10407628.htm дата обращения:

13.06.2025).

Международное экспертное сообщество отмечает, что усилия Китая по формированию позитивного имиджа отражаются в ряде значимых инициатив: развитие программ народной дипломатии, активное участие в решении глобальных вызовов, продвижение принципов многостороннего сотрудничества [11]. Такой подход позволяет не только формировать позитивное восприятие, также укреплять взаимопонимание между странами [12]. Аналитики сходятся во мнении, что дальнейшая эволюция образа Си Цзиньпина в мировой прессе будет напрямую связана с успехами Китая в сфере инноваций, международной торговли и устойчивого развития.

Заключение

В результате исследования было установлено, что формирование имиджа Си Цзиньпина в западных СМИ представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий как внутренние коммуникационные стратегии КНР, так и специфику западного медиадискурса. Китай осуществляет последовательную работу по продвижению позитивного международного образа страны и её лидера, используя современные инструменты публичной дипломатии, культурного обмена, образовательных программ и активного присутствия в мировом информационном пространстве. Значительное внимание уделяется демонстрации достижений страны под руководством Си Цзиньпина: это и устойчивый экономический рост, и масштабная борьба с бедностью, и повышение благосостояния граждан, а также развитие инновационных технологий и модернизация социальной сферы.

Выводы исследования показывают, что несмотря на активные усилия Китая по представлению объективной и всесторонней картины, в западных СМИ сохраняется преобладание аналитических и критических подходов к освещению как внутренней, так и внешней политики КНР. В ряде публикаций западных изданий доминируют темы, связанные с особенностями политического устройства Китая, вопросами развития правовых институтов, а также с усилением роли страны на мировой арене. Однако наряду с этим признаётся и вклад китайского руководства в обеспечение стабильности, развитие экономики и борьбу с глобальными вызовами, что находит положительный отклик в странах Глобального Юга.

Таким образом, в условиях роста взаимозависимости и развития международного диалога, формирование и восприятие имиджа Си Цзиньпина за рубежом определяется целым комплексом факторов, включая специфику национальных информационных систем, культурные различия и стратегические интересы различных государств. Китай продолжает вести конструктивную работу по развитию международного сотрудничества и укреплению взаимного доверия, что способствует более глубокому взаимопониманию и гармонизации восприятия как личности Си Цзиньпина, так и современного Китая в целом.

Библиография

1. Акдаг З. China's Assertive Foreign Policy and Global Visions Under Xi Jinping // Journal of Academic Inquiries. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 204-221.
2. Амаду Диоп. Анализ модернизации по китайскому образцу // Материалы Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC). – 2024. – С. 15.
3. Кабестан Ж.-П. Is Xi Jinping the Reformist Leader China Needs? // China Perspectives. – 2012. – № 3. – С. 69-76.
4. Лам В. Xi Jinping: The Hidden Agendas of China's Ruler for Life. – Абингдон, Англия:

- Routledge, 2024. – 234 с.
5. Мокры С. China's foreign policy rhetoric between orchestration and cacophony // The Pacific Review. – 2023. – Т. 37, № 2.
 6. Мордекай Чобов. Комментарий к статье Си Цзиньпина // Материалы Центра Евразии при Университете Джона фон Неймана. – 2024. – С. 23.
 7. Си Цзиньпин. Письмо во Всекитайскую ассоциацию журналистов // Материалы 80-летия Всекитайской ассоциации журналистов. – 2017. – С. 53.
 8. Хан М. К., Бача С. Д. XI Jinping's Foreign Policy; A Critical Challenge for the US // International Journal of Contemporary Issues in Social Sciences. – 2024. – Т. 3, № 2. – С. 1224–1236.
 9. Чан А. Л. Xi Jinping: Political Career, Governance, and Leadership, 1953–2018. – Нью-Йорк: Oxford University Press, 2022. – 736 с.
 10. Чжан С. Assessing the media visibility of China's President Xi Jinping's first 3-year governance in The New York Times // Global Media and China. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 467–480.
 11. Шах А. Уль М., Гахо Г. М., Коусар Ф. XI JINPING: A Dynamic Reformer and Visionary Leader // Advance Social Science Archive Journal. – 2024. – Т. 2, № 4. – С. 922–938.
 12. Шанхайский новостной фронт. Изучение и популяризация социалистической мысли Си Цзиньпина с китайской спецификой в новую эпоху // Shanghai News Front. – 2023. – С. 6.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В последние годы, и это стоит признать, «западные СМИ проявляют устойчивый интерес к личности Си Цзиньпина», в целом анализируя его политический стиль, стратегические решения, а также его роль в трансформации современного Китая. Следовательно, целесообразно обратиться к анализу образа китайского лидера, оценке формирования общего мнения относительно Си Цзиньпина. Автор рецензируемой статьи вначале обозначает, что в работе «рассматриваются основные стратегии формирования имиджа Си Цзиньпина в зарубежных СМИ и анализируются особенности их восприятия на фоне geopolитических и идеологических различий между Востоком и Западом». На мой взгляд, цель в таком виде вполне концептуальна, конструктивна; методологическая база изыскания ориентирована на системно-аналитический тип, что вполне объяснимо. Целесообразно автор дифференцирует текст на т.н. смысловые блоки, подобный вариант позволяет читателю двигаться в логически заданном направлении, следя за ходом мыслей исследователя. Стиль, что объективно заметно, соотносится с научным типом: например, «Образ Си Цзиньпина в зарубежной прессе формируется под влиянием глобальных информационных кампаний и медиапредставлений. Со стороны Пекина проводятся масштабные кампании «рассказов о Китае», призванные противодействовать негативным стереотипам. Так, в 2013 г. Си Цзиньпин запустил программу «рассказывать истории Китая» (讲好中国故事) для усиления международного информационного присутствия [7], а в 2021 г. призвал китайские СМИ «представлять миру истинный, трёхмерный и всесторонний Китай», или «Китайское руководство выделяет пропаганду и дипломатическую риторику как ключевые инструменты имиджевого продвижения. Си Цзиньпин не раз подчёркивал необходимость совершенствовать международное повествование о Китае. В Китае введена жёсткая цензура и централизованное управление СМИ, что позволяет единодушно транслировать линию партии: современный

Китай поощряет стабильность, развитие, борьбу с бедностью и антикоррупционную кампанию» и т.д. Фактические данные вводятся в работу с использованием цитаций, следовательно, аргументационная составляющая верифицирована. Удачно в статье представлены т.н. «открытые данные»: «Западная пресса традиционно фокусируется на политическом стиле Си Цзиньпина и ключевых событиях его правления [3]. Исследования показывают, что в США и Европе Си чаще ассоциируют с авторитаризмом. Например, анализ контента The New York Times выявил три основных повествовательных «фрейма»: внутренние политические кампании (особенно антикоррупционный «удар молотом»), отношения с США и международная активность Китая (Синьхуа (информагентство). Очерк: Си Цзиньпин – человек, который ведет Китай в новом походе // Russian.news.cn. 2022. 25 октября. URL: <https://russian.news.cn/20221025/> дата обращения: 13.06.2025)». Это позволяет объективировать важность и дискуссионность вопроса. Автор по ходу статьи вполне убедителен, точка зрения исследователя прозрачна и точна. На мой взгляд, материал самостоятелен, вполне целен; серьезных фактических нарушений не выявлено. Образ Си Цзиньпина, который является объектом изучения, представлен в ракурсно-позиционном фоне СМИ. Автору удается обобщить имеющиеся данные, системно упорядочить оценочный уровень фигуры Си. Уместно введена в работу статистика: «Уровень доверия к Си Цзиньпину в мире неоднороден. Мировой медианный показатель доверия к Си – лишь 25% [9]. На Западе и в развитых демократиях этот показатель крайне низок (например, менее 20% в Германии, Швеции, Австралии, Японии), тогда как в некоторых развивающихся странах (Нигерия, Кения, Южная Африка, Индонезия) он превышает 50% (Синьхуа (информагентство)», подобные «отсылки» то же есть поддержание аргументации. Считаю, что использование графических вариантов (схемы, таблицы) в ходе обобщений уместно. Материал удобно использовать при изучении ряда гуманитарных дисциплин вузовского порядка. Автор работы приходит к выводу, что «В результате исследования было установлено, что формирование образа Си Цзиньпина в западных средствах массовой информации представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий не только внутренние коммуникационные стратегии КНР, но и специфику западного медиадискурса. Китай осуществляет последовательную работу по продвижению позитивного международного имиджа страны и её лидера, используя современные инструменты публичной дипломатии, культурного обмена, образовательных программ и активного присутствия в мировом информационном пространстве», «Китай продолжает вести конструктивную работу по развитию международного сотрудничества и укреплению взаимного доверия, что способствует более глубокому взаимопониманию и гармонизации восприятия как личности Си Цзиньпина, так и современного Китая в целом» и т.д. На мой взгляд, итоги соотносится с основной частью, противоречий в данном случае нет. Общие требования издания учтены, цель достигнута, тема работы раскрыта; список источников достаточен. С учетом сказанного тезирую: статья «Образ политического лидера КНР в западных СМИ: стратегии формирования и восприятия образа Си Цзиньпина» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Образ политического лидера КНР в западных СМИ: стратегии формирования и восприятия образа Си Цзиньпина».

Предмет исследования – особенности формирования медиаобраза Си Цзиньпина в западных СМИ.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, интерпретации, обобщения и синтеза.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в эпоху глобализации средства массовой информации являются важным и эффективным инструментом формирования и продвижения имиджа как государства в целом, так и политического лидера в частности. В современных условиях формирование публичного образа национальных лидеров становится ключевым элементом внешней и внутренней политики и особое место в этом процессе занимает медийная пропаганда.

Научная новизна состоит в том, что в статье рассматриваются основные стратегии формирования имиджа Си Цзиньпина в зарубежных СМИ и анализируются особенности их восприятия на фоне геополитических и идеологических различий между Востоком и Западом.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы); Си Цзиньпин в мировой прессе: битва за имидж в эпоху информационной войны (рассмотрено, как формируется образ Си Цзиньпина в зарубежной прессе под влиянием глобальных информационных кампаний и медиапредставлений); стратегии формирования имиджа Си Цзиньпина (отмечено, что китайское руководство рассматривает пропаганду и дипломатическую риторику как ключевые инструменты продвижения имиджа); восприятие Си Цзиньпина в западных СМИ (отмечено, что западные СМИ сосредоточены на политическом стиле Си и ключевых аспектах его правления; приведены статистические данные об уровне доверия к Си Цзиньпину в развитых демократиях, в мировой медиане и в развивающихся странах); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 12 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование будет интересно тем, что изучает особенности формирования образа политического лидера страны в средствах массовой информации на примере медиаобраза Си Цзиньпина в зарубежной прессе.

Рекомендации автору:

1. Объем статьи близок к минимальным требованиям редакции. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования.

2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ.

3. Нужно проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники (например, стоит указать источник приведенных в статье статистических данных) и корректность их оформления (Синьхуа. Очерк: Си Цзиньпин, получивший мандат от народа, ведет Китай в новом походе // Russian.news.cn. 2023. 16 марта. URL: <https://russian.news.cn/20230316/> дата обращения: 13.06.2025). Стоит расширить библиографию.

4. Было бы уместно привести иллюстративные примеры из материалов зарубежной прессы как подкрепление теоретические измышлений автора статьи.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть рекомендован к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Образ политического лидера КНР в западных СМИ: стратегии формирования и восприятия образа Си Цзиньпина" представляет собой исследование в области политотехнологий и медиадискурса.

Цель статьи состоит в исследовании стратегий формирования и восприятия образа Си Цзиньпина в западных СМИ.

В исследовании применяются методы качественного контент-анализа медиа-материалов и количественного анализа данных международных опросов.

Исследование проведено на материале китайских информационных кампаний и публикаций западных СМИ (например, The New York Times), а также оценок независимых организаций (например, Freedom House) и интерпретации результатов глобальных опросов доверия к Си Цзиньпину.

Актуальность работы, по мнению автора, определяется усилением информационного противостояния между КНР и западными странами, в рамках которого образ Си Цзиньпина приобретает ключевое значение как символ альтернативной политико-идеологической модели. Формирование и интерпретация этого образа в медиа отражают внутренние стратегические цели Китая и характер глобального медиадискурса, где легитимность, харизма и политическое лидерство становятся объектами манипулятивного и идеологически окрашенного освещения.

Объект исследования - репрезентируемый в международной информационной среде политический медиаобраз председателя КНР Си Цзиньпина.

Предмет исследования - совокупность стратегий визуального, лингвистического и контекстуального построения образа лидера в западных массмедиа, а также их восприятие в сопоставлении с китайским официальным нарративом.

Статья имеет структуру научного исследования и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

В основной части автор рассматривает то, как именно образ председателя КНР способствует формированию позитивного образа Китая за рубежом в целях осуществления национальной политики "мягкой силы".

Автор подчёркивает, что, несмотря на все меры продвижения благоприятного образа председателя Си, в западных СМИ его имидж ухудшается. Данный факт во много связан с концепцией между Китаем и западными странами. При этом рейтинг доверия к Си Цзиньпину в странах глобального Юга относительно высок. Автор так же подчёркивает изменчивость оценок зарубежных (в основном западных и прозападных) СМИ.

Библиография содержит необходимое количество актуальных источников.

В заключении автор статьи делает следующий вывод: "формирование имиджа Си Цзиньпина в западных СМИ представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий как внутренние коммуникационные стратегии КНР, так и специфику западного медиадискурса. Китай осуществляет последовательную работу по продвижению позитивного международного образа страны и её лидера, используя современные инструменты публичной дипломатии, культурного обмена, образовательных программ и активного присутствия в мировом информационном пространстве. Значительное внимание уделяется демонстрации достижений страны под руководством Си Цзиньпина: это и устойчивый экономический рост, и масштабная борьба с бедностью, и повышение благосостояния граждан, а также развитие инновационных технологий и модернизация социальной сферы".

Автор также подчёркивает, что "в условиях роста взаимозависимости и развития международного диалога, формирование и восприятие имиджа Си Цзиньпина за

рубежом определяется целым комплексом факторов, включая специфику национальных информационных систем, культурные различия и стратегические интересы различных государств. Китай продолжает вести конструктивную работу по развитию международного сотрудничества и укреплению взаимного доверия, что способствует более глубокому взаимопониманию и гармонизации восприятия как личности Си Цзиньпина, так и современного Китая в целом".

Представленный вывод можно считать достоверным на основании данных большого количества проанализированных автором источников.

Таким образом, исследование вносит вклад в изучение современного китайского и зарубежного медиадискурса и политотехнологий и может быть рекомендовано к публикации в журнале "Litera".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Немиров В.Ю. Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.) // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.71392 EDN: JCWOSA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71392

Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.)

Немиров Вячеслав Юрьевич

аспирант; институт русского языка; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ slavikparsko@gmail.com



[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.71392

EDN:

JCWOSA

Дата направления статьи в редакцию:

03-08-2024

Аннотация: В настоящем исследовании мы преследуем цель обнаружить лингвокультурные единицы, концепты и сюжеты, конструирующие образ Австралии как сложносоставной концепт в языковом сознании русскоязычных поэтов государства. К основным задачам исследования мы отнесли анализ произведений австралийских поэтов (Геннадия Казакевича, Натальи Крофта, Елены Чинаховой и др.) на русском языке на предмет поиска лингвокультурно и аксиологически маркированных единиц (более простых концептов, нежели лингвокультурный образ), выявление связей между ними, а также описание механизма существования такой единицы, как лингвокультурный образ. Также особенное внимание уделяется тому факту, что лингвокультура русскоязычных жителей Австралии является частью русской лингвокультуры, но при этом имеет свои особенности, вызванные как природой формирования сообщества, так и его относительной изолированностью. Методами исследования стали семантический и дискурсивный анализ. Изучение значения языковых единиц, их культурных коннотаций и ассоциативных рядов, в которые они входят, а также особенностей аудитории, ситуации

порождения высказывания и прочих экстралингвистических параметров позволяют судить о том, как в лингвокультуре русскоязычных австралийцев выстраивается образ Австралии. Научная новизна исследования заключается в том, что оно является первым полноценным исследованием лингвокультурного образа Австралии. В настоящий момент большинство исследований схожей тематики сконцентрированы на лингвокультурных образах государств-соседей России, в то время как мы стремимся задать нюансированный и более разнообразный вектор внимания в деле изучения лингвокультурных образов. Также большинство исследователей, изучая лингвокультурные образы, не обращают внимания на особенности малых языковых сообществ, входящих в более крупные образования. В результате исследования были выявлены ключевые концепты-составляющие сложного концептуального образования, которым является лингвокультурный образ Австралии. Рассматриваются простые концепты «одиночество», «погода», «ветер», «снег», «nostальгия», в результате чего делается вывод об образе Австралии как уединенного, оторванного от остального мира места, где привычные правила действуют с точностью наоборот, экстремально отличающегося от России, но неизбежно о ней напоминающего.

Ключевые слова:

лингвокультурный образ, сложный концепт, Австралия, русский язык, языковая картина мира, энантиосемия, поэтический текст, лингвокультурология, лингвоперсонология, аксиологическая лингвистика

Введение

Лингвокультурологические исследования, изыскания в области языкового сознания зачастую имеют дело с определенного рода обобщениями. Объектом изучения становятся те или иные концепты, лингвокультурные сюжеты, образы, имманентные как бы языковому сознанию всех носителей того или иного языка — или как минимум его усредненному представителю. С другой стороны, в последнее время важным научным направлением стала лингвоперсонология — дисциплина по изучению индивидуальных речевых и языковых портретов носителей языка. При этом, на наш взгляд, необходимо обратить пристальное исследовательское внимание на те ситуации, когда то или иное лингвокультурное явление становится феноменом, принадлежащим лишь небольшой части языкового сообщества, но не одному его представителю. Такой подход позволит взглянуть на — в некотором роде — экзотические явления, которые, однако, позволяют обнаружить закономерности генезиса лингвокультурных явлений.

Австралия — одно из самых больших и экономически развитых государств мира, расположенное на одноименном материке. В этой стране существует и развивается русская диаспора. Ее члены владеют русским языком как родным и, разумеется, их можно отнести к носителям русской лингвокультуры. Нам было важно проанализировать, как в языковом сознании русскоязычных жителей австралийского континента выстраивается образ их страны проживания. На наш взгляд, подобная постановка вопроса позволит, во-первых, нюансированно взглянуть на механизмы существования лингвокультурных концептов в языковых сообществах меньшего размера по отношению к основному (в данном случае — русскому) языковому сообщству. Материалом нашего исследования стали поэтические произведения, поскольку в них наиболее явно выражаются аксиологические параметры значимых для авторов концептов.

Актуальность исследования заключается в том, что в его результате были выделены основные, устойчивые лингвокультурные образы, анализ которых позволил глубже понять особенности восприятия Австралии русскоязычными жителями континента. В настоящий момент практически не существует исследований, посвященных изучению образа Австралии в русской лингвокультуре, и данная работа может стать началом соответствующих изысканий. Также работа в некотором роде направлена на обращение к жизни русскоязычного населения Австралии — в настоящий момент необходимо пристально исследовать особенности существования русского языка за рубежом для его поддержки.

Основными задачами исследования было:

- Выделить из поэтических произведений русскоязычных авторов Австралии лингвокультурные единицы, формирующие лингвокультурный образ страны и континента.
- Провести лингвокультурный анализ этих единиц для выявления значимых компонентов (более простых концептов) лингвокультурного образа Австралии как сложного концепта.
- Определить, какие из этих составляющих являются ядерными, а какие периферийными, какие между ними устанавливаются связи и каким образом в пространстве художественного (поэтического) текста узуальное взаимодействует с индивидуально-авторским.

При этом **методами** исследования стали семантический и дискурсивный анализ. Изучение значения языковых единиц, их культурных коннотаций и ассоциативных рядов, в которые они входят, а также особенностей аудитории, ситуации порождения высказывания и прочих экстралингвистических параметров позволяют, на наш взгляд, судить о том, как в лингвокультуре русскоязычных австралийцев выстраивается образ Австралии.

Обзор литературы

Как мы уже упоминали выше, существующие подходы к изучению тех или иных лингвокультурных явлений лежат на двух полюсах, которые можно условно обозначить как полюс обобщающий, лингвокультурологический, и конкретизирующий — лингвоперсонологический. Так, В.И. Карасик говорит о языковой картине мира как об «одной из основных категорий» дисциплины [11, с. 74], определяя ее как «целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании» [там же]. В этом вопросе автор следует за В.И. Постоваловой, Б.А. Серебренниковым и др. [30]. При этом коллективное сознание определяется, например, В.В. Колесовым как «способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке» [15, с. 13]. В свою очередь, В.В. Воробьев, впервых, определяет в качестве магистральной задачи лингвокультурологии исследование национальной языковой личности, и, во-вторых, определяет ее, следуя за Л.П. Карсавиным в качестве «единства множества или многоединства» [6, с. 87], что позволяет говорить об уже упомянутом усредненном носителе той или иной культуры.

При этом на другом полюсе обобщения антропоцентрического языкоznания находится лингвоперсонология, чей объект был определен В.П. Нерознаком как «частночеловеческая языковая личность», в то время как объектом лингвокультурологии

ученый обозначает «многочеловеческую» [25, с. 70–71] языковую личность. Также значительный вклад в исследования по лингвоперсонологии внесли Ю.Н. Каулов, Н.Д. Голев, Г.И. Богин. Все ученые сходятся на том, что компетенции каждой языковой личности неповторимы, а потому возможно говорить о несовпадении ассоциаций, коннотаций и прочих явлений, носящих сугубо индивидуальный характер. Разумеется, исследователи не отвергают идею поиска ментальных и когнитивных универсалий, реализованных в языке, — лишь «смещают» подобный поиск в русло другой науки. В настоящем исследовании мы будем стараться придерживаться интегративного подхода: лингвокультурный образ в сознании каждого носителя языка уникален, однако при сопоставлении, игнорируя наиболее полярные явления, можно составить представление об образе Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей государства.

Е.П. Савченко определяет лингвокультурный образ как разновидность лингвокультурного концепта, который «обладает национально-культурной спецификой, но в то же время содержит отличительные черты и признаки узнаваемого представителя конкретного этнокультурного сообщества» [29, с. 6]. В свою очередь, А.Д. Макарова определяет лингвокультурный образ следующим образом: «ментальное стереотипизированное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире» [21, с. 244]. Таким образом, стоит учитывать концептуальную природу лингвокультурного образа. В современной науке существует несколько магистральных направлений для определения концепта. Условно их можно разделить на собственно лингвокультурологическое, психолингвистическое и когнитологическое. К первому принадлежат идеи Ю.С. Степанова [32], В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина [12] — эти ученые рассматривают концепт как культурную и аксиологическую единицу, исследуют цепочки ассоциаций и историю явления. А.П. Бабушкин [2] и Н.Ф. Алиференко [1] скорее стремятся выделить субъективно-значимые стороны концепта, формирующие устойчивые образные ряды. Наконец, представители когнитологического подхода, например, И.А. Стернин и З.Д. Попова, рассматривают концепт скорее как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой» [27, с. 4-5]. При этом все отчетливее наблюдается тенденция к интегративному пониманию природы концепта — необходимо учитывать, что этот феномен многомерен и анализировать его следует, имея в виду всю совокупность значимых для носителя языка переживаний и явлений.

Исследования лингвокультурного образа той или иной страны могут быть посвящены синхроническому состоянию проблемы (труды И.В. Борисенко [5], А. Мона [23]) и диахроническому (работы Ч. Гальперина [7], О.А. Дмитриевой [8]), а также носитель сравнительный характер, как, например, работа И.М. Кыштымовой и Э. Сеюба «Образ России и русских: особенности восприятия молодежью России и Замбии» [20] или уже упомянутая работа О.А. Дмитриевой. Также обратим внимание на проблему, упомянутую нами во введении. В настоящее время лингвокультурологические исследования образов государств стремятся обнаружить конституирование данных образах именно в русской (или иной) лингвокультуре вообще, мы же стараемся изучить образ Австралии в лингвокультуре лишь русскоязычных жителей континента.

Результаты исследования

Наиболее значимым объектом лингвокультурологических исследований является текст, поскольку в нем представлено в единстве узуальное и индивидуально-авторское, при этом важно учитывать, что текст выступает, по выражению А. Мона, единицей, «которая

отличается коммуникативной целостностью, связностью и законченностью <...> находится в определенных отношениях с другими текстами, встроен в особую парадигму, репрезентирующую картину мира как личности, так и народа» [\[23, с. 34\]](#). При этом в поэтическом тексте центральное место отводится именно эмотивному уровню восприятия, апеллирующему к когнитивной базе аудитории. Н. С. Болотнова говорит о том, что на эмотивном уровне следует выделить два подуровня: стилистический и образный [\[3, с. 28-29\]](#).

В настоящее время в Австралии работает довольно много русскоязычных поэтов. Большинство из них не являются австралийцами по рождению — они принадлежат т.н. «четвертой волне эмиграции», периоду с 1991 года и до начала 2000-х, когда многие соотечественники покинули Россию, переселившись в такие государства, как Израиль, Соединенные Штаты Америки, Австралия. На наш взгляд, этот фактор необходимо учитывать, поскольку, как будет понятно из дальнейшего исследования, ностальгические переживания играют важную роль в генезисе лингвокультурного образа государства и континента. Исследователь и организатор австралийской русскоязычной поэзии Наталья Крофтс пишет об этом следующее:

«Австралийских авторов, пишущих по-русски, достаточно много <...> а интернет открыл возможность самостоятельной публикации для тех, кто ранее "писал в стол" или опубликовал книги "самиздатом" в местных типографиях» [\[18\]](#).

Также в стране на протяжении нескольких лет проходил поэтический фестиваль «Антиподы», публиковались сборники, в российских периодических изданиях выходили подборки австралийских поэтов (журналы «Дети Ра» (2007) и «День литературы» (2008), газета «Интеллигент» (2011)).

Важно заметить, что при поиске единиц, конструирующих образ Австралии, мы старались ориентироваться не столько на поиск эксплицитных маркеров реалий (например, фитонимов или топонимов), хотя и подобные примеры встречаются:

Отряхнула прошедший день
Еду через **Карлотту** — чудо!
В **джикаранды** вливается синь неба
Розовые деревья стерегут радостные дома (Нора Крук [\[19\]](#))

Составление ментальных карт из различных -нимов — дело интересное и значимое, однако мы считаем, что его стоит оставить для дальнейших изысканий. В настоящий момент нас куда больше занимают единицы, не столь явно маркирующие австралийские реалии: описания пейзажа, погоды, внутренних переживаний автора. Подобный подход способен ярче отразить образ страны, нежели поиск имен. Так, при анализе поэтических текстов русскоязычных авторов Австралии мы обратили внимание на то, что в них часто возникает лексика, принадлежащая тематическому полю «погода». Обратимся к некоторым примерам. Так, например, важное место в стихотворениях австралийских поэтов занимает лексема «ветер»:

океанский **ветер** — напоминает бритву,
он срезает листву как парикмахер — кудри... (Елена Чинахова [\[33\]](#))

Моя страна — как континент усталый,
изъеденный бессмысленностью **ветра**... (Геннадий Казакевич [\[10\]](#))

Заметим, что в приведенных поэтических текстах у слова *ветер* присутствует негативная коннотация. Так, в первом из примеров океанский *ветер* ассоциируется с *бритвой*. По данным Русского регионального ассоциативного словаря (Сибирь и Дальний Восток), одним из слов-стимулов, для которого *бритва* становится ассоциацией является лексема *опасный* [28, с. 282]. Также по данным Национального корпуса русского языка, коллокациами для данной лексемы выступают *полоснуть, окровавить, горло, нож, кинжал* [24]. Подобный ряд коллокаций, присутствуя в языковом сознании носителя языка, несомненно позволяет говорить о негативной окрашенности лексемы *ветер* в данном контексте. Во втором примере образные параметры концепта задаются во взаимодействии лексем *бессмысленностью* и *ветра*. С семантической точки зрения автор признает имманентность бессмысленности австралийскому ветру, что подчеркивает негативность коннотативного значения. В.И. Карасик, анализируя концепт «ветер» в русской и английской лингвокультурах отмечает, что в афористике ветер становится либо метафорой неподконтрольной человеку, разрушительной силы, либо необходимости принимать мудрые решения. При этом ученый особенно отмечает, что последний смысл скорее принадлежит английской культуре [13, с. 228]. На основе приведенных примеров можно судить о том, что в языковом сознании русскоязычных австралийцев скорее доминирует русская модель восприятия концепта. Это говорит об относительной автономии русскоязычных жителей государства.

Как уже было отмечено ранее, лексика тематического поля «погода» занимает важное место в произведениях русскоязычных поэтов Австралии. Исследователь Л.И. Петрова отмечает важную черту лексемы «погода» — ее энантиосемичность, обращая внимание на два зафиксированных в словаре значения: «Погода — разг. хорошее, без осадков состояние атмосферы; нар. разг. ненастье, непогода (обычно снег, дождь с сильным ветром)» [26, с. 136]. Подобная амбивалентность, на наш взгляд, показывает значимость и многообразие представлений о погоде в русской лингвокультуре. При этом, в структуре лексического значения символа обязательно присутствует этнокультурный компонент, определяемый Ю.П. Солодубом как отражение «специфически национального восприятия тем или иным народом каких-либо реалий, фрагментов действительности и даже подлинных конструктов народного сознания» [31, с. 50]. Итак, в поэтических текстах австралийских авторов важное место занимают образы погоды — явления по своей природе амбивалентного, что отражено в энантиосемичности знака, и, соответственно, в языковом сознании. Чтобы доказать связь внутренней антонимии лексемы *погода* и осознания подобной парадоксальности, достаточно взглянуть на следующие примеры:

Нет мне на этом континенте места.

Как пережить **январскую жару?**

Кто из богов готов услышать мессу? (Геннадий Казакевич [10])

Пока еще томно и жарко.

Но в суши уставшего лета,

В преддверье **осеннего марта**

И буйства зеленого цвета

Моей эмигрантке березе

В февральском бессилье — угроза,

Что скоро зеленую ризу

Менять жёлтолистным стриптизом. (Геннадий Казакевич [10])

Так, в каждом из текстов можно найти окказиональные и парадоксальные коллокации:

январская жара, осенний март. На первый взгляд они кажутся языковой игрой — оксюмороном. Однако при знакомстве с контекстом, ситуацией, порождающей высказывание, становится очевидно, что автор обращает внимание на особенности климата южного полушария: когда в привычных русскому человеку (шире — европейцу) широтах зима, в таких странах, как Австралия, наступает лето. Очевидно, что подобный факт кажется непривычным, обнажая при этом внутреннее противоречие концепта «погода», которое при этом на лексическом уровне эксплицировано энантиосемичностью лексемы.

Подобные же отношения, пусть и оформленные не при помощи выстраивания парадоксальных лексических коллокаций, отражены в стихотворениях Якова Маргулиса и Эллы Ильиной-Карбовской:

Цветами пахнет. Медленно плывет
Луна чужая в небе непривычном,
И звезды, стерегущие восход,
И веток пальмы шепот необычный...

А где-то там... В приснившейся дали
Звенит метель невидимой струною... (Элла Ильина-Карбовская [\[9\]](#))

Читали что-то, помнится, читали,
Что климат... как это... континентален!
Зонт. Кепочка. Накидкой свитер сзади —
Привычка: впрямь, по три сезона за день.
Но чтоб такое? С неба — белый шок.
И я... ну как это... слепил снежок!
<...>
Все кончилось, наметившись едва,
И завтра — плюс, конечно, — двадцать два. (Яков Маргулис [\[12\]](#))

Анализировать настоящие произведения считаем целесообразным с позиции рассмотрения эксплицированных в них лингвокультурных сюжетов, которые определяются В.И. Карасиком как «нarrативные авторские изложения событий в виде последовательности сюжетных мотивов, раскрывающие идеальное содержание текста и представляющие собой намеренно преобразованные фабулы» [\[14, с. 50\]](#). Фактуально-эксплицитная сторона первого стихотворения такова: *Мы находимся среди пальм и цветущих растений / В то же время в России сейчас зима.* Во втором стихотворении фактуально-эксплицитная сторона сюжета такова: *В Австралии внезапно выпал снег / Я вернулся в детство при виде снега/ Снег быстро растаял / Это большая редкость для Австралии.* Как можно заметить, оба лингвокультурных сюжета построены вокруг концепта *снег*. В свою очередь, если обратиться к паремиологическому фонду русского языка, можно обнаружить, что снег зачастую становится метафорой чего-то эфемерного или бессмысленного: *растаял, как снег; как ни мойся, белее снега не будешь; к зяблому лицу, да снег подсыпалаешь.* Таким образом, лингвокультурные сюжеты построены на экспликации призрачности, эфемерности воспоминаний о родине, и австралийская погода лишь изредка напоминает российскую — во времена погодных аномалий. Высокая аксиологическая значимость в актуализации концепта «снег» позволяет говорить об ассоциативной связи с концептом «nostalgia».

Еще одна важная составляющая лингвокультурного образа Австралии — манифестация удаленности и, соответственно, независимости материка. Данный факт получает по-

разному окрашенную, но неизменно аксиологически полнозначную, нагрузку. Обратимся к некоторым примерам:

ветер меняет свое направление.
вешают в парадных лестницы:
их одиночество неприкрыто, остро
скалится во тьме арматурой;
не настолько был сиротлив на **острове**
герой нашего детства **Крузо**,
как эти безмолвные вены времени,
присыпанные штукатуркой... (Елена Чинахова [\[33\]](#))

Здесь жителям присуща непокорность
большому миру из-за океана.
Здесь в споре между «здравствуй» и «прощай»
нет победителя, но взгляд **островитян**
привычно отражает свет печали. (Геннадий Казакевич [\[10\]](#))

Живем в плену. **Пустыня и вода**.
Звоним глухим, усталым абонентам...

И страшно мне остаться навсегда
в **смирильной рубашке континента**. (Наталья Крофтс [\[17\]](#))

В первом примере автор номинирует Австралию, являющуюся континентом, при помощи лексемы *остров*. Также Елена Чинахова обращается к прецедентному имени *Робинзон Крузо* (герой романа Д. Дефо о человеке, который провел длительное время в одиночестве на отдаленном острове). Во втором примере так же жители Австралии номинированы лексемой *островитяне* (жители острова). Подобными средствами авторы актуализируют концепт «одиночество». Важно также обратить внимание на третий пример, в котором особенности австралийского климата довольно лапидарно описываются автором при помощи лексем *пустыня* и *вода*. Пустыня — это местность, отличающаяся засушливым климатом, где испаряемость гораздо выше количества выпадающих осадков. То есть можно говорить о том, что лексемы *пустыня* и *вода* зачастую становятся неполными, контекстуальными антонимами. В пространстве же поэтического текста Н. Крофтс образы воды и пустыни наоборот сближаются — как видно, в целом австралийские поэты постоянно делают акцент на «совмещении несовместимого». Таким образом, в большинстве поэтических текстов австралийских поэтов концептуализируется реверсивность жизненного уклада в Австралии.

В первом и третьем примерах также актуализируется одна из двух, вступающих в диалектическое противоречие, частей концепта «одиночество». В названных примерах одиночество воспринимается в строго негативном ключе, в Большом толковом словаре русского языка подобная часть концепта отражается следующим образом при описании прилагательного *одинокий*: «Не имеющий семьи, родственников, близких. Одинокий человек, без жены, без детей» [\[4, с. 392\]](#). Во втором же примере концептуализируется восприятие одиночества как отдельности, определяемой как «экзистенциальное состояние, возникающее вследствие осознания человеком своей отдельности, уникальности, неповторимости» [\[16, с. 535\]](#). Т.Н. Кочеткова в целом рассуждает о противоречивой сущности концепта «одиночество», отмечая, что в его структуре может наблюдаться диаметральная противоположность ценностного содержания: одиночество

является благом, поскольку становится осознаваемой единственностью индивида, и при этом одиночество может восприниматься как несчастье, оставленность. Получается, нам приходится вновь говорить о парадоксальности образа Австралии — это государство-континент находится в дали от других стран, и потому его жителям «присуща непокорность», за которой, однако пропадает страх навсегда остаться в «смирильной рубашке континента».

Выводы

В ходе настоящего исследования нами было достигнуто следующее:

- Отобраны и проанализированы стихотворения русскоязычных поэтов Австралии на предмет поиска в них единиц, обладающих лингвокультурной нагрузкой, а также составляющих сложный концепт — образ Австралии.
- Сделан вывод о том, что значимое место в структуре образа Австралии занимают концепты, ассоциирующиеся с тематическим полем «погода». Концепты «ветер» и «снег» позволяют говорить об ощущении носителями русской лингвокультуры, живущими в Австралии, государства и континента как места, экстремально не похожего на Россию. Также концепт «снег» связывается с концептуализацией ностальгии, можно сказать — становится ее синтагмой.
- Еще один важный исследовательский вывод можно сформулировать так: Австралия концептуализируется русскоязычными поэтами континента как «страна наоборот». Это достигается посредством входления в структуру данного сложного концепта таких более простых концептов, как «погода» и «одиночество». Оба ментальных образования парадоксальны: с погодой это выражается даже на лексическом уровне в виде энантиосемичности лексемы, с одиночеством — на уровне философско-аксиологическом.

Заключение

Подводя итог, мы выделили в составе сложного концепта, которым является лингвокультурный образ Австралии, следующие концепты-компоненты: «погода», «ветер», «снег», «ностальгия» «одиночество». В сущности, все данные концепты реализуются узульно, что лишь еще раз подтверждает тезис о том, что носители русского языка, пускай и живут на территории Австралии, все равно принадлежат русской лингвокультуре. При этом важно заметить, что приведенные выше концепты, вступая в сложные поливалентные отношения, приводят к созданию особого поэтического образа Австралии как далекого, обособленного, одинокого, самостоятельного континента, где все привычные явления (например, погода) реверсированы. Подобные коннотации вполне объяснимы, поскольку все поэты, чьи произведения мы подвергли анализу, — эмигранты.

В настоящем исследовании мы проанализировали лишь небольшую часть поэтических произведений австралийских русскоязычных поэтов, однако, на наш взгляд, сделали первый шаг по направлению к полноценному описанию лингвокультурного образа Австралии. В дальнейшем методы настоящего исследования могут быть экстраполированы на поэтические, прозаические и публицистические произведения австралийских и отечественных авторов, принадлежащих русской лингвокультуре.

Библиография

1. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. СПб., 2002. №2. С. 60–74.

2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
3. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Издательство Томского университета, 1992. 309 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. М.: Норинт, 2001. 700 с.
5. Борисенко И.В. Национальный образ России: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов-на-Дону, 2008. 136 с.
6. Воробьев В.В Лингвокультурология: учебное пособие. М.: РУДН, 2006. 331 с.
7. Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж: Новый Взгляд, 2012. 230 с.
8. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007. 307 с.
9. Ильина-Карбовская Э. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: <https://www.unification.com.au/en/articles/1154/> (дата обращения: 02.08.2024).
10. Казакевич Г. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: <https://stihhi.ru/avtor/g1591> (дата обращения: 02.08.2024).
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
12. Карасик В. И., Слыскин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
13. Карасик В.И. Ветер как лингвокультурный символ в русском и английском языковом сознании // Русистика и компаративистика. – 2021. – Вып. XV. – С. 219–235. doi: 10.25688/2619-0656.2021.15.13
14. Карасик В.И. Лингвокультурные сюжеты как объект аксиологической лингвистики // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник материалов II Международной научной конференции 27–28 октября 2022 г. М.: Государственный институт русского языка, 2023. 237 с. С. 49–59.
15. Колесов В. В Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Востоковедение, 2006. 624 с.
16. Кочеткова Т.Н. Противоречивая сущность концепта «одиночество» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – №9 (53) – С. 533–542. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-41
17. Крофтс Н. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: https://45parallel.net/natalya_krofts/stihi/index.html (дата обращения: 02.08.2024).
18. Крофтс Н. Муза дальних странствий: о русской поэзии в Австралии [Электронный ресурс]. URL: <https://interpoezia.org/content/muza-dalnix-stranstvij/> (дата обращения: 02.08.2024).
19. Крук Н. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: https://45parallel.net/nora_kruk/stihi/index.html (дата обращения: 02.08.2024).
20. Кыштымова И.М., Сеюба Э. Образ России и русских: особенности восприятия молодежью России и Замбии // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, №3. С. 22-28. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).28
21. Макарова А.Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №33 (248) Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 243-245.
22. Маргулис Я. Стихотворения. URL: <https://www.unification.com.au/en/articles/1081/> (дата обращения: 02.08.2024).

23. Мона А. Лингвокультурный образ Ирана в русских художественных и публицистических текстах: дис. ... канд. филол. наук: 05.09.05. М., 2024. 175 с.
24. Национальный корпус русского языка. Коллокации со словом «бритва». [Электронный ресурс]. URL:[https://ruscorpora.ru/results?search=Co4BGIkKVxIjCgkKA2xleBICCgAKFgoEZm9ybRIOCgzQsdGA0LjRgtCy0LASMAoKCgNsZXgSAwoBKgoLCgVncmFtbRICCgAKFQoEZGlzdCINCP3%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2FwEQAyoqCggIABAKGDIgChAFIAo%2Fabw2vX%2F0AMyBGRpY2VABW oEMC45NXgAoAEBMgIIAToBBw%3D%3D](https://ruscorpora.ru/results?search=Co4BGIkKVxIjCgkKA2xleBICCgAKFgoEZm9ybRIOCgzQsdGA0LjRgtCy0LASMAoKCgNsZXgSAwoBKgoLCgVncmFtbRICCgAKFQoEZGlzdCINCP3%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2FwEQAyoqCggIABAKGDIgChAFIAo%2Fabw2vX%2F0AMyBGRpY2VABW oEMC45NXgAoAEBMgIIAToBBw%3D%3D) (дата обращения: 02.08.2024).
25. Нерознак В.П. Языковая личность в гендерном измерении // Гендер: язык, культура, коммуникация: Тез. I междунар. конференции. М., 1999. 125 с. С. 70-71.
26. Петрова, Л.И. «Погода» сквозь призму лингвокультурологии // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. № 1. – С. 135-144.
27. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 30 с.
28. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток: В 2 т. / Т. 1. От стимула к реакции. // И.В. Шапошникова, А.А. Романенко; Ин-т филологии СО РАН; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. 920 с.
29. Савченко Е.П. Стилистические средства создания лингвокультурного образа идеального героя в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: 2013. 188 с.
30. Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И., Телия В. Н., Уфимцева А. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Серебренникова Б.А. М.: Наука, 1988. 216 с.
31. Солодуб Ю.П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М.: Флинта:Наука, 2002. 264 с.
32. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
33. Чинахова Е. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: <https://rv.russian-albion.com/ru/elena-chihanov> (дата обращения: 02.08.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Конструктив рецензируемой статьи вполне понятен, автор обращает внимание на общие составляющие языкового сознания австралийского континента, причем ориентир базово сосредоточен на поэтические тексты XX-XXI века. Собственно, именно это и играет ведущую роль в формировании и написании статьи как таковой. Отмечу в связи с этим синкетический тон работы, на мой взгляд, это и популярно, и продуктивно. Да и сам автор отмечает в начале, что «лингвокультурологические исследования, изыскания в области языкового сознания зачастую имеют дело с определенного рода обобщениями. Объектом изучения становятся те или иные концепты, лингвокультурные сюжеты, образы, имманентные как бы языковому сознанию всех носителей того или иного языка — или как минимум его усредненному представителю. С другой стороны, в последнее время важным научным направлением стала лингвоперсонология — дисциплина по изучению индивидуальных речевых и языковых портретов носителей языка». Данная работа имеет открыто дискуссионный характер, большая часть «манифестов» доступна для обсуждения, следовательно, диалог мнений получается выстроить в режиме

буквальной полемики, а это так необходимо для научного изыскания. Большая часть стандартных позиций прописана: в частности отмечено, что «актуальность исследования заключается в том, что в его результате были выделены основные, устойчивые лингвокультурные образы, анализ которых позволил глубже понять особенности восприятия Австралии русскоязычными жителями континента. В настоящий момент практически не существует исследований, посвященных изучению образа Австралии в русской лингвокультуре, и данная работа может стать началом соответствующих изысканий. Также работа в некотором роде направлена на обращение к жизни русскоязычного населения Австралии — в настоящий момент необходимо пристально исследовать особенности существования русского языка за рубежом для его поддержки». Считаю, что это необходимо, значимо, конструктивно. Методологический блокправлен, актуальность принципов не противоречит современным: «при этом методами исследования стали семантический и дискурсивный анализ. Изучение значения языковых единиц, их культурных коннотаций и ассоциативных рядов, в которые они входят, а также особенностей аудитории, ситуации порождения высказывания и прочих экстралингвистических параметров позволяют, на наш взгляд, судить о том, как в лингвокультуре русскоязычных австралийцев выстраивается образ Австралии». Должный анализ имеющихся данных сделан полновесно и правильно, открытость позиции налицо: «Е.П. Савченко определяет лингвокультурный образ как разновидность лингвокультурного концепта, который «обладает национально-культурной спецификой, но в то же время содержит отличительные черты и признаки узнаваемого представителя конкретного этнокультурного сообщества» [29, С. 6]. В свою очередь, А.Д. Макарова определяет лингвокультурный образ следующим образом: «ментальное стереотипизированное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире» [21, с. 244]. Таким образом, стоит учитывать концептуальную природу лингвокультурного образа. В современной науке существует несколько магистральных направлений для определения концепта. Условно их можно разделить на собственно лингвокультурологическое, психолингвистическое и когнитологическое. К первому принадлежат идеи Ю.С. Степанова [32], В.И. Карасика, Г.Г. Слышикина [12]— эти ученые рассматривают концепт как культурную и аксиологическую единицу, исследуют цепочки ассоциаций, и историю явления. А.П. Бабушкин [2] и Н.Ф. Алиференко [1] скорее стремятся выделить субъективно-значимые стороны концепта, формирующие устойчивые образные ряды. Наконец, представители когнитологического подхода, например, И.А. Стернин и З.Д. Попова рассматривают концепт скорее как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой» [27, с. 4-5.]». Следовательно, систематизация наработанного опыта делается не только в режиме нарочитого контакта, но и в режиме вариативной оценки. При этом аналитический ценз является для автора авторитетным и выверенным. Хочу обратить внимание на то, что даже при формальной правильности формулировок текст нужно вычитать, поправить, скорректировать. Фактический / аналитический уровень работы выровнен, автор стремится к тому, чтобы создать правильность оценки: например, «Заметим, что в приведенных поэтических текстах у слова ветер присутствует негативная коннотация. Так, в первом из примеров океанский ветер ассоциируется с бритвой. По данным Русского регионального ассоциативного словаря (Сибирь и Дальний Восток) одним из слов-стимулов, для которого бритва становится ассоциацией является лексема опасный [28, с. 282]. Также по данным Национального корпуса русского языка, коллокациями для данной лексемы выступают полоснуть, окровавить, горло, нож, кинжал [24]. Подобный ряд коллокаций, присутствуя в языковом сознании носителя языка, несомненно позволяет говорить о негативной окрашенности лексемы «ветер» в данном

контексте. Во втором примере образные параметры концепта задаются во взаимодействии лексем бессмысленностью и ветра. С семантической точки зрения автор признает имманентность бессмысленности австралийскому ветру, что подчеркивает негативность коннотативного значения» и т.д. Должный вариант примеров также наличен: «Чтобы доказать связь внутренней антоними лексемы «погода» и осознания подобной парадоксальности достаточно взглянуть на следующие примеры: Нет мне на этом континенте места. Как пережить январскую жару? Кто из богов готов услышать мессу? (Геннадий Казакевич [10]). Пока еще томно и жарко. Но в суши уставшего лета, В преддверье осеннего марта И буйства зеленого цвета. Моей эмигрантке березе В февральском бессилье – угроза, Что скоро зеленую ризу Менять жёлтолистным стриптизом. (Геннадий Казакевич [10])» и т.д. При этом правка явно не помешает: «внутренней антоними лексемы». Связность с «уже сказанным имеет место быть», однако, это не противоречит работе в целом, оценкадается в режиме буквального анализа: «Т.Н. Кочеткова в целом рассуждает о противоречивой сущности данного концепта, говоря о том, что в его структуре может наблюдаться диаметральная противоположность ценностного содержания: одиночество является благом, поскольку становится осознаваемой единственностью индивида, и при этом одиночество может восприниматься и как несчастье, оставленность. Получается, нам приходится вновь говорить о парадоксальности образа Австралии — это государство-континент находится в дали от других стран и потому его жителям «присуща непокорность», за которой, однако прступает страх навсегда остаться в «смирильной рубашке континента». Выводы по тексту созвучны основной части, серьезных противоречий не выявлено, считаю, что итог вполне правомерен: «подводя итог, мы выделили в составе сложно концепта, которым является лингвокультурный образ Австралии, следующие концепты-компоненты: «погода», «ветер», «снег», «nostalgia» «одиночество». В сущности, все данные концепты реализуются узуально, что лишь еще раз подтверждает тезис о том, что носители русского языка пускай и живут на территории Австралии, все равно принадлежат русской лингвокультуре. При этом важно заметить, что приведенные выше концепты, вступая в сложные поливалентные отношения приводят к созданию особого поэтического образа Австралии как далекого, обособленного, одинокого, самостоятельного континента, где все привычные явления (например, погода) реверсированы. Подобные коннотации вполне объяснимы, поскольку все поэты, чьи произведения мы подвергли анализу — эмигранты». Таким образом, работа нуждается в вычитке, небольшой стилистической правке. В целом же рецензируемая статья «Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.)» может быть рекомендована к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.).

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод семантического анализа, метод дискурсивного анализа, метод обобщения.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку Австралия является уникальным

государством с учетом его расположения, климатических условий, размера территории, населения и высокого уровня социально-экономического развития. В Австралии проживает достаточно крупная русская диаспора, поэтому анализ устойчивых лингвокультурных образов дает возможность более глубоко понять специфику и отличительные черты восприятия этого уникального государства русскоязычным населением этого материка.

Научная новизна исследования заключается в авторском анализе поэтических произведений XX–XXI вв. с целью выявления лингвокультурного образа Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и цитированием поэтических произведений, характеризующих предмет исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, актуальность и задачи исследования, методы, обзор литературы, результаты исследования, обсуждение, выводы и заключение, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет то, что в исследовании, проведенном по авторской методике, была выявлена интересная тенденция, что «nostalgические переживания играют важную роль в генезисе лингвокультурного образа государства и континента».

Библиография содержит 33 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих понимание категории «лингвокультурный образ». В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «Австралия концептуализируется русскоязычными поэтами континента как «страна наоборот». Это достигается посредством вхождения в структуру данного сложного концепта таких более простых концептов, как «погода» и «одиночество». Оба ментальных образования парадоксальны: с погодой это выражается даже на лексическом уровне в виде энантиосемиичности лексемы, с одиночеством — на уровне философско-аксиологическом».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, лингвистами, литературоведами, филологами, культурологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что тексте статьи часто встречаются явные опечатки и технические ошибки при написании слов (например, «посколько», «уровеню», «государство-континет» и др.). Также необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТа при оформлении библиографии, особенно применительно к источникам, которые являются электронными ресурсами, где отсутствует дата обращения. Выводы и заключение целесообразно было бы выделить как отдельные самостоятельные элементы научной статьи. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако, их необходимо оперативно устраниТЬ, а рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение для публикации в журнале «Litera» статья «Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.)» посвящена изучению основных, устойчивых лингвокультурных образов, анализ которых позволяет выявить особенности восприятия Австралии русскоязычными жителями континента.

Статья четко структурирована. В начале проводится введение в тему, указываются актуальность, задачи, методы исследования, затем дается обзор существующей литературы, при этом сделана выборка трудов авторитетных лингвистов, чьи мнения наиболее актуальны в современном языкоznании. В разделе «Результаты исследования» автор смог показать свое видение изучаемой проблемы, прибегнув к методам лингвокультурологии.

Материалом исследования стали стихотворения русскоязычных поэтов Австралии, в которых автор стремится обнаружить концепты, составляющие образ Австралии. К ним исследователь отнес концепты «погода», «ветер», «снег», «nostальгия» «одиночество», которые «не столь явно маркируют австралийские реалии», но помогают «ярче отразить образ страны». Выделяя данные концепты, автор статьи приходит к выводу о том, что «в языковом сознании русскоязычных австралийцев скорее доминирует русская модель восприятия концепта», что говорит об относительной сохранности исконных, свойственных родине поэтов-эмигрантов представлений о природных явлениях в противовес представлениям об австралийском континенте – месте, «экстремально не похожем на Россию». Выводы делаются на основе анализа простых концептов «погода» и «одиночество», составляющих более сложный концепт. В конечном итоге, по наблюдениям автора статьи, данные концепты «приводят к созданию особого поэтического образа Австралии как далекого, обособленного, одинокого, самостоятельного континента, где все привычные явления (например, погода) реверсированы».

Таким образом, статья является первым приближением к изучению особенностей восприятия русскоязычной диаспорой обособленного континента, коим является Австралия. Основные задачи исследования достигнуты. Перспективы изучения данной проблематики автор видит в дальнейшем исследовании прозаических и публицистических произведений.

В тексте статьи замечены опечатки: несколько ошибок в отрывке «также носитель сравнительный характер, как, например, работа И.М. Кыштымовой и Э. Сеюба «Образ России и русских: особенности восприятии молодежью России и Замбии»; требуется откорректировать предложение «В настоящее время лингвокультурологические исследования образов государств стремятся обнаружить конституирование данных образах именно в русской (или иной) лингвокультуре вообще». Замечены ошибки пунктуационного плана, особенно при причастных и деепричастных оборотах.

Считаем, что статья «Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.)» написана на актуальную тему, содержит интересные наблюдения, которые могут привлечь внимание читателей, поэтому может быть рекомендована в печать.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Рычкова Т.А. Динамика номинаций родителей в русской речевой культуре // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.74199 EDN: JAULHM URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=74199

Динамика номинаций родителей в русской речевой культуре

Рычкова Татьяна Александровна

ORCID: 0000-0002-0342-1308

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Филологии, межкультурных коммуникаций и журналистики; Мурманский арктический университет

183038, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, Северный пр-д, 3, кв. 16



✉ rychkovata@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.74199

EDN:

JAULHM

Дата направления статьи в редакцию:

23-04-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является динамика и изменение вокативных форм обращений к родителям в русской речевой культуре на протяжении трёх исторических периодов: досоветского (1700–1916), советского (1918–1991) и постсоветского (1992–2016). Автор анализирует данные Национального корпуса русского языка и использует специально разработанную программу для подсчета частоты употребления различных форм обращения, таких как «мама», «папа», «матушка», «батюшка» и их производные. Исследование фокусируется на том, какие именно слова и формы использовались для обращения к родителям, как часто они встречались в текстах разных эпох и как менялось их соотношение. Автор анализирует, как происходила эволюция обращений: от большого разнообразия и преобладания уважительных и ласковых форм в досоветский период — к унификации и доминированию нейтральных и разговорных форм («мама», «папа») в советское и постсоветское время. Исследование опирается на количественный анализ частоты употребления различных вокативов, осуществленный с помощью компьютерной программы «Подсчет и сравнение»

частоты словоупотребления в текстовых файлах». С помощью данной программы были проанализированы файлы из Национального корпуса русского языка общим объемом 250 миллионов словоупотреблений, определены соответствующие вокативы и частота их употребления. Впервые в отечественной науке проведён анализ динамики обращений к родителям (вокативов) на основе больших корпусных данных с автоматизированными методами, выявивший изменения речевого этикета в трёх исторических периодах. В досоветский период (1700–1916) преобладало разнообразие ласковых и вежливых форм («матушка», «маменька», «батюшка», «папенька»), причём обращения к матери были более нежными. В советский период (1918–1991) наблюдается унификация: доминируют нейтральные формы «мама» (76,7%) и «папа» (49,9%), а ласковые уступают место разговорным и сниженным («маманя», «папка», «батя»). В постсоветский период (1992–2016) тенденция к сокращению разнообразия усиливается, частота «мама» (85,6%) и «папа» (62,3%) растёт, при этом увеличивается использование неформальных форм («мамуля», «папашка»). Таким образом, динамика вокативов отражает переход от богатого и дифференцированного набора обращений к более унифицированным и разговорным формам, связанный с социально-культурными изменениями в обществе.

Ключевые слова:

динамика лексики, вокатив, обращение к родителям, мама, папа, лексика, русский язык, матушка, тятя, маменька

Введение

Номинации членов семьи, в частности родителей, претерпели значительные изменения на протяжении веков, отражая социальные, культурные и исторические сдвиги в обществе.

В русском научном сообществе динамика обращений к родителям не становилась предметом самостоятельного исследования, однако ученые из других стран: американской, яванской, индонезийской, английской, японской, итальянской, шведской, китайской и др., - изучали внутрисемейные обращения [\[1, 2, 3, 4, 5, 6, 7\]](#).

В большинстве этих работ ученые придерживались социопрагматического и социокультурного подходов, стараясь увидеть связи между социальным положением исследуемого и его способами обращения и исследовать фактическое использование языка в реальных жизненных ситуациях.

Так, например известный социолингвист Р. Уордхоу, исследователь яванского и индонезийского языков С. Суроно и специалист в области английского языка Янг утверждают, что что обращения к родителям культурно обусловлены и отражают общие убеждения, ценности и модели социальной группы. Конкретно в яванском и индонезийском языках С. Суроно выделил девять факторов, влияющих на выбор термина-обращения внутри семьи: разное родство, возраст, образование, знание исламской религии, пол, разная работа/должность, степень близости, социальный класс и географическая группа [\[4; 7, с. 743-745; 9; с.272\]](#).

Как полагают ученые, культуру использования обращений можно разделить социально и географически: термины, используемые высшим социальным классом, отличаются от терминов низшего социального класса, а группа, проживающая в одном регионе, иначе

называет своих родителей, чем проживающие в другом регионе [\[4; 7\]](#).

Помимо социальной и культурной обусловленности выбор обращения к членам семьи отражает внутрисемейные модели поведения и отношения.

Для того, чтобы выявить эту зависимость, исследователи предлагали опрашиваемым конкретизировать ситуации использования тех или иных обращений.

Например, исследование речевого этикета американских студентов показывает, что существуют разные варианты наименования родителей в ситуации, когда родители и дети шутят и дурачатся; в обычной обстановке, когда родители приходят домой после работы или из магазина; во время разговора на какие-то личные серьезные темы; во время конфликта, когда родитель отказывается отвечать ребенку [\[1\]](#).

Кроме того, сам факт частого или редкого использования обращений к родителям указывает на психологический климат в семье. Так, молодые японцы, которые используют термины родства для своих родителей, считают последних более эмоционально доступными и общаются с ними больше, чем те, кто этого не делает. Молодые люди, которые используют вокативы по отношению к отцу, также более удовлетворены отношениями между ними. По мнению К.Йокотани, использование терминов родства может сигнализировать не только о почтении детей к своим родителям, но и об их принятии отношений между родителями и детьми [\[2\]](#).

Использование вокативов также может быть обусловлено существующими в семье паттерном разрешения проблем или стратегией вовлечения в общую деятельность. Так, Ф.Паулетто и др. исследовали, как повторение ласковых обращений и невербалики во время просьб в процессе совместного ужина маркируют проблемы или социальную близость в итальянских и шведских семьях. Результаты исследования показали, что взрослые и дети использовали разные наборы обращений эмоциональных реакций: дети обычно использовали невербальные средства для демонстрации своих эмоций и просьб, а родители чаще прибегали к ласковым терминам, прозвищам и уменьшительным формам как лексическим приемам, укрепляющим связь с детьми. Наконец, в то время как просьбы детей были направлены на получение со стороны родителей немедленного действия, касающегося еды, просьбы родителей часто можно было рассматривать как действия по исправлению ситуации, вызванной (проблемным) поведением ребенка. И в итальянских, и в шведских семьях родители постоянно вступали в длительные переговоры, прежде чем дети подчинялись. Довольно редко родительские указания выполнялись немедленно, без первоначального неподчинения или протестов детей. Таким образом, использование вокативов внутри семьи отражает разные модели взаимодействия [\[3\]](#).

В русской отечественной науке наименования родителей изучены крайне мало и сосредоточены либо на синхронном срезе языка, либо на отдельных аспектах речевого этикета без глубокого количественного анализа динамики вокативов во времени. Существуют лишь отдельные работы по истории вокативов и влиянию иностранных языков на русский речевой этикет, а также сравнительные исследования с другими языками в этом аспекте.

Так, в отечественной лингвистике есть исследование, посвященное влиянию французского языка на русский речевой этикет XIX века и рассказывающее о заимствовании из французского языка вокативов *татап* и *папа* [\[8\]](#).

Но чаще в русском языке исследования обращений к родителям сосредоточены либо на их функционировании в определённый период, либо на отдельных аспектах речевого этикета без учета изменений номинаций родителей в разные периоды нашей истории. Например, известный лингвист М.А. Кронгауз отмечает в 2001 году, что новых слов в современном речевом этикете и обращениях практически не появилось [9, с.263-26]. Другой знаменитый лингвист И. А. Стернин в 1996 году упоминает, что в русской культуре в качестве обращений к родителям обычно используются слова *мама* и *папа*. Но, по мнению ученого, в ограниченном количестве ситуаций могут применяться формы *мать* и *отец*: в важном серьезном разговоре («Отец, надо поговорить»); при упоминании родителей в третьем лице; в повседневной жизни взрослыми детьми [10, с.263-26].

В статье В.И. Супрун 2010 г. также рассматриваются и классифицируются виды вокативных единиц в современном русском языке, но без отдельного выявления обращений к родителям и анализа их изменений [11].

Ф.Х. Шаваева в работе 2014 г. года, сравнивая обращения к родителям в карачаево-балкарском и русском языке, отмечает, что в русском больше эмоционально-оценочных выражений и выразительных возможностей для передачи тональности и характера взаимоотношения между детьми и родителями [12].

Кроме того, исследователи указывают на то, что в русском языке менее структурирована система обращений по отношению к родственникам разной степени близости по сравнению с языками более традиционных обществ, таких как карачаево-балкарский, китайский или вьетнамский [6; 12; 5].

Есть работы, рассматривающие образы матери и отца в мифологическом и лингвокультурном аспектах [13; 14; 15; 16; 17].

Таким образом, российские учёные рассматривают особенности наименований родителей и их динамику в русской речевой культуре лишь косвенно, в рамках других исследований, при этом свои выводы основывая преимущественно на интроспективном анализе. Это обуславливает актуальность данной работы и необходимость восполнить пробелы в изучении данных единиц на основе объективного анализа данных.

Методы

В данной работе используется абсолютно новый метод исследования, который кардинально отличается от традиционных подходов, применявшихся ранее в лингвистике. Вместо ручного сбора данных с помощью анкетирования, наблюдения или интроспекции, используемого в упоминаемых выше работах [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12] в исследовании используется автоматизированный статистический анализ больших массивов текстовых данных с использованием специально разработанной автором статьи программы «Подсчет и сравнение частоты словоупотребления в текстовых файлах» (регистрацию и описание программы см.здесь [18]).

С помощью данной программы были проанализированы текстовые файлы на русском языке 1700–1916, 1918–1991 и 1992–2016 г., соответствующие досоветскому, советскому и постсоветскому периодам. Эти файлы были получены от Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) (условия предоставления см.здесь [19]). Данные файлы представляют собой три огромных документа в формате «Блокнот» общим объемом 250 миллионов словоупотреблений, в которых в произвольном порядке

перемешаны различные тексты без какой-либо разметки.

Программа «Подсчет и сравнение частоты словоупотребления в текстовых файлах» подсчитала использование всех лексем во всех трех файлов из досоветского (1700—1916 гг.), советского (1918—1991 гг.) и постсоветского (1992—2016 гг.) периодов и сравнила в процентах, как изменялась частота употребления каждой лексемы. Исследование такого типа в России реализуется впервые.

В рамках данной работы на основе данного масштабного репрезентативного материала мы проанализировали, как изменились номинации родителей в каждом из периодов (см.приложение 1).

Соответственно, научная новизна исследования состоит в том, что впервые в русском научном пространстве был проведён количественный и качественный анализ динамики обращений к родителям на основе обработки больших корпусных данных с применением автоматизированных методов.

Цель исследования - выявить изменения в системе номинаций отца и матери в разные исторические периоды (досоветский, советский и постсоветский) и определить основные тенденции, вытекающие из этих изменений.

Объектом исследования являются номинации родителей в русском языке, используемые для обращения к матери и отцу в различных текстах русского языка с 1700 по 2016 годы.

Предмет исследования - динамика использования и изменение частоты различных вокативных форм обращений к матери и отцу в русском языке в указанные периоды.

Результаты

Результаты статистического анализа

Досоветский период (1700—1916 г)

В файле досоветского периода были выявлены и подсчитаны все наименования отца и матери. В результате анализа было обнаружено 20 вариантов обращения к маме и 20 – к папе. Таким образом, в дореволюционный период соотношение вариантов вокативов к матери и отцу полностью одинаковое.

Общее количество употреблений обращений к маме в этот период составляет 18507. Мы подсчитали их процентное соотношение: матушка 44,6% от всех случаев употребления в этот период; маменька 22,2%, мама 18,1%; мамаша 6,7%; мамка 3%, мамочка 2,5%. Менее 1% словоупотреблений представлено словами мамушка, мамынька, маминька, мамонька, мамуся, мамашенька, мамашка, мамания, мамуля, мамася, мамусик, мамусенька, мамулечка, маманюшка (см. иллюстрацию №1).

Общее количество употреблений обращений к отцу в файле досоветского периода – 19955. Таким образом, частота употребления обращений к отцу в этот период больше, чем к матери. В процентном соотношении наименования отца располагаются так: батюшка 48,9%, папа 25%, папенька 7,1%, папаша 4,3%, батенька 4%, тятенька 3,2%, батька 2,8%. Вокативы батюшко, папка, тятька, тята, батя, папашенька, папашка, батечка, бать, тятинька, тять, батюня употреблялись в не более чем 1 % случаев каждый (см. иллюстрацию №1).

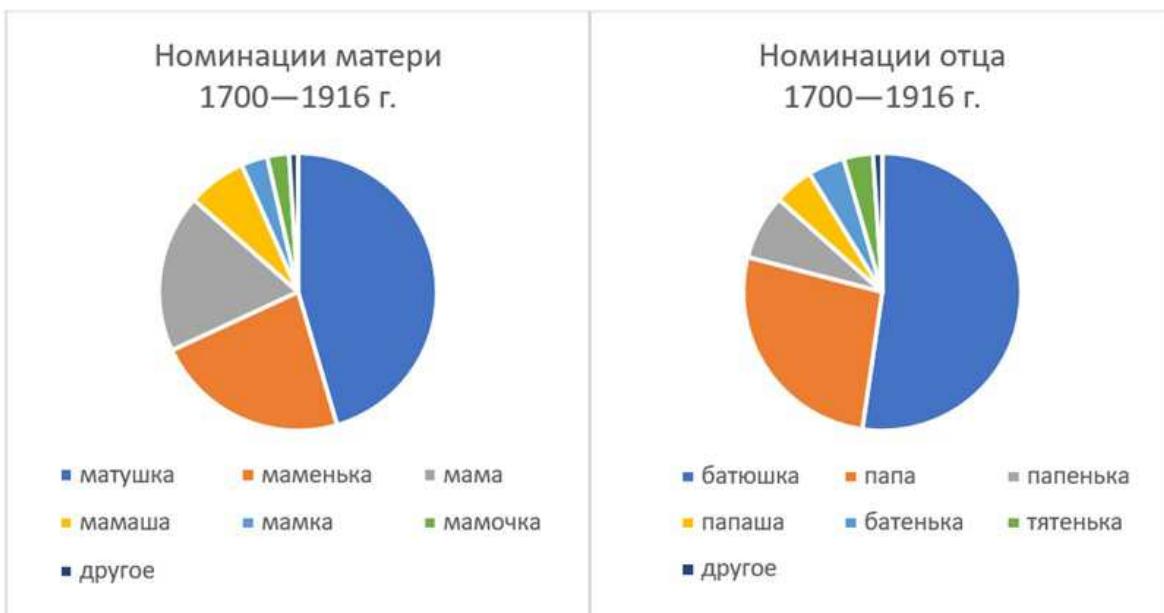


Иллюстрация №1

Таким образом, судя по выявленной частоте употребления, основным способом обратиться к матери в XVIII и XIX веках было слово *матушка*. На втором месте слово *маменька*, и только на третьем привычное нам *мама*.

Наиболее распространенными обращениями к отцу были *батюшка*, *папа* и *папенька*.

Интересно, что слово *папенька* значительно менее популярно, чем *маменька*, и встречается на 65% реже. Можно предположить, что обращение к женщине чаще предполагало использование ласковой и нежной коннотации, заложенной в вокативе *маменька*.

Советский период

В файле 1918–1991 г. было выявлено 21 обращение к маме и 17 – к папе. На основании этого подсчета можно увидеть тенденцию к диспропорции вокативов: вариантов обращений к отцу становится меньше, чем к матери.

Вокативы по отношению к матери остаются все те же, к ним добавляется только одно слово *маманька*. Из списка наименований отца исчезают *батечка*, *тятинька*, *батюня*, но добавляются единичные примеры употребления *тятюшка*.

Частота использования вокативов изменилась существенно.

Всего в файле советского периода обнаружено 25324 случая использования обращений к матери. По степени частоты употребления от большего к меньшему они располагаются так: *мама* 76,7% от всех случаев употребления; *матушка* 9,1 %; *мамаша* 4,4 %; *мамочка* 3,9 %; *мамулечка* 1,9 %; *мамка* 1,5 %; *маменька* 1,1%. Остальные формы: *мамания*, *мамынька*, *мамонька*, *мамушка*, *маманька*, *мамуля*, *мамашенька*, *мамуся*, *мамусик*, *маманюшка*, *мамася*, *мамашка*, *мамусенька*, *маминька* – используется в менее чем 1% случаев (см. иллюстрацию №2).

Случаев обращения к отцу в исследуемом файле выявлено 19548. Таким образом, пропорция использования вокативов меняется по сравнению с предыдущим периодом: отца начинают упоминать реже, чем мать.

Употребление наименований отца в процентном соотношении выглядит следующим образом: папа 49,9%, батюшка 18,3%, папка 11%, папаша 6,4%, батька 5,4%, батя 2,5%, батенька 1,5%; батюшко, папенька, папашенька, тятя, тятечка, тятька, папашка, тять, бать, тяточка – менее, чем по 1% (см. иллюстрацию №2).



Иллюстрация №2

Основная тенденция проявляется в том, что обращения к родителям становятся более унифицированными и нейтральными: в подавляющем большинстве случаев используются формы *мама* и *папа*. В предыдущий период было несколько лидирующих наименований родителей – *матушка*, *маменька*, *мама*, *батюшка*, *папа*, – и все они использовались достаточно часто. В советское время появляется очень большой разрыв между лидирующим вокативом *мама* (76,7%) и следующим за ним *матушка* (всего 9,1%). В меньшей степени этот разрыв выражен в номинации отца, но, тем не менее, он также очевиден: лидирует *папа* 49,9%, за ним с большим отрывом следует *батюшка* 18,3%. *Батюшка*, *батенька* и производные от *тятя* начинают применяться намного реже.

Папенька, *маменька*, распространенные до революции, в советское время практически выходят из обращения.

При этом вдвое возрастает употребление слов *мамочка* на 96%, *маманя* на 1933%, *мамуля* на 966%. Увеличивается употребление слов *папка* на 1196%, *папаша* на 45%, *папашенька* на 273%, *батя* на 233%. Но несмотря на высокий процент прироста указанных единиц, частота их реального использования не такая большая и несопоставима с использованием номинаций *мама* и *папа*, которые однозначно доминируют.

Следует отметить, что возрастает употребление неформальных и пренебрежительных наименований родителей, таких как *маманя*, *мамуля*, *папка*, *батя* в сравнении с предыдущим периодом, когда преобладали ласковые и уважительные обращения: *матушка*, *батюшка*, *маменька*, *папенька* и т.п.

Постсоветский период

В файле 1992–2016 обнаружено 19 обращений к матери и 15 – к отцу. Как следует из подсчета, тенденция к диспропорции сохраняется: наименований отца по-прежнему

меньше, чем матери. Кроме того, можно увидеть тенденцию уменьшения количества и, соответственно, многообразия номинаций: по сравнению с предыдущими периодами количество наименований матери уменьшается на два пункта, а отца – на шесть. В этот период уходят из обращения *мамашенька*, *маминька*, *батечка*, *тять*, *тятюшка*. Таким образом, тенденция уменьшения разнообразия вокативов сохраняется.

В файле 1992–2016 выявлено 25017 случаев называния матери. Обращения к матери в процентном соотношении располагаются так: *мама* 85,6%, *матушка* 5,7%, *мамаша* 3%, *мамочка* 2,8%, *мамка* 1,5%; *маменька*, *мамуля*, *маманя*, *мамашка*, *мамынька*, *мамуся*, *мамушка*, *мамусик*, *маманька*, *мамонька*, *мамася*, *мамусенька*, *мамулечка*, *маманюшка* – менее 1% (см. иллюстрацию № 3).

В рассматриваемом файле представлено 13946 наименований отца. Как видно из подсчета, тенденция к диспропорции усиливается: количество употреблений номинаций матери в разные исторические периоды растет или остается на прежнем уровне, а отца – снижается, и разрыв между ними в количестве употреблений становится все больше.

Номинации отца в процентном соотношении представлены следующим образом: *папа* 62,3%, *папка* 15,5%, *батюшка* 12,5%, *папаша* 4,1%, *батя* 1,7%, *батька* 1,3%; *батенька*, *папенька*, *папашка*, *тять*, *бать*, *батюшко*, *тятька*, *тятенька*, *папашенька* – менее 1% каждый (см. иллюстрацию № 3).

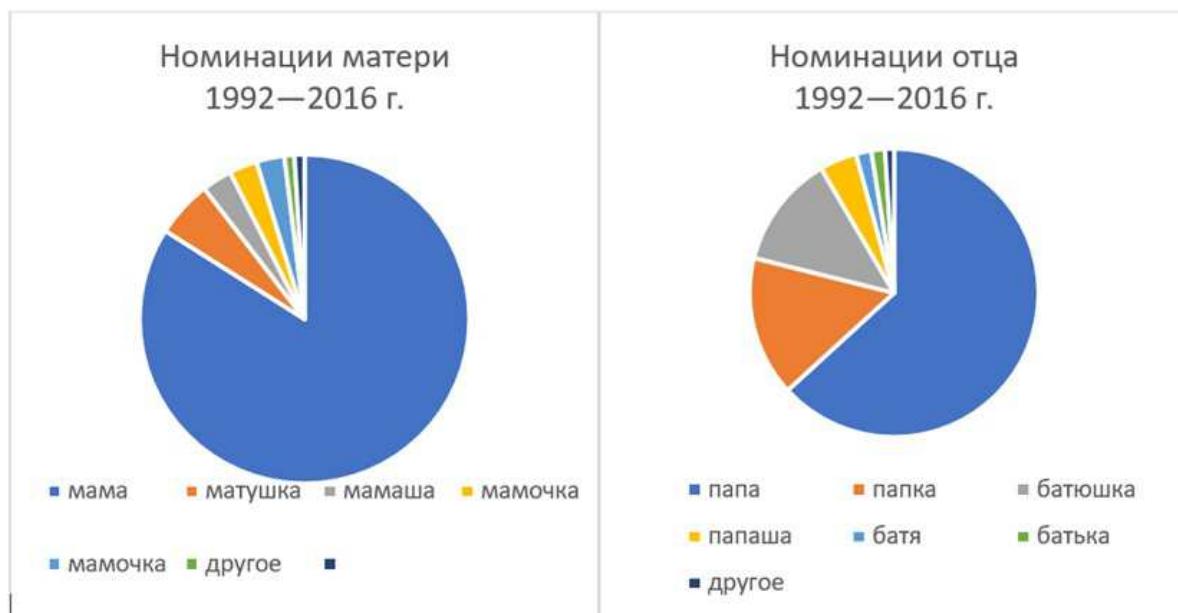


Иллюстрация №3

Таким образом, основные тенденции, выявленные в предыдущем периоде, сохраняются. Еще более превалирующими становятся номинации *мама* и *папа*, в то время как остальные формы продолжают терять популярность, и разрыв с ними увеличивается. Наиболее сильно это выражено в номинациях матери, где на долю слова *мама* приходится 85% словоупотреблений, а на все остальные – только 15%.

Уменьшается частота употребления следующих наименований матери: *маменька* на 97%, *матушка* на 96%, *мамонька* на 92%, *маманька* на 84%, *мамынька* на 81%, *мамуся* на 79%, *маманя* на 67%, *маманюшка* на 66%, *матушка* на 38%, *мамася* на 33%, *мамаша* на 32%, *мамка* на 39%. Увеличивается употребление слов *мамуля* на 2033%, *мамашка* на 866%, *мамусик* на 200%, *мамочка* на 53%.

Снижается употребление форм *папашенька* на 99%, *тятенька* на 97%, *батюшко* на 95%,

тятка на 95%, тятя на 86%, батька на 82%, батенька на 57%, папаша на 54%, батя на 52%, батюшка на 51% и т.д. Среди номинаций отца увеличивается употребление только слова папашка на 53%.

На основании этих подсчетов можно сделать вывод, что в постсоветский период сохраняется тенденция к уменьшению употребления разнообразных номинаций и сведению их к универсальным формам мама и папа.

Увеличение употребления таких форм, как мамуля, мамашка, мамусик и папашка свидетельствует о продолжающейся тенденции к некоторому росту популярности неформальных и снижено-пренебрежительных форм обращения к родителям.

Результаты контекстуального анализа

Для выявления причин изменений номинаций родителей во времени в данной работе был проведен контекстуальный анализ наиболее распространенных номинаций родителей: матушка, мама, папа - в текстах 1900, 1950 и 2000 годов, представленных в НКРЯ [\[20\]](#).

В результате анализа соответствующих примеров в НКРЯ выяснилось, что в 1900 г. только в 31% случаев слово матушка использовалось для обращения к матери. В остальных вариантах это было обращением к чужой женщине (чаще более высокой по статусу - царице, княжне, княгине, царице, барыне), к Богородице или к неживым объектам (Родине, Руси, ржи и т.п.). Таким образом, можно сделать вывод, что в начале XX века матушка как обращение к родной матери постепенно выходит из употребления и чаще используется как уважительное обращение к женщинам старшего возраста или более высокого статуса [\[20\]](#).

В 1950 году номинация матушка лишь в 27% случаев используется как вокатив по отношению к матери. В остальных примерах так обращаются чаще всего к родной стороне или природе (Руси, тайге, Москве и т.п.), в единичных случаях - к жене священника или Богородице [\[20\]](#). Тенденция, намеченная в предыдущий период, сохраняется: данную номинацию по отношению к реальным родителям используют все реже.

В 2000 году указанная тенденция меняется: слово матушка в 51% случаев используется обращения к матери, в то время как на все остальные варианты (Родина, природа, жена священника и т.д.) приходится меньше половины [\[20\]](#). Следует отметить, что почти все произведения, использующие данную номинацию, представляли собой стилизацию народных сказок или рассказывали о событиях дореволюционного прошлого, то есть использование данного обращения не характерно для современной жизни. Можно предположить, что рост использования данной номинации в качестве обращения к родителям и уменьшение количества остальных вариантов в рассмотренных примерах обусловлены уходом от патетики предыдущих периодов и паттерна взволнованных героев, страстно или подчеркнуто почтительно обращающихся к окружению.

Обращения мама и папа образованы от французских вокативов maman и papa и производные от них мама и папа, маменька, папенька и т.п. [\[21\]](#). Связь с французским языком-источником подчеркивает тот факт, что вплоть до 1917 года мама и папа могли произноситься на французский манер с ударением на последнем слоге и без склонения. См. пример из НКРЯ: «А рисунки и картины Анны Павловны, которые до сих пор там висели, перенесу в комнаты Мама» (К. К. Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи.

Письма (1911)) [20]. В этом примере слово *мама* написано с прописной буквы и не склоняется по образцу французского вокатива – источника.

В 1900 году в абсолютном большинстве случаев слово *мама* используется по отношению к реальной матери. Однако есть единичные примеры (11%) использования *мама* в другом значении. См.пример:

Сестра его мамой у великого князя, — пояснил Федор Колычев (А. К. Шеллер-Михайлов. Дворец и монастырь (1900)). Контекст номинации *мамы* и форма творительного падежа актуализируют значение профессии и указывают на то, что слово *мама* в данном случае означает должность няньки.

Номинация *папа* в этот период также в большинстве случаев используется для обращения к отцу и иногда (21%) для обозначения папы Римского [20].

Следует отметить, что, судя большинству примеров, слова *мама* и *папа* использовались в дворянской среде [20]. Как отмечают исследователи, среди крестьян формы *мама*, *папа* и т.п. не получили широкого распространения, вместо них использовались традиционные вокативы, такие как *тятя* и *матушка*. Более того, слова типа «*мама*» и «*папа*» воспринимались как чужие и неестественные по сравнению с традиционными формами. Так, в рассказе М.Горького «*Наваждение*» стариk-купец возмущается словами *папаша* и *мамаша*, называя их «уродливыми, нерусскими»: «...Слова эти какие-то уродливые, нерусские, в старину не слышно было этаких». А Матвей Кожемякин в романе Горького «*Жизнь Матвея Кожемякина*» удивляется, что мальчик Боря говорит *не тятя, а папа*: «У нас папой ребятенки белый хлеб зовут» (в словаре В.Даля «*папка*» - «хлеб, хлебец») [22].

В 1950 и 2000 г. номинации *мама* и *папа* становятся очень распространенными, используются преимущественно в значении обращения к родителям (исключения – *папа Римский*) и не являются маркером социальной принадлежности.

Таким образом, изменения в номинациях отражают социально-культурные сдвиги, влияние заимствований и изменение речевых норм в русском языке на протяжении XX века.

Выводы

В данной работе впервые в отечественной науке был осуществлен анализ динамики обращений к родителям (вокативов) на основе больших корпусных данных с применением автоматизированных методов, что позволило выявить изменения в речевом этикете наименований родителей на протяжении трёх исторических периодов: досоветского, советского и постсоветского.

В досоветский период (1700–1916 гг.) наблюдается большое разнообразие обращений к матери и отцу, с преобладанием вежливых и ласковых форм: для матери — *матушка, маменька, мама*, для отца — *батюшка, папа, папенька*. Обращения к матери чаще носили ласковый и нежный характер, чем к отцу.

В советский период (1918–1991 гг.) происходит значительная унификация вокативов: начинают преобладать простые и нейтральные формы *мама* (76,7%) и *папа* (49,9%), при этом количество вариантов обращений к отцу сокращается. Ласковые и уважительные формы уступают место более разговорным и даже сниженным обращениям, таким как *маманя, папка, батя*.

В постсоветский период (1992–2016 гг.) тенденция к сокращению разнообразия обращений усиливается: количество вариантов уменьшается, а частота употребления универсальных форм *мама* (85,6%) и *папа* (62,3%) возрастает. При этом наблюдается рост использования неформальных и сниженных форм (*мамуля*, *мамашка*, *папашка*), что свидетельствует о продолжающейся трансформации речевого этикета в сторону большей разговорности и эмоциональной вариативности.

Контекстуальный анализ свидетельствует о том, что в начале и середине XX века *матушка* чаще использовалась как уважительное обращение к женщинам высокого статуса или к родной стороне, а не к матери. Однако с началом 21 века возвращается использование номинации *мамы* как обращения к матери случаях в литературной стилизации. В обычной жизни это слово выходит из повседневного употребления.

В целом, динамика обращений к родителям в русском языке отражает социально-культурные и исторические изменения: от богатого и социально дифференциированного набора ласковых и уважительных форм в дореволюционный период к более унифицированным, нейтральным и разговорным формам в советский и постсоветский периоды.

Приложение 1

Вокативы	Частота вхождений в 1700–1916 г.	Частота вхождений в 1918–1991 г.	Частота вхождений в 1991–1916 гг.
маманюшка	1	3	1
мамулечка	1	501	1
мамусенька	2	2	2
мамася	3	3	2
мамонька	53	41	4
маманька	-	32	5
мамусик	2	6	6
мамушка	184	36	6
мамуся	34	14	7
мамынька	113	66	21
мамашка	8	3	29
маманя	6	122	40
мамуля	3	32	64
маменька	4127	283	109
мамка	564	390	390
мамочка	463	909	712
мамаша	1243	1120	751
матушка	8263	2317	1436
мама	3357	19417	21431
маминька	59	2	-
мамашенька	21	25	-
батенька	811	294	125
батечка	10	-	-

слово	1	2	3
бать	4	11	10
батька	565	1066	191
батюня	2	-	-
батюшка	9761	3579	1745
батюшко	166	164	8
батя	151	504	241
папа	4990	9759	8693
папаша	874	1270	576
папашенька	42	157	1
папашка	17	41	63
папка	166	2153	2173
папенька	1432	159	95
тятенька	648	119	3
тятинька	4	-	-
тять	3	23	-
тятька	158	115	5
тятюшка	-	4	-
тятя	151	130	17

Библиография

1. Lewis L. S. Terms of address for parents and some clues about social relationships in the American family // The Family Life Coordinator. 1965. Т. 14. С. 43-46.
2. Yokotani K. How young adults address their parents reflects their perception of parenting // Asian Journal of Social Psychology. 2012. Т. 15. № 4. Р. 284-289.
3. Pauletto F., Aronsson K., Galeano G. Endearment and address terms in family life: Children's and parents' requests in Italian and Swedish dinnertime interaction // Journal of Pragmatics. 2017. Т. 109. Р. 82-94.
4. Surono S. Address terms across cultures: A sociopragmatic analysis // Fourth Prasasti International Seminar on Linguistics. Atlantis Press, 2018. Р. 316-324.
5. Цюй Юян. Сопоставительный анализ маркированности гендерной лексики, обозначающей термины родства в русском и китайском языках / Цюй Юян // Университетский научный журнал. 2018. № 36. С. 254-259. EDN: YWY CNS.
6. Нгуен В. Обращение в русском речевом этикете с точки зрения носителей вьетнамского языка // Русистика. 2009. № 1. С. 26-32. EDN: JWSYHT.
7. Yang X. Address Forms of English: Rules and Variations // Journal of Language Teaching and Research. 2010. Т. 1. С. 743-745.
8. Зайцева И. П. Влияние французской культуры на речеэтикетную сферу русской лингвокультуры XIX века: (на материале трилогии Л. Н. Толстого "Детство. Отчество. Юность") // Французский язык на перекрестке культур: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. ст. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. С. 102-108. EDN: SSMBAZ.
9. Кронгауз М. А. Изменения в современном речевом этикете // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию М. В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 263-267. EDN: RCAOKV.
10. Стернин И. А. Русский речевой этикет. М.: Дрофа, 1996. 73 с.
11. Супрун В. И. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке // Границы познания. 2010. № 5. С. 47-52. EDN: RBSMZB.
12. Шаваева Ф. Х. Эмотивность в системе обращений к близким родственникам в русском и карачаево-балкарском языках // Современные проблемы науки и образования. 2014.

№ 3. С. 562. EDN: SYZRXH.

13. Черникова Н. В. Женщина-мать, мать-сыра земля, Родина-мать: образ матери в русской культуре // Духовные основы отношений человек-природа: Материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции, Чебоксары, 21-22 января 2021 года. Выпуск 2. Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2021. С. 123-126.
14. Дюсметова Л. Р. Образ матери в рассказе Талхы Гиниятуллина "мать и дитя" / Л. Р. Дюсметова // Этнопедагогика как ресурс воспитания и становления личности через приобщение к традиционной родной культуре (XIX Акмуллинские чтения): Материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 29 ноября 2024 года. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2024. С. 46-48. EDN: AZUVYQ.
15. Ибраимова Г. О. Когнитивные модели "мать-земля" и "мать-река" в русской лингвокультуре // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. 2021. № 4. С. 23-28. EDN: CPZCDR.
16. Зарипова З. С. Мифологические понятия о материях Богини и о матери Умай // The Scientific Heritage. 2021. № 78-5(78). С. 33-36. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-78-5-33-36 EDN: KSZOKP.
17. Пухова Е. А. Образ отца в современной российской ментальности или влияние образа отца на личность // Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 03-04 октября 2023 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 99-103. EDN: GPPWSP.
18. Рычкова Т. А., Столетов Е. С., Андреев В. В. Программный модуль "Подсчет и сравнение частоты словоупотребления в текстовых файлах" // Федеральный институт промышленной собственности, 2024. URL: <https://www.fips.ru/publication-web/publications/document?type=doc&tab=PrEVM&id=00466C8C-C03F-47CE-AB85-42D4F69840EE> (дата обращения 20.04.2024).
19. Скачиваемые корпуса Национального корпуса русского языка // URL: <https://ruscorpora.ru/page/corpora-datasets/> (дата обращения 20.04.2024).
20. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения 20.04.2024).
21. Красникова Ю. Н. Кормилицы как особая социальная группа в Российской империи XIX-начала XX веков // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. С. 134-138.
22. "Тятя", "тата", "батя", "папа", "отец"... // Музей обороны Туапсе. 16.10.2021. URL: <https://tuapse.bezformata.com/listnews/tyatya-tata-batya-papa/98626877/> (дата обращения 20.04.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Динамика обращений к родителям в русской речевой культуре" представляет собой исследование в области русского речевого этикета в семье.

Представленное исследование вносит вклад в изучение современного русского языка и речевой культуры в диахронии.

Материалом исследования послужили этикетные выражения обнаруженные автором в

национальном корпусе русского языка в разные эпохи.

В качестве основного метода

используется разработанный автором усовершенствованный статистический метод, "позволяющий преодолеть ограничения и субъективность традиционных методов сбора данных и получить уникальные данные на основе анализа динамики огромного массива данных". Применяется также дополнительный метод на основе историко-социокультурного анализа данных НКРЯ. В частности, данные о частоте и контексте употребления вокативов сопоставляются с социальными и культурными изменениями в обществе.

В основной части автор последовательно анализирует различные этапы формирования обращений к родителям и родственникам, обращаясь как к текстам XVIII, XIX, XX веков, так и к современным этикетным единицам и отмечая диахроническую вариативность данных лексем.

Статья содержит большое количество качественных примеров.

Стиль статьи соответствует требованиям, предъявляемым к написанию научных статей и не содержит существенных недостатков.

В заключении автор делает вывод о том, что со временем разнообразие вокативов снижается а также о том, что в наше время вокативы больше не являются маркером социальной принадлежности. "Если в дореволюционную эпоху было разделение в способах обращения к родителям в дворянской, мещанской, крестьянской среде, в советское время была в какой-то степени разница в вокативах у деревенских и городских, то в постсоветский период эти различия окончательно нивелируются".

Автор также подчёркивает, что

"в постсоветский период появляется дифференция в том, к кому указанные вокативы направлены. Слова батюшка и матушка используются только для обозначения духовных родителей – священника и его жены. Слова папаша и мамаша – для определения чужих родителей, часто с ироничной коннотацией".

При этом также делается вывод оценочного характера, не соответствующий научному уровню статьи о том, что "в досоветский период практически не было вокативов родителей, имеющих сниженную или грубую окраску: мамаша, мамка, батя и т.п. обращения считались вежливыми и отражали нежное и почтительное отношение. В наше время подобные вокативы обладают либо разговорной, либо неодобрительно-сниженной окраской". При этом автор не приводит доказательств того, что данные обращения, сейчас считающиеся лично автором грубыми, в то время также были грубыми и обладавшими негативной коннотацией. Так, диалектное современное "девка" не несёт оттенка грубоści для носителей северных русских диалектов, однако, является очень грубым для современных жителей городов, не обладающих знаниями об особенностях диалектов.

Автор также подчёркивает, что

"современная речь характеризуется доминированием простых и универсальных обращений к родителям, что отражает общие тенденции упрощения и стандартизации языка в условиях глобализации и социальной интеграции", с которым можно согласиться.

К сожалению, в статье есть ряд недостатков. Так, отсутствует ряд обязательных компонентов научной статьи - цель исследования, актуальность, научная новизна, предмет и объект исследования.

Кроме того, автор специально не оговаривает, какой именно материал он анализирует, присутствуют только хронологические ограничения, однако, спорным является утверждение о том, что обращения в художественном тексте можно экстраполировать

на всю русскую речевую культуру.

Текст статьи не структурирован, в нем затруднительно выделить границы между частями. Всё это, несмотря на полученные с помощью нового авторского метода данные и большое количество примеров, не позволяет судить о достоверности результатов.

При этом в целом статья характеризуется чёткостью и последовательностью изложения, а также сбалансированностью составляющих её частей.

Библиография содержит необходимое количество актуальных отечественных и зарубежных источников.

Таким образом, статья "Динамика обращений к родителям в русской речевой культуре" не в полной соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям в области русистики, в связи с чем не может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera" до устранения вышеуказанных недостатков.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Динамика номинаций родителей в русской речевой культуре».

Предмет исследования – динамика использования и изменение частоты различных вокативных форм обращений к матери и отцу в русском языке в досоветский (1700-1916 гг.), советский (1918-1991 гг.) и постсоветский (1992-2016 гг.) периоды.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с интеграцией количественных методов и применением методов анализа, сравнения, обобщения и синтеза. В исследовании используется автоматизированный статистический анализ больших массивов текстовых данных с использованием специально разработанной автором статьи программы «Подсчет и сравнение частоты словоупотребления в текстовых файлах».

Актуальность работы обусловлена тем, что существует необходимость анализа особенности наименований родителей и их динамику в русской речевой культуре в различные исторические периоды, поскольку эта проблема ранее исследовалась лишь косвенно и в рамках других исследований.

Научная новизна исследования заключается в его сопоставительном характере: автор рассматривает динамику использования и изменение частоты различных вокативных форм обращений к матери и отцу в русском языке в различные периоды, при этом для анализа текстового массива используется авторская программа.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы); методы (сформулированы объект, предмет и цель исследования; описана методологическая основа исследования); результаты (представлены данные о частотности различных вокативных форм обращений к матери и отцу в русском языке в исследуемые периоды; теоретические измышления автора об изменении частоты различных вокативных форм обращений к матери и отцу в русском языке подкреплены статистическими данными); выводы (автор делает общие выводы о динамике номинаций родителей в русской речевой в досоветский, советский и постсоветский периоды); библиография (включает 14 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты

будут интересны тем, кто занимается исследованием специфики номинации родителей в русской речевой культуре. Статья будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов.

Рекомендации автору:

1. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников также является недостаточным.
2. Было бы интересно привести иллюстративные примеры из текстового массива как подкрепление теоретические измышления автора статьи. Уместно расширить заключение: например, представить итоговую диаграмму, отображающую самые частотные номинации в исследуемые периоды, а также указать какие социально-культурные и исторические изменения могли повлиять на динамику использования и изменение частоты различных вокативных форм обращений к матери и отцу в русском языке.
3. Нужно перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов («из французского языка вокативов маман и папа» – по-французски будет рара; указано «см.приложение 1» – само приложение не обозначено в тексте; 1918–1991 г.).
4. Стоит расширить библиографию, увеличив долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть рекомендован к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Динамика номинаций родителей в русской речевой культуре», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», нацелена на изучение особенностей именования родителей, изменения в которых обусловлены социальными, культурными и историческими факторами, происходящими в обществе. Актуальность исследования связана с увеличением в последнее время проектов, изучающих специфику речевой культуры того или иного этноса и недостаточностью исследований, выполненных на большом массиве корпусных данных. В этом отношении статья может послужить основой для масштабирования подобного опыта анализа лексики.

В работе представлен интересный материал, анализирующий с точки зрения частотности использование наименований родителей. Несмотря на наличие обзоров по вокативам в русском языке (автор приводит работы, имеющие отношение к изучаемой проблематике), в данном ракурсе вопрос рассматривается впервые в русском языкознании. Новизна исследования подчеркивается введением в научный оборот данных, осуществленных на основе анализа больших корпусных данных с применением авторских автоматизированных методов обработки информации, о чем сообщено в тексте.

Автор статьи обращается к вокативам 3-х исторических периодов, значимых в жизни российского общества: досоветского (1700–1916 гг.), советского (1918–1991 гг.) и постсоветского (1992–2016 гг.), в которые происходит разительная смена социокультурных реалий. Каждый из периодов характеризуется спецификой применения номинаций родителей, что достаточно убедительно доказывается в рецензируемой работе. Выявленные варианты обращений рассматриваются в количественно-хронологическом плане и в процессе контекстуального анализа.

На основе изучения терминов родства в функции вокатива автор отмечает

трансформацию "речевого этикета в сторону большей разговорности и эмоциональной вариативности" "от богатого и социально дифференциированного набора ласковых и уважительных форм в дореволюционный период к более унифицированным, нейтральным и разговорным формам в советский и постсоветский периоды", причину чего видит в изменениях социально-культурного плана, влиянии заимствований и изменении речевых норм в русском языке на протяжении XX века.

В целом, статья содержит новые данные, любопытные выводы, которые способствуют развитию культуры речи, социолингвистики и этнолингвистики. Представленный материал будет интересен читателям. Идеи автора изложены грамотно, статья снабжена достаточно ярким иллюстративным материалом. Структура статьи продумана, четко выделены композиционные части, которые помогают составить стройное представление о развитии номинативных единиц, изучаемых в работе.

Вопрос вызвало лишь достаточно давнее обращение к материалам Национального корпуса русского языка (20.04.2024): ввиду очень быстрой наполняемости корпуса, сделанная автором выборка на сегодняшний день может оказаться несколько неактуальной. Однако это не умаляет общий положительный итог проделанной работы.

Считаем, что статья «Динамика номинаций родителей в русской речевой культуре» будет полезна для широкой читательской аудитории, рекомендуется к печати.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мельдианова А.В. Особенности функционирования прагматических видов вопросительных высказываний в англоязычных текстах авиационной направленности // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75313
EDN: JHPIUI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75313

Особенности функционирования прагматических видов вопросительных высказываний в англоязычных текстах авиационной направленности

Мельдианова Анна Валерьевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Лингвистики и переводоведения, Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)

125993, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Волоколамское Шоссе, 4

✉ meldianova_av@mail.ru



[Статья из рубрики "Профессиональный язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75313

EDN:

JHPIUI

Дата направления статьи в редакцию:

27-07-2025

Аннотация: Статья посвящена изучению прагматических аспектов вопросительных высказываний в англоязычных авиационных текстах. В исследовании отмечается важность учета коммуникативных намерений говорящего, условий коммуникации, а также роли невербальных компонентов в интерпретации смысла высказываний. В статье подчеркивается актуальность исследования в свете современного подхода к изучению языка как инструмента живого общения, обращается внимание на важность комплексного анализа языковых феноменов в процессах речевой деятельности. Целью исследования является рассмотрение особенностей функционирования вопросительных высказываний в современном английском языке. Анализ проведен на материале сценарных текстов к англоязычным авиационным фильмам, показывающих специфику коммуникации в условиях авиационных происшествий и крайней важности точного понимания высказываний. Особое внимание удалено изучению функциональных значений вопросительных конструкций в профессиональном дискурсе. В ходе работы

над темой исследования использовались такие методы, как описание, обобщение, сравнение, метод функционального анализа. Результаты проведенного исследования указывают на необходимость учитывать прагматические и коммуникативные интенции говорящего при интерпретации значений вопросительных высказываний в современном английском языке. Подобные выводы полезны для оптимизации общения в профессиональной среде, особенно в авиационном секторе, где точность восприятия информации определяет успех взаимодействия, а ошибки в понимании недопустимы. Новизна работы заключается в том, что на сегодняшний день отсутствуют аналогичные исследования, посвященные данному предмету. Исследованные материалы позволили выявить важные закономерности функционирования вопросительных высказываний в авиационных текстах, демонстрируя частое использование не только прямых, но и косвенных вопросов, что значительно расширяет спектр возможных коммуникативных намерений говорящего. Результаты исследования вносят вклад в совершенствование языковой практики в особых ситуациях, повышая качество и эффективность взаимодействия в авиационной сфере.

Ключевые слова:

лингвистическая прагматика, прагматические интенции, коммуникативные намерения, функциональные особенности, вопросительные высказывания, прямые вопросы, косвенные вопросы, невербальные средства, иллоктивная функция, авиационный профиль

Введение

Лингвистическая прагматика – сравнительно молодая дисциплина, возникшая во второй половине XX века вследствие возросшего интереса к языку как средству взаимодействия людей. Основными аспектами изучения прагматики являются коммуникативные намерения говорящего, анализ условий коммуникации, социального статуса коммуникантов, их взаимоотношений, а также невербальных средств коммуникации (жестов, мимики, интонаций, пауз), дополняющих вербальное сообщение и помогающих точнее интерпретировать смысл высказывания.

Целью настоящей статьи является анализ вопросительных высказываний в авиационных текстах с точки зрения их прагматического аспекта.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современные тенденции развития лингвистики требуют углубленного изучения языка именно в процессе живого общения, поскольку прагматический элемент предложения непосредственно отображает коммуникативные намерения говорящего. Во-вторых, повышенный интерес проявляется к исследованию языковых явлений, раскрывающих природу речевых актов как элементов мыслительной деятельности, что обуславливает необходимость всестороннего изучения процессов языкового общения и механизмов влияния высказываний на восприятие человека. В-третьих, вопросительное предложение многофункционально, и его прагматический потенциал чрезвычайно разнообразен. В-четвертых, авиационная сфера предъявляет особые требования к эффективности коммуникации, поскольку от правильности понимания сообщений зависит безопасность пассажиров и персонала.

Объектом исследования в данной статье выступают вопросительные высказывания в современном английском языке. Предметом исследования являются коммуникативно-

прагматические характеристики вопросительных высказываний, преимущественно встречающихся в текстах авиационного профиля; а также разнообразные функциональные значения вопросительного высказываний в диалогическом дискурсе. Объем эмпирического материала составил 500 вопросительных высказываний. Источниками материала явились сценарные тексты английских фильмов авиационной тематики таких как «Экипаж» (2012), «Чудо на Гудзоне» (2016), «Перл-Харбор» (2001), связанные с тематикой авиакатастроф и спасения людей в экстремальных ситуациях. Именно в подобных ситуациях умение правильно воспринимать и оценивать высказывания крайне важно.

Литературный обзор показал, что за последние три года отсутствуют работы, посвященные исследованию прагматических вопросительных высказываний, в том числе на материале авиационных текстов, что подчеркивает новизну данной статьи. В ходе исследования были использованы различные научные методы: описательный метод, метод сравнительного анализа (в частности, сопоставление прямых и косвенных вопросов), метод функционального анализа (анализ особенностей функционирования различных видов косвенных вопросов).

Обзор научных работ по теме исследования

Возникновение прагматики как нового объекта изучения в лингвистике основано на идеях Ч.С. Пирса, а также логико-философских взглядах Дж. Р. Остина и Дж. Р. Серла [1]. Изучению функционально-прагматических особенностей вопросительных высказываний посвящены работы как отечественных, так и зарубежных лингвистов, таких как А.Г. Поспелова [2], Г.Г. Почепцов [3], П.Сусов [4], S. Levinson [5], J. Leech [6] и др.

Типология высказываний

Коммуникативно-прагматическое изучение языка развивается на базе системного представления о его уровневом устройстве [7], поэтому необходимо различать такие понятия, как «предложение» (единица синтаксиса) и «высказывание» (единица речи) [8]. Под высказыванием понимается актуализированное в речи предложение, обладающее определенным коммуникативным намерением (иллокутивной функцией) [9]. На формирование иллокутивных характеристик сообщений оказывают влияние разные факторы, как структурные, так и прагматические [10]. Структурные факторы связаны непосредственно с грамматическими характеристиками высказывания, такими как форма глагола, порядок слов и структура предложения, а также с использованием определенной лексики. Прагматические факторы касаются внешних условий общения, контекста ситуации, интенций говорящего, статуса отношений участников коммуникации.

Основное отличие между различными видами высказываний в языке определяется соотношением их собственного и прагматического значения. В лингвистической литературе выделяются два вида высказываний: прямые и косвенные.

В прямых высказываниях прагматическое содержание соответствует семантике высказывания. В косвенных высказываниях существует расхождение между прагматическим и семантическим уровнями.

Таким образом, когда собеседник однозначно воспринимает прямое значение сообщаемого, речь идет о прямом речевом акте. Однако если высказывание приобретает дополнительное смысловое наполнение, отличное от основного, возникает косвенный

речевой акт, который обладает следующими особенностями:

- 1) иллокутивной многозначностью, обуславливающей необходимость учитывать контекст и конкретные условия общения,
- 2) реализацию одновременно нескольких функций одним высказыванием.

При этом важнейшей характеристикой любого высказывания становится его способность влиять на восприятие и реакцию участников коммуникации, вызывать у них разнообразные эмоции, стимулировать определенные поступки. Эта характеристика подчеркивает особый прагматический аспект языка.

В ситуациях непосредственного общения ключевыми средствами установления точного смысла высказывания становятся невербальные компоненты, такие как интонационные изменения, высота и окрашенность голоса, ударение и паузы.

Определение степени косвенности высказывания зависит как от внутриязыковых, так и внеязыковых признаков.

Среди собственно языковых факторов выделяются следующие:

- 1) лексические средства, например использование глаголов различной семантики, эмоционально-экспрессивных слов, позволяющих раскрыть характер высказывания и уточняющих детали происходящего события,
- 2) грамматические средства, к которым относятся, например, временные формы и модальные глагольные формы, оказывающие влияние на понимание скрытого смысла высказывания,
- 3) графические средства, в частности, выделение отдельных слов (шрифтом, цветом, с помощью подчеркивания), а также пунктуация, придающая высказыванию дополнительную экспрессию,
- 4) контекст употребления. Контекст употребления включает в себя говорящего, слушающего и внеязыковую обстановку общения [11]. Ситуация общения охватывает описание места, времени действия, манеру речи, мимику, жесты и реакции участников коммуникации.

Нелингвистическими характеристиками, определяющими контекст высказывания, служат внешние признаки коммуникативной ситуации, такие как количество участников, уровень отношений между ними и принятые нормы речевого этикета.

Классификация вопросительных высказываний

На основании всех вышеперечисленных факторов в ходе анализа сценариев авиационных фильмов были выявлены следующие прагматические виды вопросительных высказываний в текстах авиационной направленности:

- 1) косвенные вопросительные высказывания в побудительной функции,
- 2) косвенные вопросительные высказывания в функции утверждения,
- 3) косвенные вопросительные высказывания в функции оценки и выражения эмоций,
- 4) вопросы-рассуждения,

- 5) вопросно-ответные единства в функции привлечения внимания к предмету высказывания,
- 6) фатические метакоммуникативные высказывания, направленные на поддержание разговора.

Косвенные вопросы в побудительной функции включают в себя высказывания, выражающие просьбу, побуждение к действию, предложение и приглашение. Данные высказывания направлены либо на получение разрешения совершить действие говорящему или другим лицам, либо содержат предложение услуги или приглашение выполнить действие. В подобных высказываниях интересы говорящего находятся в центре внимания.

Примером вопросительных высказываний, выполняющих функцию просьбы в изученных авиационных текстах, служат общие вопросы с модальными глаголами (*will*, *would*, *can*, *could*, *may*, *might*). Например: "Captain, will you pray with me?" [\[12\]](#)

Проведенный анализ авиационных фильмов показал, что прошедшая форма указанных выше модальных глаголов употребляется реже, чем форма настоящего времени. При этом, известно, что модальные глаголы в прошедшем времени представляют собой более вежливую форму выражения просьбы: "Would you be up for it?" [\[12\]](#)

Просьба о разрешении совершить какое-либо действие или о возможности совершения какого-либо действия слушающим в рассмотренных текстах выражается также посредством глагола *mind*, за которым следует герундиальная форма или придаточное дополнительное, например: "Do you mind if I tell them?" [\[13\]](#)

Типичные примеры косвенных вопросительных высказываний, направленных на побуждение к действию, в рассмотренных текстах часто представляют собой эллиптические предложения. В подобных высказываниях однозначное восполнение структуры высказывания невозможно, они передают лишь общую идею действия. Например:

"When I ask for power, push both of these forward. **Got it?**" (Margaret nods) [\[12\]](#).

"We're gonna roll it. **Ready?** Here we go. I've got control" [\[12\]](#).

К данному виду относятся также высказывания, предлагающие услугу или помошь. Говорящий является инициатором действия, но, как правило, не заинтересован лично в его осуществлении, тем не менее, готов оказать содействие слушающему или другому человеку. Обычно такие предложения формируются посредством модальных глаголов, таких как *can*, *could*, *may*, *might*, *would*, *shall*. Часто в таких высказываниях используется глагол *need*, как модальный, так и смысловой: "Your clothes are toast. Do you need me to get you some stuff?" [\[12\]](#)

В функции приглашения в авиационных фильмах главным образом употребляется модальный глагол *will*, который традиционно ассоциируется с выражением предпочтений и желаний. Данные значения сохраняются и в функции приглашения: "Sweetie, will you get me a coffee, black, lots of sugar? And some aspirin" [\[12\]](#).

Вопросы с модальным глаголом *shall* в функции приглашения в отличие от глагола *will* употребляются для выражения приглашения к действию с личным местоимением первого

лица множественного числа. Например: "Shall we go?" [\[13\]](#)

Косвенные вопросительные высказывания в функции приглашения могут формулироваться с помощью общего вопроса с глаголом *want*: "Captain 1549, if you can get a view, do you want to try land on runway 13?" [\[13\]](#)

Косвенные вопросы используются также в утвердительной функции. В данном случае их основной задачей является не запрос информации, а передача определенного утверждения. Интересно, что положительные по форме вопросы фактически выражают негативную позицию говорящего и содержат отрицательные элементы (например, отрицательные частицы), а отрицательные по структуре вопросы передают позитивное утверждение, как правило, утверждая обратное. Это явление свидетельствует о гибкости и сложности прагматических конструкций, демонстрирующих разнообразие способов передачи истинных намерений говорящего.

Например:

"Hey, don't I know you?" [\[12\]](#) – здесь отсутствует запрос информации. Несмотря на то, что вопрос имеет отрицательную форму, он представляет собой утверждение и имеет значение: «Перестань, я же знаю тебя»

Подобные вопросительные высказывания в фильмах авиационной направленности выполняют не только функцию утверждения, но и несут в себе дополнительные смыслы, такие как подтверждение согласия, возражение против высказанных заявлений или подчеркивание очевидности утверждаемого. Кроме того, подобные утверждения могут передавать эмоции и чувства говорящего и часто являются эмоционально-окрашенными:

"Yeah, maybe when I'll wake up it'll be January 14th. Wouldn't that be good?" [\[13\]](#)

"I love you, too. Can you believe we made it!? I mean... the plane... crashed. In the river. Are you kidding me!?" [\[13\]](#)

Следующий вид вопросительных высказываний в фильмах авиационной направленности представлен структурами, в которых помимо запроса информации дается также оценка происходящего, либо выражаются сильные эмоции и чувства. Данные вопросительные высказывания представлены двумя подвидами:

Первая группа объединяет высказывания, направленные на выражение личной позиции говорящего относительно поступков собеседника. Это особые конструкции, не предполагающие традиционного вопроса или утверждения, а скорее выражающие собственное мнение или критическое замечание. Данные высказывания предполагают оценку действий собеседника или других лиц. В них ничто не утверждается и не запрашивается, а передается отношение говорящего к действиям или поступкам собеседника, а также других людей. Подобные высказывания чаще всего принимают форму специального вопроса и характерны для непринужденной беседы. Такие высказывания уместны, когда отношения между участниками коммуникации являются равными, или социальный статус говорящего выше, чем у его собеседника.

В следующем примере присутствует ироничное отношение автора к происходящему: Why are they looking for something we did wrong, when it all turned out right? [\[13\]](#)

Вторая группа включает высказывания, передающие такие эмоции говорящего, как удивление, возмущение, гнев, испуг, недовольство. Отличие в структуре данной

подгруппы заключается в том, что она допускает не только специальные вопросы, но и общие. Например:

"How can they be so foolish?"[\[14\]](#)

-You're saying you didn't do it...

-I eyeballed it.

-You eyeballed it?

-Yes [\[13\]](#)

В последнем примере выражается удивление, и даже некоторое раздражение говорящего. Внешний лингвистический и экстралингвистический контекст свидетельствуют о том, что ответ на вопрос будет положительный. Имплицитно выраженное смысловое содержание данного высказывания заключается не в желании запросить какую-то информацию (говорящему ситуация уже понятна), а в непринятии ситуации и несогласии с действиями пилота. Вопросительное высказывание подразумевает собой: Как ты мог сделать заключение без специальных измерений или расчетов?

Помимо четко выделяемых категорий прямых и косвенных высказываний, существуют пограничные случаи, объединяющие черты обеих категорий. Среди них выделяются три главных типа: вопросы-рассуждения, вопросы-ответы и метакоммуникативные высказывания.

Вопросы в функции рассуждения встречаются главным образом, когда говорящий сталкивается с трудностью выбора или оказывается в затруднительном положении. Ответ на такие вопросы зачастую невозможен или затруднителен, поэтому они носят больше рефлексивный характер. Формально вопросы-рассуждения выглядят как обычные вопросы, однако по значению близки к утверждениям. Например:

"But why are they looking for something we did wrong..."

-When that all turned out right?

-It didn't turn out right for the Airline and their insurance company.

We should expect some blowback"[\[13\]](#).

По смыслу первое предложение содержит вопрос, хотя формально в конце предложения не стоит вопросительный знак. При этом ответ на данный вопрос излишен, так как он давно известен говорящему. Он в своих дальнейших рассуждениях пытается найти ответ, зачем страховой компании так необходимо найти доказательства вины пилотов.

Само высказывание представляет собой размышления вслух и выражает недоумение говорящего действиями и поступками других лиц.

Вопросно-ответные высказывания также относятся к промежуточному виду, и совмещают в себе элементы вопроса и ответа. Говорящий формулирует вопрос и тут же предлагает собственный ответ, акцентируя внимание на основных аспектах. Такой прием используется для создания эмоционального эффекта и направлен на оказание воздействия на слушателя. Например:

"What has it been this year so far? Bernie Madoff, the two wars without end, many million new people with no work... And that is just the first two weeks of January" [\[13\]](#).

"What do you mean? I'm just doing what we've always done" [\[14\]](#).

Фатические метакоммуникативные высказывания представляют собой особую категорию вопросов, основная цель которых не получение новой информации, а установление или поддержание контакта с собеседником. Хотя формально они соответствуют структуре обычного вопроса, содержательно же выполняют вспомогательную функцию, помогая инициировать общение. Часто это короткие реплики в виде простых восклицаний и приветствий. Например:

"What's up with you? You need to get focused, because the media request avalanche continues" [\[13\]](#).

Данные вопросительные высказывания не требуют детального размышления и обсуждения, их функция в основном социальная и заключается в создании атмосферы взаимопонимания и комфорtnого общения.

Результаты лингвистического анализа

В изученных фильмах авиационной направленности было проанализировано около 500 вопросительных высказываний. Проведенный анализ показал преобладание прямых косвенных высказываний (347 случаев или 69%) над косвенными (153 пример или 31%). При этом среди косвенных вопросительных высказываний в сценических текстах авиационной тематики превалируют вопросительные конструкции в побудительной функции (составляют 49 %), за ними следуют вопросы в функции утверждения и оценки (20 %). Значительно реже встречаются вопросы-размышления и вопросно-ответные единства (16 %), а также вопросы, направленные на установление и поддержание контакта с собеседником (15 %).

Заключение

Таким образом, исследованный материал позволил выявить важные закономерности функционирования вопросительных высказываний в современном английском языке на материале сценарных текстов авиационной тематики и сделать следующие выводы:

1. Классификация прагматических видов вопросительных высказываний основывается на функциях и намерениях говорящего, выходящих за рамки чисто грамматической структуры высказывания. Изучаемые тексты демонстрируют частое использование не только прямых, но и косвенных вопросов, которые значительно расширяют спектр возможных коммуникативных намерений говорящего. В ходе исследования было выявлено несоответствие формы и коммуникативной направленности косвенных вопросительных высказываний.
2. Косвенные вопросы способны выразить самые разнообразные коммуникативные установки: помимо запроса недостающей информации, могут также выражать просьбу, побуждение к действию, эмоциональную реакцию, давать оценку действиям собеседника или других лиц, использоваться для констатации фактов, привлечения внимания собеседника, установления с ним контакта.
3. При выявлении косвенности высказываний важную роль играют как лингвистические факторы (глаголы различной семантики, оценочная лексика, время глагола, текстовая

ситуация), так и экстравербальные (жесты, тембр голоса, мимика и т.д.).

4. При интерпретации значений вопросительных структур в современном английском языке важно учитывать прагматические интенции говорящего. Это конечные цели, которые стремится достичь участник коммуникации, использующий различные языковые средства для реализации конкретного воздействия на слушателя. Понимание этих целей помогает глубже осознавать мотивацию говорящего и способствует правильному пониманию его сообщений, что особенно актуально для понимания нюансов общения в профессиональной среде, например, авиационной, где точные формулировки играют решающую роль в успешном взаимодействии.

Таким образом, правильное осознание прагматико-коммуникативных целей высказываний способствует улучшению качества профессионального общения и эффективности работы в сложных и ответственных областях, таких как авиация.

Библиография

1. Шакирова Х.Н. Суть прагматики // Экономика и социум. 2021. № 1 (80). С. 743-746.
2. Поспелова А.Г. Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. 1988. С. 141-153.
3. Почепцов Г.Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. 1985.
4. Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения. Калинин: КГУ, 1980. 51 с.
5. Levinson S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 434 pp.
6. Leech J. Principles of Pragmatics. New York: Longman, 1983. 250 pp.
7. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Изд-во Икар, 2007. 480 с. EDN: QDWTGF.
8. Лужная М.М. Прагматическая омонимия контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов вопроса в повседневном общении // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10. № 1. С. 100-123. EDN: RQWSTC.
9. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В.А. Успенский. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 296 с.
10. Чалова О.Н. Функционально-прагматические параметры высказываний с эксплицитным модусом незнания в научном диалоге // Вестник Самарского университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 152-158.
11. Грин Н.В. Прагматическая теория метафоры // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2024. Т. 1. № 18. С. 359-362. DOI: 10.36629/2686-777x-2024-1-18-359-362 EDN: JNHYRI.
12. Zemeckis R. Flight. Atlanta, 2012.
13. Eastwood C. Sully. New York, 2016.
14. Bay M. Pearl Harbor. Los Angeles, 2001.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматриваются особенности функционирования прагматических видов вопросительных высказываний в англоязычных текстах авиационной направленности. Актуальность исследования не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется как современными тенденциями развития лингвистики,

которые «требуют углубленного изучения языка именно в процессе живого общения, поскольку прагматический элемент предложения непосредственно отображает коммуникативные намерения говорящего», так и повышенным интересом исследователей к языковым явлениям, раскрывающим «природу речевых актов как элементов мыслительной деятельности, что обуславливает необходимость всестороннего изучения процессов языкового общения и механизмов влияния высказываний на восприятие человека», к прагматическому потенциалу вопросительных предложений. Выбор авиационной сферы обусловлен тем, что она предъявляет «особые требования к эффективной коммуникации, поскольку от правильности понимания сообщений зависит безопасность пассажиров и персонала».

Теоретическую основу работы составили фундаментальные и актуальные труды отечественных и зарубежных ученых, охватывающие широкий круг вопросов по прагматике и коммуникации. Библиография составляет 14 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Эмпирической основой послужили 500 вопросительных высказываний. Источниками материала явились сценарные тексты английских фильмов авиационной тематики таких как «Экипаж» (2012), «Чудо на Гудзоне» (2016), «Перл-Харбор» (2001), связанные с темой авиакатастроф и спасения людей в экстремальных ситуациях, так как «именно в подобных ситуациях умение правильно воспринимать и оценивать высказывания крайне важно».

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и статистический методы, метод сравнительного анализа при сопоставлении прямых и косвенных вопросов, метод функционального анализа при выявлении особенностей функционирования различных видов косвенных вопросов, функциональный и прагматический методы, элементы дискурс-анализа. Выбор методов оправдан и соответствует цели и задачам работы.

В ходе исследования проведен обзор научных работ. Однако, по мнению рецензента, обзор научной литературы необходимо представлять более подробно и не ограничиваться перечислением ученых, труды которых посвящены изучаемой тематике («Изучению функционально-прагматических особенностей вопросительных высказываний посвящены работы как отечественных, так и зарубежных лингвистов, таких как А.Г. Поспелова [2], Г.Г. Почепцов [3], П. Сусов [4], S. Levinson [5], J. Leech [6] и др.»). Данное замечание носит рекомендательный характер.

Изучена типология высказываний, дана классификация вопросительных высказываний, проанализированы вопросительные высказывания из фильмов авиационной направленности, выявлены закономерности функционирования вопросительных высказываний в современном английском языке на материале сценарных текстов авиационной тематики, сделаны соответствующие выводы (например, «изучаемые тексты демонстрируют частое использование не только прямых, но и косвенных вопросов, которые значительно расширяют спектр возможных коммуникативных намерений говорящего», «при интерпретации значений вопросительных структур в современном английском языке важно учитывать прагматические интенции говорящего» и др.).

Результаты, полученные в ходе исследования, вносят определенный вклад в теорию речевых актов и лингвопрагматику, могут применяться в курсах по коммуникативной лингвистике и теории речевой коммуникации; по культуре речи и риторике. Рецензируемая работа имеет практическую значимость, которая заключается в возможности использования данного материала в вузовских курсах по лингвокультурологии, стилистике, теории дискурса, лингвистике текста, по лингвопрагматике и когнитивной лингвистике, а также в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью, доступностью и высокой культурой речи. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Юй Ш. Концепт технологической утопии в постсоветской российской фантастике и его реализация в прозе С. Лукьяненко // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75055 EDN: JIJOUC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75055

Концепт технологической утопии в постсоветской российской фантастике и его реализация в прозе С. Лукьяненко

Юй Шуаншуан

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов им. Патрика Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 15910387847@163.com



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75055

EDN:

JIJOUC

Дата направления статьи в редакцию:

03-07-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является концепт технологической утопии как центральный элемент постсоветского фантастического дискурса, его семиотическое наполнение и художественная реализация в прозе С. Лукьяненко. В качестве основного материала рассматриваются романы «Лабиринт отражений», «Черновик» и «Спектр», в которых автор моделирует альтернативные техногенные миры, отражающие культурные, философские и ценностные трансформации постсоветской эпохи. Особое внимание уделяется репрезентации цифровой среды как пространства, где размываются границы между реальностью и виртуальностью, человеческим и технологическим. Утопический нарратив в анализируемых произведениях трактуется как способ художественного конструирования будущего и одновременно как инструмент критической рефлексии над современностью. Исследование направлено на выявление структурных особенностей этих текстов, их символических кодов, нарративных стратегий и скрытых антропологических смыслов, связанных с властью технологий, автономией

субъекта и этическими дилеммами в условиях цифровой цивилизации. В работе применяются нарратологический, семиотический, культурологический и герменевтический методы анализа, позволяющие выявить специфику построения утопического дискурса и интерпретировать философские и антропологические смыслы произведений Лукьяненко. Научная новизна исследования заключается в целостной интерпретации технологической утопии как художественного и культурного феномена, отражающего идеологические, этические и антропологические сдвиги постсоветской эпохи. В отличие от традиционной модели утопии, в прозе Лукьяненко акцентируется внимание на противоречиях между технологическим прогрессом и моральным выбором, что позволяет говорить о трансформации утопического нарратива в сторону прагматического или даже критического утопизма. Сделан вывод о том, что технологическая утопия в указанных произведениях выступает не как позитивная проекция будущего, а как форма художественной рефлексии над состоянием культуры, идентичности и границ человеческого в цифровую эпоху. Исследование вносит вклад в развитие научных представлений о постсоветской фантастике и механизмов её утопического воображения.

Ключевые слова:

постсоветская фантастика, технологическая утопия, С. Лукьяненко, виртуальная реальность, технократический дискурс, утопический нарратив, философия будущего, трансформация субъекта, научная фантастика, цифровая идентичность

Введение

Современная российская фантастика демонстрирует устойчивый интерес к переосмыслению утопического воображения в условиях цифровой эпохи. В центре этого процесса формирование образов технологически усовершенствованного мира, который отражает как надежды на прогресс, так и опасения перед его последствиями. Научная фантастика становится особым пространством культурной и философской рефлексии, где технологии оказываются медиаторами между реальностью и её возможными альтернативами. В этом контексте особенно показательно творчество С. Лукьяненко, чьи произведения соединяют мотивы техноутопии, виртуальности и социальной трансформации.

Актуальность темы определяется необходимостью анализа трансформации утопического нарратива в постсоветской художественной культуре. В условиях стремительных изменений социальной и технологической среды возрастает интерес к художественным моделям будущего, в которых пересматриваются прежние ценности, границы реального и виртуального, а также представления о человеке. Фантастика, как жанр, формирует не только эстетическое, но и идеологическое пространство, где образы техногенного будущего приобретают статус культурных кодов. Исследование техноутопии в прозе Лукьяненко позволяет проследить, каким образом современные представления о прогрессе и будущем воплощаются в литературной форме и как они соотносятся с социальным контекстом постсоветской России.

Объектом исследования выступает постсоветская российская научная фантастика, предметом презентация концепта технологической утопии в произведениях С. Лукьяненко. Исследование сосредоточено на изучении нарративных и семантических механизмов построения идеального технологического мира, а также на выявлении

художественных стратегий, через которые автор осмысляет новые формы человеческого бытия. Цель работы определить особенности реализации техноутопического нарратива в прозе Лукьяненко, исследовать его поэтику и философские основания, а также выявить смысловые и жанровые преобразования утопической традиции в условиях постсоветской культурной парадигмы.

Методологическая основа настоящего исследования включает нарратологический, семиотический, культурологический и герменевтический анализ. Нарратологический подход применяется для выявления структурных особенностей утопического нарратива, включая принципы его построения, хронотопическую организацию и динамику сюжетного развития. Семиотический анализ направлен на интерпретацию ключевых художественных образов и технологических символов, формирующих семантическое пространство произведений. Культурологический метод позволяет рассматривать тексты в контексте постсоветской культурной трансформации и исследовать, каким образом утопические мотивы отражают изменения ценностной парадигмы. Герменевтический анализ способствует углублённому осмыслению философских и антропологических смыслов, заложенных в повествовании, а также пониманию взаимосвязи между технологией, субъектностью и этикой в художественном мире прозы С. Лукьяненко. В качестве основного аналитического материала рассматриваются романы С. Лукьяненко «Лабиринт отражений», «Черновик» и «Спектр», а также теоретические работы, посвящённые утопизму, научной фантастике и современной русской литературе.

Научная новизна исследования заключается в целостной интерпретации техноутопии как литературного и культурного феномена, отражающего идеологические и антропологические сдвиги постсоветской эпохи. Работа вводит в научный оборот системное осмысление прозы Лукьяненко как пространства моделирования технологически ориентированных миров и раскрывает функции фантастического нарратива в контексте современного социокультурного мышления. Практическая значимость исследования заключается в возможности его применения в курсах по современной русской литературе, а также в теоретических разработках по жанровой эволюции фантастики и утопического дискурса.

Таким образом, анализ технологической утопии в прозе С. Лукьяненко позволяет выявить особенности постсоветской культурной идентичности, раскрывает глубинные связи между литературным воображением, социальными ожиданиями и философией будущего, а также дополняет представления о развитии жанра фантастики в XXI веке.

Теоретико-методологические основы анализа утопии и технофантастики

Современное осмысление феномена утопии уходит от ограниченного понимания «идеального общества» в духе эпохи Просвещения и стремится к многослойному междисциплинарному подходу. Утопия сегодня интерпретируется как динамический элемент социального воображения, функционирующий в разных культурных и нарративных контекстах. Г. Грегори утверждает, что термин «утопия» охватывает широкий спектр значений: от эвтопии и дистопии до критической утопии, каждая из которых представляет уникальные пространственно-временные конструкции будущего мира [1].

В постсоветской гуманитарной науке особое внимание уделяется трансформации утопического мышления в сторону техноутопизма концепции, где научный и технологический прогресс служит основой для построения идеального общества. Как подчёркивает Т.Б. Медведева, техноутопия приобретает черты светской религии, где

технологии становятся носителем утопических надежд [2]. Б.Б. Нурмаматов, в свою очередь, акцентирует внимание на диалоге между утопией и антиутопией, где последняя выступает как критическое переосмысление первой и одновременно как её продолжение в иронической форме [3].

Отдельное внимание уделяется феномену альтернативной реальности, представленной как популяризированная форма утопического моделирования в массовой культуре. Альтернативные миры, основанные на отклонении от ключевых исторических точек, становятся сценой для фантастического нарратива и философских размышлений о выборе, вероятности и социокультурной идентичности [4].

Научная фантастика в постсоветской России оказывается в фокусе жанровой и культурной трансформации. Как отмечает Е.М. Баранская, этот жанр соединяет в себе элементы критического реализма, социального моделирования и философии научного прогресса [5]. Рыльщикова и Худяков подчёркивают, что современная научная фантастика формирует не только литературный нарратив, но и социокультурный дискурс, выражающий тревоги и надежды эпохи, а также организующий вокруг себя фэндом как форму культурного производства [6].

Д.Д. Ложкина выделяет два направления в лингвистическом фантастоведении: стилистико-прагматическое и семантическое, акцентируя внимание на необходимости глубокой лингвопоэтической интерпретации фантастических текстов [7]. Это особенно актуально в контексте техноутопий, где язык становится инструментом репрезентации будущего и технологической нормативности.

Фантастика оказывается также пространством осмыслиения коллективной памяти и культурной травмы. Через жанр альтернативной истории авторы моделируют прошлое, в котором реализуются нереализованные надежды и компенсируются исторические поражения.

Дискурсивные подходы к фантастике позволяют выйти за рамки чисто литературного анализа. О.А. Плахова утверждает, что жанр и дискурс находятся в постоянном взаимодействии, а фантастический дискурс — это динамическая форма отражения и конструирования социальной реальности [8]. Фантастика функционирует как форма культурного кодирования будущего, где важную роль играет хронотоп категория, объединяющая время и пространство, впервые системно осмыщенная М.М. Бахтиным [9].

Пространственно-временные категории как основа фантастического дискурса также исследуются с позиции психологии восприятия, что особенно заметно в анализе научной фантастики В. Пелевина и Стругацких. Как показывают Г. Бекназарова и О. Хужанова, восприятие времени и пространства в фантастике становится инструментом исследования идентичности, сознания и социокультурных изменений [10].

Наконец, в работах Сиюховой и Абдоковой подчёркивается значимость утопических элементов в мифологическом и эпическом дискурсе, что служит основанием для культурной преемственности и адаптации традиционных утопий к современному социальному сознанию [11].

Таким образом, проведённый обзор теоретико-методологических подходов позволяет заключить, что концепт утопии, а в особенности её технологического варианта, представляет собой сложное междисциплинарное явление, укоренённое как в

литературной традиции, так и в философско-культурных моделях социального воображения. Современные исследования демонстрируют разнообразие форм утопического нарратива от классической эвтопии до трансгуманистской и цифровой утопии, от жанров научной фантастики до феномена альтернативной реальности как популярного кода массовой культуры. Постсоветская российская фантастика, в особенности творчество С. Лукьяненко, оказывается продуктивным полем для анализа представлений техноутопии как художественного способа осмыслиения будущего, технологий и этики.

Постсоветская российская фантастика как пространство технологических утопий

Постсоветская научная фантастика развивается в условиях переоценки культурных и идеологических оснований, что находит отражение в трансформации жанровой природы утопии. На смену бинарной оппозиции «утопия/дистопия» приходит более сложная форма прагматическая или вариативная утопия, где идеальное будущее представлено не как конечная истина, а как множественность возможного.

Так, роман С. Лукьяненко «Спектр» (2002) предлагает модель мультиверсального мира, в котором каждая реальность представляет собой уникальный социально-технологический эксперимент [12]. Один из миров построен на принципе абсолютной искренности, обеспечиваемой биометрическим контролем: «*Ты просто не можешь солгать — тебя сразу вычислят. И никто этого не боится. Все живут в этой честности, как в температуре воздуха*». Здесь утопический порядок достигается техническими средствами, однако он не освобождает индивида от моральной дилеммы между личной автономией и общественным контролем.

Вектор развития фантастики смещается от изображения недостижимого идеала к моделированию функциональных, но неидеальных систем, где технология выступает инструментом устойчивости и регулирования. Подобный подход отражает общее культурное стремление не к универсализации, а к адаптивной навигации в сложной реальности.

В постсоветской фантастике технология перестаёт быть фоновым элементом повествования и приобретает статус структурообразующего компонента нарратива. Она формирует не только внешние условия существования персонажа, но и определяет саму логику субъективного опыта. Эпистемологически технологии выступают как медиаторы между сознанием и реальностью, разрушая устойчивые границы идентичности.

В «Лабиринте отражений» (1996) Лукьяненко создаёт цифровую реальность Глубины виртуальное пространство, настолько реалистичное, что граница между физическим и симулированным становится неразличимой [13]. Герой погружается в систему, где «ты входишь и уже не ты. Здесь действуют другие правила. Здесь ты либо научишься быть, либо растворишься». В этом контексте цифровое пространство становится новой формой утопического опыта, однако достигается оно ценой радикальной перестройки субъекта.

Наблюдается сдвиг от утопии внешнего порядка к утопии внутреннего переживания технологии дают иллюзию контроля и свободы, одновременно провоцируя утрату аутентичного «я». При этом границы между субъектом, интерфейсом и алгоритмом стираются, формируя новые онтологические конструкции, в которых человек уже не столько использует технологию, сколько существует сквозь неё.

Переосмысление утопии в постсоветской фантастике невозможно без учёта культурной и идеологической дезориентации, вызванной крахом прежней ценностной системы.

Утопическое воображение здесь функционирует не как проекция идеального будущего, а как способ критического анализа настоящего. Художественные модели не утверждают, а проблематизируют и именно через это достигается их актуальность.

В романе «Черновик» (2005) Лукьяненко предлагает серию альтернативных миров, каждый из которых репрезентирует определённую политico-культурную модель [14]. Один из них представляет собой идеально упорядоченное общество, где каждый индивид строго привязан к функциональной роли. Этот социальный механизм внешне стабилен, но лишён подлинной субъектности: «Это не мир — это спектакль. Только актёры забыли, что играют». Тем самым автор акцентирует проблему: эффективность и управляемость системы не тождественны этической приемлемости её структуры.

Другие миры демонстрируют гипертрофированный цифровой контроль, предопределённость действий, отсутствие приватности и возможность алгоритмического манипулирования реальностью. Все эти образы поднимают вопрос о границах технологической легитимности и о том, может ли утопия, реализованная технически, сохранять гуманистическое содержание.

Постсоветская фантастика, на материале прозы С. Лукьяненко, демонстрирует переход от классической утопии к её фрагментарным и адаптивным формам, где технология становится центральным инструментом проектирования будущего. Однако художественное осмысление таких проектов неизменно связано с критическим разбором их внутренней противоречивости. Мирь, построенные на основе технологического порядка, оказываются ограниченными в гуманистическом потенциале и не избавлены от моральных парадоксов.

Технологическая утопия в этих произведениях не готовый идеал, а форма культурной дискуссии о границах свободы, идентичности и ответственности в эпоху цифровых трансформаций. Тем самым фантастика не предлагает решения, но формирует пространство для рефлексии и именно в этом заключается её концептуальная и литературная ценность.

Реализация концепта технологической утопии в прозе С. Лукьяненко

Художественный мир произведений С. Лукьяненко конструируется на стыке повседневного и фантастического, где технологии не являются фоном, а выступают архитекторами новой реальности. Эти миры часто многослойны и пересекаются с привычным для читателя хронотопом, однако в них действуют иные законы логики, власти и субъектности.

Так, в романе «Лабиринт отражений» создаётся гиперреалистичная виртуальная среда под названием «Глубина» пространство, погружающее пользователя в иллюзию полной свободы и телесной достоверности. Однако именно эта достоверность оборачивается риском утраты границы между «реальным» и «симулированным». Здесь технический интерфейс становится способом не только расширения опыта, но и утраты ориентиров: «Ты теряешь себя не сразу. Это как если бы ты шаг за шагом забывал, что ты есть».

В романе «Черновик» техника предстаёт в виде межмировой структуры, способной перемещать сознание героя между альтернативными реальностями. Эти миры строятся по заданным алгоритмам, но лишены устойчивых оснований гуманистической этики. Таким образом, художественный мир Лукьяненко техногенен не в декоративном, а в онтологическом смысле: технологии создают альтернативные формы бытия, но не дают гарантii смысловой целостности.

Каждый из указанных романов представляет уникальную модель утопического воображения, построенного на технологических предпосылках. В «Спектре» множество миров с разными социальными и техническими устройствами можно рассматривать как варианты проектирования «возможного будущего», где технологии определяют соотношение между стабильностью и свободой.

Так, в одном из миров герои живут в условиях полного биометрического контроля, который исключает возможность лжи. На первый взгляд идеальное общество честности, однако с точки зрения этической автономии глубоко проблематичное. Утопия здесь превращается в форму социального принуждения, прикрытую риторикой прозрачности. Как указывает герой: «Они говорят правду — но боятся подумать».

«Черновик» показывает более радикальный сценарий, где технический контроль затрагивает не только поведение, но и саму личность. Герой, лишённый прошлого, «очищен» системой для нового использования. Таким образом, технология здесь становится инструментом идеологической и антропологической перезагрузки, где сам человек рассматривается как ресурс.

«Лабиринт отражений» встраивает технологию в метафизику повседневного: виртуальная реальность притягательна своей свободой, но одновременно опасна размытием субъектных границ. Утопия оказывается не «где-то там», а «внутри сети», и именно это внутреннее измерение представляет наибольший интерес с точки зрения литературной семиотики.

Во всех трёх произведениях С. Лукьяненко технология становится не только инструментом, но и субъектом воздействия, символом новой формы власти. Эта власть лишена центра: она распределена по системам, алгоритмам, интерфейсам. Это делает её одновременно вездесущей и неуловимой.

В «Глубине» управление осуществляется через архитектуру среды — мир управляет поведением, не требуя прямого давления. Персонаж может чувствовать себя свободным, но эта свобода предельно сконструирована. В «Черновике» власть реализуется как аннигиляция прошлого: если человека можно стереть значит, его можно и переконструировать. Эти мотивы отсылают к проблеме морального выбора в условиях технологического давления.

Именно здесь выявляется парадокс: чем совершеннее система, тем меньше в ней пространства для автономии. Моральный выбор превращается в выбор между вариантами, заранее заданными системой. Таким образом, технологическая утопия в романах Лукьяненко всегда сопряжена с утратой экзистенциальной полноты человеческого действия.

Несмотря на использование утопических мотивов, проза Лукьяненко не предлагает завершённых моделей идеального мира. Напротив, каждый из описанных миров подвергается сомнению и внутренней деконструкции. Это достигается как через развитие сюжета (превращение утопии в ловушку), так и через нарративные механизмы (иронизация, смена перспектив, обрыв моральных выводов).

Так, в «Спектре» главный герой последовательно разочаровывается в каждом из миров, которые изначально представлялись ему идеальными. Утопия не выдерживает критики, поскольку не способна учесть сложность человеческой природы. В «Лабиринте отражений» финал указывает на невозможность вернуться к «реальности» без утраты чего-то существенного: «Глубина была лжецом — но она любила. А реальность просто

смотрела».

Таким образом, утопия у Лукьяненко не цель и не результат, а способ драматизации человеческого опыта в условиях технологической и культурной нестабильности. Она служит механизмом проверки границ субъекта, свободы, памяти и смысла.

Реализация концепта технологической утопии в прозе С. Лукьяненко происходит через сложную систему поэтических, семиотических и философских стратегий, где каждый из миров моделирует возможные формы существования человека в технологической реальности. Эти произведения не утверждают ценности, но проблематизируют их; не формируют идеологию, но вскрывают её предельные основания.

В художественных мирах Лукьяненко технология — это и условие свободы, и источник власти, и причина этического разрыва. Техноутопия здесь не разрушается внешней критикой, а самораспадается изнутри под тяжестью неразрешённых моральных и антропологических противоречий. Таким образом, фантастический текст превращается в культурную лабораторию, где на материале воображаемого исследуются границы возможного и человеческого.

Заключение

В процессе проведённого исследования была проанализирована специфика концепта технологической утопии в постсоветской российской фантастике на материале прозы Сергея Лукьяненко. Установлено, что в условиях постсоветской культурной и идеологической дезориентации утопический дискурс трансформируется из линейной модели «идеального будущего» в сложные повествовательные конструкции, основанные на вариативности, техногенности и нарративной неопределенности.

Произведения Лукьяненко («Лабиринт отражений», «Черновик», «Спектр») демонстрируют, что технологическая утопия в современной фантастике — это не стабильная модель, а инструмент философской рефлексии, позволяющий выявить внутренние противоречия между технологическим прогрессом, властью и личной свободой. Технология в данных текстах выступает не только как сюжетный двигатель, но и как структурообразующий элемент, формирующий альтернативную онтологию и новый тип субъективности. При этом каждый утопический проект внутри романов подвергается сомнению, и финальная структура повествования указывает не на достижение идеала, а на его утрату или деконструкцию.

Ключевой научный результат заключается в вывлении поэтики техноутопии как формы критического сознания в литературе: утопия у Лукьяненко, это не предсказание будущего, а способ анализа настоящего и симптом эпохи цифрового перехода. Постсоветская фантастика в его исполнении функционирует как культурная диагностика, предлагающая не готовые решения, а пространство размышления над границами человеческого и технологического.

Таким образом, реализация концепта технологической утопии в прозе С. Лукьяненко представляет собой не завершённую модель будущего, а литературный инструмент интерпретации современности, подверженной технологическим, социальным и экзистенциальным вызовам.

Библиография

1. Грегори Г. Утопия и утопизм: история осмыслиения понятий // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. –

2018. – Т. 3(3). – С. 148-160. DOI: 10.23683/2415-8852-2018-3-148-160
2. Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы её репрезентации в современной культуре // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 20 (115). – С. 45-61.
- omothetika
3. Нурмаматов Б.Б. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Journal of Multidisciplinary Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 71-82.
4. Рыльщикова Л.М., Худяков К.В. Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса // Lingua mobilis. – 2011. – № 7 (33). – С. 34-39.
5. Баранская Е.М. Фантастика А.Н. Толстого: современность или бегство от нее? // Ученые записки Крымского федерального университета имени ВИ Вернадского. Филологические науки. – 2023. – № 4. – С. 3-19.
6. Рыльщикова Л.М., Худяков К.В. Функции научно-фантастического дискурса // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1279.
7. Ложкина Д.Д. Место лингвистики в современном фантастоведении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 406-411. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-4-406-411
8. Плахова О.А. К вопросу о взаимодействии дискурса и жанра (на примере сказочного дискурса) // Вектор науки ТГУ. – 2015. – № 3-2. – С. 246-252.
9. Тырыгина В.А. Языковые средства выражения пространственно-временного континуума в дискурсе научной фантастики // Современная германистика и западноевропейская литература. – 2022. – С. 115-117.
10. Бекназарова Г., Хужанова О. Психология восприятия времени и пространства в литературе // Зарубежная лингвистика и лингводидактика. – 2025. – № 4. – С. 290-299.
11. Сиюхова А.М., Абдокова И.А. Праэлементы утопии в северокавказском традиционном эпосе "Нарты": осмысление в контексте современной социальной реальности // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 169-183. DOI: 10.47370/2078-1024-2024-16-4-169-183
12. Рабазанова М.С. Композиция как система точек зрения в романе Лукьяненко "Спектр" и её особенности // Проблема жанра в филологии: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 15 декабря 2021 года. Выпуск XVII. – Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2021. – С. 160-164.
13. Путило О.О. Изображение компьютерного виртуального пространства в романе С. Лукьяненко "Лабиринт отражений" // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, Москва, 23-25 мая 2018 года. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 398-402.
14. Манакова О.С. Мифологические образы в фантастической прозе Сергея Лукьяненко // Актуальные вопросы инновационного развития Арктического региона РФ. – 2023. – С. 433-436.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является репрезентация концепта

технологической утопии в постсоветской российской фантастике. Актуальность работы обоснованно аргументируется необходимостью анализа трансформации утопического нарратива в постсоветской художественной культуре. Отмечается, что «исследование техноутопии в прозе Лукьяненко позволяет проследить, каким образом современные представления о прогрессе и будущем воплощаются в литературной форме и как они соотносятся с социальным контекстом постсоветской России». Эмпирическим материалом явились романы Сергея Лукьяненко «Лабиринт отражений», «Черновик» и «Спектр», в которых соединяются мотивы техноутопии, виртуальности и социальной трансформации. Теоретической основой работы выступили труды отечественных исследователей, посвященные вопросам взаимодействия дискурса и жанра; различным аспектам научно-фантастического дискурса; технологической утопии и формам её презентации в современной культуре; языковым средствам выражения пространственно-временного континуума в дискурсе научной фантастики; изучению творчества С. Лукьяненко и др. Библиография насчитывает 14 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью («определить особенности реализации техноутопического нарратива в прозе Лукьяненко, исследовать его поэтику и философские основания, а также выявить смысловые и жанровые преобразования утопической традиции в условиях постсоветской культурной парадигмы») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, текстуально-герменевтический анализ произведения («для углублённого осмыслиения философских и антропологических смыслов, заложенных в повествовании, а также понимания взаимосвязи между технологией, субъектностью и этикой в художественном мире прозы С. Лукьяненко»), нарратологический («для выявления структурных особенностей утопического нарратива, включая принципы его построения, хронотопическую организацию и динамику сюжетного развития»), семиотический («для интерпретации ключевых художественных образов и технологических символов, формирующих семантическое пространство произведений») и культурологический анализы (чтобы «рассмотреть тексты в контексте постсоветской культурной трансформации и исследовать, каким образом утопические мотивы отражают изменения ценностной парадигмы»).

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что «в условиях постсоветской культурной и идеологической дезориентации утопический дискурс трансформируется из линейной модели «идеального будущего» в сложные повествовательные конструкции, основанные на вариативности, техногенности и нарративной неопределенности», «реализация концепта технологической утопии в прозе С. Лукьяненко представляет собой не завершённую модель будущего, а литературный инструмент интерпретации современности, подверженной технологическим, социальным и экзистенциальным вызовам» и др.

Проведенное исследование имеет теоретическую значимость, которая заключается в целостной интерпретации техноутопии как литературного и культурного феномена, отражающего идеологические и антропологические сдвиги постсоветской эпохи. Практическая значимость исследования заключается в возможности его применения в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в курсах по современной русской литературе, а также в теоретических разработках по жанровой эволюции фантастики и утопического дискурса.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру,

способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Саввинова Г.Е. Интертекстуальность в прозе якутского писателя Платона Ойунского (1893-1939) // Litera. 2025.

№ 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75063 EDN: JIPWWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75063

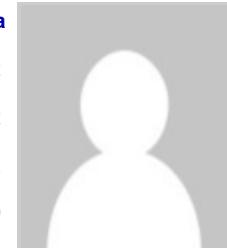
Интертекстуальность в прозе якутского писателя Платона Ойунского (1893-1939)

Саввинова Гульнара Егоровна

ORCID: 0000-0001-9868-4962

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
677009., Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ф.Попова, 16, корпус 3, кв. 40



✉ savgul6767@mail.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75063

EDN:

JIPWWY

Дата направления статьи в редакцию:

04-07-2025

Аннотация: Статья посвящена творчеству выдающегося представителя якутской интеллигенции – основоположника якутской советской литературы начала XX века, первого ученого из якутов, поэта, писателя Платона Алексеевича Ойунского (1893-1939). Объектом исследования является встречающийся в произведениях П. Ойунского прием интертекстуальности. Материалом для исследования послужили тексты притчевых рассказов П. Ойунского «Александр Македонский», «Соломон Мудрый» и тексты авторских сказок «Спор» и «Лиса и барсук». Одной из отличительных особенностей творчества П.А. Ойунского является перерабатывание сюжетов, их заимствование и интерпретация. Писатель успешно разрабатывал устойчивые сюжетно-фабульные мотивы, переходящие из одной фольклорной традиции в другую; мастерски интерпретировал истории, культуры далеких мировых цивилизаций, придав сказкам, притчевым рассказам колоритное содержание с живописными персонажами. Использован метод интегративного подхода, в котором комбинируются литературоцентристические и лингвистические знания. Анализ феномена интертекста в прозе

Ойунского позволяет рассмотреть интертекстуальность как типологическое свойство текста, текстовую категорию, а также формы проявления интертекстуальности в прозе. Функции действующих лиц заключаются в мотивах, которые влияют на ход действий, например, мотивы «запретного плода» и одержимости победой. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые авторские сказки и рассказы-притчи в творчестве П. Ойунского рассматриваются в аспекте жанровых трансформаций. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит существенный вклад в развитие современной якутской литературы, в дальнейшее описание ионациональной картины мира, так как содержит системный анализ прозаических текстов малой формы и способствует выявлению интертекстуальных знаков национальной поэтики. Цель исследования заключается в дефиниции смысловых трансформаций в изучаемых произведениях и выполняемых функций интертекста. Задачи исследования включают выявление формы авторского повествования в произведениях П. Ойунского, сопоставление типологически сходных явлений (произведений, жанров); выявление глубинных (мифологической, социально-прагматической) предпосылок анализируемых текстов. Результаты исследования, касающиеся приема интертекстуальности в прозе П. Ойунского: писатель предлагает новую интерпретацию народных сказок и притч, образов, сюжетов и мотивов – в конечном счете идей. Анализ произведений позволил выявить ряд языковых маркеров, связывающих тексты автора с исходными текстами.

Ключевые слова:

якутская литература, интертекст, авторская сказка, рассказы, притча, фольклорные традиции, эпос олонхо, иные сюжеты, трансформация, заимствования

Введение.

Платон Алексеевич Ойунский (1893-1939) – якутский писатель, основоположник якутской советской литературы, первый учёный-лингвист из якутов. Ориентированные на народные произведения начала XX в. тексты П. Ойунского затрагивают «вечные» проблемы, вместе с тем способ обращения к «вечным» вопросам оказывается у Ойунского иным.

Литературовед, исследователь литературного творчества П.А. Ойунского В.Б. Окорокова отмечает, «недаром П.А. Ойунский учился у таких писателей, как Байрон, Гете, Пушкин, Петефи и Горький. (...) Метод творчества П.А. Ойунского – романтизм»[\[1, с. 28\]](#). К романтизму в творчестве П. Ойунского подвигнуло само время – 1920-1930-е годы, время революций и борьбы, «бурь и молний». Идейные и эстетические искания писателя представлены во всей своей глубине и выразительности.

В произведениях П. Ойунского весьма своеобразно переплетаются черты различных жанров. Писателем переосмысливаются с новых идеино-эстетических позиций фольклорные традиции – народно-поэтические элементы, мифологические образы и символы. В его произведениях фольклорные традиции не только «воспроизводятся, но и реструктурируются, соотносясь с новым историко-культурным контекстом»[\[2, с. 68\]](#).

Для П. Ойунского творческим этапом в переходе к новым жанрово-стилевым формам литературного творчества были сказки – его «литературные сказки» и его «авторская позиция»[\[3\]](#) в сказочных произведениях.

Интертекстуальные отсылки к авторским сказкам П. Ойунского

О литературной сказке отечественный ученый-фольклорист В.П. Аникин писал: «Сказки писателей слились в сознании людей всех поколений со сказками народа. Это происходит потому, что каждый писатель, каким бы оригинальным ни было его собственное творчество, ощущал свою связь с фольклором» [4, с. 22]. Г.К. Орлова продолжает эту мысль следующим образом: «Связью с традицией и принадлежностью к той или иной жанровой разновидности во многом определяется язык сказок. Наиболее ярко эта черта предстает в стилизациях» [5, с. 535].

Одной из отличительных особенностей творчества П. Ойунского является перерабатывание сказочных сюжетов, их заимствование и интерпретация. Отмечено, что сказки П. Ойунского построены на узнаваемых перекличках с текстами русских народных сказок, их образами, мотивами, ситуациями и деталями. По мнению исследователей, именно творчество русского писателя А.С. Пушкина вдохновила П. Ойунского на создание авторских сказок, ставших одними из лучших произведений якутской литературы начала XX века. П. Ойунский в своих произведениях успешно разрабатывал устойчивые сюжетно-fabульные мотивы, переходящие из одной фольклорной традиции в другую. Весьма примечательна работа М.Н. Липовецкого «Поэтика литературной сказки», в которой исследователь раскрывает роль народной сказки в обретении художественного опыта, предполагающего включение цитации, авторскую обработку известных сюжетов, реинтерпретацию вечных мотивов и наличие традиционного финала. В результате появляется авторский текст, наполненный индивидуальным восприятием мира [6, с. 43]. А В.Я. Пропп указывает на то, что «сказка как жанр, со своим составом сюжетов и персонажей, со своей структурой, в конечном счете генетически связана с первобытными обрядами и представлениями» [7, с. 9]. Пропп подчеркивает, также, и то обстоятельство, что «прочную зависимость от древних этнографических субстратов обнаруживают и архаический эпос, и обрядовый фольклор. При этом, отношения фольклора и этнографии не прямолинейны, в недрах фольклорного творчества происходит переработка, переосмысление, часто — идеологическое отрицание либо полная перекодировка материала действительности» [7, с. 10]. Исследователю удалось вскрыть ряд общих законов, регулирующих эти творческие процессы, и обнаружить устойчивые специфические качества фольклорного творчества.

Сказки П. Ойунского опираются на традиции народных сказочных сюжетах и соединяют индивидуально-творческую самобытность. Писатель в своих сказках придает ряд форм выражений: сказки о животных и социально-бытовых (новеллистических). У П. Ойунского это — сказки «Лиса и барсук» («Саһыллаах барсуук», 1935) и «Спор» («Мөккүөр», 1925), обработанные на основе русских народных сказок, которые насыщены эпитетами, метафорами, аллегориями, олицетворениями и др.

Язык литературных сказок П. Ойунского богат народными пословицами, поговорками, фразеологическими оборотами и др. Сюжет сказки «Лиса и барсук» начинается авторским отступлением народного изречения: «Лиса в своем веку известна хитроумьем, потому про умных и изворотливых людей обычно говорят: «с лисьим мозгом» («Саас үйэ тухары саһыл өйдөө үнэнэатырар этэ, онон өйдөөх, ньуолбар сојус киһини киһи эрэ барыта: «Оо, саһы л мэйии», - диэн ааттыыр этилэр») [8, с. 143]. В произведении развертываются несколько сюжетных линий, среди которых известны сюжеты приключенческой русской народной сказки «Лиса и волк» и басни Ивана Крылова «Ворона и лисица» (1807). Итак, для выражения основной идеи произведения автором

привлечены сюжеты: 1) из сказки «Лиса и волк» - притворившая мёртвой лиса решила украсть рыбу у старика. Она скинула весь улов с воза и сама сбежала. Лиса учит подбежавшего к ней волка, когда она ест рыбу, как наловить рыбу хвостом. Бесхитростный волк верит ей на слово, за что оказывается битым; 2) из басни «Ворона и лисица» - пробегающая мимо лиса хочет отнять кусок сыра у вороны и ради этого начинает расхваливать ее и уговаривать её спеть. Поддавшись на лесть, ворона каркает, сыр выпадает, и лиса убегает с ним. Главным назначением завязки сюжета сказки П. Ойунского «Лиса и барсук» является удивительное обстоятельство - лиса попадает в Армению. Очевидно, суть сказочно-фантастического мира в авторской сказке раскрывается благодаря приключенческим историям персонажей. Писатель, использовав прием «бродячего сюжета», расширяя географическое и художественное пространство, показывает традиции другой национальной литературы. Здесь автор синтезирует якутские народные и «иные» сказочные начала. «Миграционные» формы порождают особенности мироощущения писателя, вместе с тем, именно сочетание стилистических приёмов, общенародных фразеологизмов придают тексту эмоциональную окрашенность, отражают авторскую концепцию и передают художественный образ. Данный факт подтверждает правоту слов В.В. Виноградова: «Всякое литературное влияние связано с социальной трансформацией заимствованного сюжета, образа, т.е. с его творческой переработкой и приспособлением к новым культурно-историческим условиям, особенностям национальной жизни и особенно – к творческим течениям и стилям национального искусства» [\[9, с. 15\]](#).

В сказке «Спор» применены традиции народной сатирической сказки - сказки о пернатых, в которой в пародийно переосмысленной форме просматриваются мотивы, образы, детали сказок-анекдотов. В экспозиции писатель изображает картину мироустройства, свойственную во вступительной части якутского героического эпоса олонхо. Картина о среднем мире описана по формуле эпического времени в олонхо – повествование о сотворении среднего мира, возникновении окружающей природы, птиц и животных. В описании величие и красота природы эпически гиперболизированы, как и в олонхо, что также, как и в олонхо, эта страна «располагает набором животного и растительного мира, наделенного хозяевами иччи*» [\[10, с. 59\]](#) (иччи* – духи-хозяева предметов, явлений природы или определенных мест в традиционных верованиях якутов).

Писатель весьма интересно обрисовывает своих персонажей-птиц: журавлей, лебедя, орла и др., обладающих «человеческими качествами». Как отметил Ю.М. Соколов, в сюжете сказок о животных весьма широко применяется прием встречи – встречи животных друг с другом или с человеком [\[11, с. 23\]](#). Как в сказке «Лиса и барсук» – встречи лисы со стариком-бедняком, волком, барсуком, вороном и др., в сказке «Спор» состоится встреча птиц и их собрание. Мотив встречи в «Споре» как нельзя лучше отвечает идейно-художественному заданию автора, так как дает возможность свести пернатых, наградив их соответствующими качествами и поступками, придав таким образом ирреальное и фантастическое. В «Споре» рассказывается о собрании персонажей-пернатых, в котором речь идет о «выборе» правителя. В завязке произведения происходит начало сюжетного развития, которое заключается в ссоре героев. Неожиданным пунктом в сюжетном повороте – кульминацией является появление всесильного орла, сопровождаемого «свитой» - многочисленными стервятниками. Шумиха разразившегося скандала прекратилась в мгновение ока: вот уже претенденты на власть, оробев, стали хором выкрикивать о том, что надо избрать правителем орла. В «Споре» писатель создает не только аллегорические образы, но и аллегорические

ситуации, показывающие верх изощренности путей от хищника до жертвы и хищника до хищника. В своей сказке писатель критикует волчьи нравы эксплуататоров, показывает право более мощного хищника на господство над слабыми. Характер ассилияции фольклорных элементов, образов животных в ткани литературного произведения зависит не только от конкретной художественной задачи, но и от жанровой специфики данного произведения, схожей с животной карикатурой, фельетоном, басней. Используя народно-поэтический аллегорический сюжет, сатирически описывая «начальстволюбивых» глуповцев, их борьбу за власть, П. Ойунский углубляет социальный мотив якутской народной сказки, придает произведению колоритное, при этом современное звучание.

Речь персонажа - один из главных факторов в произведениях П. Ойунского. Одна особенность сюжетной композиции его сказок - диалогическая речь, в которой отражена эффективная форма наделения «животных» человеческими признаками и качествами. В сказках о животном мире П. Ойунского функциональность вымысла основана «на передаче критической мысли: в юмористических или сатирических целях животным придаются людские черты» [12, с. 196]. В своих сказках П. Ойунский изображает борьбу за восстановление справедливости, утверждает вечные нравственные ценности и отрицает буржуазные. Отнесение произведения к сатирическим сказкам позволяет писателю сделать главный моральный вывод о мире и человеке.

Для усиления эмоционального впечатления, экспрессивности П. Ойунский часто употребляет русские заимствованные слова. В языке якутского народа в XVII-XVIII вв. неизбежно произошло влияние русского языка. Якутские сказители (олонхосуты) намеренно употребляли варваризмы в качестве художественного приема, как показатель эрудированности, так и для обогащения своего языка. В произведениях П. Ойунского русские заимствования адаптируются фонетическим законам якутского языка: *торуойка* (тройка), *уокарак* (окорок), *туруон* (tron), *сарыысса* (царица), *уруускай чөмчүүк* (русский жемчуг), *хийтэрэй дууса* (хитрая душа) и др. Применение русских лексических заимствований в произведениях также способствует сохранению ритмического рисунка. Во многих фрагментах использованы двуязычные русские заимствования. Как пишет исследователь грамматики якутского языка Е.И. Убяярова, «вступая в тесное и длительное соприкосновение с другими народами, якуты для облегчения взаимопонимания могли некоторым словам давать двойное обозначение. Впоследствии такие двуязычные слова, переосмысливались и приобретали дополнительные оттенки» [13, с. 299].

Интертекстуальные отсылки к рассказам П. Ойунского

«А. Македонский», «Соломон Мудрый»

Для якутской литературы начала XX века западно-европейская литература - явление далекое и культурно-литературно чуждое. Вместе с тем, использование различных структур и образность «других» произведений вызывает интерес, в частности, контекст чужой культуры.

П. Ойунский мастерски интерпретировал истории, культуры далеких цивилизаций, придав рассказам «Александр Македонский» (1935), «Соломон Мудрый» (1935) колоритное содержание с живописными персонажами. «В применении сюжетов иностранных произведений возникают оригинальные рассказы, использующие разнообразные культурно-мифологические модели. При этом присутствие элементов стилизации становится почти неизбежным. Особенно ярко этот момент проявляется в рассказах,

смыкающихся с другими жанрами» [\[5, с. 534\]](#). В результате, эти модифицированные с характерными «странствующими», «бродячими» и другими сюжетами произведения стали по-настоящему близкими якутскому народу.

В филологической науке одним из основных разделов фольклорной легенды является группа «библейских» легенд. В данных произведениях демонстрируются библейские истории, в которых вносятся существенные элементы представлений различных этнокультурных традиций. Сюжеты рассказов П. Ойунского «Александр Македонский» и «Соломон Мудрый» основаны на библейских притчах. Сформированность канона рассказов-притчей позволяет предположить, что данные рефлексивы являются признаком зарождения нового жанра в творчестве П. Ойунского. Основной чертой, определяющей специфику произведений является философское осмысление картины мира.

Тексты произведений «А. Македонский» и «Соломон Мудрый» исследователями называются и «преданием», и «легендой». Очевидно, произведения выполняют роль интекста, в то время как *предания* являются законченными произведениями. Также, следует отметить, что по отношению обоих жанров: легенда представлена как нарратив о выдуманных событиях в форме опоэтизированного произведения о далеком прошлом, в *предании* предельно сохранялась историческая канва. Уместно здесь привести мнение Н.А. Туляковой: «Выбор повествователя, в легенде персонифицированного, а в предании всезнающего, усиливает эффект. Хронотоп легенды историчен и близок читателю: легенда представляет мифо-поэтическую трактовку исторических событий. Хронотоп *предания* экзотичен и условен, а сам текст является стилизацией под миф» [\[14, с. 24\]](#). У П. Ойунского прием интертекстуальности строится на историческом материале, в котором поднимаются, также, глобальные проблемы – социальные проблемы взаимоотношений государства и личности («Александр Македонский», «Соломон Мудрый»).

П. Ойунский к 1930-м гг., отказавшись от государственного служения, «сознательно отдал всего себя осмыслению природы власти. ...Его художественное осмысление природы власти привело к выводу: власть, ставшая бесконтрольной, приводит к диктаторскому правлению и репрессиям. Он рассматривает жизнь как борьбу, как противостояние власти и интеллекта, свободного человеческого духа. Обо всем этом говорят произведения «Александр Македонский», «Соломон Мудрый» и др.» [\[15, с. 177\]](#). Произведения написаны в тот период, когда сложные процессы происходили как внутри страны, так и на международной арене. «В Европе поднимал голову фашизм, в СССР утверждался культ личности и начались репрессии. В этих условиях якутский писатель недвусмысленно осудил тиранию и жестокость. Его герой, покоривший многие страны и народы, приходит к осознанию эфемерности славы великого завоевателя и создателя мировой империи. Он сравнивает свою славу, добытую огнем и мечом, с «каплей воды, упавшей в песок» [\[16, с. 5\]](#).

Своими рассказами «А. Македонский», «Соломон Мудрый» П. Ойунский приблизил читателя к изображаемым им древним цивилизациям эпох до н. э., свои знания превратил во что-то «осозаемое». Его рассказы считаются своего рода историческими «документами», воплощающиеся в себе передовую идеально-эстетическую позицию писателя. П. Ойунский, как исследователь, скрупулезно изучил мировое историко-культурное наследие и сумел отобразить в своих рассказах историю господства полководца Александра Македонского и мудрость легендарного правителя, царя Соломона. Созданные в произведениях образы легендарных Александра Македонского и

царя Соломона позволяют обращать внимание на важные исторические детали, посредством которых автор усиливает эмоциональные составляющие произведений.

Экспозиции рассказов начинаются повествованием о стране главных героев, которые напоминают вступительную часть эпоса олонхо: ...там, в те времена, / где вечен солнечный зной, / с восходящим-плящущим солнцем своим, / взлетающим над землей... («Александр Македонский»). Во вступительной части рассказа «А. Македонский» представлен царь Македонский, восседающий на золотом троне в церемониальном облачении. Македонский, как и якутский богатырь из эпоса олонхо, облачен в богатые, «роскошные» одежды, что подчеркивает статус героя: «Облачился в золотой панцирь, со звездой из сверкающего драгоценного камня, с плюмажем из конского хвоста будто взъерошенный вихрем, с изображением огненного змея золотой шлем надел, дубину на локоть прицепил» [8, с. 104]. Несколько отличителен зачин в рассказе «Соломон Мудрый». В авторском отступлении рассказывается, о том, как некий юноша рыбачит со своим дедом, который является прототипом по имени Иван Унаров. Следует обозначить, что именно деда писателя величили по имени Иваном Унаровым. В рассказе носитель множества народных преданий и сказаний дед Иван рассказывает внуку сказание о «Соломоне Мудром». Так, в обоих произведениях события открываются отсылкой к тематике мировой истории – о прославленном своей мудростью и знаниями царе Иерусалима Соломоне Мудром и непобедимом, доблестном полководце Александре Македонском. Легенды о Соломоне говорят, что он был не только необычайно мудрым человеком, но и ещё умел подчинять себе стихии природы. Достижением писателя является создание ярких, художественно совершенных образов. Героический характер содержания произведений, как и эпос олонхо, обуславливает гиперболичность образов, придающий поэтическому миру произведений могучесть и величавость. Красочно повествуется также о том, что при их царствовании государства наслаждались благополучием и счастьем.

В произведениях есть несколько запоминающихся сцен, на которые стоит обратить внимание. В одном из эпизодов рассказа «А. Македонский», Македонский в честь очередного военного похода устраивает для своих подданных большой пир с разнообразием, великолепием угощений. Повествование торжества тождественно описанию картины в эпосе олонхо, в котором речь идет о народе, который восхваляет своего всемогущего богатыря и ликует от предстоящей его победы. Далее, автор использует прием, с помощью которого усиливает описываемое событие – внесение образа философа Аристотеля: «...только один среди гостей не радуется, не прославляет Великого Александра. Этим гостем был – философ Аристотель». Среди исследователей существует мнение, что в образе Аристотеля представлен сам автор – П. Ойунский и устами философа автор выступает о том, что кровавые дела Македонского – это помутнение человеческого разума, пропасть для цивилизации. Наивысшее напряжение действия раскрываются со строк: «Вся Мидия горела в огне...» Жестокий тиран Македонский проливал кровь тысяч и тысяч неповинных людей, побежденный правитель мидийского государства Солон взят в плен. Однако одержавшему победу Македонскому не удалось долго насладиться славой. Показателен последний монолог Македонского: «Мое счастье – счастье кровавого оружия, в чем же умысел счастья того?..». Тогда Македонский вызвал к себе пленного Солона и вел с ним разговоры о войне, власти, о смысле жизни. Царь Солон в ответ ему вал легенду о поступках двух мудрецов, в конце которых высказывается мысль о том, что счастье и слава, добытые ценою насилия и крови, не могут быть долговечными. Язык писателя становится аллегорическим: автор донес последующему поколению потрясающую человечество правду событий 1930-х гг. Вставной рассказ, «разрушающий» размеренный ритм чередования сюжетной линии

позволяет читателю понять жизненную философию. В завершении рассказа чувство тяжелого раскаяния за совершенные преступления свело Македонского в могилу: «...Не вынеся боли от раны той, умер Александр Македонский в совсем молодые годы... Так сказывают с далеких-давних времен люди».

В рассказе «Соломон Мудрый» одной из ключевых сцен является описание о том, что в одном из празднований царь Соломон был очарован красотой одной из присутствующих женщин. Царь, воспылав к ней страстью, мужа этой женщины велел отправить на войну. Так изобретательный соблазнитель завоевал право на близость с вожделенной женщиной. Разгневавшийся бог отправил Ангела Смерти на Соломона за его грехи. Царь Соломон с помощью своего ума и хитрости избегает смерти от рук Ангела Смерти. В красноречивости Соломона автор подчёркивает проницательный ум, мудрость героя. Сюжет богат персонажами из библии, мифологии: это – боги, ангелы, ангел смерти, сатана-Люцифер и др.

В рассказах П. Ойунского помещаются несколько легенд, продолжая выполнять роль интекста. Ю.М. Лотман подчеркивает, что «меньшая степень правдоподобия вставных текстов, что типично для интекстов» [\[17, с. 432\]](#). В «А. Македонском» это подтверждается эксплицированной авторской установкой: с военными походами Македонского, его разговор с философом и др. В «Соломоне Мудром» автор эксплицирует вставной текст, в котором речь идет о знаменитом суде царя Соломона. В главном тексте о Соломоне: «мудрость свою Соломон показал в споре двух женщин. Ночью одна из них своего младенца задавила и подложила к другой женщине, а живого забрала себе. Утром женщины стали спорить, спорили они и перед царем. Кульминационным моментом является то, что, выслушав их, царь Соломон приказал: «Рассеките живого ребенка пополам и отдайте половину одной и половину другой». Одна из женщин при этих словах воскликнула: «Отдайте лучше ей младенца, но не убивайте его!». Другая же, напротив, говорила: «Рубите, пусть не достанется ни ей, ни мне!». Тогда царь Соломон сказал: «Не убивайте ребенка, а отдайте его первой женщине: она его мать. А другую – убейте!». В рассказе П. Ойунского образ царя Соломона изображается, как владеющий высшей мудростью человек, который уподобляется пророческий, как имеющий божественное происхождение.

Используя приемы аллегорий на основе фольклорного языка, П. Ойунского вносят ясность на мировые события, которые сквозь призму прошлого отчетливо освещают настоящее. В рассказах «Соломон Мудрый», «А. Македонский» представлены элементы библейского предания, преобразованные по выбору автора. Основные функции действующих лиц в рассказах заключаются в мотивах, которые влияют на ход действий, это – мотив «запретного плода» и мотив одержимости победой. Последовательность функций главного героя в «Соломоне Мудром» не линейная – функции идут в разрозненном виде (создание богатой, мирной жизни для страны – золотого века в годы царствования Соломона; решение царем спора между двумя женщинами и др.). И здесь основное внимание обращено на то, что автором дается параллельное повествование о «греховном наслаждении» героя, от которого и начался весь последующий хаос в сюжете. Перед нами представлен сюжет типичного библейского предания со счастливой концовкой, в котором побеждает мудрость.

Образ А. Македонского раскрывается в осознании различий жизненных ценностей Македонского и Аристотеля. Устами Аристотеля высказаны философские рассуждения: «Твой путь – освещен кровью, мой путь – высокими достижениями разума... (...) У тебя другой путь, прощай! Я ухожу...» [\[8, с. 105\]](#). В диалоге-споре с царем Солоном

Македонский терпит моральное поражение. В полифонических произведениях П. Ойунского «А. Македонский», «Соломон Мудрый» голос автора представлен в «разноголосице» мировых персонажей – выразителей основной идеи – идеи мирового порядка: через символов мудрости, истины, силы духа и борьбы. Писатель, создав образы носителей народной мудрости, включает якутского читателя к мысли, что мир стал единым своими глобальными проблемами. Нельзя не учесть и мнение народов, покорённых Македонским, царем Соломоном, чья молва и фольклор превратили в легендарные, почти мифические образы. Основываясь на конкретном историческом материале древних цивилизаций, писатель-романтик П. Ойунский воссоздал образы простых людей, преданных отчизне, самоотверженных защитников родной земли. Именно устные народные предания сохранили такие детали и подробности, которых недостаёт в исторических хрониках. По свидетельству Плутарха в «Сравнительных жизнеописаниях», А. Македонский придавал огромное значение устным народным знаниям. Значит, именно обладание высшим знанием для ученика мыслителя Аристотеля Македонскому было важнее, чем любая из блистательных побед на поле боя. Таким образом, в рассказах, основанных на сюжете легенды-притчи, П. Ойунский утверждает философские понятия о любви к жизни, вере в разум и воле человека.

Следует отметить, впервые якутский народ начала ХХ века знакомится, благодаря произведениям на основе «иных» сюжетов, с мировой культурой через мифологические образы: ангел смерти с косой (*симиэрт ааньнал хотуурун туора сүкпүтүнэн*) («Соломон Мудрый»); золотая колесница (*кыңыл көмүс кэлиэсиниссэ*) и др. (А.Македонский). В рассказах «А. Македонский», «Соломон Мудрый» писатель посредством частицы якутского языка *үүھ*, выражающую косвенную эвиденциальность (засвидетельствованность), показывает стиль притчи: ...так рассказывают со стародавних времён (...дизэн былыр былыргыттан бар дьон кэпсэтэллэрэ эбитэ *үүھ*). Частица *үүھ* в якутском языке образована от архаичного имени *өс* «слово», «речь» употребляется преимущественно в 3-м лице в повествовании, особенно в фольклоре, как форма повествования и пересказывания («..говорят, жили в давние-стародавние времена...»).

Вывод. Якутский писатель-реформатор начала ХХ века П.А. Ойунский в своих произведениях использовал прием интертекстуальность. Переработки на основе существующих народных сказок П. Ойунского занимают переходное положение, которые созданы по принципу «подключения» к существующей традиции. В связи с этим обнаружено, что сказки писателя отображают фольклорный подход «хранения», при этом имеют отношение к художественной литературе, а не к устному народному творчеству. Авторские сказки П. Ойунского отличаются многоаспектностью, выделенные на функционально-тематические группы; философско-сатирические и философско-аллегорические; приключенческие, социальные. Анализ произведений позволили выявить ряд языковых маркеров, связывающих тексты автора с исходными текстами. В частности, это в притчевых рассказах портретные детали героев-персонажей, сюжетные схождения, библейские реалии. П. Ойунский, обращаясь к притче, актуализирует ее традиционные формы, одновременно же вскрывает новые формальные возможности жанра. Произведения П. Ойунского, основанные на притчевые сюжеты, многогранны, которые являются принципом изображения человека и его образа мира, и которые находят в отражении различных притчевых формах (от аллегорической до символической). Авторские сказки и притчевые рассказы П. Ойунского связаны с выражением смыслов нравственности, наставления, а также религиозных и экзистенциально-философских.

Применение интертекста автором – результат знаний П.А. Ойунского, якутского писателя

начала XX века, мировой литературы и культуры; мировой мифологии и Библии.

Библиография

1. Окорокова, В.Б. Философские ракурсы творчества П.А. Ойунского. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Вопросы национальных литератур. 2021. № 1. С. 26-34.
2. Хазанович, Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера : монография / Ю. Г. Хазанович; отв. ред. д.филол.н. Ч.Г. Гусейнов ; М-во образования и науки РФ., Федер. агентство по образованию, ГОУ ВПО "Якут. государственный университет им. М.К. Аммосова". Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 129 с.
3. Овчинникова, Л.В. Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика: автореф. дис. ...докт. филол. наук: 10.01.01, 10.01.09 М., 2001. 41 с.
4. Аникин, В.П. Сказки русских писателей. Минск: Правда 1985. 672 с.
5. Орлова, Г.К. Литературная сказка / Поэтика русской литературы. Конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 832 с. С. 521-542.
6. Липовецкий, М.Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. 183 с.
7. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с.
8. Ойуунускай, П.А. Талыллыбыт айымнылар: Ус томнаах: кэпсээннэр, сэһэннэр, пьесалар, ахтыы / П.А. Ойуунускай; Россия наукаларын акад., Сиб. отд-ние Саха сиринээби салаата, Тыл, лит., ист. ин-та. Дьюкуускай: Бичик, 1993. Т. 2: Кэпсээннэр, сэһэннэр, пьесалар, ахтыы. 441 с. (на як. языке)
9. Виноградов, В.В. Сюжет и стиль: Сравнит.-ист. исследование / АН СССР. Советский ком. славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 192 с.
10. Саввинова – Отова, Г.Е. Культ природы в олонхо как отражение национального мировоззрения // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение, № 3 (03) 2016. С. 49-64.
11. Соколов, Ю.М. Русский фольклор. / Акад. Ю.М. Соколов. М.: Гос. учеб. педагог. изд., 1941. 557 с.
12. Аникин, В.П. Русская народная сказка / В.П. Аникин. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
13. Убрятова, Е.И. Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. Т. XIII. № 2. М.-Л., 1948. С. 297-327.
14. Тулякова, Н.А. Легенда и предание в русской литературе первой половины XIX в.: жанровые рефлексивы и жанровые стратегии // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2019. Вып. 58. С. 24-42.
15. Сидоров, О.Г. Мной оставленные песни в столетьях сохранит народ.... // Сибирские огни, 2018. № 4. С. 159-178.
16. Бурцев, А.А. Ойунский и мировая литература / Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П.А. Ойунского: Матер. Международной конфер. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2018. 228 с.
17. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Об искусстве / Ю.М. Лотман. СПб: Искусство-СПБ, 2005. 702 с. С. 432.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает интертекстуальность в прозе якутского писателя П. А. Ойунского. Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, важностью изучения когнитивных аспектов текста и актуализации интертекстуальных связей текста в дискурсе, с другой стороны, растущим научным интересом к национальной литературе как художественному воплощению национального сознания, к выделению и осмыслинию индивидуального художественного опыта, к творчеству выдающегося якутского писателя XX в. Платона Алексеевича Ойунского (1893-1939), который представляет собой незаурядный литературный феномен, сыгравший огромную роль в становлении и развитии якутской литературы.

Теоретической основой исследования обосновано выступили труды отечественных ученых, посвященные различным вопросам фольклора и литературной сказки, фольклорно-эпическим традициям в прозе малочисленных народов Севера, изучению творчества П. А. Ойунского т. п. Библиография составляет 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена целью и поставленными задачами и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, социокультурный и художественный анализ, литературоведческий и текстуально-герменевтический анализ произведения, культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также собственно интертекстуальный анализ, предполагающий изучение межтекстового взаимодействия.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи; проанализированы особенности интертекстуальности в произведениях Платона Ойунского; выявлены языковые маркеры, связывающие тексты автора с исходными текстами («в притчевых рассказах портретные детали героев-персонажей, сюжетные схождения, библейские реалии»). Сделаны обоснованные выводы о том, что «применение интертекста автором – результат знаний П. А. Ойунского мировой литературы и культуры; мировой мифологии и Библии», «переработки на основе существующих народных сказок П. Ойунского занимают переходное положение, которые созданы по принципу «подключения» к существующей традиции», «сказки писателя отображают фольклорный подход «хранения», при этом имеют отношение к художественной литературе, а не к устному народному творчеству».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в исследование идиостиля Платона Ойунского, расширяя представление о его авторской картине мира, о национальной якутской литературе. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных литературе народов России, якутской литературе, творчеству и идиостилю П. Ойунского и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Скоропад Т.А. Антропологическая этика Чернышевского: «разумный эгоизм» alter ago альтруизма // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.73780 EDN: JOPVOC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73780

Антропологическая этика Чернышевского: «разумный эгоизм» alter ago альтруизма

Скоропад Татьяна Анатольевна

ORCID: 0009-0008-5997-7285

аспирант

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Набережная, 7/9, ауд. 140

✉ t.milokost@gmail.com

[Статья из рубрики "Герменевтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.73780

EDN:

JOPVOC

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2025

Аннотация: В статье исследуется понятие «разумный эгоизм» в контексте антропологической этики Чернышевского, которая отражена в его работе «Антропологический принцип в философии» и в романе-манифесте «Что делать?». Человек сам по себе ни добрый и ни злой, и сильное влияние на поступки людей оказывают внешние обстоятельства, именно они формируют характер и поведение человека. Внутренняя работа над преобразованием собственной личности необходима, чтобы из примитивного личность могла бы превратиться в разумного эгоиста. Вывод, к которому приходит автор этики: истинное основание «злых» намерений человека есть неудовлетворенные личные потребности. Что делать? Развёрнутый план действий Чернышевский показывает в своём одноимённом романе: контроль над эгоистическим началом человека разумом (светская этика) может привести к созданию современного альтруистического общества. Актуальность обращения к данной теме вызвана поисками способов мирного взаимовыгодного сосуществования. В статье использовался метод сравнительного анализа при изучении текстов: Чернышевского, Гольбахта, Конта, Лаврова. С целью определения герменевтического круга применялся историко-

культурологический подход. В исследовании рассматривается ряд этических категорий, для их интерпретации использовался аксиологический подход. Антропологической этикой Чернышевский полемизировал с Лавровым, который делал акцент на нравственной автономии личности и критиковал узкий материализм, тогда как Чернышевский отстаивал натуралистический подход в этике. В романе «Что делать?» автор, на наш взгляд, несколько утрировал образ Рахметова – «эгоистический идеал» «саморазвивающейся личности». Подобные пассионарии существовали в России XIX в. и служили примером для подражания у молодого поколения. Русский социалист Чернышевский показал, каким может быть общество будущего, но ссылка в Сибирь и личная драма скорректировали позицию Чернышевского. И хотя он не отрёкся от идеи разумности эгоизма, но перестал видеть в нём универсальный ключ к счастью. Это уже была не программа революционного переустройства общества, а скорее stoическое принятие и допущение иррациональности некоторых человеческих поступков. Научной новизной исследования стоит считать, что Чернышевский преодолевает классическую дилемму «эгоизм vs. альтруизм», демонстрируя, что «разумный эгоизм» в итоге приводит к жертвенному альтруистическому поведению ради общего блага.

Ключевые слова:

альtruизм, разумный эгоизм, нигилизм, Н. Г. Чернышевский, Поль Анри Гольбахт, П. Л. Лавров, Огюст Конт, антропологическая этика, Что делать, Отцы и дети

«В практических делах все рассудительные люди

всегда руководились убеждением, что эгоизм —

единственное побуждение, управляющее действиями

каждого, с кем имеют они дело» [\[19, с. 214\]](#).

Введение

Формирование России как великой культурной державы, чьи внутренние процессы оказывают влияние на европейский континент, происходит именно в XIX в. Тогда же возникает особый социальный слой – русская интеллигенция. В обществе, а также в литературе и публицистике, идут бесконечные споры западников и славянофилов об особом пути России. Революционные идеи о переустройстве сложившегося уклада, о правах крестьян будоражат сознание политически и социально активных граждан. Как считал Н. А. Бердяев, русские социалистические идеи XIX в. были встроены в основание русского общества, и первоначально в них было больше социального, чем политического, даже в народническом социализме 1870-х гг. [\[1, с. 134\]](#). Чуть позже, когда появляется партия Народной воли, тогда социалистическое движение становится политическим и тогда же народники переходят к террористической борьбе. Народничество было чисто русским явлением, как и нигилизм. Интеллигенция, ощущающая свою вину за бедственную жизнь крестьян, шла в народ, занимаясь его просвещением. К народникам относились и славянофилы, и Герцен, и Достоевский, и Лев Толстой, и революционеры 1870-х гг. – «в основании всегда была вера в народ как хранителя правды» [\[1, с. 137\]](#). Славянофилы считали, что общность русского народа, его привычка, совместно принимать все ответственные решения, никогда не сможет перенять западный индивидуализм, и в русской среде капитализм не приживётся.

Поначалу состав русской интеллигенции был преимущественно из дворян, и только в 1860-е гг. в России возникает новый «интеллигентный пролетариат <...>, вышедший из духовного сословия» [1, с. 141]. Благодаря этому политический пафос приобретает некоторый религиозный характер. Именно бывшие слушатели духовной семинарии становятся нынешними нигилистами, они практикуют аскетический образ жизни, без которого была бы не возможна героическая борьба за революционные принципы. Нигилисты становятся протагонистами в литературе и публицистике XIX в., такие как Рахметов – герой своего времени и романа-манифеста «Что делать?». Несмотря на то что роман не был оценён как высокохудожественное литературное произведение [13, с. 92-93] даже самим Чернышевским, но всё же его влияние оказалось существенным. «Это была проповедь новой морали. Роман, признанный катехизисом нигилизма, <...> Бухарев <...> признал «Что делать?» христианской по духу книгой» [1, с. 145]. Кроме того, власти своими действиями помогли идеализации Чернышевского, используя при аресте и вынесении приговора самые суровые меры. «Одна из этих мер, церемония "гражданской казни", которой Чернышевский был подвергнут после приговора, имела отчетливый символический смысл. 12 мая 1864 года, среди рыдающей и глумящейся толпы, Чернышевский был привязан к столбу, посреди городской площади, с дощечкой на груди "государственный преступник"» [15, с. 174].

Н. Г. Чернышевский, сын священника, получивший образование в духовной семинарии и изучавший философию Гегеля, чья этическая позиция сформировалась под воздействием Аристотеля [2], был последователем Фейербаха, о чём упоминают современные исследователи [15, 21], интересовался последними открытиями в естественных науках, знал историю и политическую экономию. Существует мнение, что К. Маркс освоил русский язык, чтобы познакомиться с работами по экономики Чернышевского. Ленин вспоминал, что прочитал роман «Что делать?» несколько раз, делая записи, возвращаясь к наиболее интересным для него местам, он даже опубликовал свою работу под идентичным названием в 1902 г. Но если Чернышевский излагал мысли о нравственном выборе интеллигенции, то Ленин давал практические рекомендации по организации революции. В работе «Что делать?» Ленин, как и Чернышевский, высмеивал стихийный бунтарский порыв, требуя дисциплины и расчёта. Этические воззрения Чернышевского оказали существенное влияние на формирование новой морали «новых людей», которые должны были по задумке авторов создать позитивное социальное общество равных среди равных. Бердяев считал Чернышевского «идейным вождем» и «центральной фигурой в русской социальной мысли 60-х годов» [1, с. 142], способной вдохновить не только интеллигенцию, вышедшую из разночинцев, но и воспитать человека со стальной волей, чья жизнь будет вписана в рамки борьбы за общественное благо и готовой к самопожертвованию. Принцип «разумного эгоизма», или «теория расчёта выгод» [18, с. 752], строится на рационалистическом основании, а именно: индивид, стремясь к удовольствию и стараясь избегать страданий, не станет осознанно вредить членам своего коллектива, так как подобное поведение не выгодно для самого человека, и может вызвать ответную реакцию. Ещё французские материалисты XVIII в. пришли к заключению, что общество, построенное на гармоничном соотнесении личных и общественных интересов, оказывает положительное влияние на воспитание последующих поколений. «Какова социальная среда – таков и человек, его идеи, его нормы поведения. Природа, учил Гольбах, не создаёт людей ни добрыми, ни злыми. Они становятся таковыми в силу существующей формы правления, законов, воспитания» [12, с. 39].

Эгоизм - «разумный эгоизм» - альтруизм

Прежде чем перейти к основной теме исследования стоит немного разобраться с основными терминами. Альтруизм как понятие возник в XIX в. благодаря французскому философи О. Конту как антиномия эгоизма, альтруизм по-контовски означает: «живи для других». Что характерно, термин эгоизм также впервые упоминается в текстах французского поэта и философа Жана-Франсуа де Сен-Ламбера «Моральные труды» (1755) — это сборник философско-этических эссе, в которых автор исследует природу человеческих добродетелей, пороков и социальных отношений в духе французского Просвещения. Чуть позже толкование «эгоизма» появляется в статье «Философ» на страницах «Энциклопедии», автором статьи считается Сезар Шено Дюмарсе (1765). Французские просветители осуждали эгоизм как порок, противопоставленный «естественному склонности человека к общественной жизни». На столетие раньше английский просветитель Томас Гоббс в сочинении «Левиафан» (1651) характеризует человека в его естественном состоянии, как эгоиста, существующего в вечной борьбе «всех против всех», стремящегося к власти и выгоде — «человек человеку волк», а Бернард де Мандевиль в «Басне о пчёлах» (1714) заявляет, что «пороки частных лиц — благо для общества», то есть эгоистические устремления являются двигателем экономики. Таким образом, «эгоизм» как культурная норма закрепился и ассоциируется с западным индивидуализмом, особенно в его крайних формах. Индивидуализм западной культуры является продуктом особых исторически сложившихся условий, таких как: протестантская этика (личный успех как признак богоизбранности), капитализм (культурирование частной собственности), пропаганда идей философии Просвещения (приоритет индивидуальных прав над коллективными обязанностями).

Альтернативой жёсткой форме эгоизма принято считать «разумный эгоизм». Айн Рэнд — американская писательница и философ, автор романа «Атлант расправил плечи» (1957) и эссе «Добродетель эгоизма» (1964), ставит разум, индивидуализм и капитализм в центр этической системы. «Разумный эгоизм» демонстрирует долгосрочную выгоду через кооперацию, считается, что он ближе к реципрокному альтруизму (ты мне — я тебе). Основные идеи «разумного эгоизма» были заложены ещё Аристотелем, и его концепция эвдемонии, процветания (*eudaimonia* — благоденствие через гармонию личного и общественного) была изложена в «Никомаховой этике». Аристотель считал, что процветание достижимо через развитие добродетелей, то есть лучших качеств: мудрости, справедливости, мужества и разумную заботу о себе, — но не в ущерб другим. Как уже было сказано выше, альтруизм также является порождением западной культуры. О. Конт противопоставил его эгоизму как главному пороку традиционного общества и ввёл «альтруизм» как социальный закон и ключевую категорию своей этической системы. Конт впервые использовал слово «альтруизм» в «Системе позитивной политики» (1851–1854). В его работах альтруизм не просто помочь другим, а основа новой религии Человечества. Французский философ считал, что человек по природе социален и изолированного индивида не существует, а эгоизм должен быть подчинён альтруизму. Прогресс общества зависит от развития альтруистических чувств, в том числе путём воспитания. Семья, по Конту, — первая школа альтруизма, где человек учится заботе о других [17].

Обсуждения

Как уже было отмечено, одними из первых, кто сделал попытку объяснить истинную природу «разумного эгоизма» и раскрыл основные мотивы поведения человека, были французские материалисты XVIII в. Именно они пришли к выводу, что в основе

интересов всякого живого существа лежит стремление к личному благу, удовлетворению собственных эгоистических интересов и, в качестве основной цели, – сохранение собственной жизни. Даже признанная всеми альтруистическая материнская любовь также черпается из банального себялюбия. «Человеку свойственно любить себя, стремиться к самосохранению и стараться сделать свое существование счастливым, поэтому интерес, или желание счастья, является единственным двигателем всех его поступков» [5, с. 313]. В стремлении к собственному счастью, благодаря опыту и рассудку, человеку не стоит забывать о том, что добиваться личного благополучия легче, прибегая к помощи других людей. Так как мы живём в обществе себе подобных разумных эгоистов, можно сделать вывод, что прийти к своей цели человек способен только тогда, когда интересы всех участников действия взаимовыгодны. Поэтому ради достижения цели человеку следует получить одобрение, внимание, поддержку общества, быть полезным, помогать в осуществлении планов, и именно это означает быть добродетельным. «Добродетельный человек – это такой человек, который делает счастливыми других людей, способных отплатить ему тем же, необходимых для его сохранения и способных доставить ему счастливое существование. Такова подлинная основа всякой нравственности; заслуга и добродетель основаны на природе человека и его потребностях» [5, с. 313]. Каждодневное добродетельное поведение постепенно входит в привычку, и со временем подобный способ вести себя в обществе становится общепринятым и одобряемым. Выработанная добродетель врастает в личность, помогая ей воздерживаться от асоциального поведения даже будучи в одиночестве. Подобный подход к созданию добродетельного общества пропагандировал другой французский философ XIX в. – О.Конт, который считал, что новая позитивная философия обнаружит ту невидимую связь внутри общества, присутствующую и в практической, и в мыслительной деятельности, и проявляющуюся в виде чувства тесной социальной солидарности. Именно поиск и создание общего блага станет источником личного благополучия, проявления великолдуших качеств, а, следовательно, и личного счастья, даже при условии, что оно будет выражено только чувством удовлетворения [7].

Чернышевский часто ссылается на популярную в то время в России позитивную философию Конта, об этом он писал в своих письмах из ссылки к сыновьям. «Характеристикою чертою их (сен-симонистов – прим. автора) учения были пылкие тирады о какой-то «любви». Конечно, в сущности следовало тут разуметь просто любовь к ближнему, замену нынешнего враждебного эгоизма добрым расположением между людьми, и не трудно было бы истолковать эту обязанность любви в таком смысле, чтобы более всего думать о таком экономическом устройстве, при котором людям не было бы надобности враждовать, а была бы выгода желать добра друг другу» [19, с. 140]. И если в основе поведения людей лежит личная выгода или польза и если каждый думает только о самом себе, принося в жертву интересы и даже жизнь других, то стоит признать неопровергимый факт – все мы эгоисты. Примеры из практической деятельности интересовали Чернышевского гораздо больше умозрительной, так как в его представлении «житейский опыт» демонстрировал противоречивость мнения о бескорыстных намерениях человеческих поступков, хотя тот же самый опыт показывал наличие в жизни человеческого общества фактов самопожертвования. Чернышевский предлагает внимательнее всмотреться к интенциям, связанным с жертвенным поведением, и тогда становится очевидным, «что в основе их все-таки лежит та же мысль о собственной личной пользе, личном удовольствии, личном благе, лежит чувство, называемое эгоизмом» [19, с. 214-215].

Что же такое «антропологический принцип» Чернышевского? Человеческое существо

само по себе цельное, его нельзя разобрать на части ни физически, ни психически: все мы преимущественно состоим из одного набора частей тела, внутренних органов, чувств, потребностей и эмоций. Человек сам по себе не дуален, его нельзя разделить на материальную и духовную составляющие, нельзя повесить ярлык: добрый или злой. «При известных обстоятельствах человек становится добр, при других – зол» [19, с. 194]. Обнаружить злые качества в человеке возможно тогда, когда, в силу ряда причин, он, удовлетворяя свои потребности, лишает других чего-нибудь необходимого, «например, в случае неурожая, когда пищи не достаточно» [19, с. 195]. Есть ли разница между добром и пользой? Безусловно, есть. «Добро – это как будто превосходная степень пользы, это как будто очень полезная польза» [19, с. 223]. Полезным может считаться то, что приносит человеку удовольствие, а добрым – полезное. Соответственно, быть добрым или совершать добро очень полезно для самого человека, это «предписывается его рассудком, здравым смыслом», это и есть реализация основной потребности или движущей силы всех поступков личности. Таким образом, Чернышевский приходит к выводу, что расчётливым и рассудительным, а значит полезным, может быть только хороший человек, так как он вкладывает несравненно в большее наслаждение, чем просто банальный эгоист, получающий примитивное удовольствие от приобретения какой-либо вещи. Соответственно, приносить пользу (что приравнивается к получению наивысшего наслаждения) входит в привычку, вернее в зависимость, от которой не так просто избавиться. Каждодневное совершение добрых поступков становится второй натурой человека. «Итак, действительным источником совершенно прочной пользы для людей от действий других людей остаются только те полезные качества, которые лежат в самом человеческом организме; потому собственно этим качествам и усвоено название добрых, потому и слово «добрый» настоящим образом прилагается только к человеку» [19, с. 226].

Стоит отметить, что Чернышевский рассуждает и о другой стороне органической деятельности человека, а именно, о воле; источников, управляющих чувствами (сердцем) и волей личности, являются представления ума или разума, которые способны влиять даже на судьбу других людей. В статье «Антропологический принцип в философии» (1860) Н. Г. Чернышевский не раскрывает понятие воли. Новсё же стоит обратить внимание, что статья предваряется отсылкой к тексту П. Л. Лаврова «Очерки вопросов практической философии» главе I. Личность (1860). Чернышевский не просто упоминает Лаврова, но и полемически противопоставляет ему свою трактовку антропологического принципа. Здесь сталкиваются материалистическая (Чернышевский) и субъективно-идеалистическая (Лавров) линии. Отсылка к Лаврову в статье Чернышевского не случайна – она маркирует дискуссию о природе человека в русской мысли 1860-х гг., где материалисты (Чернышевский, Писарев) спорили с мыслителями-идеалистами (Лавров, позднее Михайловский). «Главным доводом служит глубокое сознание человека, что он свободен <...>. Действительно, всякий из нас верит ли он в фатализм или отвергает его, действует всегда одинаково, именно как будто его действия были вполне свободны, произвольны. Произвол, или свобода воли (*libre arbitre*), есть великий, важный факт человеческого сознания» [9, с. 365]. Помимо рассуждений о милосердии, любви и справедливости Лавров демонстрирует процесс трансформации человека от состояния следования за естественными потребностями – желанием получать удовольствия – до саморазвивающейся волевой личности, которая высшим наслаждением считает самосовершенствование, получение знаний и использование разума в обыденной жизни. «Саморазвивающаяся личность, физически сильная и прекрасная, с изворотливым умом, с обширными знаниями, с неуклонной волей, устремилась к подчинению мира во имя своего наслаждения. Эгоистический идеал

завершился» [\[9, с. 455\]](#).

В качестве одного из примеров саморазвивающейся личности стоит привести образ русского нигилиста Базарова, виртуозно выписанного Тургеневым. Роман «Отцы и дети» был опубликован в журнале «Русский вестник» (1862), этот период как раз характеризуется подъёмом интереса и полемикой вокруг «новых людей». Ряд литературоведов находят, что прообразом главного героя мог стать Добролюбов или даже Чернышевский. Герцен в статье «Еще раз Базаров» чётко подмечает: «верно ли понял Писарев тургеневского Базарова, до этого мне дела нет. Важно то, что он в Базарове узнал себя и своих и добавил чего недоставало и книге» [\[121\]](#). Тургенев подхватил живую струю и показал тот идеал, на который равняется молодое поколение и который вдохновил на создание подобных литературных произведений современников «Отцов и детей». «Нигилизм (повторяю сказанное недавно в “Колоколе”) – это логика без структуры, это наука без догматов, это безусловная покорность опыту и безропотное принятие всех последствий, какие бы они ни были, если они вытекают из наблюдения, требуются разумом. Нигилизм не превращает что-нибудь в ничего, а раскрывает, что ничего, принимаемое за что-нибудь, – оптический обман и что всякая истина, как бы она ни перечила фантастическим представлениям, – здоровее их и во всяком случае обязательна» [\[122\]](#).

Другой, наиболее яркий пример саморазвивающейся личности – Рахметов. Ответом на вызов Тургенева через год в «Современнике» выходят главы литературно-публицистического произведения о «разумных эгоистах» — «Что делать?». Кстати, современные исследователи сравнивают оба литературных текста, упоминая о полемичности произведений [\[13\]](#). Жанр романа позволяет Чернышевскому давать довольно подробное жизнеописание и показывать убеждения «новых людей», кроме того под прикрытием любовного романа ему удалось сформулировать множество прогрессивных идей, обманув цензуру, распространить их на более широкую аудиторию [\[18\]](#). Среди «новых людей» Рахметов – утрированный образ «разумного эгоиста» «особой породы» [\[20, с. 202\]](#). Это волевой, физически развитый, занимающийся постоянными тренировками, не гнушающийся никакой тяжёлой работы, человек, кроме того, его интеллектуальные и моральные качества стремятся к идеалу, мысли и высказывания предельно рассудочны и честны. Он ничего не совершает бездумно, бесполезно и неправдиво, все его поступки можно назвать полезными. «Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли» [\[20, с. 215\]](#). Рахметов способен вызывать восхищение, интерес, влиять на умы, он всегда сосредоточен только на своих целях и принципах, но действует на пользу других людей — вот он настоящий эгоистический идеал.

Что делать? В одноимённом романе Чернышевский демонстрирует носителей морали эгоизма, но различного уровня: от примитивного эгоизма далее к разумным эгоистам, а от них — к особенному человеку. Автор «Что делать?» видит будущее в росте числа «новых людей» и предполагает, что скоро людей подобного типа, или с общей натурой, будет становиться всё больше и больше. «Новые люди» отличаются от обычных представителей общества более высоким уровнем образования, у них другой критерий развития, Чернышевский показывает, как общество может изменяться благодаря разумному подходу к жизни в борьбе со своими пороками и постоянным

самосовершенствованием. В романе Чернышевский поднимает несколько насущных тем, волновавших умы, одна из них женская эмансипация. Главная героиня — Вера Павловна и ряд женщин показаны свободными в своём волеизъявлении и самореализации, автор демонстрирует раскрепощение женщин через четвертый сон Веры Павловны, где показаны горизонты нового будущего общества, основанного на равноправии, свободном труде и праве на саморазвитие. В романе происходит репрезентация умозрительных идей, которые были обоснованы в статье «Антропологический принцип в философии». Рахметов — идеальный человек, образ которого не достоин в обыденной жизни, но вполне достаточно, если люди станут вести себя как другие главные герои романа: Вера Павловна Розальская, Дмитрий Сергеевич Лопухов, Александр Матвеевич Кирсанов. Они образованы, любящие, трудятся на благо общества, предельно честны и расчётливы, но расчёт их как у Базарова «ценю маленькой неприятности он покупает в будущем большее удобство или избавление от большей неприятности. Словом, из двух зол он выбирает меньшее <...>. У людей посредственных такого рода расчёт большею частью оказывается несостоятельным, они по расчёту хитрят, подличают, воруют, запутываются и в конце концов остаются в дураках. Люди очень умные поступают иначе; они понимают, что быть честным очень выгодно и что всякое преступление, начиная от простой лжи и кончая смертоубийством, — опасно и, следовательно, неудобно» [\[23\]](#).

Стоит сделать вывод, если удовлетворение личных нужд является движущей силой всех поступков человека, то благодаря открытиям, сделанным наукой в последние столетия, жизнь людей стала намного проще: основные биологические (витальные) потребности в целом удовлетворяются. Вторая группа — социальные потребности воплощаются преимущественно в коллективной форме жизнедеятельности, формируются в результате сложного взаимодействия исторических, национальных и экономических принципов и контролируются социальными регуляторами и нормами культуры. К третьей группе относятся духовные (идеальные) потребности. Идеальные потребности исключительно прерогатива человека. Потребность в познании окружающего мира и смысла существования, воспитание нравственных, эстетических, этических качеств являются основой духовного развития личности. Усиливая качества высшего порядка, через побуждение к творчеству, происходит усложнение личности и формирование идеального человека. В чем же основная потребность человека по мнению русского социалиста? Он считал, что строительство современного общества, основанного на принципах добрососедства, где все участники оказывают посильную помочь друг другу, занимаются самообразованием, ведут здоровый образ жизни, честны перед собой и друг перед другом, трудятся, то есть действуют во благо себе и других, таким образом, совершают альтруистические поступки исключительно ради наивысшего личного удовольствия. «Разумной выгодой мотивируется Лопуховым его отказ от ученой карьеры и женитьба на Вере Павловне ради ее спасения из „подвала“ („самому жить хочется, любить хочется,— понимаешь?— самому, для себя все делаю“), и когда Вера Павловна полюбила Кирсанова, Лопухов, не желая быть помехой их счастью и удаляясь, ни на минуту не хочет считать свой поступок подвигом самопожертвования. („Я представляюсь совершающим подвиг благородства. Но это вздор. Мне нельзя иначе поступать по здравому смыслу“ и пр.). Если он некоторое время думал удержать Вера Павловну около себя, то только потому, что для него было неясно, как ему поступить „выгоднее“» [\[16, с. 104\]](#). Построить идеальное общество без реализации потребностей высшего порядка просто невозможно. В романе-утопии «Что делать?» показаны первые поступательные шаги, ведущие к наивысшей цели, — создание идеального общества, и в данном обществе пока смог появиться только один идеальный человек — Рахметов, но и он выглядит несколько утрировано stoически и действует механистически, хотя и во благо

обществу, но, в первую очередь, как ни странно, из-за себялюбия. Воля поступать так, как хочется, есть только у него, остальные «новые люди» довольствуются стремлением к разумному эгоистическому удовлетворению потребностей первого и второго порядков. И только в ночных грёзах Веры Павловны обычные «новые люди» трансформируются в «саморазвивающихся личностей». «Люди будущего — обитатели фаланстеры из Четвертого сна Веры Павловны — изображены как люди с органической предрасположенностью к любви, у них крепкая физическая конституция рабочих, сочетающаяся с рафинированностью образованных классов. Сочетание энергии и чувствительности создает нового человека — человека с другой нервной системой, человека с естественной, могучей и здоровой жаждой удовольствий, который наделен от рождения любовью к танцам и пению, легкостью в обращении, энергией и способностью к сексуальному наслаждению. Любовь дает дополнительную энергию для работы, и, напряженно работая целый день, люди готовят свою нервную систему к восторженному переживанию радости» [\[15, с. 178\]](#). Учитывая личную историю автора «Что делать?», возникает вопрос: является ли Рахметов прообразом самого Чернышевского? Роман был написан практически в первые четыре месяца пребывания в Петропавловской крепости, автор ещё точно не знал, какое будущее его ждёт, но, видимо, был готов стойко принять его. И в следующий период жизни (20 лет каторги) происходит трансформация теории «разумного эгоизма». В неоконченном романе-трилогии «Пролог» (1867-1870), который сочинялся в Александровском заводе, автор раскрывает другую сущность эгоистической натуры. Здесь уже не заметно стремление приблизить «светлое будущее». Чернышевский показывает, что люди хотят обычной земной жизни, наполненной скучой, они полны противоречивых мыслей и чувств. Здесь нет «новых людей», жаждущих изменить жизнь общества. Роман наполнен некоторым пессимизмом по поводу планов на будущее, которые невозможно осуществить сейчас, нет людей, способных его приблизить. Вместо этого герои романа занимают позицию наблюдателя, а не деятеля. В романе «Пролог» находят отражение примеры, в которых показана реальность, как она есть сейчас, где человеческое достоинство попирается и зависит от милости влиятельных и знатных людей, где чинопреклонение и торговля принципами становятся основой мироустройства, где нет места идеалам свободы, равенства и братства, где нет образа идеального разумного эгоиста.

Заключение

Основная концепция жизни согласно «разумному эгоизму» была сформулирована в самом начале романа «Что делать?». «Будем искать счастья, и найдём гуманность, и станем добры, — это дело пойдёт, — поживём, доживём. Труд без знания бесплоден, наше счастье невозможно без счастья других. Просветимся — и обогатимся; будем счастливы — и будем братья и сёстры, — это дело пойдёт, — поживём, доживём. Будем учиться и трудиться, будем петь и любить, будет рай на земле. Будем же веселы жизнью, — это дело пойдёт, оно скоро придёт, все дождёмся его» [\[20, с. 9\]](#). Именно данное утверждение демонстрирует философию антропологической этики — фокус внимания сосредоточен на мирном сосуществовании, где все люди братья и сёстры. Чернышевский, объясняя на практике, как может быть реализована в жизни светская этика, показывает выход: необходимо создать такое общество, где человеческая натура будет испытывать удовлетворение и будет чувствовать потребность приносить пользу другим. И тогда личный примитивный эгоизм не приведёт «к вечной войне всех против каждого и каждого против всех», а сформирует общество разумных, и значит альтруистичных натур.

На каторге и в ссылке Н. Г. Чернышевский несколько пересмотрел свои взгляды на

скорое революционное преобразование общества. Общение с крестьянами показало некоторую несостоятельность теории об исключительности рационального выбора человека. Если ранний Чернышевский верил, что разум победит, то позже его точка зрения стала ближе к разумному приспособлению. Чернышевский не отрекается от своей теории по нескольким причинам, во-первых, признать ошибку — значит унизить свою жертву (20 лет каторги и ссылки), во-вторых, даже если революция откладывается, то «разумный эгоизм» остаётся единственной альтернативой религиозному смирению. В «Прологе» герои уже не верят в быстрые перемены, да и сам Чернышевский в письмах признавался, что история идёт медленнее, чем думалось. В письме к сыновьям из Вилюйской ссылки от 11 (23) ноября 1878 г. чувствуется stoическое принятие судьбы: «Я давно перестал ждать чего-нибудь от будущего — живу, как получается, не думая ни о чём, кроме того, чтобы не умереть с голоду и холоду...». До ссылки «разумный эгоизм» был для Чернышевского философской умозрительной конструкцией, а после — личной практикой выживания. В Сибири Чернышевский продолжал отвергать христианскую идею «страдания во имя спасения», его позиция оставалась прежней: лучше рационально переносить тяготы, чем культивировать боль. Даже в тюрьме человек свободен, как говорится «мысли нельзя заковать в кандалы». Фактически, в ссылке Чернышевский неосознанно сблизился с античными стоиками (как Сенека в изгнании). Но в отличие от них, он не идеализировал страдание, а просто игнорировал его как нерациональное.

Как известно, Чернышевский не придумывал термин «разумный эгоизм», он сделал его культурным феноменом в России. До него на родине эта идея хоть и «витала в воздухе», но обсуждалась в узком кругу интеллигенции, а Чернышевский вложил её в уста «живых» персонажей. Роман «Что делать?» стал манифестом революционеров, которые увидели в «разумном эгоизме» наивысшую цель. После него идею разумности эгоизма и его последствий развивали Писарев, Достоевский (полемизировал в «Записках из подполья», «Преступлении и наказании», «Бесах», «Дневнике писателя»), и даже Ленин. Американская писательница и философ русского происхождения Айн Рэнд в середине XX в. пропагандировала «разумный эгоизм» как абсолютный индивидуализм. Человек не должен жертвовать собой ради других, так как жизнь каждого — высшая ценность. Помочь другим допустима, но только если она не вредит твоим целям. В отличие от Айн Рэнд Чернышевский отвергал индивидуализм в духе буржуазного общества: человек должен действовать в своих интересах, но его истинное благо неотделимо от блага общества. Помогая другим, человек в итоге остается в выигрыше. Е. В. Бессчетнова [2] утверждает, что «Аристотель был интеллектуальным учителем Чернышевского, на которого последний ориентировался в период своего становления как мыслителя». В отличие от современной западной традиции, «эгоизм», по мнению Аристотеля, — это стремление к добродетельной жизни в обществе, где благо других является частью твоего блага.

Актуальность данного исследования не вызывает сомнений, так как демонстрирует ответ на главный вопрос: можно ли построить единое общество на принципах антропологической этики? Приведённые выше примеры показывают разницу в основании теории современного западного (Айн Рэнд) «разумного эгоизма» (вектор внимания направлен на себя) — эгоизм, и русского (Чернышевский и пр.) «разумного эгоизма» (фокус на другом, на коллективе) — альтруизм. Кроме того, в русской культуре люди часто поступают иррационально, например, жертвенное поведение во время войны, пандемии, пожара, когда действие вызвано бескорыстным устремлением, а не холодным расчётом. Человеческое общество, где вектор внимания направлен на другого, формируется с помощью центростремительной силы, демонстрируя сплочённость и культивируя солидарность. А вот в коллективе, где каждый сам за себя, уже действует

центробежная сила, и тогда для объединения разрозненных частей требуются институты контроля и принуждения.

Библиография

1. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 301 с. EDN: QWTPLL.
2. Бессчетнова Е. В. "Себялюбие" Аристотеля и "разумный эгоизм" Н. Г. Чернышевского / Е. В. Бессчетнова // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: Сборник научных трудов / Отв. ред. А. А. Гапоненков. Том 21. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2018. С. 27-33. EDN: VYBOIY.
3. Бухарев А. М. О романе Н. Г. Чернышевского "Что делать?", из рассказов о новых людях // Н. Г. Чернышевский: pro et contra. Санкт-Петербург: РХГИ, 2008. С. 577-615.
4. Гапоненков А. А. "Что делать?" Николая Чернышевского как универсальный вопрос смысла жизни / А. А. Гапоненков // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: Сборник научных трудов, Саратов, 21-22 октября 2021 года. Том 23. Саратов: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского", 2022. С. 13-21.
5. Гольбах П. А. Избранные произведения в двух томах. Под общ. ред. и со вступит. статьей Х. Н. Момджяна. Пер. с фр. М.: Соцэкиз, 1963. Т. 1. 715 с.
6. Кантор В. К. Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране? / В. К. Кантор // Вопросы философии, 2014. № 3. С. 95-104. EDN: SBTQBT.
7. Конт О. Общий обзор позитивизма: Пер. с фр. / Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 3-е. М.: Книжный дом "Либроком", 2012. 296 с.
8. Кузнецов А. Н. Антропологический принцип в философии Н. Г. Чернышевского / А. Н. Кузнецов // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2002. Т. 5, № 3. С. 367-372. EDN: IIYCBL.
9. Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2-х т. М.: Мысль, 1965. Т. 1. 752 с.
10. Ларина Т. А. Этическая концепция "разумного эгоизма" в теории личности Н. Г. Чернышевского / Т. А. Ларина // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни Российского общества (XVIII-XXI вв.): Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14-16 марта 2013 года / Под общей редакцией В. Н. Скворцова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2013. С. 260-262. EDN: SBHGPH.
11. Мирасова К. Н. "Атлант расправил плечи" А. Рэнд и "Что делать?" Н. Г. Чернышевского как романы идеи "разумного эгоизма" / К. Н. Мирасова // Новое прошлое. 2020. № 1. С. 180-193. – DOI: 10.18522/2500-3224-2020-1-180-193. EDN: COGWDK.
12. Момджян Х. Н. Философские и социологические взгляды Гольбаха // Гольбах П. А. Избранные произведения в двух томах. Под общ. ред. и со вступит. статьей Х. Н. Момджяна. Пер. с фр. М.: Соцэкиз, 1963. Т. 1. С. 5-51.
13. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2010. 448 с. – EDN: QUVULV.
14. Онищенко В. Л., Лагутин А. О. Разумный эгоизм как предмет исследования в социально-философских теориях французских материалистов XIII в. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 29-32. – DOI: 10.24158/fik.2017.6.7 EDN: YSOJJP.
15. Паперно И. С. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма // Новое литературное обозрение (НЛО), 1996. Научное приложение, вып. VI. М. 208 с.

16. Скафтымов А. П. Роман "Что делать?" (его идеологический состав и общественное воздействие) // Н. Г. Чернышевский: неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926. С. 92-140.
17. Скоропад Т. А. Позитивная этика О. Конта / Т. А. Скоропад // XV Международная конференция "Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2023. Разумность. Практичность. Человечность": Материалы конференции, Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: ООО "Сборка", 2023. С. 72. EDN: IDFFEL.
18. Тамарченко Г. Е. Что делать? и русский роман 60-х годов // Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Изд. "Наука", Ленингр. отд., 1975. С. 747-781.
19. Чернышевский Н. Г. Сочинения в 2-х т. Т. 2 / АН СССР. Ин-т философии; Редкол.: М. Б. Митин (пред.); Ред. изд. И. К. Пантин; Сост. и авт. примеч. Л. В. Поляков. М.: Мысль, 1987. 687 с.
20. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Изд. "Наука", Ленингр. отд., 1975. 872 с.
21. Черных А. А. Теория разумного эгоизма в работах Н. Г. Чернышевского и П. Л. Лаврова / А. А. Черных // Modernity: человек и культура: Сборник материалов XXIV межвузовской научной конференции, Санкт-Петербург, 23-25 декабря 2021 года. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2022. С. 9-14. EDN: BVEUGO.
22. Герцен И. Г. Ещё раз Базаров. Доступно по ссылке:
https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/25447493/105735124&art=25447493&user=875050613&uilang=r&u&catalit2&track_reading&fb3_master (дата обращения: 19.03.2025).
23. Писарев Д. И. Базаров "Отцы и дети", роман И. С. Тургенева // Д. И. Писарев. Литературная критика в трех томах. Том первый. Статьи 1859-1864 гг. – Л.: "Художественная литература", 1981. Доступно по ссылке:
http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0220.shtml?ysclid=m8681mf5yk675571152 (дата обращения: 19.03.2025).
24. Тургенев И. С. Отцы и дети. М.: Изд. "Альпина. Проза" и проект Полка, 2023. Доступно по ссылке: <https://books.yandex.ru/reader/zXRAuT9v?resource=book> (дата обращения: 12.03.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Антropологическая этика Чернышевского: «разумный эгоизм» alter ego альтруизма» представляет собой рассмотрение некоторых аспектов этических взглядов Н. Г. Чернышевского, видного деятеля российского разночинного движения середины XIX века. Работа носит междисциплинарный, философско-литературоведческий характер. Автор опускает научно-методическую часть исследования и сразу приступает к делу, то есть к рассмотрению теории «разумного эгоизма», происхождение которой автор связывает с французским материализмом XVIII века. Автор обильно цитирует Гольбаха, которого через Сен-Симона и Конта связывает с Чернышевским. Материалом исследования для автора является ограниченный набор текстов Чернышевского, в первую очередь статья «Антropологический принцип в философии», рассмотрен также образ Рахметова из романа «Что делать?»; Рахметова автор как раз и рассматривает как пример саморазвивающейся личности, «настоящего эгоистического идеала», образу Рахметова посвящена половина итоговых выводов, в которых Рахметов с его стремлением к идеальному обществу противопоставлен другим

героям романа, чей эгоизм ограничен первыми двумя категориями потребностей. Представляется, что для полноценного рассмотрения заявленной темы автору элементарно не хватает исследовательского материала: рассмотрение этических взглядов видного российского общественного деятеля невозможно на основе одной статьи и одного романа (проанализированного довольно бегло). Автор указывает на идеиные корни теории «разумного эгоизма» (тоже довольно бегло), но не показывает развития взглядов Чернышевского, их восприятия обществом, их значение в контексте российского общественного движения и др. Не помешало бы указание на социально-исторический контекст написания рассматриваемых текстов Чернышевского. Недостатком работы представляется отсутствие библиографического обзора и указания на содержательную новизну работы; как известно, личности Чернышевского, его произведениям и его социально-философским взглядам было посвящено множество исследований в советское время, также в дореволюционной России, в зарубежной литературе. Примечательно, что в библиографическом списке работы значится текст В.В. Набокова, весьма критически относившегося к Чернышевскому, но в самой работе нет никакого обращения к оценкам Набокова, сам текст носит довольно панегирический по отношению к Чернышевскому характер, открывающая текст комплиментарная цитата из Бердяева относится к личности Чернышевского, но к его философским взглядам Бердяев относился достаточно критически. В итоге, текст в его нынешнем виде основном сводится к повторению довольно хорошо известных сентенций о взглядах Чернышевского и о романе «Что делать?». Рекомендуется расширение источниковой базы, формулировка целей и задач, содержательной новизны, расширение круга литературы, сопоставление взглядов автора с результатами предыдущих исследований и т.д., т.е. статья рекомендуется к существенной доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Litera» статье, как автор отразил в заголовке («Антропологическая этика Чернышевского: “разумный эгоизм” alter ago альтруизма»), является антропологическая этика Чернышевского, выраженная концептом «разумный эгоизм» как альтернативная личность писателя, выраженная в характере и поступках его известных персонажей. Автор обосновано помещает этику Чернышевского в российский общественно-политический дискурс второй половины XIX в., который, по существу, и является объектом исследования.

Благодаря прозрачной логики изложения результатов исследования отсутствие формализации его программы и методического сопровождения не является критической ошибкой. Автор последовательно раскрывает необходимый теоретико-терминологический аппарат общественно-политического дискурса второй половины XIX в. в России, а за тем сопоставляет основные социально-философские концепты европейской культуры с особенностями антропологической этики Чернышевского.

Автор приходит к выводу, что Чернышевский в своих убеждениях отвергает христианскую идею «страдания во имя спасения», утверждая принцип «лучше рационально переносить тяготы, чем культивировать боль». Его мысль близка принципам античных стоиков, но отличается отсутствием идеализации страдания, признаваемого нерациональным. По мнению автора, Чернышевский не изобретает термин «разумный эгоизм», но насыщает его культурным смыслом, отражающим феномен культурного самосознания России второй половины XIX в. Выводы хорошо аргументированы и

заслуживают доверия.

Таким образом предмет исследования рассмотрен автором на высоком теоретическом уровне, и статья заслуживает публикации в авторитетном научном журнале.

Методология исследования строится на принципах компаративно-нарративного анализа философских концептов российского общественно-политического дискурса второй половины XIX в. В целом авторский методический комплекс релевантен решаемым познавательным задачам. На основе тематической и перекрестной выборки литературных источников автор уточняет содержание концепта «разумный эгоизм» в этике Чернышевского.

Актуальность выбранной темы автор аргументирует остротой вопроса о возможности построения единого общества, основываясь на принципах антропологической этики.

Научная новизна исследования, состоящая в раскрытии антропологической этики Чернышевского в контексте российского общественно-политического дискурса второй половины XIX в., заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста в целом выдержан научный, но автору следует дополнительно вычитать текст: встречаются обидные описки в словах, в том числе в фамилиях известных теоретиков и ключевых терминах (например, «был последователем Фейрбаха», «к разумному эгостициальному удовлетворению», «светская этика», «революция откладывается», «в уста «живых» персонажей» [нужен пробел], «действие вызванно» и др.).

Структура статьи следует логике изложения результатов научного поиска.

Библиография хорошо отражает проблемное поле исследования; в оформлении есть незначительные недочеты (по ГОСТу лучше опускать тире, разделяющее отдельные разделы описания, нежели использовать его эпизодически).

Апелляция к оппонентам, хоть и не выражена конкретной критикой, вполне достаточна и корректна. Автор аргументировано участвует в актуальной теоретической дискуссии.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Litera» и после небольшой корректуры отдельных оформительских недочетов может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования статьи «Антропологическая этика Чернышевского: «разумный эгоизм» alter ago альтруизма» - анализ произведений писателя с точки зрения изучения его этико-философских взглядов.

Актуальность статьи достаточно велика, поскольку в отечественном искусствоведении существует определенный дефицит исследований, посвященных анализу отечественной литературы. Статья обладает несомненной научной новизной и отвечает всем признакам подлинной научной работы.

Методология автора весьма разнообразна и включает анализ широкого круга источников. Автором умело используются сравнительно-исторический, описательный, аналитический и др. методы во всем их многообразии.

Исследование, как мы уже отметили, отличается очевидной научностью изложения, содержательностью, тщательностью, четкой структурой. Стиль автора характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи. Автор делит исследование на главы: «Введение. Эгоизм - «разумный эгоизм» - альтруизм. Обсуждения. Заключение». Во введении он уделяет достаточное внимание спорам

западников и славянофилов, пути русской интеллигенции и личности Н. Г. Чернышевского. Свое исследование он предваряет эпиграфом, который мы порекомендовали бы ему исключить, поскольку он не очень подходит для такого типа научных статей. В том небольшом тексте исследователю удается достаточно подробно охарактеризовать основные идеи «разумного эгоизма» с точки зрения исторического экскурса, а также, проанализировав основные идеи романа «Что делать?» и этико-философские взгляды Н. Г. Чернышевского, он формулирует т.н. «антропологический принцип» Чернышевского. Вот что он пишет: «Таким образом, Чернышевский приходит к выводу, что расчётивым и рассудительным, а значит полезным, может быть только добрый человек, так как он вкладывается несравненно в большее наслаждение, чем просто банальный эгоист, получающий примитивное удовольствие от приобретения какой-либо вещи. Соответственно, приносить пользу (что приравнивается к получению наивысшего наслаждения) входит в привычку, вернее в зависимость, от которой не так просто избавиться. Каждодневное совершение добрых поступков становится второй натурой человека».

Отметим глубокие знания исследователя, выходящие за рамки основного предмета его изучения. Он подмечает: «Стоит отметить, что Чернышевский рассуждает и о другой стороне органической деятельности человека, а именно, о воле; источником, управляющим чувствами (сердцем) и волей личности, являются представления ума или разума, которые способны влиять даже на судьбу других людей. В статье «Антропологический принцип в философии» (1860) Н. Г. Чернышевский не раскрывает понятие воли».

Автор широко формулирует результаты своего исследования. Очевидны его глубокие понятия в области изучения этико-философских взглядов писателя, что позволяет ему делать следующие важные умозаключения:

«!В чем же основная потребность человека по мнению русского социалиста? Он считал, что строительство современного общества, основанного на принципах добрососедства, где все участники оказывают посильную помощь друг другу, занимаются самообразованием, ведут здоровый образ жизни, честны перед собой и друг перед другом, трудятся, то есть действуют во благо себе и других, таким образом, совершают альтруистические поступки исключительно ради наивысшего личного удовольствия».

Библиография данного исследования является достаточной и разносторонней, включает множество разнообразных источников по теме, выполнена в соответствии с ГОСТами.

Апелляция к оппонентам представлена в широкой мере, выполнена на высоконаучном уровне.

Автор делает обширные и серьезные выводы, вот лишь часть из них: «Основная концепция жизни согласно «разумному эгоизму» была сформулирована в самом начале романа «Что делать?». «Будем искать счастья, и найдём гуманность, и станем добры, — это дело пойдёт, — поживём, доживём. Труд без знания бесплоден, наше счастье невозможно без счастья других. Просветимся — и обогатимся; будем счастливы — и будем братья и сёстры, — это дело пойдёт, — поживём, доживём. Будем учиться и трудиться, будем петь и любить, будет рай на земле. Будем же веселы жизнью, — это дело пойдёт, оно скоро придёт, все дождёмся его» [20, с. 9]. Именно данное утверждение демонстрирует философию антропологической этики — фокус внимания сосредоточен на мирном существовании, где все люди братья и сёстры. Чернышевский, объясняя на практике, как может быть реализована в жизни светская этика, показывает выход: необходимо создать такое общество, где человеческая натура будет испытывать удовлетворение и будет чувствовать потребность приносить пользу другим. И тогда личный примитивный эгоизм не приведёт «к вечной войне всех против каждого и каждого против всех», а сформирует общество разумных, и значит

альтруистичных натур».

Это исследование представляет большой интерес для разных слоев аудитории – как специализированной, ориентированной на профессиональное изучение литературы (искусствоведов, литературоведов, студентов, преподавателей и т.д.), так и для всех тех, кто интересуется историей и литературой.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Осадчая О.Н., Попова Л.Г. Именная префиксация как смыслообразующая константа в современном русском и английском языках // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.71558 EDN: JPMLWE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71558

Именная префиксация как смыслообразующая константа в современном русском и английском языках

Осадчая Ольга Николаевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Российский государственный университет правосудия

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

✉ zuba-zuba@mail.ru



Попова Лариса Георгиевна

ORCID: 0000-0001-9400-2469

доктор филологических наук

профессор; кафедра германистика и лингводидактика; Институт иностранных языков Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, Малый Казенный пер., 5Б

✉ popovalg@mgpu.ru



[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.71558

EDN:

JPMLWE

Дата направления статьи в редакцию:

23-08-2024

Аннотация: Цель данной работы заключается в выяснении специфики репрезентации именного префикса само- в русском и английском языках. В статье предпринята попытка более глубокого анализа юридических и психологических терминов в исследуемых языках, имеющих в своем составе начальный элемент само- и обладающих наивысшей степенью употребления в течение последних нескольких лет, для установления более

полной и актуальной картины восприятия данных единиц в сознании представителей сопоставляемых лингвокультур, а также обнаружения результатов влияния современных экстравалингвистических факторов на мировоззрение носителей русского и английского языков. Предмет исследования составляют юридические и психологические термины на русском и английском языках на их современном этапе развития, содержащих в своем составе префиксOID само-/self-. Материалом исследования послужили юридические и психологические термины русского и английского языков, в составе которых содержится префиксOID само-. В соответствии с поставленной целью в работе применялся метод сопоставительного анализа. Научная новизна исследования обусловлена тем обстоятельством, что в языкоznании впервые в сопоставительном аспекте изучается смыслообразующая константа как элемент юридических и психологических терминов в русском и английском языках. В результате исследования установлено, что в русской языковой картине мира формант само- обладает высокой активностью при создании новых или оживлении существующих понятий и явлений, при этом исконно русский префиксOID превалирует над греко-латинскими эквивалентами. Были обнаружены неологизмы с инкапсулированным элементом само-, что является подтверждением высокой продуктивности данной единицы. В английском языке не было зафиксировано подобной активности исследуемого словообразовательного ресурса. Выявленные эквиваленты юридических и психологических терминов содержат как исконно английский префикс self-, так и заимствованные элементы.

Ключевые слова:

префиксOID, лингвокультура, русский язык, английский язык, термин, частота употребления, неологизм, словообразование, семантика, сопоставление

Одной из основных задач языкоznания в современном мире становится изучение воздействия научно-технического прогресса на языковые структуры и функции, разработка новых методов и подходов к описанию и анализу языка. В условиях роста роли средств массовой информации и технократизации общества язык не только остается важным инструментом человеческого общения, но также становится основой для формирования новых социокультурных пространств, способствуя взаимопониманию и сотрудничеству между представителями различных культур и национальностей, что приводит к размыванию границ языковых областей [3; 6; 9]. Экстравалингвистические факторы, такие как социокультурные изменения, технологический прогресс, политические события и т. д., могут оказывать влияние на выбор и употребление определенных словообразовательных процессов, а также могут возникать новые или «оживать» существующие словообразовательные единицы для обозначения новых понятий и явлений. Таким образом, изучение динамики языковой картины мира и ее связи с экстравалингвистическими факторами важно для понимания языковых процессов и их изменчивости [10; 16]. «Можно сказать, что словообразование – это процесс, целиком ориентированный на коммуникацию, на передачу знаний о мире, на структурирование тех элементов окружающего мира, которые в процессе деятельности субъект выделил и которыми овладел» [13: 213]. Принцип динамизма в языке реализуется за счет словообразовательной гибкости и семантической точности. Аффиксоиды, обладающие данными характеристиками, способствуют интенсификации словообразования для обеспечения динамичной словообразовательной системы языка. Под аффиксоидами подразумеваются такие «морфемы, которые, будучи корневыми, аналогичны в то же время по своим функциям аффиксам» [7: 275]. В данной работе фокус внимания

направлен на выявление национальной специфики семантики препозиционных формантов (префикссоидов), активизирующих деривационный процесс словообразования русского и английского языков.

Префикссоиды, согласно В. Н. Немченко, отличаются обязательной регулярностью, способностью выступать в качестве корня и в то же время в качестве префикса [15: 214]. Данные словообразовательные единицы могут формироваться благодаря внутриязыковым словообразовательным ресурсам и заимствованным элементам, прежде всего греческого и латинского происхождения. По мнению ряда ученых, второй тип словообразования обладает большей интенсивностью на современном этапе развития лингвистики, а интернациональные префикссоиды играют значительную роль в формировании языковой картины мира, особенно в научной области [2; 8; 11]. Увеличение степени продуктивности «международных единиц» происходит поэтапно: «... постепенное осознание носителями языка производности иноязычного слова, частичное восстановление его словообразовательной структуры на почве заимствующего языка и последующую словообразовательную активизацию элементов, которые на начальном этапе словообразовательного освоения слова вычленялись лишь на морфемном уровне» [18: 76]. Несмотря на данную тенденцию, исконные русские и английские префикссоиды порой оказываются более продуктивными в деривационной активности, чем их греко-латинские эквиваленты.

Анализу словообразовательного элемента *само-* в русском языке посвящён ряд работ, в том числе исследованию его функционирования в составе лексемы *самоизоляция* [19] и в паре с терминоэлементом *авто-* в ветеринарной и медицинской картинах мира [11]. В сопоставительном аспекте формант *само-* исследуется с позиции функционально-прагматической категории самости в русском и английском языках [12]. В данной статье впервые производится сопоставление семантики словообразовательного элемента *само-* в юридических и психологических терминах русского и английского языка, обладающих наибольшей частотностью употребления в настоящее время.

Материалом исследования послужили юридические и психологические термины с начальным элементом *само-* и их профессиональные значения, зафиксированные в толковых словарях сопоставляемых языков [17; 20; 23; 27] и в специализированных словарях профессиональной лексики [4; 5; 21; 26; 24], а также были привлечены инструменты статистического анализа информации [14; 25]. Методы исследования включают общенаучные элементы (анализ, обобщение) и частнонаучные методы (семантический анализ, сопоставительный анализ, метод моделирования, количественный метод обработки данных).

В русском языке префикссоид *само-* совмещает признаки приставки и корня, отличается обязательной регулярностью, способствует номинации фрагмента реальной действительности. Таким образом, данный языковой объект исследуется в соотнесении с потребностями человека, с развитием и усовершенствованием человеческой личности, актуализируя принцип антропоцентризма. Анализируемая единица происходит от праславянского *samъ*, родственна древне-индоевропейскому *samas* «ровный, одинаковый», восходит к древнегреческому *auto* в значении «сам» [22].

Префикссоиды *само-* и *авто-*, являясь конкурентами в процессе адаптации в научной терминологии русского языка, выбираются в качестве доминирующего языкового конструкта в зависимости от времени проникновения в языковой фонд и потребностей

той или иной лингвокультуры в семантическом разнообразии и оценочных реализациях. Согласно Национальному корпусу русского языка, в течение последних нескольких лет фиксируется высокая степень активизации именно словообразовательного форманта *само-* [14].

Анализ толковых словарей [17; 20] показал, что семантика анализируемой морфемы представлена весьма разнообразно в русском языке. Словообразовательная семантика исследуемого префиксса трактуется как первая составная часть сложных слов, обозначающая:

- 1) направленность чего-нибудь на себя, исхождения от себя или осуществления для себя (самозащита, самовосхваление, самоконтроль, самовыражение);
- 2) обращённости к самому себе, в самого себя или направленности на самого себя (самомнение, самонаблюдение, самоуважение, самоутверждение);
- 3) совершения чего-нибудь без посторонней помощи, без постороннего участия (самодеятельность, самолечеие, самоучитель, самоделка);
- 4) совершение чего-нибудь автоматически, непроизвольно или само по себе (самовентиляция, самонаведение, самовоспламенение);
- 5) единовластный (самовластие, самодержавие).

Очевидно, что перечисленные семы могут видоизменяться, пересекаться, приобретать различные оттенки значений в зависимости от контекста. Наиболее четко структурированной палитрой значений обладают юридические термины, номинирующие понятия наиболее нейтрально, максимально приближаясь к словарным дефинициям. Термины способствуют созданию формализованной языковой площадки, характеризующейся институциональностью и научным регистром, в рамках которой функционирование аффиксоидов наглядно демонстрирует существующие деривационные тенденции с целью обеспечения более точной и ёмкой коммуникационной стратегии. В составе терминосистем сопоставляемых языков преобладают термины-существительные, актуализирующие номинативность языковых единиц, способных самостоятельно, без помощи окружения вызвать в сознании связанный с ними смысл.

В данной работе на первый план выдвигается именная префиксация как результат процесса словообразования в русской и английской лингвокультурах с целью выявления особенностей современного функционирования в научном языке. Материалом для исследования послужили лексемы, инкорпорирующие префиксOIDНЫЕ форманты и обладающие наивысшей частотностью употребления словоформ, зафиксированной во временном диапазоне, охватывающем второе и третье десятилетия XXI века.

Наиболее представленной в количественном отношении в современном русском языке является юридический термин САМОДЕРЖАНИЕ, имеющий в своем составе префиксOIDНЫЙ формант *само-* (monarchical форма правления в России, при которой носитель верховной власти обладал верховными правами в законодательной, административной и судебной сфере). Данный термин на протяжении всего периода употребления достигал своего пика в 1906 году и в равной степени актуализируется в исследуемый период (2021), что свидетельствует о глубоких изменениях в политическом укладе страны, вербализованных носителями русскоязычной культуры [14]. Основная сема – единовластие, т. е. управление, при котором вся власть сосредоточена в руках одного лица.

Также среди наиболее употребительных языковых единиц с инкорпорированным элементом *само-* выявляется термин САМОКОНТРОЛЬ (способность человека сдерживать свою импульсивность, управлять собой и своими психологическими процессами, выдержка; элемент самоорганизации и самоуправления, контроль собственной деятельности). Данная терминологическая единица полисемична и может быть имплементирована в различные дискурсивные контексты, транслируя личностно-ориентированные смыслы или социализированные поведенческие стратегии.

Термин САМОВЫРАЖЕНИЕ также способен охарактеризовать современное восприятие себя как личности, стремящейся проявить собственные психологические особенности через действия и поступки. За исследуемый период времени внешняя актуализация внутреннего состояния человека зафиксирована в виде высокой частотности вхождения примеров в основной корпус русского языка.

Менее представленную в количественном плане группу открывают два термина, обладающие одинаковой частотой вхождения в заданный корпус русского языка:

- САМОАНАЛИЗ (процессуальный аспект психических явлений, отличающихся целенаправленностью и произвольностью);
- САМОРЕАЛИЗАЦИЯ (реализация потенциала личности).

В данных случаях реализуются значения «направленность действия на самого себя», «обращенность к самому себе» и «совершение чего-нибудь без посторонней помощи, без постороннего участия». Согласно данным Национального корпуса русского языка, наблюдается резкое повышение и уверенный рост данных языковых единиц с 2017 года по 2021, что может расцениваться как потребность представителей русскоязычного общества в анализировании и реализации личностного потенциала в соответствии с общественными запросами и уровнем вовлеченности в различных сферах человеческой деятельности [14].

Термин САМОРЕГУЛЯЦИЯ в значении «умение управлять собственными чувствами, мыслями и поведением для достижения долгосрочных целей» доказывает свою жизнеспособность и актуальность в современных реалиях, эксплицитно подчеркивается необходимость соблюдения определенных правил при личностном росте, не насижденных сверху, а регулируемых самими людьми.

Лексема САМООГРАНИЧЕНИЕ, обозначающая сознательное неиспользование имеющихся условий и резервов своей жизнедеятельности, с помощь форманта *само-* реализует значение «направленность действия на самого себя». В семантической структуре термина САМООБРАЗОВАНИЕ (целенаправленная познавательная деятельность управляемая самой личностью) пересекаются две семы: «направленность действия на самого себя» и «совершение чего-нибудь без посторонней помощи, без постороннего участия». Резкий подъем в использовании данных языковых единиц в 2020 году, на наш взгляд, объясняется экстралингвистическими факторами, а именно эпидемией коронавирусной инфекции, вследствие которой принятые ограничительные меры повлияли на все области жизнедеятельности человека. Подобные слова с акциональной семантикой реализуют импликацию целенаправленности и сознательности действия, совершающегося по добной воле.

Термин САМОИЗОЛЯЦИЯ в современной интерпретации (комплекс ограничительных мер по самостоятельной изоляции населения или отдельных лиц в целях предотвращения распространения инфекционного заболевания) уверенно вошел в активный вокабуляр

носителей русской лингвокультуры в 2020 году, при этом легкая отрицательная коннотация, присутствовавшая в речевой практике до эры пандемии, нивелируется и появляется положительно окрашенный оттенок значения самоизоляции как общественно-полезного и одобряемого действия. Тем не менее подобная оценка официального дискурса входит в противоречие с реальным значением слова, что приводит к возникновению внутреннего алогизма и употреблению слова как идеологемы [19].

Своеобразным продолжением ограничительного континуума служит термин САМОДИСЦИПЛИНА (контроль своего поведения, торможение сиюминутных импульсов и социально неприемлемых желаний), который тесно связан в русскоязычной картине мира с понятием силы воли как внутренней силы, ведущей человека по выбранному пути к намеченной цели.

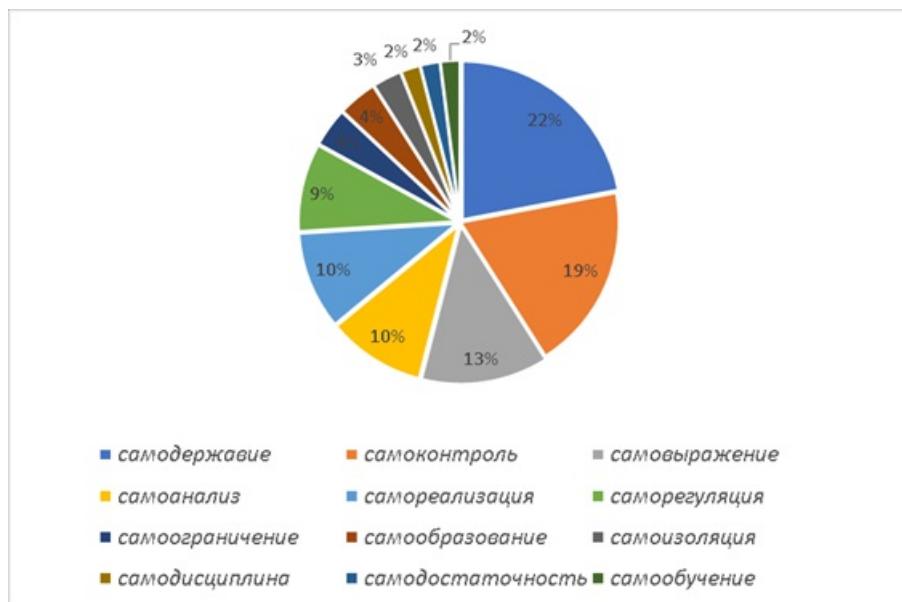
Частота словоформ САМОДОСТАТОЧНОСТИ (умение человека приспосабливаться к жизни без помощи других) и САМООБУЧЕНИЯ (процесс самостоятельного получения и усвоения знаний) отражает актуальность использования данных единиц в течение последних нескольких лет, пик которого приходится на 2020 год [14]. В первом случае наблюдается пересечение сем «обращенность к самому себе» и «совершение чего-нибудь без посторонней помощи, без постороннего участия», а во втором примере реализуются значения «направленности действия на самого себя» и «совершение чего-нибудь без посторонней помощи, без постороннего участия».

В ходе работы были обнаружены терминологическое новообразование САМОМОБИЛИЗАЦИЯ в значении «мобилизация в отдельных регионах без официального объявления всеобщей мобилизации» и юридический термин САМОВЫДВИЖЕНИЕ (принятие участия в выборах независимо от какой-либо политической партии). Данные неологизмы, характерные для политического дискурса, требуют дальнейшего внимания для возможности фиксации семантических и оценочных смыслов, транслирующих особенности восприятия современной действительности представителями русской лингвокультуры.

С целью визуализации полноты исследования необходимо выяснить частотное распределение русских юридических терминов, содержащих префиксOID *само-*, и отобразить полученные результаты в диаграмме 1.

Диаграмма 1

Количественная представленность терминов с формантом *само-* в русском языке



Термины САМОДЕРЖАНИЕ и САМОКОНТРОЛЬ обладают наибольшей частотой употребления в русском языке (22% и 19% соответственно). Данные единицы вербализируют значимые феномены в сфере человеческого общежития и социализированного поведения. Неологизмы САМОМОБИЛИЗАЦИЯ и САМОВЫДВИЖЕНИЕ, на данный момент не отображенные в корпусе русского языка, также относятся к области общественного устройства, являясь репрезентантами политического дискурса. Остальные же единицы (САМОВЫРАЖЕНИЕ 13%, САМОАНАЛИЗ 10%, САМОРЕАЛИЗАЦИЯ 10%, САМОРЕГУЛЯЦИЯ 9%, САМООГРАНИЧЕНИЕ 4%, САМООБРАЗОВАНИЕ 3%, САМОИЗОЛЯЦИЯ 2%, САМОДИСЦИПЛИНА 2%, САМОДОСТАТОЧНОСТЬ 2%) реализуют значения «направленности действия человека на самого себя», «обращенность к самому себе», демонстрирующие стремление к развитию и усовершенствованию личностных качеств.

В английском языке эквивалентом префикса *само-* является возвратная частица *self-*, выступающая препозиционным формантом составных форм (compound forms). Продукты лексикализации направленности действия на субъекта данного действия графически различны в сопоставляемых языках: в отличие от слитного написания в русском языке, в английском исследуемая единица присоединяется к корневой морфеме с помощью дефиса. Английский формант *self-* восходит к древнеанглийскому *self*, *sylf* в значении «свой, собственный, одинаковый, идентичный» [27]. Наличие в английском языке языковой единицы *selfsame* в значении «такое же, одинаковый» указывает на историческую близость слов *self* и *same* (происходит от пра германского *samaz* в значении одинаковый). На данном этапе просматривается связь между историческими когнатами *сам* (древне-индоевропейский *samas*) и *same* в сопоставляемых родственных языках [22].

Как и в русском языке, английский формант *self-* имеет синоним греческого происхождения *auto-*, обозначающий «сам, один», но, согласно данным поискового онлайн-сервиса Google Books Ngram Viewer (инструмента статистического анализа информации), данный заимствованный аналог не обладает высокой степенью деривационной активности в современном английском языке, в частности в исследуемый период второго и третьего десятилетия XXI века [25].

Анализ английских толковых словарей [23; 27] показывает, что устойчивость смысловой структуры словообразовательного форманта *self-* обеспечивается следующими семами:

1) relating to, involving, or characterized by the action, state, etc. – относящийся к действию, состоянию и т. д., включающий в себя или характеризуемый им;

2) by oneself or itself, by one's own efforts or action (without assistance or external intervention) – самостоятельно, своими усилиями или действиями (без помощи и внешнего вмешательства);

3) for, with, in, into, on or upon, to or towards oneself or itself (as determined by the construction usually shown by the second element); of or in oneself or itself, of or in one's or its own nature or power; from or out of oneself or itself (as a source or point of origin) – направленность на себя (определяется конструкцией, обычно реализуемой вторым элементом); направленность на самого себя по своей собственной природе или силе; обращенность к самому себе как к источнику или исходной точке;

4) automatically – автоматически;

5) inherent in, depending on, or proceeding from oneself or itself, one's or its nature, etc.; having an independent existence, position, or authority; desired or sought after solely for one's own advantage or welfare; relating to oneself or itself, personal, individual, private – присущий, зависящий или исходящий из самого себя, своего природы и т. п.; наличие независимого существования, положения или авторитета; желаемый или востребованный исключительно ради собственной выгоды или благополучия; относящийся к самому себе, индивидуальный, личный.

Как и в русском языке, данное разграничение значений является условным. В реальном речевом потоке возможно их пересечение, видоизменение и взаимодействие в зависимости от контекстуального окружения и интенциональных установок.

Английские эквиваленты исследуемых русских единиц, содержащих префиксoid *само-* и демонстрирующих высокий уровень употребления за последние два десятилетия, значительно отличаются по частоте использования и по диахронической динамике вхождения в словарный состав, что свидетельствует об особенностях восприятия себя и мира представителями русскоязычного и англоязычного сообществ в настоящее время.

Наиболее количественно представленным эквивалентом в английском языке является термин SELF-EXPRESSION – the expression of one's personality, emotions, or ideas (самовыражение – выражение своей личности, эмоций или идей), представляя собой личностный конструкт, формируемый человеком на основе собственного опыта. Фиксируется отрицательная динамика данной языковой единицы. Также высокой степенью актуализации обладает термин SELF-DISCIPLINE – correction or regulation of oneself for the sake of improvement (самодисциплина – исправление или регулирование себя ради улучшения) с реализованными значениями «направленность действия на себя» и « осуществление действия своими усилиями, без постороннего вмешательства». Согласно данным частотного инструментария Google Books NGram Viewer, наблюдается уверенный рост данной лексемы [\[25\]](#).

Следующий блок эквивалентов обладают средними показателями частотности употребления в современном английском языке и претерпевают изменения в сторону уменьшения использования:

- SELF-REALIZATION – fulfilment of one's potential by one's own efforts (самореализация – реализация своего потенциала собственными усилиями);
- SELF-CONTROL – the ability to control one's emotions, desires, and reactions

(самоконтроль – способность контролировать свои эмоции, желания и реакции);

- INTROSPECTION – the action of looking within, or into one's own mind; examination or observation of one's own thoughts, feelings (самоанализ – заглядывание внутрь себя или в свой разум; анализ или наблюдение за собственными мыслями, чувствами). Выбранная лексема, обозначающая самоанализ, являясь дублетом-синонимом слов *self-analysis* и *self-examination*, представляет собой более востребованную единицу в современном английском языке, несмотря на отсутствие в ее составе возвратного префикса *self-*.

Вышеуказанные лексемы вербализуют личностно-ориентированные установки, свидетельствуют об антропологической наполненности возвратной приставки *self-*, при присоединении которой к основной корневой морфеме наблюдается семантический сдвиг в направлении субъекта действия.

Менее значительными в количественном плане предстают следующие единицы:

- SELF-REGULATION – the ability to manage or control one's own behaviour, emotions, work, learning, etc.; relegation of a system or process from within, without intervention from external bodies (саморегуляция – способность управлять или контролировать свое поведение, эмоции, работу, обучение и т.д.; регулирование системы или процесса изнутри, без вмешательства внешних органов);
- SELF-SUFFICIENCY – the state or condition of not needing or relying on external assistance, support, or aid (самодостаточность – состояние, при котором отсутствует необходимость или зависимость от внешней помощи или поддержки).

Термин SELF-REGULATION демонстрирует полисемичность: в зависимости от субъекта акциональное действие направлено либо на личность, либо на общественную структуру. В обоих случаях реализуется значение «направленности действия на себя», а втором добавляется сема «самостоятельно, своими усилиями или действиями (без помощи и внешнего вмешательства)».

Наименее представленный блок эквивалентов репрезентирован следующими единицами:

- SELF-STUDY – study by oneself, private study (самообучение – самостоятельное, частное обучение);
- SELF-ISOLATION – the action, fact, or process of deliberately isolating oneself (самоизоляция – действие, факт или процесс намеренной изоляции себя);
- SELF-EDUCATION – the act or process of educating oneself by one's own efforts (самообразование – действие или процесс получения образования собственными усилиями);
- SELF-LIMITATION – restriction or limitation one imposes on oneself (самоограничение – ограничение, которое человек накладывает сам на себя).

Положительную динамику распространенности проявляет в данном блоке только термин SELF-ISOLATION, что, на наш взгляд, связано с объективными процессами, затрагивающими жизнедеятельность носителей англоязычной лингвокультуры, а именно с постковидными последствиями, экспликация которых обнаруживается также и в языковых структурах. Близкие по значению единицы SELF-STUDY и SELF-EDUCATION разграничиваются в английском языке, равно как и в русском, но при этом в обоих случаях наблюдается пересечение сем «направленность действия на самого себя»,

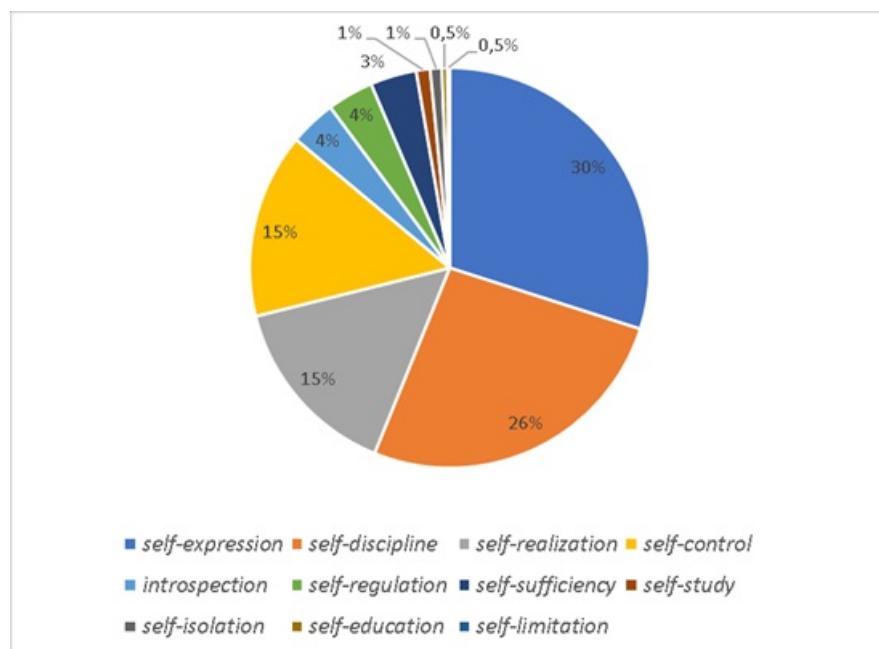
«отсутствие помощи, вмешательства со стороны» и «относящийся к самому себе, индивидуальный, личный».

Выявленный в ходе работы неологизм SELF-NOMINATION, выступающий в качестве эквивалента термина САМОВЫДВИЖЕНИЕ, на данный момент не зафиксирован в толковых и терминологических словарях и не обладает данными по частоте употребления в специализированных поисковых системах. Эквивалент термина САМОМОБИЛИЗАЦИЯ не был обнаружен в ходе исследования в английском языке.

Целесообразно представить результаты анализа частотности употребления английских эквивалентов русских словоформ, имеющих в своем составе именной префиксOID само- и достигающих пика экспликации в течение последних двух десятилетий, в виде диаграммы 2.

Диаграмма 2

**Количественная представленность терминов с семантической категорией
возвратности в английском языке**



Как показывает диаграмма, наибольшей частотностью употребления обладают английские эквиваленты SELF-EXPRESSION и SELF-DISCIPLINE (30% и 26 соответственно). Данную выявленную закономерность считаем объяснимой с культурологической точки зрения: свобода самовыражения является одним из фундаментальных аспектов культурных прав в Великобритании. При этом она должна регулироваться, контролироваться не извне, а внутренними силами, мотивами, на которых зиждется самодисциплина, формы вербализации которой имеют положительную динамику в частоте употребления за последние два десятилетия. В ходе работы зафиксирован еще один пример корреляции подобных феноменов (SELF-REALIZATION 15% и SELF-CONTROL 15%), дополняющих друг друга с целью экспликации эффективного развития личностного потенциала в англоязычном обществе. В трехкомпонентном блоке INTROSPECTION 4%, SELF-REGULATION 4%, SELF-SUFFICIENCY 3% обнаружен термин, реализующий значение саморегуляции процессов и действий, направленных на субъект, с фиксацией увеличения количества примеров вхождения в корпус английского языка.

Сопоставительный анализ русскоязычных словоформ, инкорпорирующих префиксOID

само-, и их эквивалентов в английском языке указывает на факт активного использования данного форманта в речи представителей русскоязычного общества. Английские эквиваленты не демонстрируют высокой частотности в исследуемый период времени, но обладают различной динамикой употребления, интерпретирующей современные запросы англоязычного общества.

Все исследованные единицы реализуют в различной мере зафиксированные в словарях значения, за исключением неологизмов САМОМОБИЛИЗАЦИЯ, САМОВЫДВИЖЕНИЕ и эквивалента SELF-NOMINATION, на данный момент не зафиксированных в лексикографических источниках и частотных поисковых системах. Отсутствие в английском языковом пространстве эквивалента термина САМОМОБИЛИЗАЦИЯ указывает на правовые и военно-политические реалии, отличные от российских. Как в русском, так и в английском языке посредством форманта *само-/self-* реализуется обращенность к самому себе как личности и направленность действия на субъект, которым может выступать общественная структура.

Библиография

1. Абросимова, Е. А. Миромоделирующий потенциал терминоэлемента (на примере ветеринарных и медицинских терминов с начальным элементами САМО- и АУТО-) // Лингвистика и образование. 2022. Т. 2. № 4 (8). С. 6-16.
2. Алаторцева, С. И. Новое в русское лексике. Словарные материалы – 86 / Под ред. Н.З. Котеловой, С.И. Алаторцевой и Т.Н. Буцевой. СПб.: Д. Буланин, 1996.
3. Бирюкова, Е. В., Осадчая, О. Н., Попова, Л. Г., Шатилова, Л. М. Репрезентация ценностного компонента концепта МИЛОСЕРДИЕ в английских и русских пьесах XX века посредством паремий // Язык. Текст. Дискурс: коллективная монография. Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел ГГТУ, 2020. С. 79-97.
4. Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spbgu.ru/files/03-5-01-005.pdf> (дата обращения 07.06.2024).
5. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://courts.spb.ru/spravka/glossary/yuridicheskij-slovar/> (дата обращения: 07.06.2024).
6. Викулова, Л. Г., Бирюкова, Е. В., Попова, Л. Г. Развитие сопоставительного языкоznания в рамках научных школ России (на материале защит диссертационных исследований аспирантов, МГПУ, 2016-2022) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 1 (49). С. 183-194.
7. Галкина-Федорук, Е. М., Горшкова, К. В., Шанский, Н. М. Современный русский язык. М.: Изд-во Московского университета, 1962. 637 с.
8. Гейгер, Р. М. Проблемы анализа словообразовательной структуры и семантики в синхронии и диахронии. Омск: Изд-во ОмГУ, 1986. С. 36.
9. Гринев, С. В., Викулова, Л. Г. О некоторых лингвистических аспектах эволюции // Вестник Московского городского педагогического университета. 2017. № 2 (26). С. 130-135.
10. Гусева, А. Е., Шимко, Е. А. Этнолингвистическая вербализация наименований свойственного родства по мужской линии в немецком и русском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 117-128.
11. Земская, Е. А. Понятие производности, оформленности и членности основ. Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.
12. Корепина, Н. А. Лексикографический анализ функционально-прагматической категории самости в современном русском и английском языках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. Иркутск, 2008. № 3.

С. 92-98.

13. Кубрякова, Е. С., Шахнарович, А. М., Сахарный, Л. В. Человеческий фактор в языке. Языки порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 213. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.06.2024).
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.06.2024).
15. Немченко, В. Н. Введение в языкознание: учебник для вузов / В. Н. Немченко. М.: Дрофа, 2008. 703 с.
16. Огнева, Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. М.: Эдитус; 2019.
17. Ожегов, С. И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 06.06.2024).
18. Петрова, М. М. Морфемизация словообразовательных элементов латинского происхождения в русском языке // Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. Казань, 1988. С. 76.
19. Радбиль, Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759-774.
20. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 06.06.2024).
21. Энциклопедия Карьера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.znanie.info/portal/ec-terms/32/1136.html> (дата обращения: 10.06.2024).
22. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer> (дата обращения: 06.06.2024).
23. Cambridge Dictionary [Electronic Resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of admission: 10.06.2024).
24. Glossary of Psychology [Electronic Resource]. URL: <https://www.psychology-lexicon.com/cms/index.php> (date of admission: 11.06.2024).
25. Google Books Ngram Viewer [Electronic Resource]. URL: <https://books.google.com/ngrams/graph> (date of admission: 09.06.2024).
26. Legal Dictionary [Electronic Resource]. URL: <https://dictionary.law.com> (date of admission: 11.06.2024).
27. Oxford English Dictionary [Electronic Resource]. URL: <http://www.oed.com/> (date of admission: 10.06.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Точечное, или частное изучение языка всегда было преимущественным и конструктивным. Таким образом выявляется функциональная составляющая, определяет динамика системы,дается объективная оценка. Как отмечает автор рецензируемой статьи, «в фокусе внимания работы оказывается национальная специфика семантики препозиционных формантов (префиксOIDов), активизирующих деривационный процесс словообразования русского и английского языков». Вектор исследования конкретен, точен, да и общая логика вполне прозрачна и доступна. Суждения по ходу работы

выверены: например, «одной из основных задач языкоznания в современном мире становится изучение воздействия научно-технического прогресса на языковые структуры и функции, разработка новых методов и подходов к описанию и анализу языка. В условиях роста роли средств массовой информации и технократизации общества язык не только остается важным инструментом человеческого общения, но также становится основой для формирования новых социокультурных пространств, способствуя взаимопониманию и сотрудничеству между представителями различных культур и национальностей, что приводит к размытию границ языковых областей...». Общие методологические магистрали уточнены; автор обозначает, что «материалом исследования послужили юридические и психологические термины с начальным элементом само- и их профессиональные значения, зафиксированные в толковых словарях сопоставляемых языков [17; 20; 23; 27] и в специализированных словарях профессиональной лексики [4; 5; 21; 26; 24], а также были привлечены инструменты статистического анализа информации [14; 25]. Методы исследования включают общенаучные элементы (анализ, обобщение) и частнонаучные методы (семантический анализ, сопоставительный анализ, метод моделирования, количественный метод обработки данных)». Считаю, что ссылки / цитации также даны верно, тексте не нуждается в серьезной правке. В работе выдержан т.н. аналитический ценз, аргументация и примеры полновесны: «Префикссоиды само- и авто-, являясь конкурентами в процессе адаптации в научной терминологии русского языка, выбираются в качестве доминирующего языкового конструкта в зависимости от времени проникновения в языковой фонд и потребностей той или иной лингвокультуры в семантическом разнообразии и оценочных реализациях. Согласно Национальному корпусу русского языка, в течение последних нескольких лет фиксируется высокая степень активизации именно словообразовательного форманта само- ». На мой взгляд, удачно в статье сочетается теория и практика, соразмерность говорит о сознательной, заинтересованной установке автора данного труда. Термины и понятия, которые используются в работе унифицированы: например, «очевидно, что перечисленные семы могут видоизменяться, пересекаться, приобретать различные оттенки значений в зависимости от контекста. Наиболее четко структурированной палитрой значений обладают юридические термины, номинирующие понятия наиболее нейтрально, максимально приближаясь к словарным дефинициям. Термины способствуют созданию формализованной языковой площадки, характеризующейся институциональностью и научным регистром, в рамках которой функционирование аффиксоидов наглядно демонстрирует существующие деривационные тенденции с целью обеспечения более точной и ёмкой коммуникационной стратегии». Новизной исследования является анализ еще мало изученных форм слов, например: «в ходе работы были обнаружены терминологическое новообразование САМОМОБИЛИЗАЦИЯ в значении «мобилизация в отдельных регионах без официального объявления всеобщей мобилизации» и юридический термин САМОВЫДВИЖЕНИЕ (принятие участия в выборах независимо от какой-либо политической партии). Данные неологизмы, характерные для политического дискурса, требуют дальнейшего внимания для возможности фиксации семантических и оценочных смыслов, транслирующих особенности восприятия современной действительности представителями русской лингвокультуры» и т.д. Текст информативен, содержательная суть исследования достаточна; считаю, что тема работы раскрыта, поставленная цель достигнута. Работу дополняют графические блоки, они есть сведение в единый формат накопленных данных. Сопоставительный вектор также поддерживается автором на протяжении всего сочинения: «английские эквиваленты исследуемых русских единиц, содержащих префикссоид само- и демонстрирующих высокий уровень употребления за последние два десятилетия, значительно отличаются по частоте

использования и по диахронической динамике вхождения в словарный состав, что свидетельствует об особенностях восприятия себя и мира представителями русскоязычного и англоязычного сообществ в настоящее время». На мой взгляд, работа может быть импульсом при формировании новых статей смежной направленности. В выводах автор отмечает, что «сопоставительный анализ русскоязычных словоформ, инкорпорирующих префиксoid само-, и их эквивалентов в английском языке указывает на факт активного использования данного форманта в речи представителей русскоязычного общества. Английские эквиваленты не демонстрируют высокой частотности в исследуемый период времени, но обладают различной динамикой употребления, интерпретирующей современные запросы англоязычного общества». Материал практико-ориентирован, его целесообразно использовать в преподавании ряда вузовских дисциплин. Рекомендую статью «Именная префиксация как смыслообразующая константа в современном русском и английском языках» к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гамзатова К.А. Аспектуальные значения прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке // Litera. 2025. № 7.
DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75260 EDN: JMLJID URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75260

Аспектуальные значения прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке

Гамзатова Камилла Абдулаевна

ORCID: 0000-0002-2052-6291

старший преподаватель; факультет иностранных языков; Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
преподаватель; Восточный факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.

 Kamilla.Alieva95@gmail.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75260

EDN:

JMLJID

Дата направления статьи в редакцию:

22-07-2025

Аннотация: В тюркологических исследованиях последних лет эпизодически обсуждается вопрос о наличии морфологической категории аспектуальности в тюркских языках. Дискуссия по этому вопросу традиционно сводится к вопросу о наличии или отсутствии вида в тюркских языках и толкованию значений некоторых временных форм тюркского глагола. Исследование вопроса об аспектуальных значениях на материале древних языков, в частности, древнеуйгурского языка как одного из генетических предков современных тюркских языков может пролить свет на семантические особенности форм тюркского глагола, а также дать подтверждение или опровержение идеи о наличии возможности у древнеуйгурского глагола выражать аспектуальные значения морфологическим путем. Изучение особенностей аспектуальных значений в древнеуйгурском языке дает возможность описать и дополнить эти значения, а также выявить средства, которые используются для выражения этих значений. В статье рассматриваются аспектуальные значения прогрессива и дуратива и средств их выражения в древнеуйгурском языке. В исследовании материал древнеуйгурского языка

исследуется с позиций функционально-семантического подхода. В том числе для анализа материала применяются описательный и сравнительный методы исследования с целью выявить синхронические и диахронические особенности языковых связей. Исследование аспектуальности как функционально-семантического поля позволяет выявить и подробнее описать средства выражения значений линейного аспекта. В ходе исследования были обнаружены морфологические средства, способные маркировать некоторые значения линейного аспекта, а именно серединной стадии процесса. В результате анализа было установлено, что прогрессивный и дуративный аспекты реализуются через аналитические сочетания, в которых первым компонентом является адвербиальная форма глагола, а вторым – вспомогательный глагол. Подобный анализ показывает, что в древнеуйгурском языке для передачи аспектуальных значений используются только грамматические средства. В рамках проведенной работы использование лексических средств передачи значений функционально-семантического поля аспектуальности выявлено не было. На изучаемом этапе развития древнеуйгурского языка можно зафиксировать период формирования морфологической категории аспектуальности.

Ключевые слова:

дуратив, прогрессив, аспектуальность, древнеуйгурский язык, Тюркские языки, деепричастие, вспомогательный глагол, агглютинативные языки, аспект, перфект

Введение

В языках разных структур наблюдается функционирование особых средств выражения внутренней временной структуры событий и действий. Эти средства призваны передавать информацию о продолжительности, завершении и повторении действий и событий. Для описания особенностей внутренней структуры событий и действий ключевым понятием является аспектуальность. Аспектуальные значения чаще всего маркируются морфологически, реже лексически. Например, в индоевропейских языках для сигнализации аспектуальных свойств высказывания отмечается использование специальных грамматических маркеров, таких как: спряжение глаголов, адвербиальные формы и конвербы [1,2,3], а в китайском языке образование словоформ с аспектуальным значением происходит при помощи суффиксов, обладающих агглютинативными свойствами [4:c.137]. Аспектуальность часто контрастирует с временными формами, поскольку категория времени призвана указывать на местоположение события/действия во времени, и модальными формами, которые выражают отношение говорящего к событию/действию [5: с.176-177]. Нередко аспектуальные значения относят к эвиденциальным значениям, которые указывают на сообщаемый факт, факт сообщения и на указываемый источник сведений о сообщаемом факте [6: 95-113].

Аспект указывает на связь времени и пространства, концептуализирует временные характеристики ситуации или события с точки зрения его продолжительности, завершенности и отношения к другим событиям. Подобное понимание аспекта и категории аспектуальности было предложено А.В. Бондарко в работе “Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис” 1987 года [7]. Такой подход к пониманию аспекта и аспектуальности позволяет расширить поле исследования аспектуальных явлений на материале языков мира различных

морфологических типов. Аспектуальность представляет собой функционально-семантическое поле, в котором семантический центр формируется глагольным предикатом. Содержательная структура высказывания включает в себя все характеристики протекания действия во времени. Аспектуальность связана с понятием «внутреннего времени», внутренней динамики ситуации, что противопоставляется отношению действия к моменту речи или другой точке отсчета [7: с.45-56].

Семантическая зона аспекта описывает тип и структуру событий. Ситуацию можно рассматривать с точки зрения ее продолжительности, завершенности или повторяемости - количественный аспект [\[8\]](#) с точки зрения ее внутренней структуры, т. е. характеристик и свойств протекания - качественный аспект [\[1,2\]](#). Указание на тип и структуру событий и действий позволяет дополнительно выделить два вида аспекта: линейный и вторичный. Под линейным, или первичным аспектом понимается любой фрагмент ситуации, попавший в окно наблюдения (*topic time* [\[9\]](#)), т.е. период времени, релевантный части времени ситуации [10: 467]. Каждая аспектуальная граммема выделяет некоторый фиксированный момент или период времени, в течение которого ситуация может реализоваться полностью или один из нескольких фрагментов [11: 284].

Линейный аспект включает в себя проспектив, указывающий на подготовительную стадию процесса. Данная стадия проявляет также свойства начинательности процесса, с точки зрения фазовости (*ингрессива*), т. е. указания только на начало ситуации [\[12: с. 348\]](#), и *инхоатива*, т. е. указания на начальную фазу ситуации и перехода от одного состояния к другому [\[13\]](#).

Проспективу свойственны значения интенциональности и цели. Так, проспективные формы распространены в тюркских, в частности, в южносибирских языках и выражены в виде инфинитивных конструкций - намерения или цели. Эти конструкции используются для выражения цели действия, а не для описания самого действия [\[14\]](#).

Прогрессив указывает на серединную стадию развития процесса. Действие реализуется во времени безотносительно к началу или концу, но выражает значение только динамической длительности. Еще одним аспектуальным значением серединной стадии является *дуратив*, указывающий на серединную фазу ситуации любого типа [\[11\]](#).

В тюркологических работах, посвященных аспектуальным значениям тюркских глаголов, чаще всего, за основу берется концепция Л. Юхансона, где выделяются три основных семантических значения - интратерминалность, прагнация и посттерминалность [\[15\]](#). В рамках данной концепции прогрессив рассматривается как семантическое значение интратерминалности.

Интратерминалность указывает на серединную стадию ситуации [\[15: с. 76\]](#), прагнация обеспечивает фокус внимания на самой ситуации [\[16: с.77\]](#), а посттерминалность [\[11\]](#) указывает на завершение действия в действительности. Терминологически Л. Юхансон отождествляет понятия *вид* и *аспект*, но не смешивает их с *акциональностью*.

В структуре процесса ситуация может не иметь серединной стадии, а только начало и мгновенное завершение. Стадия мгновенного достижения предела является *пунктивом* [\[11\]](#).

Комплетив маркирует финальную стадию ситуации – завершенность действия. *Результатив* передает значение результата действия и итогов ситуации. Результативное значение указывает на достижение действием предела.

Перфект указывает на некоторую ситуацию, произошедшую в прошлом периоде ориентации и находящуюся в прямой зависимости от текущей *релевантности* (*current relevance*)^[2,17], т.е. «момент речи»^[18:c.525].

Вторичный аспект оформляет переход глагольных лексем из одного аспектуального класса в другой^[11: с.295], вследствие чего ситуация теряет динамическую характеристику и переходит в свойство/состояние субъекта или объекта действия, что соответствует *хабитуалису*^[11: с.299].

К значениям вторичного аспекта относят *мультиплектив*, который выражает повторение или множественность действия или состояния^[11: с.299] и *перфектив*^[11: с. 295-296], тип аспектуального значения, который указывает на завершенность события или ситуации в прошлом и его связь с моментом речи, и рассматривает ситуацию как целое^[19]. *Перфектив* является родовой категорией по отношению к комплетиву и результативу^[19].

В отечественной тюркологии вышеуказанные семантические значения рассматриваются в рамках теории акциональности^[20: с.10-14]. Различие в понимании аспектуальных значений в индоевропейских и тюркских языках заключается в том, что в тюркских языках эти значения передаются преимущественно с помощью морфологических средств, в то время как в индоевропейских языках активно используются как морфологические, так и лексические способы выражения^[21:c.34-43; 20].

В настоящей статье особое внимание уделяется аспектуальным граммемам прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке, что подразумевает также выявление средств их выражения.

Аспектуальные граммемы в тюркских языках, чаще всего, выражены моделями CVB + AUX, где CVB - адвербиальная форма глагола (деепричастие), AUX - вспомогательный глагол, который уточняет значение знаменательного глагола. Средством выражения аспектуальной семантики могут выступать как финитные, так и нефинитные формы глагола. Например, «...etözin örtäp qalmış (Hüen^[21] 36,16-17)» '...[он] обжег свое тело', где аналитическая форма -*p qal-* маркирует результатив. В древнеуйгурских памятниках можно найти подтверждение нефинитных средств передачи аспектуальной семантики: ... köjülli ögirmiş sävinmişniñ belgüsi erür (Hüen VI 7 11-12) - 'Это проявление того, что их души возрадовались', где форма -*mış* употребляется в субстантивной функции. Подобные аспектуальные граммемы в тюркских языках получили название аналитических форм и подробно описаны в ряде работ, например, в исследовании А. А. Юлдашева «Аналитические формы глагола в тюркских языках»^[22] и Д. М. Насилова «Акциональные группы узбекских глаголов»^[23]. Об аналитических формах писал также и А. М. Щербак в своей работе 1961 г. «Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана»^[24]. В указанной работе автор обнаруживает аналитические конструкции, способные передавать «временные, модальные и аспектуальные значения»^[24: с. 153-155].

Семантическая зона аспектуальности в древнеуйгурском языке имеет нечеткие границы,

поскольку выявленные формы в языке памятников могут передавать значения временной локализованности/аспектуальности/ эвиденциальности. Сложно четко разделить аспектуальные граммемы. Например, указанная выше финитная форма *-mīš* применительно к языку древнетюркских памятников рассматривается как прошедшее неочевидное или субъективное время^[25:c.188], что обусловлено ее функционированием в качестве средства передачи неочевидности, субъективности и внезапности совершения действия^[25, 26, 27, 28, 29]. Проведенный анализ дает возможность полагать, что указанная форма использовалась как перфектная, на основе которой могут развиваться и эвиденциальные формы [11: с.293]. В древнеуйгурских памятниках можно найти примеры употребления *-mīš* в качестве нефинитной формы, способной передавать перфектное значение: *bu muntay tūrlūg tözünlerin toymīš (...)nom erdinig titirler* (BTT^[30] IX 2v 18-19) 'Они отказываются от Священного писания (...), которое породило столько видов благородства'. В приведенном примере форма *-mīš* употребляется в адъективной функции и маркирует результативное значение перфекта^[31].

Материалы исследования

В исследовании анализируются примеры из письменного памятника древнеуйгурского языка (ориентировано X-XII в.). Основой для исследования послужил древнеуйгурский памятник, являющийся переведенным с китайского на древнеуйгурский сочинением «Биография Сюань-цзана», традиционно именуемой в тюркологических исследованиях как уйгурская версия^[21]. Биографическое произведение повествует о путешествии монаха Сюань-цзана в Индию, его опыте общения с уйгурами, его переводах буддийских писаний, а также содержит сведения о культурных и религиозных связях Китая с Уйгурским государством Кочо (840-1368).

Аспектуальные граммемы и примеры из памятников

В памятниках были выявлены следующие формы для передачи прогрессивного аспектуального значения:

Форма *-a bar-*

(1) *men kuintso bardılm <...> jemä īnčip jana tolu tükel töz taqī ekşük istäjü^[6] barıp bosyun[yalı]* (Hüen 12 аб, 19-1)

Я , Сюань-цзан, отправился, <...> чтобы разузнать о том, не достает [ли здесь] совершенной и полной основы [учения] и удостовериться [в этом] ...

men	kuintso	bar - dīm	jemä	īnčip	jana		
я	Сюань-цзан	добраться	-теперь	так	вновь		
		1 SG PST					
tolu		tükel	töz	taqī	ekşük	istä - jü_bar-ıp	
полный		совершенный	основа	POST	недостаток	спрашивать	-
						PROG	-CVB
bosyun - [yalı]							
удостовериться							

В настоящем примере деепричастие *-i* является вариантом деепричастия *-a*. В опубликованных транскрипциях древнеуйгурских текстов оно часто встречается как *-u*[25: с.131].

(2) *qalïn jangalar uduz qaqlïyïn kirtüligin iltü bardïilar* (Hüen , V26, 13-15)

стадо слонов везло [его] известным только им путем (?)

qalïn janga - lar [uduzqaq -lïy - ïn kirtü] - lig - in
 стадо слон-PL проводник-ADJ-INS
 ilt - ü_bar-dï-lar
 нести-PROG-3 PL PST

В приведенных примерах аналитическая форма *-a bar-* обнаруживает способность указывать на динамическое протекание действия. Вспомогательный глагол *bar-* 'идти, добираться' маркирует стремление действия к пределу. Ранее данная форма не отмечалась как аспектуальная[32: с.247].

Форма *-a jorï-*

(3) *amtï barča kiŋürü jorïjur* (Hüen 16, 12)

Теперь все они [постоянно] распространяются.

amtï barča kiŋ - ür - ü_jorï - jur
 теперь распространяться-CAUS-PROG-3 SG PRS

(4)... *tapïnu udunu jorïyalï jarlïyča qïlu tegingäli tip tidi* (Hüen 106, 3)

[Он] сказал: «Для того чтобы поклоняться и придерживаться [учения], [а также] осмелиться совершить [действие] с позволения ...»

<i>(tapïn - u udun - u)_jorï -yalï</i>	<i>jarlïyča</i>
поклоняться-придерживаться-PROG-CVB	позволение- EQT
<i>qïl - u_tegin - gäli</i>	<i>tip tidi</i>
осмелиться-PROG-CVB	QUOT

Аналитическую форму *-a jorï-* следует отнести к прогрессиву, поскольку она указывает на постепенность и длительность совершения действия. Вспомогательный глагол *jorï-* 'идти' маркирует продолжительность, длительность действия.

К дуративным формам в древнеуйгурском языке следует отнести следующие аналитические формы:

Вспомогательный глагол *tur-* 'стоять' маркирует длительность действия без указания предельности.

Форма *-a tur-*

(5) *ongtïn jïngaq tapïy uduy qïlu turdï* (Hüen V 15, 1-2)

он продолжал совершать поклонение по правую сторону(?)

ongtïn jïngaq [tapïy uduy] qïl - u__tur - dï
 правая сторона поклонение совершать -DUR- 3SG PST

(6) *javlaqïn tarqaru imrärigme yalanguquy igidü ačïnu tutmišqa öträ irta tayşurup iirlayurlar* (Hüen V 7, 18-20)

Для того, чтобы [продолжать] оказывать милость людям и рассеивать [совершенное ими] зло, напевают песни и декламируют стихи

javlaqin	tarqar-u	imrärigme	yalanguquy
зло-3 POSS - ACC	рассеивать-	окружающий	живое существо -
	CVB		ACC
igid-ü ačin]-u__tut - miš-qä	öträ iṛta	taṣur-up	
Оказывать милость-DUR-PTCP-DATLOC после		декламировать-	
		CVB	
īrla-yur-lar			
стихи напевать - 3 PL PRS			

Форма *-p olur-*

Вспомогательный глагол *o/ur-* 'сидеть' также маркирует длительность действия без указания предельности.

(7) öndün sümüy tutup olurdilar (*Hüen* 56, 3)

Они завладели границей на востоке.

önđün	süm - īy	tut - up_olur - dī - lar
на востоке	граница	владеть-DUR-3PL PST

(8) tavyačniy kidin uči öndün sümüy tutup olurdilar (*Hüen* V66, 2-4)

Они обосновались к востоку от западной границы государства табгачей

tavyač - nīj	kidin uč - ī	önđün süm-īy
табгач -GEN	запад край-3POSS	восток граница-ACC
tut - up_olur - dī - lar		

обосноваться-DUR-3 PL PST

Результаты исследования

В результате исследования языка древнеуйгурских памятников были выявлены пять форм, маркирующих линейный аспект и выражают серединную стадию развития процесса, и образующихся аналитическим путем: -a bar-, -a jorī-, -a tur-, -a tut- и -(i)ro olur-, которые присоединяются к основе знаменательного глагола, и могут образовывать как финитные, так и нефинитные формы глагола (адъективные, адвербиальные).

Перечисленные формы, являясь морфологическим средством выражения аспектуальности, свидетельствуют о наличии данной «категории» в древнеуйгурском языке. Материал языка памятников не дает полной картины семантической зоны аспектуальности в древнеуйгурском языке. Наоборот, порождает новые вопросы о возможности полисемии аспектуальных форм и ставит перед исследователями новые задачи по анализу граммем не только линейного, но и вторичного аспекта. Линейный аспект – прогрессив и дуратив – имеет свои морфологические средства выражения, построенные по модели CVB + AUX.

Серединную стадию процесса можно представить в виде таблицы:

Аспектуальные граммемы

ПЕРВИЧНЫЙ (ЛИНЕЙНЫЙ) АСПЕКТ

(= выражение фрагмента описываемой ситуации)

-a bar- ПРОГРЕССИВ

-a jorī-

-a tur- ДУРАТИВ

-a tut-

-(i)p olur-

Библиография

1. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
2. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The U. of Chicago Press, 1994.
3. Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
4. Колпачкова Е.Н. Классы глагола, сочетаемость и типология // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 137-149.
5. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А.С. Аврутиной, Н.Н. Телицина. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2015. 320 с. EDN: VQHRFD
6. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.
7. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987.
8. Храковский В.С. Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. EDN: UWGYBL
9. Klein W. Time in language. London; New York: Routledge, 1994.
10. Федотов М.Л. Перфект и окно наблюдения (два экз.) // А.А. Кибрик, Кс.П. Семенова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева (ред.). ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна. М.: "Буки Веди", 2020. С. 467-475. EDN: UQMJFN
11. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с. EDN: PWOOIL
12. Бондарко А.В., Казаковская В.В. Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013.
13. Недялков В.П. Начинательность и средства её выражения в языках различных типов // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 180-195.
14. Cheremisina M.I., Nevskaya I.A. I stood to lie down' and 'I sat to leave': Infinitive constructions of intention in South Siberian Turkic languages // Turkic Languages. 2000. Vol. 4, no. 2. P. 77-113. EDN: VMJGHT
15. Johanson L. Aspekt im Turkischen: Vorstudien zu einer Beschreibung des turkeitürkischen Aspektsystems. 1971. 344 s.
16. Кузнецов П.И. Аспект и акционал в турецком языке // Советская тюркология. 1975. Вып. 3. С. 68-81.
17. Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event reference // Tense and aspect in the languages of Europe / ed. by Ö. Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385-402.
18. Гузев В.Г. Категория изъявительного наклонения (индикатив). Категория времени индикатива в турецком языке // Избранное: к 80-летию / отв. ред. Н.Н. Телицин. СПб.: Студия "НП-Принт", 2019.
19. Аркадьев П.М. Заметки к типологии перфектива // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков: Материалы круглого стола / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: "Пробел-2000", 2007. С. 17-30.
20. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектуальности. Акциональность. М.: Наука, 1989.

208 с.

21. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). М.: Наука, 1991.
22. Насилов Д.М. Акциональные группы узбекских глаголов // Востоковедение. Филологические исследования. 1987. Вып. 13. С. 34-43.
23. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 274 с.
24. Насилов Д.М. Акциональные группы узбекских глаголов // Востоковедение. Филологические исследования. 1987. Вып. 13. С. 34-43.
25. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). Л.: Изд-во Наука, 1980.
26. Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington IN: Indiana University & The Hague: Mouton, 1968. P. 192-193. (Indiana University Uralic and Altaic Series; Vol. 69).
27. Ахметов М.А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. С. 73-75.
28. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. 204 с.
29. Шервашидзе И.Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 63-65.
30. Tekin Ş. Maitrisimit nom bitig. Die Uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhasika-Schule. Berlin: Akademie-verlag, 1980.
31. Телицин Н.Н., Алиева К.А. Перфект в древнеуйгурском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и Африкастика. 2023. Вып. 2. С. 332-344. DOI: 10.21638/spbu13.2023.207 EDN: AMESLS
32. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004. (Handbook of Oriental studies. Sect. 8: Central Asia).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Язык как система – явление весьма интересное и, порой, аргументировано объяснимое. Большая часть научных изысканий оценивает язык как систему быстро меняющуюся, но при этом зависящую от открытой / стандартной ситуации. Как отмечает автор статьи в начале работы, «в языках разных структур наблюдаются особые средства выражения внутренней временной структуры событий и действий». Внутренняя структура связана с аспектуальным значением, аспектуальные значения, чаще всего, «маркируются морфологически, реже лексически. Например, в индоевропейских языках для сигнализации аспектуальных свойств высказывания отмечается использование специальных грамматических маркеров, таких как: спряжение глаголов, авербиальные формы и конвербы, а в китайском языке образование словоформ с аспектуальным значением происходит при помощи суффиксов, обладающих агглютинативными свойствами». Считаю, что предмет исследования данной работы достаточно интересен, нетривиален; методология соотносится с рядом современных лингвистических принципов, явных противоречий нет. Стиль соотносится с научным типом, суждения наукообразны: например, «аспектуальность рассматривается как функционально-

семантическое поле, где семантический центр определяется глагольным предикатом. Содержательная структура высказывания, включающая в себя все характеристики протекания действия во времени», или «семантическая зона аспектуальности в древнеуйгурском языке имеет зыбкие границы, поскольку обнаруженные формы в языке памятников могут передавать значения временной локализованности / аспектуальности / эвиденциальности. Четкое разделение между аспектуальными граммемами сложно очертить. Например, указанная выше финитная форма *-тіш* применительно к языку древнетюркских памятников рассматривается как прошедшее неочевидное или субъективное время, что обусловлено ее функционированием как средства передачи неочевидности, субъективности и внезапности совершения действия» и т.д. Считаю, что работа в целом ориентирована на раскрытие обозначенной темы, автору удается концентрически свести имеющиеся данные в некий общий базис. Примеров, иллюстративного фона достаточно; несколько смущает в ряде мест цитация (она должна быть более точечной, объективной). И самое важное – работу стоит поправить в «языковом плане». Уже с заголовка «Аспектуальные значения прогрессива и дуратива и средства их выражения древнеуйгурском языке» статья нуждается в правке и вычитке. В работе желательно устранить речевые ошибки, опечатки, вариации согласований / точнее несогласований: например, «различие с пониманием аспектуальных значений в индоевропейских и тюркских языках заключается в том, что аспектуальные и аксиональные значения передаются только с помощью особых морфологических средств, а не лексических...», или «Такой подход к пониманию аспекта и аспектуальности позволяет расширять поле для исследования аспектуальных явлений на материале языков мира, относящихся к разным морфологическим типам...» и т.д. В ряде мест ощущается неполнота предложений, суждения «усечены», что допустимо в устном формате, но не является нормой в письменном. Например, «внутренняя структура событий и действий является объектом для аспектологии» и т.д. Материалы исследования вполне удобны для анализа, в статье дается оценка «примеров из письменных памятников древнеуйгурского языка (примерно X-XII в.). Основой для исследования послужил древнеуйгурский памятник, являющийся переведенным сочинением с китайского на древнеуйгурский, - «Уйгурская версия биографии Сюань-цзана», или уйгурская версия биографии китайского монаха Сюань-цзана». Полученные данные объединяются в схематично-табличном виде, для лингвистических изысканий это весьма удобно. Автор приходит к выводу, что «в результате исследования языка древнеуйгурских памятников были выявлены пять форм...», «Указанные формы свидетельствуют о наличии аспектуальности в древнеуйгурском языке, а также о возникновении и последующем развитии морфологических средств для ее выражения. Материал памятников не дает полной картины о семантической зоне аспектуальности в древнеуйгурском языке, и, скорее, порождает новые вопросы о возможности полисемии аспектуальных форм, которые встречаются в памятниках, и ставят новые задачи по анализу граммем не только линейного, но и вторичного аспекта». В целом материал интересен, концепция автора понятна; работу можно использовать практически. Но в данном виде ее рекомендовать к публикации все же не целесообразно. Статья «Аспектуальные значения прогрессива и дуратива и средства их выражения древнеуйгурском языке» нуждается в доработке, вычитке, правке. Только после данных процедур ее можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают аспектуальные значения прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке. Актуальность работы не вызывает сомнения: в последнее время значительно возрос научный интерес к изучению древнетюрских языков, культур и истории тюрksких народов и, как следствие, возникла необходимость комплексного изучения аспектуальности, которая присуща всем языкам, однако удельный вес категории вида в разных языках различен. Эмпирическим материалом послужили примеры из письменного памятника древнеуйгурского языка (ориентировано X-XII в.), который представляет собой переведенное с китайского на древнеуйгурский сочинение «Биография Сюань-цзана», традиционно именуемое в тюркологических исследованиях как уйгурская версия.

Теоретической базой данного научного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых по функциональной грамматике, аспектологии, итеративности, проблемам тюркской аспектуальности и др. Библиография статьи составляет 32 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный метод, контекстологический и компонентный анализ языковых единиц, функционально-семантический метод и др.

В ходе работы проведен анализ теоретического материала и сделано его практическое обоснование, особое внимание уделялось аспектуальным граммемам прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке, что подразумевало также выявление средств их выражения («выявлены пять форм, маркирующих линейный аспект и выражающих серединную стадию развития процесса, и образующихся аналитическим путем»; «линейный аспект – прогрессив и дуратив – имеет свои морфологические средства выражения, построенные по модели CVB + AUX»). Отмечено, что «материал языка памятников не дает полной картины семантической зоны аспектуальности в древнеуйгурском языке», «наоборот, порождает новые вопросы о возможности полисемии аспектуальных форм и ставит перед исследователями новые задачи по анализу граммем не только линейного, но и вторичного аспекта». Выводы исследования соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы.

Таким образом, автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в изучение аспектуальных значений прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке. Полученные результаты могут представлять интерес для общей и сопоставительной аспектологии, а также служить базой для дальнейших теоретических исследований в этой области. Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов в курсах по функциональной грамматике, сравнительной аспектологии языков, грамматике тюркских языков и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Работа является новаторской,

представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. В целом, статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тянь Б. Ассоциативные связи топонимов в языковом сознании носителей русского и китайского языков // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75318 EDN: JMRHUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75318

Ассоциативные связи топонимов в языковом сознании носителей русского и китайского языков

Тянь Бинсэнь

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 9

✉ 1042245055@pfur.ru



[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.75318

EDN:

JMRHUE

Дата направления статьи в редакцию:

27-07-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются ассоциативные связи топонимов в языковом сознании носителей русского и китайского языков. Объектом анализа выступают географические названия как культурно маркированные единицы, репрезентирующие специфические когнитивные и этнокультурные модели восприятия пространства. Автор подробно рассматривает характер ассоциативных реакций на топонимы как проявление коллективных стереотипов, медиавоздействия и социокультурного опыта. Исследование основано на сопоставлении данных свободного ассоциативного эксперимента и направлено на выявление лингвокультурных различий в интерпретации одних и тех же географических названий. Особое внимание уделяется тому, как в сознании представителей разных лингвокультур формируются представления о «своём» и «чужом» пространстве через топонимические образы и как эти представления могут влиять на межкультурную коммуникацию. Исследование опирается на метод свободного ассоциативного эксперимента, позволяющий выявить когнитивные и культурные установки при восприятии топонимов. Количественный и качественный

анализ реакций русскоязычных и китайскоязычных информантов обеспечил межкультурное сопоставление языкового сознания. Научная новизна настоящего исследования заключается в систематическом сопоставлении ассоциативных реакций русскоязычных и китайскоязычных информантов на одинаковый набор культурно значимых топонимов. Такой подход позволил выявить специфические особенности концептуализации географических названий в разных лингвокультурах. Установлено, что русскоязычные респонденты чаще оперируют стереотипными и политико-административными ассоциациями, в то время как китайскоязычные информанты демонстрируют склонность к культурно-историческим и визуально-сценическим образам. Наряду с этим обнаружены элементы интеркультурного пересечения в реакциях, отражающие возможные точки культурного сближения. Полученные результаты подтверждают значимость топонимических ассоциаций как инструмента анализа языкового сознания, а также подчёркивают их потенциал для развития межкультурной компетенции, преподавания иностранных языков и оптимизации медиадискурса. Исследование дополняет теоретико-методологическую базу когнитивной лингвистики и открывает перспективы для дальнейшего изучения культурных карт мира.

Ключевые слова:

Ассоциативные реакции, Языковое сознание, Лингвокультурные особенности, Топонимическая семантика, Когнитивная лингвистика, Межкультурная коммуникация, Национальные стереотипы, Медиадискурс, Культурная память, Свободный эксперимент

Введение

В современном языкоznании наблюдается устойчивый интерес к исследованию языкового сознания и когнитивной картины мира, в которой особое место занимают топонимы — географические названия, выполняющие не только денотативную, но и мощную культурно-семантическую функцию. Топонимы не являются нейтральными лексическими единицами: они закрепляют в языке коллективный опыт, историческую память, национальные стереотипы и ценностные ориентиры, что позволяет рассматривать их как элементы ментального пространства носителей языка [1]. Поскольку топоним несёт в себе информацию о конкретном месте, его восприятие и ассоциативное наполнение в значительной мере определяются социокультурной принадлежностью индивида. Таким образом, анализ ассоциативных связей топонимов позволяет заглянуть вглубь национальной языковой картины мира, выявить когнитивные различия и точки соприкосновения в концептуализации пространства у представителей различных лингвокультур.

На фоне усиливающейся глобализации и интенсификации межкультурных контактов особенно важным представляется кросс-культурный подход к изучению топонимической лексики. Если в пределах одной культуры топонимы часто обрастают устойчивыми ассоциациями и входят в состав культурного кода, то при межъязыковом сравнении обнаруживается значительный разброс в ассоциативных реакциях, отражающий специфику когнитивных механизмов и культурных установок каждой конкретной лингвокультуры [2]. В этом контексте противопоставление русскоязычного и китайскоязычного языкового сознания приобретает особую значимость, поскольку представляет собой столкновение двух различных цивилизационных традиций с уникальной историко-культурной и ценностной базой.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей ассоциативных реакций на топонимы у носителей русского и китайского языков. В рамках данной цели предпринимается попытка установить, каким образом воспринимаются и интерпретируются определённые географические названия в двух лингвокультурах, а также какие когнитивные и культурные механизмы лежат в основе формирования этих реакций. Особое внимание уделяется выявлению устойчивых ассоциативных паттернов, частотности тех или иных реакций, а также их лингвокультурной интерпретации.

Объектом исследования выступают ассоциативные связи, возникающие в процессе восприятия топонимов, а предметом — национально обусловленные особенности этих связей в русском и китайском языковом сознании. Исследование опирается на метод свободного ассоциативного эксперимента, позволяющего выявить первичные ментальные реакции информантов, а также на методы компонентного и сопоставительного анализа, обеспечивающие структурное и содержательное сравнение полученных данных.

Научная новизна исследования заключается в применении кросс-культурного подхода к изучению семантики и прагматики топонимов как элементов языкового сознания, что позволяет по-новому интерпретировать топонимическую лексику в когнитивном и культурном аспектах. Впервые в сопоставительном ключе рассматриваются ассоциативные поля, формируемые на базе одних и тех же топонимов в русском и китайском языках, что способствует углублённому пониманию механизмов лингвокультурной репрезентации пространства и расширяет горизонты межкультурной когнитивной лингвистики.

Теоретико-методологические основы исследования топонимов в ассоциативном поле

Современная лингвистика, развиваясь в рамках когнитивной и лингвокультурологической парадигм, уделяет особое внимание исследованию языковых единиц, отражающих взаимодействие языка, мышления и культуры. В этом контексте топонимы рассматриваются не только как номинативные единицы, фиксирующие географические объекты, но и как элементы концептуализации действительности в языковом сознании носителей языка. Они функционируют в системе ономастики как когнитивно и культурно маркованные знаки, несущие в себе сложные смыслы, включая историко-культурную, эмоционально-ценностную и ментальную информацию [3].

Исследования в области когнитивной ономастики подчеркивают, что топоним представляет собой маркер коллективной памяти, в котором актуализированы когнитивные шаблоны и образные схемы. Согласно Е.Ф. Ковлакас, когнитивная интерпретация топонима предполагает возвращение к его восприятию человеком, к антропологическому измерению, где значение формируется не столько на уровне языковой системы, сколько на уровне субъективного опыта и культурных сценариев восприятия пространства [4]. Следовательно, исследование топонимов как элементов языковой картины мира предполагает анализ их концептуального наполнения и семантической репрезентации в рамках конкретной лингвокультуры [5].

В этом аспекте важным инструментом выявления значимых компонентов языкового сознания является метод ассоциативного эксперимента. Как отмечает Н.И. Курганова, ассоциативное поле, возникающее в ходе эксперимента, представляет собой смысловое образование, отражающее когнитивно-дискурсивную активность субъекта и позволяющее реконструировать структуру живого значения слова [6]. Ассоциативные

реакции, зафиксированные в условиях спонтанной речемыслительной деятельности, обладают высокой степенью достоверности, поскольку репрезентируют как индивидуальные, так и этнокультурные стереотипы.

Ассоциативный метод применим к топонимам, поскольку позволяет выявить устойчивые ассоциативные ряды, закрепленные в языковом сознании, а также их вариативность в зависимости от национального контекста. По наблюдению Ю.Н. Исаева, «ассоциативное поле выступает специфическим для данной культуры “профилем” образов сознания, интегрирующим ментальные и чувственные знания этноса» [7]. Это особенно важно при сопоставлении ассоциативных реакций представителей различных лингвокультур, как, например, русской и китайской, что позволяет выявить не только различия в восприятии, но и универсальные механизмы категоризации.

Дополнительную научную основу для анализа представляют ассоциативные словари, рассматриваемые как модели наивной языковой картины мира. По мнению Н.В. Уфимцевой, ассоциативно-вербальная сеть, построенная на базе массового ассоциативного эксперимента, позволяет репрезентировать структурную организацию знаний, закреплённых за словами, и служит объективной базой для сопоставительных лингвокультурологических исследований [8]. Эта сеть особенно показательна для изучения топонимов, поскольку выявляет иерархию и культурную нагрузку географических названий в массовом сознании.

Таким образом, совмещение когнитивной ономастики и ассоциативного подхода предоставляет мощную методологическую базу для выявления глубинных слоёв языкового сознания, связанных с восприятием пространства. Топонимы, будучи когнитивно значимыми единицами, позволяют моделировать способы концептуализации географии, отражённые в национальных языковых картинах мира. Включение ассоциативного эксперимента как эмпирического метода делает возможным переход от абстрактных моделей к конкретным проявлениям ментальных образов, что особенно ценно в кросс-культурных исследованиях [9].

Сравнительный анализ ассоциативных реакций русскоязычных и китайскоязычных информантов

Исследование основывается на применении метода свободного ассоциативного эксперимента, который зарекомендовал себя как надёжный инструмент выявления когнитивных механизмов языкового сознания. Метод позволяет зафиксировать не только семантические связи между словами, но и глубинные культурные установки, ассоциативно активируемые при восприятии тех или иных единиц языка [10]. В рамках данного исследования объектом эксперимента стали топонимы, рассматриваемые как культурно нагруженные элементы лингвокультурной системы.

В эксперименте приняли участие 200 информантов: 100 носителей русского языка (граждане Российской Федерации) и 100 носителей китайского языка (граждане КНР). Все участники являлись студентами вузов гуманитарного профиля в возрасте от 18 до 25 лет. Подобная однородность возрастной и образовательной выборки обеспечивала сравнимость результатов в когнитивном плане.

Испытуемым предлагались 10 топонимов (по 5 от каждой лингвокультуры: Москва, Сочи, Сибирь, Париж, Лондон; 北京, 上海, 故宫, 东京, 纽约). Задание заключалось в том, чтобы быстро и без раздумий записать первое слово или словосочетание, пришедшее в голову при восприятии каждого из названий. Реакции фиксировались в письменной форме —

как в онлайн-анкете, так и в аудиторных условиях. Всего было собрано 1800 ассоциаций (по 900 для каждой языковой группы).

Структура и параметры проведённого эксперимента представлены в таблице 1.

Таблица 1. Параметры и структура ассоциативного эксперимента

Параметры исследования	Описание
Тип эксперимента	Свободный ассоциативный эксперимент
Количество информантов	200 (100 русскоязычных + 100 китайскоязычных)
Возрастной диапазон	18–25 лет
Языковые группы	Русский язык (РФ), китайский язык (КНР)
Типы топонимов-стимулов	Национальные и международные топонимы
Количество стимулов	10 (по 5 на каждую страну)
Вид ассоциации	Первая вербальная реакция на стимул
Форма проведения	Анкетирование (онлайн/очно)

Выбор метода свободных ассоциаций обусловлен его способностью фиксировать как устойчивые культурные стереотипы, так и спонтанные ментальные образы, возникающие в результате прямого языкового воздействия. Применение этого метода в кросс-культурном сравнении позволяет выявить специфику категоризации пространственных объектов и способов их интерпретации в различных национальных языковых картинах мира.

Для повышения репрезентативности анализа и обеспечения баланса кросс-культурного сопоставления было отобрано восемь ключевых топонимов — по четыре от каждой национальной культуры. Критериями отбора послужили следующие параметры:

- Культурная и когнитивная значимость: топоним должен выступать символом культурной идентичности (например, Москва или 故宫) – Частотность в медиадискурсе и учебной литературе – Уровень узнаваемости в международном контексте, предполагающий наличие базового представления у носителей другой культуры – Разнообразие семантических ассоциативных полей: от столиц и мегаполисов до региональных объектов с историко-сакральной нагрузкой

Количественный анализ показал различное распределение доминирующих типов ассоциаций. У русскоязычных информантов чаще фиксируются стереотипные и политико-географические образы, в то время как у китайскоязычных — культурно-исторические и визуально-сценические. Эти тенденции представлены в таблице 2.

Таблица 2. Частотность типов ассоциаций у русскоязычных и китайскоязычных информантов (%)

Тип ассоциации	Русскоязычные (%)	Китайскоязычные (%)
Политико-административные	73	64
Культурно-исторические	48	86
Эмоциональные	34	18

Социальные	— .	— .
Визуальные	22	29
Стереотипные	82	55

На качественном уровне анализ показал, что русскоязычные участники ассоциируют отечественные топонимы с устойчивыми географическими и социальными характеристиками: «Москва» вызывает образы «Кремля», «Красной площади», а «Сочи» — «моря» и «Олимпиады». В то же время китайские топонимы в реакциях русскоязычных участников чаще обозначают элементы общего представления о стране — «Пекин» ассоциируется с «императором», «Великой стеной», «Китаем», а «Шанхай» — с «бизнесом» и «небоскрёбами».

У китайскоязычных информантов, напротив, топонимы России вызывают как традиционные образы («зима» — для Сибири, «медведь»), так и элементы позитивного узнавания: «Сочи» воспринимается как «курорт», «спорт», а «Владивосток» — как важный «порт» и «торговый центр» в контексте китайско-российских связей. Примеры наиболее характерных ассоциативных реакций отражены в таблице 3.

Таблица 3. Примеры ассоциативных реакций на отдельные топонимы (по 4 топонима из каждой культуры)

Топоним	Ассоциации русскоязычных	Ассоциации китайскоязычных
Москва	Кремль, столица, Красная площадь	首都, 冬天, 历史
Сочи	море, отпуск, Олимпиада	旅游, 体育, 风景
Сибирь	холод, природа, медведь	自然, 广阔, 神秘
Владивосток	порт, граница, Дальний Восток	海港, 俄罗斯远东, 中俄贸易
北京 (Пекин)	Китай, император, Великая стена	首都, 故宫, 政治中心
上海 (Шанхай)	небоскрёбы, бизнес, мегаполис	金融, 国际化, 繁华
西安 (Сиань)	шелковый путь, древность, археология	兵马俑, 古都, 丝绸之路
成都 (Чэнду)	панда, кухня, провинция Сычуань	熊猫, 火锅, 慢生活

Как видно из таблицы, обе группы информантов демонстрируют наличие как этнокультурных кодов, так и элементов взаимного узнавания. Русскоязычные респонденты фокусируются на geopolитическом и стереотипном восприятии китайских топонимов, тогда как китайскоязычные воспринимают российские географические названия как носители природной уникальности, культуры и событийного образа (например, Сочи — как символ Олимпиады).

Наблюдаемые различия обусловлены различием когнитивных доминант и медийного фона: в русской языковой картине доминируют пространственные и социоисторические маркеры, а в китайской — культурная преемственность и визуально-сценические образы. Вместе с тем, наличие совпадающих ассоциативных элементов (например, столица = политический центр) свидетельствует о наличии интеркультурной платформы для взаимопонимания.

Таким образом, топонимы в сознании носителей языка функционируют как

мультиковидовые единицы, способные отражать как внутренние ценностные ориентиры культуры, так и восприятие «другого» пространства. Это делает ассоциативный анализ топонимов значимым инструментом для изучения межкультурной семантики и лингвокультурных стереотипов.

Лингвокультурная интерпретация результатов

Анализ ассоциативных реакций на топонимы среди русскоязычных и китайскоязычных информантов выявил ключевые особенности лингвокультурной концептуализации географических названий в разных языковых картинах мира. Полученные данные демонстрируют, что топонимы в языковом сознании функционируют не как нейтральные денотаты, а как семиотически нагруженные знаки, интегрирующие в себе культурную, историческую и эмоциональную информацию, специфичную для конкретного социума.

Семантическое наполнение топонима формируется под влиянием ряда факторов, включая национально-культурный контекст, медиадискурс и образовательные практики. Например, топоним «Москва» в русскоязычной выборке стабильно вызывал реакции: «Кремль», « власть », « родина », а также клишированные выражения: «Москва — столица России» и даже «Москва — Путин», что отражает высокую степень символизации столицы как центра государственности и политической субъектности. В то же время китайскоязычные информанты при восприятии топонима «故宫» (Запретный город) чаще всего реагировали словами: «皇帝» (император), «历史» (история), «文化» (культура), «北京是中国的首都» ("Пекин — столица Китая"), что указывает на укоренённость этого объекта в национальном культурном коде и закреплённые формулы, заученные в образовательной среде.

Такие примеры иллюстрируют механизм культурной маркировки топонима через устойчивые лексические ассоциации, часто воспроизводимые даже в автоматическом режиме, особенно у обучающихся иностранному языку на начальном уровне. Эти предсказуемые конструкции могут рассматриваться как элементы репродуктивного языкового сознания, формируемого в институциональной среде.

Влияние медиадискурса также оказывает значительное воздействие на формирование образа топонима. Современные коммуникационные каналы — телевидение, интернет, туристические платформы — закрепляют за определёнными названиями эмоционально окрашенные коннотации. Так, «Сочи» в реакциях китайскоязычных информантов чаще всего ассоциировался с «滑雪» (катание на лыжах), «奥运会» (Олимпиада), «风景» (пейзаж), что связано с медийным эффектом Зимних Олимпийских игр 2014 года. В аналогичном ключе «Шанхай» для русскоязычных студентов вызвал отклики «мегаполис», «будущее», «небоскрёбы», «технологии», а также устойчивое выражение «Шанхай — город будущего», что подчёркивает восприятие города как символа модернизации Китая.

Кроме того, в ряде случаев наблюдается культурная проекция — интерпретация чужой географии через призму собственной культуры. Так, «Сиань» в представлении русскоязычных студентов ассоциируется с «древность», «история», «Терракотовая армия», что свидетельствует о поверхностном, но положительном восприятии города как элемента культурного наследия. В то же время китайские информанты реагировали на «Сибирь» выражениями: «寒冷» (холод), «熊» (медведь), «神秘» (таинственная), «资源» (ресурсы), фиксируя в восприятии не только климатические характеристики, но и образы силы, природы, границы и богатства. Особое внимание вызывает реакция «西伯利亚是熊, 很冷» ("Сибирь — это медведь, очень холодно"), которая одновременно отражает

стереотип, гиперболу и культурное дистанцирование.

Таким образом, топонимы в языковом сознании являются неотъемлемой частью когнитивной структуры, в которой пересекаются знания о мире, ценностные ориентиры, эмоциональные установки и национальные нарративы. Ассоциативные реакции на географические названия не только репрезентируют лексико-семантические связи, но и выявляют глубинные установки лингвокультурной идентичности. Это делает их важным инструментом в теоретических исследованиях когнитивной лингвистики, а также в прикладных задачах — от разработки образовательных программ до диагностики межкультурного восприятия.

Заключение

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что ассоциативные связи топонимов представляют собой значимый индикатор как индивидуального, так и коллективного языкового сознания. Они отражают не только когнитивные механизмы категоризации географического пространства, но и более глубокие культурные и социopsихологические установки, включая стереотипы, культурную память и границы этноцентрического восприятия.

Анализ ассоциативных реакций носителей русского и китайского языков позволил выявить как пересекающиеся, так и уникальные особенности концептуализации топонимов. Это указывает на то, что географические названия в лингвокультурной перспективе функционируют как символические маркеры, через которые реализуется интерпретация собственного и чужого культурного пространства.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные результаты для разработки программ межкультурного образования, где топонимы могут служить не только лексическими единицами, но и средствами формирования культурной эмпатии. Кроме того, данные ассоциативного анализа могут быть полезны в таких сферах, как межкультурная коммуникация, дипломатия, медиаанализ и преподавание иностранных языков.

Таким образом, интерпретация ассоциативных связей топонимов выходит за рамки сугубо лингвистической задачи, становясь частью широкой культурно-когнитивной парадигмы. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется анализ динамики ассоциативных реакций в диахроническом разрезе, изучение билингвальной концептуализации топонимов, а также расширение географического охвата с привлечением представителей других лингвокультурных сообществ. Всё это будет способствовать более глубокому пониманию универсальных и уникальных аспектов пространственного восприятия в языковом сознании.

Библиография

1. Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 1. С. 160-179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008
2. Жаркынбекова Ш., Селиверстова Ж. Лингвистические методы в исследовании социокультурных ценностей в условиях современных вызовов: аналитический обзор // Язык и литература: теория и практика. 2025. Т. 4, № 1. С. 26-48. DOI: 10.52301/2957-5567-2025-4-1-26-48.
3. Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1174.

4. Ковлакас Е. Ф. К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 4. С. 326-331. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354.
5. Абдукадырова Т. Т. Особенности формирования языковой картины мира в функциональном поле когнитивных процессов // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 12-1. С. 143-151. DOI: 10.25726/a6487-5606-2163-q.
6. Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3. С. 24-37.
7. Исаев Ю. Н. Ассоциативный эксперимент как источник изучения языковой картины мира // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 156-160.
8. Уфимцева Н. В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. № 9 (92). С. 340-347.
9. Мейрбеков А. К. Исследование топонимов казахского и английского языков в когнитивном направлении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 12. С. 147-152. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.12.18.
10. Жаботинская С. А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) // Когниция, коммуникация, дискурс. 2013. № 6. С. 47-76.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают ассоциативные связи топонимов в языковом сознании носителей русского и китайского языков. Актуальность работы не вызывает сомнения: во-первых, когнитивное направление считается одним из наиболее перспективных и важных в современной лингвистике («в современном языкознании наблюдается устойчивый интерес к исследованию языкового сознания и когнитивной картины мира»); во-вторых, в данной работе представлен метод свободного ассоциативного эксперимента как инструмент изучения языкового сознания, в ходе которого изучалась реакция носителей русского и китайского языков на топонимы («анализ ассоциативных связей топонимов позволяет заглянуть вглубь национальной языковой картины мира, выявить когнитивные различия и точки соприкосновения в концептуализации пространства у представителей различных лингвокультур»).

Теоретической основой научной работы явились труды, посвященные формированию языковой картины мира в функциональном поле когнитивных процессов, вопросам изучения топонимов в когнитивном аспекте, ассоциативному эксперименту как методу исследования и др. Библиография насчитывает 10 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями («По наблюдению Ю. Н. Исаева, «ассоциативное поле выступает специфическим для данной культуры «профилем» образов сознания, интегрирующим ментальные и чувственные знания этноса» [7]. Это особенно важно при сопоставлении ассоциативных реакций представителей различных лингвокультур,..»).

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; методы компонентного и сопоставительного анализа, обеспечивающие структурное и содержательное сравнение полученных данных; статистический метод; метод контент-

анализа для систематизации содержимого ответов респондентов, статистический метод, а также метод свободного ассоциативного эксперимента («совмещение когнитивной ономастики и ассоциативного подхода предоставляет мощную методологическую базу для выявления глубинных слоёв языкового сознания, связанных с восприятием пространства»). В эксперименте приняли участие 100 носителей русского языка (граждане Российской Федерации) и 100 носителей китайского языка (граждане КНР) в возрасте от 18 до 25 лет, что обеспечивало сравнимость результатов в когнитивном плане.

В ходе работы проведен качественный, количественный и критический анализ проблемы: рассмотрены теоретико-методологические основы исследования топонимов в ассоциативном поле; проведен сравнительный анализ ассоциативных реакций русскоязычных и китайскоязычных информантов на предложенный список топонимов; представлена лингвокультурная интерпретация полученных результатов. В заключении сформулированы обоснованные выводы о том, что «ассоциативные связи топонимов отражают не только когнитивные механизмы категоризации географического пространства, но и более глубокие культурные и социопсихологические установки, включая стереотипы, культурную память и границы этноцентрического восприятия»; «интерпретация ассоциативных связей топонимов выходит за рамки сугубо лингвистической задачи, становясь частью широкой культурно-когнитивной парадигмы» и т. д.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы связаны с ее вкладом в развитие таких современных научных направлений, как лингвокогнитология, контрастивная лингвистика, межкультурная коммуникация, сравнительно-сопоставительное изучение национальных лингвокультур. Обозначены перспективы дальнейшего развития заявленной проблематики, которые состоят в «анализе динамики ассоциативных реакций в диахроническом разрезе, изучении билингвальной концептуализации топонимов, а также расширении географического охвата с привлечением представителей других лингвокультурных сообществ».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дыдров А.А. «Кино в цифровую эпоху»: обзор конференции // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.71578 EDN: JVDPAE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71578

«Кино в цифровую эпоху»: обзор конференции

Дыдров Артур Александрович

ORCID: 0000-0002-3288-8724

доктор философских наук

профессор; кафедра Философия; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); профессор; кафедра философии; Челябинский государственный университет



454091, Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Советская, 36, кв. 66

✉ dydrovaa@susu.ru

[Статья из рубрики "Научная хроника"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.71578

EDN:

JVDPAE

Дата направления статьи в редакцию:

26-08-2024

Аннотация: Мероприятие 2024 г. «Кино в цифровую эпоху» объединило российских специалистов по социальной философии, антропологии, социологии, культурным исследованиям из вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Липецка и других городов. Формальная миссия конференции выражалась в популяризации кинематографических исследований в малых городах и регионах. В действительности последняя конференция была посвящена методологическим вопросам (cinema studies), проблематике связи восприятия кинематографа с телесными реакциями, трансляции ценностей, конструированию нарративов, циркуляции идеологии. Всеми участниками кинематограф рассматривался как сложная знаковая система, выполняющая спектр функций: воспитательную, идеологическую, гуманистическую и др. Логика последовательности докладов выстраивалась от общих методологических тем, касающихся перцепции, телесного опыта, до кинематографических нарративов. Фактически обзор предполагает корректное отображение логики и содержания идей. Методологический тренд конференции – обращение к конкретным примерам из

кинематографической индустрии (case studies). Мероприятие базировалось на принципах междисциплинарного подхода и сочетало гносеологическую, аксиологическую, социально-философскую и антропологическую проблематику. Исследование кинематографа на системном методологическом уровне в России является еще сравнительно молодой областью научной практики. Конференция не была направлена на копирование западных исследований, но при этом учитывала некоторые достижения зарубежных ученых в области cinema studies. Оригинальность содержания научного мероприятия была фундирована комплексным характером философской, социологической, юридической, культурологической проблематики. Большинство исследований были произведены в границах case studies, что делало их методологическими образцами, позволяло узнать о трендах кинематографа, но при этом накладывало ограничения на использование выводов. Данная статья представляет собой обзор докладов и тезисов с дополнением в форме конструктивно-критической оценки. Обзор ориентирован на пролонгированную дискуссию и расширение исследовательской аудитории в рамках cinema studies, развитие и популяризацию смежной проблематики и коррелирующих тем.

Ключевые слова:

кинематограф, cinema studies, case studies, сериал, фильм, восприятие, миф, мифология, общество, конференция

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Введение

В 2023 г. прошла научная конференция «Кино в цифровую эпоху». Она объединила ученых из Москвы (МГУ), Санкт-Петербурга (СПбГУ), Саратова (СГУ), Волгограда (ВолГУ), Челябинска (ЮУрГУ) и других городов. Примечательно, что мероприятие прошло на территории Челябинской области в небольшом городе Сатка. Соорганизаторами выступили вуз Челябинска и промышленное предприятие «Магнезит» (Сатка). По замыслу организаторов конференция ориентировалась на популяризацию социально-гуманитарных исследований в малых городах, обмен опытом, презентацию специфики жизни небольших городов.

Новое и последнее на данный момент мероприятие прошло в 2024 г. в Цимлянске (Ростовская область). В фокусе внимания остались кинематограф, cinema studies, методология исследования кино и видеоконтента. Разнообразие состава участников соответствовало уровню прошлого мероприятия. Согласно формулировке доктора философских наук, профессора кафедры теоретической и социальной философии СГУ С. В. Тихоновой, миссия конференции – популяризация теории кино среди жителей регионов и малых городов. Нижеследующий текст не является стенограммой мероприятия, но при этом передает основные тезисы и идеи докладчиков. В заключении статьи мы поделимся некоторыми соображениями по поводу организации и содержания конференции.

Конференцию открыл Д. С. Артамонов (д. ф. н., СГУ, Саратов), подчеркнувший, что данное мероприятие – Четвертая Всероссийская конференция по проблематике

исследования кинематографа. На этот раз организаторы и участники решили уделить внимание репрезентации памяти о советской эпохе в кинематографе. Разумеется, запланированы и методологические исследования, а также конкретные кейсы из мира кино. Председатель программного комитета, заведующий кафедрой философии и методологии науки (к. ф. н., МГУ, Москва) Т. А. Вархотов предположил, что четвертой конференцией все участники заложили определенную специфическую традицию: между столицей и многими малыми городами существует огромная дистанция, задаваемая как географически, так и политически. В контексте культуры это пространство схлопывается до «измеримых», «понятных» расстояний. Конференция дает возможность почувствовать пространство, приблизиться к соразмерности. Никакое единство, в том числе культурное, невозможно без координации с регионами и малыми городами.

Тезисы cinema studies

Доклад Т. А. Вархотова с лаконичным названием «Телесное измерение фильма» стал пиilotным. Автор подчеркнул, что уже много лет выступает с этой темой. Центральный тезис доклада в авторской формулировке сформулирован следующим образом: восприятие (перцепция) кинематографа и всех сходных форм, игрового фильма (самого популярного вида киноискусства), принципиально отличается от восприятия классического искусства и литературы. Перцептивное восприятие кино можно с некоторым упрощением передать метафорой окна. Правда, восприятие «обманывается», получая вместо окна монитор (экран).

В процессе восприятия принципиально важен момент транскодирования. Отправитель сообщения не обязательно хотел сказать что-то, но для зрителя он это выражает. Когда мы открываем окно, мы не задаемся вопросом, как появилась окружающая среда. При этом можно выделить любопытную и простую закономерность: чем среда динамичнее и насыщеннее событиями, тем сильнее она притягивает внимание. Кино и вид за окном, по мнению Т. А. Вархотова, сходны вплоть до неразличимости. Фактически на гегельянский манер докладчик заявил, что «происходящее действительно». Чем убедительнее фильм, тем прочнее контакт зрителя и произведения. Произведение попадает в категорию «это про нас» – мы «там» находимся. Для зрителя важны возможности, предоставляемые экранным миром. Втягивание в реальность – специфическая и вместе с тем важнейшая задача фильма. Кинозал функционирует так, чтобы все внимание концентрировалось на экране, чтобы не было рамок и контекста. Понятно, что рамки выдают условность происходящего. Во избежание «сбоя» восприятия не должно быть отвлекающих вещей.

В завершение доклада Т. А. Вархотов отметил, что несколько лет назад он давал прогноз: трехмерное кино не приживется у массового зрителя, на которого оно изначально и было ориентировано. Причина в том, что трехмерный кинематограф превращается в «аттракцион» с очевидной иллюзорностью. Плоская картинка обладает «эффектом окна». Это расстояние очерчивает дистанцию, зритель становится наблюдателем, занимает положение смотрящего в окно. В трехмерном кино дистанция как будто ломается. Однако это «как будто» как раз и разрушительно для 3D. Реальность, образно говоря, хрупкая. Телесный контакт с фильмом относительно неустойчив, он может легко разрушиться. Оборотной стороной неустойчивости является абсолютная безопасность для зрителя. Уникально обстоятельство, что фильм может быть совершенно безопасным для жизни зрителя и при этом обеспечивать выброс адреналина. Разумеется, как правило, это характерно для хоррор-индустрии: зритель пытается прогнозировать развитие сюжета и конкретных сцен, однако хоррор «изобрел» непросчитываемое движение, которое и пугает. Эволюция кинематографа открывает

счастье и риск посткинематографической культуры. Характерная черта последней, по мнению докладчика, заключается в безопасном переживании небезопасных состояний.

Доклад д. ф. н., проф. кафедры теоретической и социальной философии С. В. Тихоновой в соавторстве с Д. С. Артамоновым был посвящен советской ностальгии. Точнее, речь шла о репрезентации советского «колорита» в современном кинематографе. Понятно, что кино фактически «работает со временем» и кроит собственную историю даже тогда, когда «рассказывает» о прошлом [1, с. 237]. Ностальгию можно рассматривать не только как комплекс иррациональных реакций субъекта, но и в объектной, пассивной модальности. В этом случае мы признаем, что источником ностальгии является импакт-контент кинематографа, то есть контент, побуждающий к социально значимому действию [1, с. 170]. Влияние медиа и информационных технологий невозможно оценить в соответствии с какой-либо шкалой, но совершенно ясно, что они корректируют мировоззрение всех поколений [3, с. 170].

Докладчики начали с краткого контекстуального обзора места проведения мероприятия. Память малого города неизменно содержит нечто великое, – в частности, архитектуру. Многие малые поседения, как известно, могут похвастаться сталинским ампиром. Основание Цимлянска само по себе имеет богатую, «монументальную» историю. В 1946 г. случилась засуха, к 1947 году по понятным причинам возникла нехватка продовольствия. Продукты дорожали, люди шли на кражу и хищение собственности. Не секрет, что послевоенная ситуация была криминально тяжелой. Постепенно появляется великий сталинский план – сначала «медицинский», активно обсуждаемый в прессе. Хотели пустить реки всipyть, отодвинуть пояс холода, засадить пустыни. Советские литературные утопии, строго говоря, не были так уж далеки от реальных намерений руководства. Цимлянск создавался как средиземноморский город. Город строился ради искусственного моря, вода давала энергию, позволяла интенсивно бороться с засухой. Однако, в прессе никто не заявил, что Советский Союз победил природу. В перестройку, разумеется, оптика, через которую смотрели на сталинские проекты, меняется до неузнаваемости. Начнется рассекречивание репрессий. Всю экономику стали описывать не только как плановую, но и как лагерную, принудительную. Стройки стали выглядеть как полигоны для заключенных. Зачастую, маркируя экономику в качестве репрессивной, «забывают» о масштабах сделанного. В Цимлянске эту поэзию рукотворности можно легко увидеть, однако в медиа город фактически не представлен.

Развивая тему кризиса советского наследия (инфраструктуры, архитектуры и т. д.), докладчики перешли к актуальному и нашумевшему сериалу «Слово пацана» – экранизации книги Р. Гараева, – посвященному истории казанских банд. Преступные элементы идеализировали насилие, противостояли традиционным социальным институтам. В качестве единственного, пусть и не четко определенного, «родного» места у преступников была улица. Родители, разумеется, ничего не понимали в жизни, с трудом справляясь с развивающимся капитализмом. У криминальных подростков «предки» были априори лишены статуса приличных людей. Школа тоже не справляется с социализацией подростков и фактически не имеет эффективных легальных рычагов влияния. Д. С. Артамонов подчеркнул, что в сериале хорошо прописаны герои. Когда сериал вышел, критики обрушились на него за романтизацию бандитизма. Однако в действительности был показан ужас быта советских банд, о поэтому романтизации вряд ли корректно говорить. «Слово пацана» как раз показывает, как происходит разочарование в советской идеологии. Причем это не абстрактно-теоретическая критика, а разочарование конкретных персонажей с их уникальными запросами и судьбами. Одного из героев принимают в комсомол, который переживает кризисное время. Все

понимают, что структура не жизнеспособна. Учителя так же не могут быть примером для подражания. Фактически комсомольцы становятся первыми предпринимателями. В сериале, на что интересно обратить внимание, практически нет книг. В некоторых сценах встречаются учебники, но других книг нет. Маркером приличия стала музыка, пианино заменяет книгу, «социализирует» человека.

Фактически вопросы «чему может научить книга?», «может ли учить улица?» стали ключевыми в сериале. Следующий сериал в некотором смысле парадоксален. Речь идет о «Библиотекаре». От сериала с таким названием, конечно, не ждешь острых сюжетов. Однако вся эта история о человеке, включившем «режим» убийцы. Авторы сериала конкурируют в жестокости сцен и обилии «крови» с самим К. Тарантино. Герои сериала делают доспехи из шин, подсобных материалов, идут стенка на стенку. Ностальгия по советскому прошлому опять же визуально мифологизируется через вещь. Не случайно в сериале видное место занимают сцены с детьми. Они играют в солдатики, несмотря на свой пионерский возраст. Подростки слушают пластинки, хиты типа песни «Седая ночь», детские сказки. В обоих сериалах, так или иначе, поднимается тема функционирования социума и обнажаются проблемы общественной жизни. Сознательность граждан, как бы ни хотелось другого, зачастую опирается на донос и выражается в форме кляузы. Человечество слишком быстро дезавуирует собственные достижения, с трудом запускает эффективно работающие институты, но легко демонтирует то позитивное, что удалось создать.

Доктор философских наук из ЛГТУ (Липецк) А. Г. Иванов посвятил доклад мифологизации Москвы 1930-х гг. на примере последней на данный момент российской экранизации романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (2024 г., реж. М. Локшин). У исследователя уже есть научный бэкграунд по теме мифологизации социокультурных пространств. В частности, А. Г. Иванов исследовал идеи утопизма в советском авангарде [4]. Ученого есть и публикации о кинематографе. Например, детальное исследование образов имперского прошлого [5]. Следуя хронологическому порядку, А. Г. Иванов в настоящее занимается презентацией образов СССР. Автор подчеркнул, что его киноведческая работа начиналась с развернутого комментария о пропаганде, затем о спорте (в частности, в фильме «Движение вверх»), а теперь он решил обратиться к популярному фильму, снятыму по мотивам классической книги. Докладчик высказал сомнения в адекватности саундтрека и некоторых приемах актерской игры Е. Цыганова (роль Мастера), не вышедшего из прошлого образа и использующего одесский говор. У фильма несколько измерений: он одновременно экранизация романа и отражение событий жизни самого автора. Это объясняет, почему в сцене с Берлиозом много «экспромта». Разговоров Мастера с Воландом в романе не было. Воланд, оказывается, приехал познакомиться с «удивительным» советским экспериментом. Журналисты и историки называют СССР экспериментом, социалистическое государство позиционируется как искусственно образование. Основное пространство, где происходит действие, – Москва. В Москве зритель может видеть индекс «советской», утопии столичной локации. Москва жила со своими огнями на недосягаемой для разума планете. Режиссер создал футуристический образ, отсылающий к 30-м гг. В 30-е гг. Москва стала образцовым коммунистическим городом, это был город больших дорог, ослепительных тоннелей и ошеломляющих перспектив. Генплан был одобрен в 1935 г., он должен соревноваться с Нью-Йорком, Парижем. Дом Аэрофлота, оказанный в сериале, не был реализован. Еще одно проектное здание – Наркомтяжпром – так же не было построено. Показаны и существующие здания, например, «Ленинка», в которой должен пройти митинг литераторов. Акцент в фильме ставится на повиновении советским властям. В 30-

е годы возникли объединения для контроля над творческими людьми и борьбы с авангардизмом.

Конференцию продолжил доклад Ю. Ю. Ветютнева (к. юр. н., доц. ВолГУ, Волгоград) об идеологических и аксиологических нарративах в кинематографе. Юридическая специализация исследователя обусловила выбор темы. В фокусе внимания была тема легитимности в современных сериалах. Докладчик пошутил, что предыдущая конференция спровоцировала «эффект абсорбции сериальной продукции». В конечном счете исследователь посмотрел около пятидесяти сериалов. «Вампиры средней полосы» был первым в этом впечатляющем перечне. На определенном витке сериальной «абсорбции» автор, по его признанию, поставил «структурирующий фильтр». Это значило, что «внутренний юрист» начал вычленять профессиональные сюжеты.

В фокусе внимания находилась репрезентация легитимности власти и права. На выходе получилась любопытная картина. Обилие эмпирического материала позволило с долей риска выделить категории нарративов. В частности, докладчик представил вниманию публики «лестницу» нисходящей легитимации в сериальных дискурсах. «Нулевую» ступень можно видеть у М. Скорсезе. Она названа «нулевой», потому что совершенно не согласуется с отечественными нарративами. В сериале изображена «гиперлегитимность», любые непотребства и девиации решительно пресекаются. Одной из жертв правонарушения приходит в голову, что нужно обратиться лично к президенту. После этого «магического» акта все начинает разрешаться, прибывают представители ФБР. Единственная сила, способная победить зло, – федеральная суверенная власть. Ничего похожего в российских сериалах докладчик, по его признанию, не обнаружил. В «Вампирах» формой легитимности отношений выступил договор. Любые попытки пересмотреть договор приводили к кризису. Серьезные контролирующие инстанции есть и у людей, и у вампиров. Именно договор нередко выступает последним аргументом в конфликтных ситуациях. Следующую ступень нисходящей легитимации иллюстрирует сериал «Волшебный участок». Он повествует об отделе полиции по расследованию паранормальных преступлений. Не ясно, кому этот отдел подчиняется. У отдела есть начальник, но субординация в конечном счете непонятна. Легальная инстанция не имеет четкой вписанности в иерархию, полиция как будто выведена за границыластных лестниц. Третью ступень иллюстрируют «Трепачи». Сериал изображают почти безвластную модель. Зритель не видит институциональную власть. Может возникнуть иллюзия тотализации горизонтальных связей. Однако регуляторы права все же включаются. По сюжету с неким продюсером был заключен кабальный договор. Возникает задача, как отменить его условия. Вместо того, чтобы обратиться в государственные инстанции, герой обращается к влиятельному частному лицу. Наконец, в «Черной весне» герои обнаружили полную несостоятельность контролирующих органов и социальных регуляторов, организуя в конечном счете свой порядок разрешения конфликтов. В условияхластного кризиса частное регулирование отношений привело к грандиозному насилию.

К. ф. н. А. А. Целыковский (ЛГТУ, Липецк) выступил с докладом об образах советского прошлого в российском кинематографе. Автор поставил вопросы, какими способами репрезентации образов формируют миф, какие мифотворческие тенденции влияют на оценку советского прошлого. Анализируя обширный эмпирический материал, исследователь выделил три этапа в изменении отношения к советской эпохе. Во-первых, несомненно тренд «десоветизации», возвращения дореволюционных топонимов, фокусировки на репрессиях. Различными способами в киноиндустрии репрезентируются тяжесть и грубые противоречия политической ситуации. В 90-х гг. кинематограф

пережил резкий спад, самих фильмов немного. Во-вторых, в 2000-х гг. идеологическая повестка меняется, «дозированно» практикуется символическое мифотворчество. Наблюдаются спорадические практики обращения к советскому прошлому. Наконец, на условном третьем этапе можно говорить о системности символизации, переоценке личностей советского периода. Возникает персональный и социальный феномену ностальгии, реставрации, возвращающей символику в повседневные практики. Феномен ностальгии позволяет «безопасно» вернуться в прошлое, детально рассмотреть предметы быта, а не только монументальные политические полотна. Реставрирующая ностальгия в некотором смысле определяет политический и культурный фон. Речь идет прежде всего о военном кино, героизме на полях сражений. Для современного дискурса победа в войне – это главный символ государственности и прошлого. Начинают преобладать героические нарративы. Другая ностальгическая тема – покорение космоса и фактическое основание космической эры.

Третья категория представлена темой спорта. Изображаются советские лидеры (причем не обязательно в фоновом режиме). В самых разных ракурсах изображается фигура И. В. Сталина. В некоторых фильмах он изображен мудрым руководителем, принимающим взвешенные решения. Н. С. Хрущев, разоблачитель «культы личности», появляется в эпизодах. Фигура Л. И. Брежнева служит предметом «теплой» ностальгии. Зрителю показывают грани личной жизни советского вождя. В завершении докладчик предположил, что третья линия, характеризующаяся героизацией прошлого, в ближайшее время продолжится.

Доклад В. А. Копаневой, преподавателя кафедры философии, биоэтики и права (ВолгГМУ, Волгоград) открылся тезисом о том, что сериалный контент репрезентирует современные социальные повестки, улавливает самые сложные тенденции, как политические, так и житейские. Сегодня просмотр сериала побуждает к мысли, что демонстрируемый нарратив не выдумка, а жизненный феномен. Перекликаясь с докладом Т. А. Вархотова, В. А. Копанева утверждала, что сериал подобен «зеркалу». Правда, в этом зеркале зритель нередко видит неудачные жизненные стратегии. Вероятно, это обусловлено нашим повседневным повышенным вниманием к скандальным темам. Поочередно анализируя конкретные кейсы, докладчик говорил о глубоко различных стратегиях – то о страсти к собственности (монополизации объектов желания), то об одержимости деятельностью, социальной активностью (нужно все время что-то делать – только так обеспечивается порядок персональной жизни), то о стратегиях «гиперконкуренции», фетишизма и т. д. В конечном счете, это «стратегии», препятствующие гармоничному существованию личности. В качестве удачной стратегии докладчик привел историю жизни из сериала «Артист с большой дороги» (2023 г., реж. Д. Грибанов). Персонаж играет калейдоскоп ролей, у него нет концентрации на конкретном образе и тем более не возникает привязанностей. Для него идея благополучия не важна, герой перманентно находится в игровом режиме.

В качестве вывода В. А. Копанева сформулировала следующие тезисы: в сериалах нет четко прописанных «моралите». Сериалы актуализируют ценность познавательной деятельности (например, сюжеты можно рассматривать в качестве предупреждения). Докладчик утверждал, что в современных сериалах можно найти гамму постмодернистских установок, ориентированных на критику и деструкцию предыдущего социального и персонального «опыта».

Кандидат социологических наук, доцент И. В. Суслов (СГЮА, Саратов) выступил с обобщенной темой об идеологии и кинематографе. Автор подчеркнул, что концепт идеологии вызывает неоднозначные реакции даже у исследователей-профессионалов. В

частности, так происходит из-за различий в трактовках этого понятия. Индивидуальное и общественное сознание, формирующееся под влиянием массовых коммуникаций (так, в общих чертах, автор определил идеологию) – это схема, позволяющая оценивать все происходящее, смыслы и символы, значения. Автор проанализировал научные статьи, посвященные кинематографу. В научных трудах идеологический компонент представлен тремя моделями, хотя, по мнению докладчика, определение числа моделей / категорий не является удачным решением. Первая модель фиксирует, что кинематограф может влиять на потребителя решительно не так, как того ожидают создатели. Докладчик привел пример с «Вендеттой», якобы «воспевающей» протестную героику. Маска стала ассоциироваться с анонимностью и борьбой с режимом. Фигура Джокера из другого кино стала ассоциироваться с личностью Д. Трампа. Вторая модель фиксирует, что кинематограф может восприниматься как инструмент манипуляции общественным сознанием. В этом смысле кино – это изощренная вариация политтехнологии. Сериалы «Карточный домик», «Мадам госсекретарь» показывают героинь, схожих с Х. Клинтон. Сюжетные линии, в свою очередь, перекликаются с биографией политической фигуры. Третья модель, наконец, репрезентирует кинематограф как вариант прогнозирования идеологических изменений, позволяющих оценить вероятные метаморфозы с идеологией. Знаменитая «Кибердеревня» как раз сочетает в себе детали русского быта и детали интерьера киберпанка.

Заключительный доклад был представлен д. ф. н., доц. Р. В. Пеннер (ЮУрГУ, Челябинск). Докладчик ссылался на интересное исследование С. Бойм (Svetlana Boym) «Будущее ностальгии» (ориг. «The Future of Nostalgia»). Один из ключевых тезисов работы выражается в том, что тоска по прошлому становится ощутимой, обостряется в неразрывной связи с неопределенностью будущего. Чем будущее страшнее, тем сильнее ностальгия обостряется. Бойм проанализировала мировоззрение двух контрастирующих групп, мыслящих о будущем. Сам факт выделения сообществ кажется странным, но интересным решением – досл. «утописты-миллениалы» и «выживальщики». «Утописты-миллениалы» характеризуются радикальным и ориентированным на будущее «брендом» социализма, отказом от ностальгии предыдущих левых движений. Между тем субкультуры «выживальщиков» используют антиутопические нарративы для анализа форм утопической практики в настоящем. По большей части они ностальгируют по «простому» прошлому, поскольку они сетуют на быстро развивающийся и высокотехнологичный мир, нагруженный «политикой идентичности» и политической корректностью. Стратегия «утопистов» направлена на трансформацию, а не на выживание. Возможно, это связано с тем, что для «утопистов» поздний капитализм уже является своего рода антиутопией, нуждающейся в революционном демонтаже. Для выживальщиков лучшее будущее заключается в возвращении к прошлому, а потрясения настоящего предполагают заманчивую и призрачную возможность вернуть себе чувство принадлежности и контроля. Современные левые движения используют антиутопические темы, поскольку будущее капитализма представляет собой своего рода общество наблюдения «Черного зеркала», напоминающее «О дивный новый мир» Хаксли, в то время как менее удачливые люди испытывают нечто большее, чем «1984» Оруэлла или подпольную рабочую силу в «Метрополисе» Фрица Ланга. Если люди стратегически мыслят, сотрудничают и готовы отказаться от капиталистических мечтаний о бесконечном росте, то у них есть технологии и знания, чтобы положить конец дефициту способами, которые ранее были невообразимы и являются утопичными по сравнению с любым другим периодом в истории. В выводе докладчик обозначил, что в XXI в. дистопические темы решительно перешли из книжного в экранный формат. Более того, речь идет не о полном метре, а о сериалах, точнее и бережнее воплощающих замыслы авторов. В целом,

доклад коррелировал с исследованиями социальной идентичности в контексте цифровых технологий, прочно связанной с «дисперсией» электронных следов [\[6, с. 107\]](#). Дело в том, что один из детерминантов популярности дистопий как раз и выражается в критике социально-антропологических эффектов цифровых технологий. Создание своего «профиля» как базовая процедура идентификации и самопозиционирования в сети является началом в некотором смысле автономной жизни «калькированного» цифрового следа [\[7, с. 235\]](#).

Заключение: замечания и предложения

Появление сериалов на авансцене свидетельствует о трансформациях эмпирических исследований в области социальной философии. Ситуацию можно рассматривать не только как смену исследовательской оптики, но и как индикатор сдвигов в аудиовизуальном контенте. Сериалы стали полноценным и серьезным конкурентом полноформатных фильмов для больших экранов. Фактически все докладчики фокусировали внимание на сериальной «продукции». Вероятно, мы не гиперболизируем ситуацию, предположив, что сериал не смирился с некогда занимаемыми статусами «развлечения» и «убийцы времени». По аналогии с трендом в науке – размыvанием границ между «профессиональной» наукой и массовой аудиторией – происходит размонтирование границ между сериалами и «классическим» кинематографом [\[8, с. 314\]](#). Более того, мы являемся свидетелями времени, когда сериалы становятся «культовыми», что не является эпистемологическим, но скорее социальным понятием. По замечанию Т. А. Вархотова, «культовость» невозможно полностью сконструировать «снаружи» [\[9, с. 66\]](#).

Определенным методологическим трендом конференции выступил «case study», что в целом соответствует сегодняшним междисциплинарным отношениям в науке. Как показал многолетний опыт специализированных конгрессов специалистов по истории и философии науки, тематические исследования (формальный перевод «case study», де-факто – работа с конкретными ситуациями) позволяют работать в общих исследовательских зонах [\[10\]](#). Сам «кейс» определяется как отдельное явление, границы и содержание которого можно сделать концептуально и эмпирически ясными. В этом определении есть две пресуппозиции: первая состоит в том, что явление имеет ясное содержание, а вторая – в том, что оно также имеет границы, в пределах которых его можно исследовать [\[11\]](#). Разумеется, оба тезисы не бесспорны.

Наконец, в качестве конструктивной критики и пожелания в адрес организаторов выскажем предложение по инклузии онлайн-формата. Дело, разумеется, в том, что формат позволяет привлечь представителей исследовательского сообщества с различных регионов страны и ближнего зарубежья, а также решает проблему очного участия.

Библиография

1. Артамонов Д. С. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. 20(3). С. 234–239. DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239.
2. Тихонова С. В. Как кино меняет социальную реальность: the social impact entertainment // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. 22(2). С. 170–175. DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-2-170-175
3. Тихонова С. В. Особенности формирования мировоззрения российской молодежи XXI века // Социология. 2024. № 3. С. 170–175.

4. Иванов А. Г. Идеи и утопии советского авангарда в исторической памяти // Утопические проекты в истории культуры: материалы IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции, Ростов-на-Дону, 26–28 октября 2022 года. Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет, 2023. С. 87–93.
5. Иванов А. Г. Имперское прошлое в кинематографе: оптика мифоанализа // XV Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2023. Разумность. Практичность. Человечность»: Материалы конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: «Сборка», 2023. С. 116–117.
6. Пеннер Р. В. Цифровая идентичность: теория и методология // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. 48 (2). С. 98–113. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-2-98-113.
7. Пеннер Р. В. Цифровой субъект – миф цифровой эпохи // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов VI Международной научной междисциплинарной конференции, Севастополь, 21–24 июня 2022 года. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. С. 232–239.
8. Вархотов Т. А. Неконвенциональное согласие: как мы все еще мыслим вместе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 313–318. DOI: 10.17223/1998863X/75/27.
9. Вархотов Т. А. «Игра престолов»: анатомия и судьба идеального телесериала // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. 4(22). С. 60–91. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-4-60-91.
10. Baxter P. M., Jack S. M. Qualitative Case Study Methodology: Study Design and Implementation for Novice Researchers // The Qualitative Report. 2010. 13(4). Pp. 544–559. DOI: 10.46743/2160-3715/2008.1573
11. Orum A. A Case for the Case Study // Social Forces. 1992. 71(1). P. 240. DOI: 10.2307/257998

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Обзор научных конференций необходим для информирования заинтересованных читателей магистралями, по которым развивается вектор изысканий в той или иной области. Материал, представленный к публикации, имеет указанный вид; предметная область соотносится с одной из рубрик издания. В начале статьи автор отмечает, что «в 2023 г. прошла научная конференция «Кино в цифровую эпоху». Она объединила ученых из Москвы (МГУ), Санкт-Петербурга (СПбГУ), Саратова (СГУ), Волгограда (ВолГУ), Челябинска (ЮУрГУ) и других городов. Примечательно, что мероприятие прошло на территории Челябинской области в небольшом городе Сатка. Соорганизаторами выступили вуз Челябинска и промышленное предприятие «Магнезит» (Сатка). По замыслу организаторов конференция ориентировалась на популяризацию социально-гуманитарных исследований в малых городах, обмен опытом, презентацию специфики жизни небольших городов». На мой взгляд, информационный посыл правомерен, объективен. Далее по ходу работу дается конструктивный анализ работы конференции с указанием имен, тем, проблем которые затрагивали выступающие. Большая часть «обзора» имеет научообразный вид, стиль соотносится с научным типом, оценка объективна, прозрачна. Например, «Конференцию открыл Д. С. Артамонов (д. ф. н., СГУ, Саратов), подчеркнувший, что данное мероприятие – Четвертая Всероссийская

конференция по проблематике исследования кинематографа. На этот раз организаторы и участники решили уделить внимание репрезентации памяти о советской эпохе в кинематографе. Разумеется, запланированы и методологические исследования, а также конкретные кейсы из мира кино. Председатель программного комитета, заведующий кафедрой философии и методологии науки (к. ф. н., МГУ, Москва) Т. А. Вархотов предположил, что четвертой конференцией все участники заложили определенную специфическую традицию: между столицей и многими малыми городами существует огромная дистанция, задаваемая как географически, так и политически», или «Доклад д. ф. н., проф. кафедры теоретической и социальной философии С. В. Тихоновой в соавторстве с Д. С. Артамоновым был посвящен советской ностальгии. Точнее, речь шла о репрезентации советского «колорита» в современном кинематографе. Понятно, что кино фактически «работает со временем» и кроит собственную историю даже тогда, когда «рассказывает» о прошлом [1, с. 237]. Ностальгию можно рассматривать не только как комплекс иррациональных реакций субъекта, но и в объектной, пассивной модальности», или «Доктор философских наук из ЛГТУ (Липецк) А. Г. Иванов посвятил доклад мифологизации Москвы 1930-х гг. на примере последней на данный момент российской экranизации романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (2024 г., реж. М. Локшин). У исследователя уже есть научный бэкграунд по теме мифологизации социокультурных пространств. В частности, А. Г. Иванов исследовал идеи утопизма в советском авангарде [4]. Ученого есть и публикации о кинематографе. Например, детальное исследование образов имперского прошлого [5]. Следуя хронологическому порядку, А. Г. Иванов в настоящее занимается репрезентацией образов СССР» и т.д. Должный ряд ссылок имеется, серьезная права излишня. Считаю, что термины / понятия, которые используются в тексте статьи, унифицированы, разнотений не выявлено. Например, «в фокусе внимания находилась репрезентация легитимности власти и права. На выходе получилась любопытная картина. Обилие эмпирического материала позволило с долей риска выделить категории нарративов. В частности, докладчик представил вниманию публики «лестницу» нисходящей легитимации в serialных дискурсах. «Нулевую» ступень можно видеть у М. Скорсезе. Она названа «нулевой», потому что совершенно не согласуется с отечественными нарративами». Работа обстоятельна, полновесна, ее серьезный тон дает возможность оценить профессиональные умения автора достаточно высоко. Завершается «обзор» критическими дополнениями, пожеланиями / предложениями, которые, на мой взгляд, конструктивны. В целом материал хороший, общие требования издания учтены, серьезных замечаний нет. Считаю, что статью «Кино в цифровую эпоху»: обзор конференции можно рекомендовать к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

Key Lexemes of Guillaume Apollinaire's Metapoetic Discourse and Their Translation into Russian

Petrova Anastasiya Dmitrievna

PhD in Philology

Associate Professor; Saint Petersburg State University, Department of Romance Philology, Faculty of Philology

Russia, Samara region, Samara, Osipenko str., 6a/8

✉ nastenka-petrova-2025@mail.ru



Abstract. The subject of this study is the metapoetic discourse of Guillaume Apollinaire, represented both in his poetic works and in his manifestos. The object of the study is the key lexemes that reflect the author's artistic thinking, aesthetic principles, and his concept of poetry as a means of understanding reality. The author closely examines such aspects as the structural organization of metapoetic utterance and the lexical representation of the notions of "art," "novelty," "reality," "nature," and "inspiration." Special attention is given to the translation of these lexemes into Russian within the context of poetic text. The poem Le Pont Mirabeau and its Russian translation by Irina Kuznetsova are used as illustrative material. Comparative analysis of the original and translated versions reveals the challenges involved in transferring Apollinaire's metapoetics and allows us to trace the translator's strategy in conveying key semantic and stylistic elements of the poet's work. Thus, the study focuses on identifying the linguistic means that shape metapoetic discourse and assessing the effectiveness of their equivalents in Russian.

The research methodology includes contextual, componential, and contrastive analysis, as well as elements of discourse analysis and linguistic-stylistic description of the poetic text in both languages.

The scientific novelty lies in the complex linguistic approach to analyzing Apollinaire's metapoetic lexemes and examining their translational transformations in Russian. The main findings of the research are as follows: (1) the lexical system of Apollinaire's metapoetics is structured around dominant concepts that unify philosophical and aesthetic categories; (2) the translation of these lexemes into Russian involves both preservation of core semantics and some semantic shifts due to poetic structure and translator interpretation; (3) the analysis of the translation uncovers typical strategies of compensating for the original imagery, which is crucial for further studies in poetic translation. The author's specific contribution lies in identifying the lexical-semantic and pragmatic parameters of metapoetic discourse in the interlingual context.

Keywords: lexical and semantic parameters of discourse, Pont Mirabeau, cognitive strategies, pragmatics, translation of poetry, lexical-semantic analysis, Guillaume Apollinaire, metapoetic discourse, pragmatic parameters of discourse, interlingual aspect

References (transliterated)

1. Apolliner G. Alkogoli. – SPb.: Tertsiya; Kristall, 1999. – (Biblioteka mirovoi literatury. Malaya seriya).
2. Meshonnik A. Poetika: teoremy perevoda // Filosofsko-literaturnyi zhurnal "Logos". – 2011. – S. 72-88.
3. Tri veka russkoi metapoetiki: Legitimatsiya diskursa. Antologiya: v 4 t. T. 2: Konets

- XIX – nachalo XX veka. Realizm. Simvolizm. Akmeizm. Modernizm / pod red. K. E. Shtain. – Stavropol': SGPI, 2005. – 884 s.
4. Chvalun R. V. Kalligramma G. Apollinera "La cravate et la montre": grafika, semantika, metasoobshchenie // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 4 (22), ch. 1. – S. 217-220. EDN: PVXYLZ
 5. Chvalun R. V. Rol' ekstralinguisticheskikh elementov v poeticheskem tekste kalligramm // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Innovatsii v naune". – 2012. – S. 1-5.
 6. Chvalun R. V., Kizilova N. I. Sredstva realizatsii kategorii teatral'nosti v semioticheskii geterogennom tekste kalligramm (na materiale kalligramm G. Apollinera) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – T. 17, № 9. DOI: 10.30853/phil20240463 EDN: QJCDMQ
 7. Chernikova E. D. Protsess opisaniya deyatel'nosti perevodchika v metapoetike perevoda I. A. Kashkina // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. – 2014. – S. 226-231.
 8. Birds, Beasts and a World Made New: Selected Poetry of Guillaume Apollinaire and Velimir Khlebnikov / red. R. Chandler. – New York: Faber Factory, 2024. – 272 s.
 9. Scott C. A. Translating Apollinaire. – Exeter: University of Exeter Press, 2014. – 304 p.
 10. Mercure de France, L'esprit nouveau et les poètes. Guillaume Apollinaire. № 491. Paris, 1918.

Features of the Formation of Prefix-Suffix Negatonyms

Ding Pei

Postgraduate student; Department of Russian Language; Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ DingPei121@163.com



Abstract. The object of this study is negatonyms – a special type of negative pseudonyms found in «The Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scholars, and Public Figures» by I. F. Masanov. The paper analyzes 67 negatonyms formed by prefixal-suffixal derivation, with the use of the prefixes bez-/bes-, za-, and the suffix -n-. Special attention is paid to the distinction between one-word and multi-word negatonyms, with the latter predominating. The subject of the research is the structural and semantic features of negatonym formation. The study examines the methods and means of word formation (including base words and derivational elements), types of motivation based on the typical lexical meanings of the producing bases, and word-formation models – both productive and non-productive. Additionally, the motivation behind the selection of specific forms is analyzed, along with the correlation between negatonyms and the authors' professional, social, and biographical characteristics. Special consideration is given to instances of language play, including oxymorons, metaphors, and transliterations, which emphasize the creative nature of naming. The material is analyzed using the descriptive method: the units of analysis are identified, their properties and characteristics are defined, and the collected data are generalized and interpreted. The scientific novelty of this research lies in the comprehensive analysis of 67 prefixal-suffixal negatonyms recorded in I. F. Masanov's dictionary. It has been established that multi-word negatonyms not only dominate quantitatively, but also offer a more detailed characterization of the author – indicating their profession, social role, or biographical peculiarity. Both one-word and multi-word forms are predominantly created using the model

with the prefix *bez-/bes-* and the suffix *-nn-*. Language play (metaphor, transliteration, oxymoron) plays a significant role in shaping these pseudonyms, highlighting the creative approach to naming. The findings contribute to the development of onomastics, broaden our understanding of the mechanisms of negative self-identification in Russian culture and also serve as a reliable foundation for further research in this field.

Keywords: semantic motivation, derivational bases, prefix-suffix word formation, I. Masanov's dictionary, negatonyms, pseudonyms, anthroponyms, language play, onomastics, negation

References (transliterated)

1. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii. M.: Nauka, 1988. 192 s.
2. Superanskaya A. V., Suslova A. V. Sovremennye russkie famili. M.: Izdatel'stvo Nauka, 1981. 176 s.
3. Batyukova N. V. Normativnoe v sotsial'noi roli individu // Zhivoe slovo v russkoi rechi Prikam'ya. Prm.: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1992. 213 s.
4. Golomidova M. V. Iskusstvennaya nominatsiya v russkoi onomastike. Ekb.: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1998. 232 s.
5. Mochalkina K. S. Pseudonimy v sisteme sovremennoi russkoi antroponomii. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Vgg.: Volgogradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2004. 184 s.
6. Alefirenko N. F. Spornye problemy semantiki. M.: Gnozis, 2005. 326 s.
7. Prokop'eva O. V. Struktura psevdonimov // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2011. № 4. S. 278-280.
8. Kalinkin V. M. Znakom'tes': poetonimologiya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya filologicheskie nauki i kul'turologiya. 2017. T. 3. Vyp. 1 (9). S. 10-17.
9. Karpinets T. A., Balakireva E. A. «Vseobshchee oborotnichestvo»: Pseudonimy poetov serebryanogo veka // Aktual'nye voprosy fundamental'nykh nauk v tekhnicheskem vuze. Kem.: Izdatel'stvo: Kuzbasskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. T. F, 2021. S. 102-113.
10. Savel'ev V. S. Pseudonimy, vklyuchayushchie nazvaniya bukv kirillitsy: struktura i sposoby obrazovaniya. Stat'ya 1 // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2023a. № 2. S. 71-83.
11. Savel'ev V. S. Pseudonimy, vklyuchayushchie tserkovnoslavianskie nazvaniya bukv kirillitsy: struktura i sposoby obrazovaniya (stat'ya 2) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2023b. № 3. S. 21-33.
12. Savel'ev V. S. Krasov, Nekrasov i Ne-Nekrasov // Karabikhskie nauchnye chteniya. Posle yubileya: Novye perspektivy izucheniya N. A. Nekrasova i ego epokhi. Yar.: Izdatel'stvo: OOO «Akademiya 76». 2022. S. 168-172.
13. Savel'ev V.S., Din P. Osobennosti obrazovaniya negatonimov (na materiale «Slovarya psevdonimov russkogo zarubezh'ya v Evrope (1917 – 1945)» M. Shruby) // Litera. 2025. № 1. S. 1-15. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.1.72884 EDN: VBCNYW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72884
14. Din P. Osobennosti obrazovaniya negatonimov s defisnym napisaniem pristavki *ne-* // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2025. № 1 (110). S. 523-526.
15. Savel'ev V. S., Din P. Russkie negatonymy: perspektivy izucheniya // Vestnik

- Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2025b. № 3. С. 69-81.
16. Dmitriev V. G. Skryvshie svoe imya. M.: Nauka, 1980. 312 s.
 17. Masanov I. F. Slovar' negatonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyatelei. T. I. M.: Izdatel'stvo vsesoyuznoi knizhnoi palaty, 1956. 440 s.
 18. Doroshevich V. M. Vospominaniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa:
http://az.lib.ru/d/doroshevich_w_m/text_1916_russkoe_slovo.shtml (data obrashcheniya: 05. 05. 2025)
 19. Malyshev V. Stoletie. Prorochestva Vasiliya Rozanova. 2019. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa:
https://www.stoletie.ru/kultura/prorochestva_vasiliya_rozanova_402.htm?ysclid=lucl47b91i166751792 (data obrashcheniya: 05. 05. 2025)
 20. Masanov I. F. Slovar' negatonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyatelei. T. IV. M.: Izdatel'stvo vsesoyuznoi knizhnoi palaty, 1960. 557 s.
 21. Shoshin V. A. Russkaya literatura KhKh veka // Prozaiki, poetry, dramaturgi. Biobibliograficheskii slovar'. T. III. Kollektiya. M.: OLMA-PRESS Invest, 2005. С. 736-738.
 22. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. T. I. SPb., M.: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M. O. Vol'fa, 1880. 723 s.
 23. Masanov I. F. Slovar' negatonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyatelei. T. III. M.: Izdatel'stvo vsesoyuznoi knizhnoi palaty, 1958. 415 s.
 24. Ushakov D. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. T. I. M.: Gosudarstvennyi institut «Sovetskaya entsiklopediya», 1935. 1562 s.
 25. Yakovleva Yu. I. // Niva: zhurnal. 1910. № 33. С. 584-585.
 26. Belinskii V. G. Borodinskaya godovshchina. V. Zhukovskogo... Pis'mo iz Borodina ot bezrukogo k beznogomu invalidu. 1839. Lib.ru/Klassika. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_2230.shtml?ysclid=lvzgqkzuxf233678107 (data obrashcheniya: 05. 05. 2025)
 27. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: OOO «A TEMP», 2006. 944 s.
 28. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo jazyka. T. I. M.: Progress, 1986. 576 s.

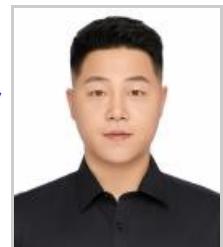
The portrayal of migration in China's state and social media: ideological frameworks, images of migrants, and the influence of digital platforms

ZHAO QINGSONG

Postgraduate student; Faculty of Journalism; St. Petersburg State University

190000, Russia, St. Petersburg, Nakhimova str., 3k2, sq. 102

✉ qingsongzhao666@gmail.com



Abstract. The article is a comprehensive study of the representation of migration processes in the Chinese media space, covering both official state media (exemplified by the central publication "Renmin Ribao") and social platforms (Weibo). The main focus is on a comparative analysis of the formation of images of two key groups: the Chinese diaspora abroad (huaqiao) and foreign migrants in China. The author examines in detail the ideological frameworks that

set the tone for the coverage of migration themes, including emphasis on patriotism, economic success, and cultural adaptation. Special attention is paid to linguistic strategies for constructing media images, narrative models, and the emotional coloring of publications. The study also analyzes the transformation of traditional communication paradigms under the influence of digitalization, manifested in the emergence of new discursive practices and changes in the role of user-generated content. The research reveals the mechanisms of interaction between state information policy and public discussions on social networks, demonstrating both the ongoing differences and points of convergence between official and user discourses. The methodology includes content analysis of 50 publications from "Renmin Ribao" and 50 Weibo posts about the Chinese diaspora (huaqiao) and foreign migrants. Discourse analysis and content analysis (according to positive and negative tracks) were conducted. The study finds a dominance of positive images of migrants in Chinese media (90-95% in state media, 75-80% in social networks), reflecting an ideological orientation toward strengthening national unity and China's global image. State media emphasize patriotism, collectivism, and successful integration, while social networks allow for more variability, including discussions of adaptation difficulties. A key difference lies in cultural integration: for huaqiao, the preservation of traditions is important, while for foreigners, their assimilation is significant. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive analysis of the interaction between state and user discourses, as well as in demonstrating the mechanisms of forming a managed media space in the digital age. The conclusions highlight that social media, despite greater freedom, do not contradict the official discourse but rather expand it while maintaining loyalty to ideological principles.

Keywords: information policy, digital platforms, Weibo, discourse analysis, image of a migrant, ideology, social media, state media, migration, China

References (transliterated)

1. Umurzakova M. I., Nazarov N. B. Mezhdunarodnaya migratsiya // Journal of marketing, business and management. 2025. T. 3, № 8. S. 320-323.
2. Osin R. V. Medioobraz trudovogo migranta v period pandemii COVID-19 // Penzenskii psikhologicheskii vestnik. 2021. № 1. S. 115-122. DOI: 10.17689/psy-2021.1.10 EDN: KTEKNH.
3. Dobrynina M. I. Kitaiskaya migratsiya v usloviyakh modernizatsii: rossiiskii vektor // Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. T. 29, № 1. S. 149-157. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-149-157 EDN: OGDLVB.
4. Chzhao Ts. Osveshchenie v SMI migratsionnykh voprosov v kontekste kitaiskoi ideologii // Litera. 2024. № 8. S. 46-58. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71393 EDN: QEXLUV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71393
5. Chen Lixiong, Xu Nairui. Public Response to Government Information on Weibo: Friction, Contestation, and Crisis Communication During the 2018 Shouguang Flood in China // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. T. 5, № 3. S. 55-78. DOI: 10.46539/gmd.v5i3.388. EDN: HHTYHV.
6. Chzhao Ts. Sravnitel'nyi analiz obraza kitaiskogo migranta v kitaiskikh materikovykh SMI i SMI kitaiskoi emigratsii // Litera. 2024. № 11. S. 47-64. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.11.72043 EDN: GLJIJH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72043
7. Chzhan Zh. Tendentii razvitiya SMI v kontekste sovremennoi kitaiskoi politicheskoi ideologii // Litera. 2024. № 12. S. 69-79. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72672 EDN: WFYZWD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72672

8. Kapustina A. G., Tszyan Syshi. Zakonodatel'nye osnovy regulirovaniya SMI v Kitae // Evraziiskii Soyuz Uchenykh. 2015. № 10-6 (19). S. 71-72. EDN: QVVGIX.
9. 李安山. 国际政治话语中的中国移民: 以非洲为例 // 西亚非洲. 2016. № 1. S. 78-97.
10. 张焕萍. 中国网络媒体中的移民报道框架 – 以新浪网为例的分析 // 华侨华人历史研究. 2014. № 3. S. 42-50.
11. Afonas'eva A. V. Vliyanie zarubezhnykh kitaitsev na ekonomicheskoe razvitiye KNR // Vostochnaya Aziya: fakty i analitika. 2023. № 1. S. 66-77. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-1-66-77. EDN: IFCIKR.
12. Van Yu. Osnovnye napravleniya vnesheini politiki Kitaya v Yugo-Vostochnoi Azii: primenenie instrumentov "myagkoi sily" // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2023. № 5 (118). S. 62-68.

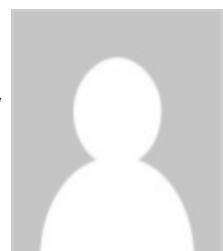
The perception of images of Chinese animals in Russia and the West

Shi Lu

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; St. Petersburg State University

191186, Russia, St. Petersburg, Central district, Malaya Morskaya str., 6

✉ shiluaptx4869@mail.ru



Abstract. The study focuses on the analysis of the processes of cultural adaptation of traditional Chinese animal symbols (dragon, crane, phoenix) in Russia and Western countries. The relevance of the topic is due to the necessity of studying the mechanisms of intercultural interaction in the context of globalization, as well as the role of exoticism in shaping the perception of the "other." The subject of the research is the process of perception and transformation of the symbolic meanings of Chinese animal images in Russian and Western cultural traditions. The object consists of traditional Chinese animal symbols in literary and architectural monuments, as well as historical artifacts of Russia and the West. These images are traditionally linked to the philosophical and moral concepts of Chinese culture, reflecting important aspects of worldview and social order. In Western countries, the symbols were perceived as exotic, acquiring new aesthetic and ideological meanings. The methodology includes a comparative-historical analysis, a semiotic approach to the interpretation of symbols, and the study of visual sources. An analysis of literary works and architectural objects demonstrating the influence of Chinese images was also applied. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive examination of the transformation of Chinese animal symbols in the context of intercultural dialogue encompassing Russia and Western Europe. The work shows how original Chinese symbols, initially possessing strictly defined meanings (for example, the dragon as a symbol of power and wisdom, the crane as a symbol of longevity), transformed into aestheticized elements of exoticism, adapting to Western cultural and ideological demands. The research first combines various types of sources (literary texts, historical documents, artifacts, and architectural elements), demonstrating that the integration of Chinese images into Western and Russian culture reflects not only the interaction and mutual influence of civilizations but also the dynamics of cultural assimilation. The main conclusion is that Chinese animal symbols have become a tool for rethinking the cultural identity of Western and Russian societies, while the very process of their exoticization served as an important mechanism for cultural exchange. The results obtained are significant for further research on intercultural communication.

Keywords: intercultural interaction, Intercultural perception, Visual images, historical transformation, exoticization, intercultural adaptation, animal symbolism, cultural exchange, oriental motifs, symbolic meaning

References (transliterated)

1. Vlasov V. G. Novyi entsiklopedicheskii slovar' izobrazitel'nogo iskusstva: v 10 t. T. 10. SPb.: Azbuka-Klassika, 2010. S. 564-567. EDN: QSBOKP.
2. Dyatlov V. I. Ekzotizatsiya i "obraz vraga": sindrom "zheltoi opasnosti" v dorevolyutsionnoi Rossii // Idei i idealy. 2014. № 2 (20), ch. 1. S. 26-36.
3. Le-Tszy / Per. V. V. Malyavina. M.: Mysl', 1995. S. 17.
4. Li In. Fu-Lu-Shou-Si: annotirovannyе obychai Kitaiskogo Novogo goda. Pekin: Zhen'min' chuban'she, 2002. 342 s.
5. Li Minbin. 300 let rasprostraneniya kitaiskoi kul'tury v Rossii. Ch. I: Rannii "kitaiskii bum" // Issledovaniya kitaiskoi kul'tury. 1996. № 13. S. 127-132.
6. Lyu An'. Khuainan'-tszy. Shuo lin shchun'. Gl. 15 // Elektronnaya programma "Kitaiskaya filosofiya". URL: <https://ctext.org> (data obrashcheniya: 20.12.2023).
7. Ponomareva M. G., Shunnikova A. A. Kitaiskaya obraznost' v otechestvennoi poeticheskoi traditsii XX veka // Chelovek v informatsionnom prostranstve: sb. st. Yaroslavl': YaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2020. S. 62-68. EDN: GSPVVI.
8. Pushkin A. S. Evgenii Onegin // Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t. T. 6. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937. S. 14. URL: <https://feb-web.ru> (data obrashcheniya: 04.12.2023).
9. Pushkin A. S. Ruslan i Lyudmila. M.: DA! Media, 2014. S. 25.
10. Somkina N. A. Nekotorye aspekty zoomorfnoi simvoliki vlasti v Kitae // Materialy konferentsii "Lomonosov-2007". M.: Izdatel'stvo Moskovsk. un-ta, 2007. 2 s. URL: <https://lomonosov-msu.ru> (data obrashcheniya: 31.05.2025).
11. Somkina N. A. Kitaiskaya traditsiya blagopozhelanii: simvolika zhivotnykh i rastenii // Vestnik SPbGU. Vostokovedenie. Afrikanistika. 2009. Vyp. 2. S. 77-80. EDN: MBWREN.
12. Syui Ban-syue. Minjian qifu zeji tongshu ["Narodnyi kalendar' proshenii o schast'e i vybora blagopriyatnykh dnei"]. Pekin: Min'tszu chuban'she, 2006. 232 s.
13. Troshchinskaya A. V. Kitaiskii farfor v dopetrovskoi Rusi: na pereschenii kul'tur Vostoka i Zapada // Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU. 2013. Vyp. 16. S. 246-269. EDN: RPYXSH.
14. U Do. Kitaiskaya "diplomatiya pand" i imidzh gosudarstva // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2019. № 3 (68). S. 26-31.
15. Tszyui Chuan'tin. Razlichiya i integratsiya simvolicheskikh znachenii zhivotnykh v kitaiskoi i Rossiiskoi natsional'noi kul'turnoi traditsii (na primere poslovits i pogovorok) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2018. № 5. S. 559-561. EDN: YOBPH.
16. Shi Ai-dun. Zhongguo long de faming: jin-xiandai Zhongguo xingxiang de yuwai bianqian ["Izobretenie kitaiskogo drakona: zarubezhnye transformatsii obraza Kitaya v novoe i noveishee vremya"]. Pekin: Tszyu-chzhou chuban'she, 2024. 379 s.

Corpora studies of comparatives in contemporary Czech written discourse

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
Technical writer; pSeven SAS

606015, Russia, Nizhny Novgorod region, Dzerzhinsk, Samokhvalova str., 3, sq. 68

 mda1998@yandex.by

Abstract. The article presents the experience of corpus analysis of adjectival comparative forms in modern Czech written discourse. The investigation is focused on the availability of analytical comparative constructions of adjectives in the modern Czech language, where such forms are considered acceptable only in case of impossibility of formation of synthetic ones. However, the coexistence of complex and simple forms of comparatives in other Slavic languages leads to a hypothesis about similar coexistence of Czech adjectives. The goal of the study was to detect contexts where analytical forms are used instead of synthetic ones, as well as to determine the possibility of competition of such forms. As a source of factual material, the Synek corpus was used, which is a tenfold proportionally reduced SYN2000 corpus. The selected contexts were processed using the systemic and functional methods developed by the Soviet school of Bohemian studies. The competition table was constructed using a statistical method. Based on the material of the Synek corpus, it is shown that in modern Czech discourse, analytical forms of the type 'více populární' are available and can be used even if their synthetic analogs of the type 'populárnější' are possible. The article describes the algorithm for constructing a table of competition and presents 72 correspondences between analytical and synthetic forms – from the form více rovný 'more equal', with 12 contexts of use and 5 synthetic matches, to the form víc silný 'more powerful', with 1 context of use and 343 matches. The table also shows the percentage of analytical constructions among the examples described. The obtained data allow us to judge the absolute and relative frequency of use of analytical comparatives in the modern Czech language.

Keywords: competition of comparative forms, analytical comparative forms, adjectival degrees of comparison, comparative form, comparative degree, Czech written discourse, Czech, Czech National Corpus, Slavistics, corpora studies

References (transliterated)

1. Izotov A.I. Korpusnaya revolyutsiya: ot iskusstva k nauke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 4 (22): v 2-kh ch. Ch. I. S. 68-71. EDN: PVXXUR.
2. Izotov A.I., Morozov D.A. Superlativ v sovremenном cheskem pis'mennom diskurse: opyt korpusnogo analiza // Slavyanskii al'manakh. 2025. № 1-2. [V pechati].
3. Izotov A.I. Opyt korpusnogo analiza stepenei sravneniya prilagatel'nykh (na materiale sovremennoego cheskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2025. № 7.
4. Shirokova A.G. Metody, printsipy i usloviya sopostavitel'nogo izucheniya grammaticeskogo stroya geneticheski rodstvennykh slavyanskih yazykov // Shirokova A.G., Vasil'eva V.F., Izotov A.I., Anan'eva N.E. Sopostavitel'nye issledovaniya grammatiki i leksiki russkogo i zapadnoslavjanskikh yazykov. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1998. S. 10-99.
5. Velká akademická gramatika spisovné čeština. I., Morfologie. Druhy slov, tvoření slov / Fr. Štícha a kol. Praha: Academia, 2018. [dva svazky] 1148 s.
6. Velká akademická gramatika spisovné čeština. II., Morfologické kategorie, flexe / Fr.

- Štícha a kol. Praha: Academia, 2021. [dva svazky] 977 s.
7. Naše řeč // <https://asjournals.lib.cas.cz/naserec/home> (Poslednee obrashchenie 29.06.2025).
 8. Korpus-Gramatika-Axiologie // <https://asjournals.lib.cas.cz/korpus-gramatika-axiologie/home> (Poslednee obrashchenie 29.06.2025).
 9. Slovo a slovesnost // <https://asjournals.lib.cas.cz/slovoaslovesnost/home> (Poslednee obrashchenie 29.06.2025).
 10. Mluvnice češtiny / M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková et al. Díl 2. Tvarosloví. Praha: Academia, 1986. 536 s.
 11. Mluvnice současná čeština 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček et al. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2010. 353 s.
 12. Rylov, S. A. Problema tipologii sovremennoykh slavyanskikh yazykov: sotsial'no-funktsional'nyi aspekt // Lingvisticheskie traditsii i sovremennost': sbornik statei, posvyashchennyi 90-letiyu prof. V. N. Nemchenko / Otv. red. L. V. Ratsiburskaya. Nizhnii Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2018. S. 113-120. EDN: XZXCDZ.
 13. Morozov, D. A., Rylov, S. A. Funktsional'no-grammaticheskaya gradatsionnost' kachestvennogo priznaka v sovremennoykh slavyanskikh yazykakh: universal'noe i lokal'noe // Aktual'nye problemy slavyanskoi filologii, kul'tury i zhurnalistiki: materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Nizhnii Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2021. S. 57-63. EDN: QXMDHF.
 14. Russkaya grammatika / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Zkoumalová, V. Straková. Díl 1. Praha: Academia, 1979. 664 s.
 15. Cheshsko-russkii slovar' / Pod red. L.V. Kopetskogo i I. Filiptsya. V 2-kh tomakh. Praga: Gosudarstvennoe pedagogicheskie izdatel'stvo, 1976. T. 1 580 s.; T. 2 864 s.
 16. Izotov A.I. Novyi cheshsko-russkii slovar': okolo 100 000 slov i vyrazhenii. M.: Izdatel'stvo "Prosveshchenie", 2021. 1023 s.

First Ladies of the Arab World in the Mirror of Western Media

Nikonov Sergey Borisovich

Doctor of Politics

Professor; Institute 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, Saint Petersburg, 199034, Russia

 NikonovS@mail.ru

Kaverina Elena Anatolyevna

Doctor of Philosophy

Professor; Institute 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, Saint Petersburg, 199034, Russia

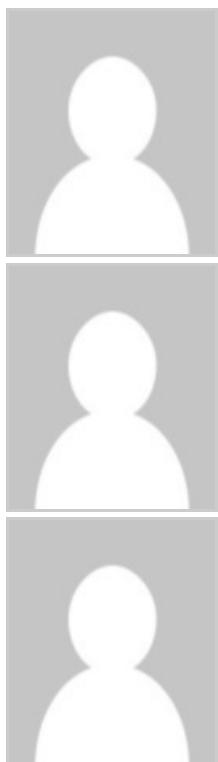
 e.kaverina@spbu.ru

Rusiaeva Alexandra Sergeevna

Independent researcher

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, Saint Petersburg, 199034, Russia

 aleks.2110.a@yandex.ru



Karpenko Anastasiia Yuryevna
 Independent researcher
 7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, Saint Petersburg, 199034, Russia
 nast-2407@yandex.ru



Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the representation of the images of the first ladies of Middle Eastern countries, using Jordan as an example, in global media. It focuses on the mechanisms of constructing their public image as a tool of soft power and diplomacy, including self-presentation strategies, media narratives, and visual representations in key contexts of their activities: state visits, public speeches, and the implementation of social projects, particularly in the fields of education, women's initiatives, and healthcare, as well as in promoting national cultural heritage and fashion. It analyzes how international English-language media shape perceptions of these political figures, considering key aspects of their roles—patronage of educational and women's initiatives, cultural mediation, promotion of national heritage and fashion—and identifies dominant stereotypes and their impact on cross-cultural perceptions of the region. The study is based on discourse analysis of materials from international media outlets: The New York Times, BBC, and CNN. The analysis includes visual and digital content, allowing the tracing of the evolution of media images and their role in public diplomacy. The methods used in this work include case studies, discourse analysis, content analysis, media profiling, visual analysis, and comparative analysis. This research significantly contributes to the scientific understanding of the phenomenon of first ladies in the Middle East, uncovering fundamentally new aspects. It systematizes the deep historical roots of their political influence, convincingly refuting stereotypes about the complete exclusion of women from the sphere of power in the region. Additionally, the research developed a typology of resilient media frames (such as "Modernizer" and "Guardian of Traditions") used by leading Western media and analyzed the mechanisms of constructing these often polarized images. Key findings confirm that first ladies are significant actors of soft power. Their activities in the areas of charity, support for education, and cultural mediation have a substantial impact on shaping the international perception of the entire region of the Middle East. However, the analysis shows that their media representations often suffer from distortion and stereotyping. Therefore, a fundamentally important conclusion is the necessity for the countries in the region to develop strategies aimed at ensuring more objective and balanced coverage of the activities of first ladies in global media.

Keywords: First lady, Image, Media, Cultural context, Jordan, Politics, Women's rights, Image representation, Soft power, Middle East

References (transliterated)

1. Martsol'f U. Entsiklopediya "Tysyacha i odna noch" / per. s angl. A.N. Smirnova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Vostochnaya literatura, 2004.
2. Lane E.W. The Thousand and One Nights. London: Charles Knight and Co., 1839. Vol. 1.
3. Kennedy H. The Court of the Caliphs: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty. London: Weidenfeld & Nicolson, 2004.
4. Alasaad Sh. Istoriko-arkheologicheskoe nasledie Pal'miry i ego sokhranenie v usloviyah voennogo konflikta // Povolzhskaya arkheologiya. 2018. № 4 (26). S. 222-234. DOI: 10.24852/2018.4.26.222.234 EDN: SNGWDJ.

5. Berezina A.V. Feminizm v Irane: genezis i evolyutsiya // Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura. 2021. T. 5. № 2(18). S. 114-130. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-2-18-114-130 EDN: NTVTYN.
6. Brauer K.A. Pervaya ledi. Tainaya zhizn' zhen prezidentov. M.: Eksmo, 2021.
7. Kerimov G.M. Shariat i ego sotsial'naya sushchnost'. M.: Nauka, 1978.
8. Morozova N.N. Korol' Iordanii Abdalla II: politicheskii portret // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 19. № 4. S. 690-701. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-690-701 EDN: NNPKCJ.
9. Abramova A.V. Rol' tsifrovoi diplomatii korolevy Ranii v formirovaniy imidzha Iordanii // Tsentr vostokovednykh issledovanii, Tsentr vneshnepoliticaleskogo sotrudnichestva imeni E.M. Primakova, 2020. 11 s.
10. Torubarova T.V., Andreichenko L., Zidan Zh.R. Pervye ledi Blizhnego Vostoka: izmenenie obraza v mirovykh SMI // Litera. 2022. № 9. S. 59-69. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.9.38809 EDN: PVNMFH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38809
11. Al-Sharmani M. Egyptian Family Courts: A Pathway of Women's Empowerment? // Islamic Law and Society. 2013. Vol. 20, No. 3. P. 267-298.
12. Saifatova A.R. Politicheskii institut pervoi ledi: mirovoi opyt i perspektivy sovremennoi Rossii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2022. № 5. S. 145-147. DOI: 10.34823/SGZ.2022.5.518897 EDN: LQKSQE.
13. Normaeva M. Gendernyi faktor v sovremennoi Turtsii // Central Asian Journal of Education and Innovation. 2024. T. 3, № 2-2. S. 132-137.
14. Nikiforova D.O. Vliyanie vneshnego vida pervoi ledi na ee obraz // Forum molodykh uchenykh. 2022. № 12. S. 191-197. EDN: NUYXCV.
15. Perevezentsev A.L. Pervye ledi v istorii SShA: istoriko-bibliograficheskii obzor // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. T. 26, № 1. S. 145-156.
16. Gadzhimuradova G.I., Rabat L. Rol' zhenschin v politicheskem diskurse musul'manskikh stran // Islamovedenie. 2020. T. 11, № 3 (45). S. 5-23. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-3-5-23 EDN: ZIBAYN.
17. Lai L. Mediaobraz pervoi ledi kak element "myagkoi sily" v publichnoi diplomatiy Kitaya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2017. T. 14, № 3. S. 455-465. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.312 EDN: ZNIKGH.
18. Kurkemova E.T. Strategii formirovaniya i translyatsii imidzha politikov v seti internet // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2021. № 1 (66). S. 84-89. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-084-089 EDN: ZPHSCH.
19. Ruzhentseva N.B., Koshkarova N.N., Chudinov A.P. Trigerry v diskurse vlasti i ikh otazhenie v SMI // Yazyk i kul'tura. 2020. № 50. S. 99-114. DOI: 10.17223/19996195/50/8 EDN: YYYINY.
20. Vasil'eva L.A. Rolevye funktsii sovremennykh mediinykh kanalov v protsesse politicheskoi mifologizatsii // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2011. № 3. S. 61-66. EDN: PACFFH.

The structure and content of the lexical-semantic field "School Subjects" in English and Russian languages.

Postgraduate student; Faculty of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
 'Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia'

115054, Russia, Moscow, Zamoskvorechye district, Dubinskaya str., 40, sq. 143

 kokorina.96@inbox.ru



Abstract. In the modern world, transformational geopolitical processes are taking place, influencing the state, functioning, and prospects of educational policies in various countries. This leads to shifts in the development vectors of educational terminological systems. This article compares the structural and semantic features of the lexical and semantic field «School Subjects» in English and Russian. Current theoretical and scholarly approaches to the topic are examined, and the main trends in the development of educational terminologies in the USA, the United Kingdom, and the Russian Federation are identified. The subject of the study is a comparative analysis of the set of units comprising the analyzed field in both languages. The aim of the article is to compare the designations of school subjects in English and Russian from a linguacultural perspective. Special attention is paid to the institutional characteristics and educational traditions of the studied countries, as well as their linguistic representation. Based on the identified parameters, universal and unique units are analyzed, with a focus on their semantic diffusion and synonymous potential. The study employs methods of thematic classification and systematization of linguistic data, contextual and lexical-semantic analysis, linguacultural interpretation, as well as quantitative analysis to generalize the collected data. The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time, the structure, volume, and composition of the subfields forming the lexical and semantic field «School Subjects» in the two languages are identified on the basis of extensive linguistic material. Additionally, the reasons for the asymmetric semantic stratification of the field are revealed. The practical significance of the research lies in its applicability to the development of bilingual glossaries, the translation of educational documents, and the professional training of translators working in international educational programs. The comparative analysis reveals that the current stage of development of English- and Russian-language educational terminological systems is characterized by centrifugal tendencies, pointing to a stable trend toward deglobalization and the preservation of terminological identity. The linguistic representation of school subject terms in English and Russian is influenced not only by structural differences between the languages, but also by significant extralinguistic factors. Thus, this research not only enriches the theoretical foundation of the topic but also underscores the relevance of studying educational terminologies and outlines the general trajectory of development for modern educational systems.

Keywords: language-specific units, cross-linguistic universals, semantic subfield, lexical and semantic field, English educational discourse, Russian educational discourse, educational term systems, school subject terminology, semantic diffusion, synonymy

References (transliterated)

1. Zavarzina V. A. O sistemnoi klassifikatsii terminologicheskoi leksiki sovremennoogo obrazovaniya // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psichologiya. 2022. № 1. S. 13-23. EDN: ZHPVIZ.
2. Zagorovskaya O. V., Eremeeva O. A. Novye metodicheskie terminy v sovremennom russkom obrazovatel'nom diskurse // Izvestiya Voronezhskogo gos. ped. un-ta. 2021. № 3. S. 139-144. DOI: 10.47438/2309-7078_2021_3_139. EDN: YRKNYI.

3. Ikonnikova V. A., Tsverkun Yu. B. Vzaimodeistvie tsentrobezhnoi i tsentrostremitel'noi tendentsii razvitiya terminosistemy shkol'nogo obrazovaniya Anglii // Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2017. S. 23-33.
4. Kuz'minova E. A. O probleme asimmetrii terminosistem v sfere obrazovaniya v russkom i angliiskom yazykakh // Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2024. № 1. S. 40-46. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2024/1/40-46. EDN: FKAONH.
5. Shilikhina K. M., Kuz'minova E. A. Vliyanie istoricheskikh faktorov na izmenenie terminosistemy sfery obrazovaniya v russkom yazyke // Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2022. № 3. S. 110-116. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2022/3/110-116. EDN: ZPDYGO.
6. Trubina G. F., Mashchenko M. V. Predprofessional'naya sotsializatsiya lichnosti starsheklassnika v protesse obucheniya // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2017. № 1. S. 79-86. DOI: 10.26170/po17-01-11. EDN: XSFFFX.
7. Chafe W. Thought-based linguistics: How languages turn thoughts into sounds. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
8. Kibrik A. A. "Lingvistika, osnovannaya na myshlenii: kak yazyki preobrazuyut mysli v zvuki." Itogovaya kniga U. Cheifa // Voprosy yazykoznaniya. 2023. № 4. S. 157-168. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.157-168. EDN: QUMANB.
9. Bazhenova E. A., Shenkman V. I. Ponyatie shkola i ego diskursivnye realizatsii: monografiya. Permskii gos. nats. issledovatel'skii universitet. – Perm', 2022. 192 s. EDN: CKFKGQ.
10. Abdurahmonov, M. O. o'g'li. A Comparative analysis of English and Russian Terminology in Education // Research and Education. 2023. 2(7). Pp. 38-42.
11. Walker, A. D. Developing Cross-Cultural Perspectives on Education and Community // In: Begley, P. T., Johansson, O. (eds) The Ethical Dimensions of School Leadership. Studies in Educational Leadership, 2023. Vol. 1. Springer, Dordrecht. Pp. 145-160.
12. Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. McGraw-Hill Irwin, 2010. 578 p.
13. Holmes-Henderson, A., Hunt, S., Imrie, A. Ancient Languages in UK Schools: Current Realities and Future Possibilities // Languages, Society and Policy. 2024. URL: <https://www.lspjournal.com/post/ancient-languages-in-uk-schools-current-realities-and-future-possibilities>.
14. Volkova, M. V. et al. Cross-Cultural Markings Of Communication In Modern Times // Knowledge, Man and Civilization – ISCKMC. 2022, vol 129. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Pp. 576-582. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2022.12.74>.
15. Rutgers, D. et al. Multilingualism, Multilingual Identity and Academic Attainment: Evidence from Secondary Schools in England // Journal of Language, Identity & Education. 2021. № 23 (2). Pp. 210-227. DOI: <https://doi.org/10.1080/15348458.2021.1986397>. EDN: MIKEAH.
16. Fisher, L. et al. Participative multilingual identity construction in the languages classroom: a multi-theoretical conceptualisation // International Journal of Multilingualism. 2020. Vol. 17 (4). Pp. 448-466. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790718.2018.1524896>.
17. Projoga A. V., Pakhmutova Y. D., Lapteva I. V. Multilingualism in a Global World: Advantages, Problems and Development Prospects // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 6 (42). DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.37>. EDN: IERGPG.

18. Zyablova O. A. Osobennosti formirovaniya termina kak rezul'tata kognitivnoi deyatel'nosti spetsialistov // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.24>. EDN: EXIADP.

The socialization of new media by traditional media in China: a case study of the Hangzhou Daily

Wang Xiaoxu 

Postgraduate Student; Department of Theory and History of Journalism; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

106 Bachurinskaya Street, block 146, Moscow, 108801, Russia

 1042235411@pfur.ru

Malakhovskii Aleksei Kimovich 

PhD in History

Associate Professor; Department of Theory and History of Journalism; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Mbscow, Mklukho-Maklaya str., 10 bldg. 2, Faculty of Philology

 malakhovskiy_ak@pfur.ru

Malahovskii Ivan Alekseevich 

Independent researcher

Mklukho-Maklaya str., 10 k. 2, office 647, Mbscow, 117198, Russia

 malakhovskiy2468@gmail.com

Abstract. The subject of this article's is the process of socialization of new media by traditional media in China. The object of the study is the regional newspaper "Hangzhou Zhizao." The authors analyze in detail the innovative practices of "Hangzhou Zhizao" in terms of institutional mechanisms, content production, technology application, and public service provision. The research shows that "Hangzhou Zhizao" has transitioned from traditional media to new mainstream media through various methods, including the reform of "separation of enterprises and institutions, separation of management and activities," innovations in creating sections, development of new media products, application of augmented reality (AR) technology, and participation in the "Urban Brain" project. In conclusion, it is noted that despite significant achievements, the construction of new mainstream media still faces many challenges, and traditional media must continue to innovate and adapt to maintain their important position and influence in the era of new media. In their research, the authors rely on scientific observation methods, statistical data analysis, and critical media text analysis. The authors conducted their study critically using the works of M. McLuhan, J. Habermas, E. Katz, and P. Lazarsfeld, as well as referring to the publications of A.N. Teplashina, N.V. Landina, and E.N. Morozova. The novelty of the research lies in the fact that for the first time in Russian-language scientific literature, the activities of a Chinese regional newspaper are analyzed in the context of socialization using new media. The authors have reached the following conclusions: through the institutional reform, "Hangzhou Zhizao" has enhanced its ability to adapt to the market; the newspaper has also succeeded in increasing content attractiveness through innovative media product developments (AR and "Urban Brain"). At the same time, new challenges require the newspaper to cultivate a new generation of versatile media specialists, strengthen integration with new technologies, explore more diversified business models, and enhance content production capabilities. Only through continuous

innovation can traditional media better adapt to the new communication environment and the needs of the audience, in order to maintain their influence in the era of new media.

Keywords: innovations, public services, AR technology, media convergence, new media, city brain, smart city, Hangzhou Zhibao, socialisation, traditional media

References (transliterated)

1. Teplyashina A.N. Novye media & traditsionnye SMI: konkurentsya kak trend // Sovremennye SMI i mediarynok. 2018. S. 45-52.
2. Mazhinskii S. V., Nagibina I. G., Chzhan Yui. Diskursivnoe prostranstvo vedushchikh kitaiskikh "novykh media" // Oriental Studies. 2023. T. 16. № 4. S. 903-913. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-903-91. EDN: EQCUWL.
3. Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka / Per. s angl. V. Nikolaeva. M.: Kuchkovo pole, 2023. 464 s. ISBN 978-5-9950-1022-7.
4. Landina N.V. Sotsial'nye seti, kak osnovnoe pole funktsionirovaniya SMI v nashi dni, perspektivy razvitiya // Vestnik sovremennoykh issledovanii. 2018. № 7.3. S. 370-371. EDN: XUWRTV.
5. Khabermas Yu. Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva / Per. s nem. V.V. Ivanova. M.: Ves' Mir, 2016. 344 s.
6. Kats E., Lazarsfel'd P. Lichnoe vliyanie: rol' lyudei v potoke massovykh kommunikatsii / Per. s angl. I.V. Kushnarevoi. M.: Izdatel'stvo redkikh knig, 2024. 393 s. ISBN 978-5-6051445-6-4.
7. Morozova E.N. Media-dizain i ego rol' v novykh media // Dizain i iskusstvo: teoriya i praktika. 2021. № 3. S. 78-86. EDN: CBENXK.
8. Pikard R.G. Ekonomika SMI: upravlenie resursami, zatratami i dokhodami / Per. s angl. A.V. Smirnova. M.: Izdatel'skii dom VShE, 2018. 296 s.
9. Makkueil D. Teoriya massovoi kommunikatsii / Per. s angl. O.V. Gritchinoi. M.: Gumanitarnyi tsentr, 2014. 608 s.
10. Yan' Ch. SMI KNR v zashchite interesov kitaiskikh kompanii za rubezhom: analiz materialov traditsionnykh i novykh media // Vek Informatsii. 2024. № 1 (26). S. 112-123.
11. S Tsyan'. Osobennosti kitaiskoi mediasredy v XXI veke // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. 2022. T. 12. S. 40-44. DOI: <https://doi.org/10.25726/d5965-7729-8925-q>.
12. Sh. Lyu. Novye media KNR: spetsifika kontenta i osobennosti funktsionirovaniya // Vek informatsii. 2023. T. 7. № 4 (25). DOI: <https://doi.org/10.33941/2618-9291.2023.25.4.005>.

Restoration of National Image in Crisis Situations: A Comparison of CGTN and RT Strategies for Shaping Public Opinion (Using the Example of the Covid-19 Pandemic)

Wen Boyuan

Doctor of Philology

Postgraduate Student; Department of Mass Communications; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya Street, 6, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042228177@pfur.ru

Du Yuwei

PhD in Philology

Postgraduate Student; Department of Mass Communications; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya Street, 6, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042228058@pfur.ru

Abstract. The article examines the media strategies of CGTN and RT aimed at restoring and maintaining national image during the global crisis caused by the COVID-19 pandemic. It presents a comparative analysis of content, narratives, and methods of audience engagement on the international stage. The study emphasizes the peculiarities of information presentation, the nature of audience responses, and the influence of cultural and political factors on the choice of media technologies for promoting a positive image of the country. The main goal of this research is to identify and analyze the strategies for shaping national image implemented by the media platforms CGTN and RT during the COVID-19 pandemic. Special attention is paid to comparing communication tools and assessing their effectiveness in influencing public opinion. The material for analysis includes publications, official statements, as well as user comments and expert assessments published during the active spread of the pandemic. The study employs thematic, discursive, and comparative analysis methods. The thematic analysis identified key narratives of the pandemic, the discursive analysis examined rhetorical strategies for audience influence, and the comparative analysis allowed for a comparison of the media strategies of CGTN and RT, revealing similarities and differences in the restoration of national image. The article identifies the strengths and weaknesses of the strategies used by CGTN and RT, highlights similarities and differences in approaches to shaping public opinion, and formulates conclusions about their effectiveness. The influence of cultural and political factors is reflected in the choice of image promotion tools, determining the priorities of media platforms and their impact on public opinion. Effective adaptation of strategies to the characteristics of the target audience, along with the use of comprehensive approaches to narrative formation, ensures a sustainable presence of countries in the global information space and contributes to the formation of a positive image of the state in the face of modern communication challenges. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive examination of media practices of two leading international platforms from a comparative perspective, as well as in identifying the factors that determine the specificity of national communication models in crisis conditions.

Keywords: crisis situation, RT, CGTN, framing, narrative, international public opinion, information warfare, COVID-19 pandemic, national image, media strategies

References (transliterated)

1. Van M. Analiz obshchestvennogo mneniya v internete po voprosam kitaisko-rossiiskikh otnoshenii v situatsii pandemii / M. Van // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2021. № 3. S. 87-89. EDN: TJOQTW.
2. Van S. Kitaisko-rossiiskoe sotrudничество в области СМИ в условиях эпидемии на примере CGTN и RT / S. Van // Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniya: proshloe i sovremennost'. 2023. S. 105-111.

3. Vliyanie pandemii COVID-19 na vneshnepoliticheskie pozitsii i mezhdunarodnyi obraz KNR / Longrid sessii XXIII Yasinskoi (Aprel'skoi) mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva // Tsentr kompleksnykh evropeiskikh i mezhdunarodnykh issledovanii NIU VShE. 2022. 15 s.
4. Zhui Ya. Rol' mediakommunikatsii v formirovaniy imidzha stranovogo brenda v period pandemii / Ya. Zhui // Breeding kak kommunikatsionnaya tekhnologiya XXI veka. 2021. S. 379-382. EDN: VDOABU.
5. Ivannikov N. S., Pravdina E. E. Osobennosti otsenki imidzha KNR za rubezhom na primere novostnogo osveshcheniya COVID-19 / N. S. Ivannikov, E. E. Pravdina // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2024. № 2 (48). S. 159-166. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-159-166. EDN: LNJPVS.
6. Kopernik R. E. Feikovye novosti kak instrument manipulirovaniya obshchestvennym mneniem v usloviyakh pandemii COVID-19 / R. E. Kopernik // Molodezh' v sovremennom mire: protivodeistvie ekstremizmu. 2022. S. 140-152. EDN: GTAZVF.
7. Leksyutina Ya. V. Pandemiya COVID-19 kak "okno vozmozhnosti" dlya razvitiya Kitaya i rasshireniya ego vliyaniya v mire / Ya. V. Leksyutina // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoryya i sovremennost'. 2022. T. 27, № 27. S. 98-111. DOI: 10.48647/IFES.2022.13.15.025. EDN: LLIUFF.
8. Lemen Ch. Formirovanie natsional'nogo imidzha Kitaya i kommunikatsionnyi podkhod / Ch. Lemen // Advances in science and technology. 2024. S. 123-125. EDN: SOVJCY.
9. Mikhina L. K. Novaya ekonomiceskaya strategiya Kitaya i sposoby preodoleniya gosudarstvennogo krizisa, svyazannogo s pandemiei COVID-19 / L. K. Mikhina // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. 2021. № 7-2. S. 192-200. DOI: 10.17513/vaael.1798. EDN: UHBVXF.
10. Singaevskaya M. V. Rol' obshchestvennogo mneniya v preodolenii politicheskikh riskov i krizisnykh tendentsii v usloviyakh pandemii / M. V. Singaevskaya // Sovremennoe obshchestvo v usloviyakh sotsial'no-ekonomiceskoi neopredelennosti. 2021. S. 1028-1030. EDN: DQLNTJ.
11. Sun' S. K voprosu o diskreditatsii gosudarstvennogo imidzha Kitaya v mezhdunarodnoi kommunikatsii / S. Sun' // Kommunikatsionnyi vektor-2024. 2024. S. 187-193.
12. Tishkova D. Rol' integrirovannykh marketingovykh kommunikatsii v protsesse formirovaniya obshchestvennogo mneniya v usloviyakh pandemii / D. Tishkova // Collegium Linguisticum-2021. S. 196-197. EDN: KBOIMD.
13. Khe N. Krizis imidzha Kitaya v zapadnykh massmedia v kontekste initsiativy "odin poyas odin put'" v period pandemii COVID-19 / N. Khe // Zhurnalistika v 2021 godu: tvorchestvo, professiya, industriya. 2022. S. 134-135.
14. Shinyaeva O. V., Lapina A. A. Formirovanie obshchestvennogo mneniya v usloviyakh pandemii: dialog vlasti i naseleniya / O. V. Shinyaeva, A. A. Lapina // Grazhdanskoe uchastie i publichnaya vlast' v Ul'yanovskoi oblasti v 2020-2021 gg.: vyzovy pandemii, uroki i perspektivy. – 2021. S. 19-33. EDN: GYNJJL.
15. Yuimo L. Rol' informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v formirovaniyi natsional'nogo imidzha Kitaya / L. Yuimo // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. 2022. № 2. S. 86-91. EDN: IYDQAO.
16. Yan Zh. Otrazhenie natsional'nogo imidzha Kitaya v rossiiskikh SMI v period pandemii / Zh. Yan // Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzglyad molodykh issledovatelei. 2021. S. 310-316. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46096282&ysclid=m9zgn063gc281138244>.

The Image of the Political Leader of the PRC in Western Media: Strategies for Shaping and Perceiving the Image of Xi Jinping

Vei YUitsi

Postgraduate student; Graduate School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199004, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, line 1-ya.O., 26

✉ st098006@student.spbu.ru



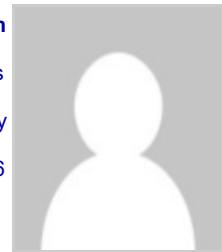
Labush Nikolai Sergeevich

Doctor of Politics

Professor; Graduate School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199004, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, line 1-ya.O., 26

✉ n.labush@spbu.ru



Abstract. The article analyzes how the image of Xi Jinping is formed and perceived in the Western media, taking into account Chinese image promotion strategies, the critical attitude of the Western media and data from international opinion polls. The article reveals the peculiarities of perception against the background of geopolitical and ideological differences between East and West. The information campaigns conducted by China to form a positive image of the country and its leadership abroad are described. The role of propaganda, diplomacy, media control and cultural programs is considered. Special attention is paid to the critical coverage of Xi's domestic and foreign policy in Western media, as well as the results of international surveys showing a low level of confidence in Xi in developed democracies and a relatively high level in a number of developing countries. The study uses qualitative content analysis of media materials and quantitative analysis of international survey data. The methodology includes studying Chinese information campaigns, analyzing Western media publications (for example, The New York Times), using assessments from independent organizations (for example, Freedom House), and interpreting the results of global confidence surveys in Xi Jinping. The scientific novelty of the work consists in an interdisciplinary comparative analysis of the image of Xi Jinping in Western and Chinese sources using the methods of content analysis, discursive analysis and narrative framing. For the first time, the article systematizes stable frames, rhetorical patterns, and visual strategies that form a dual representation of the Chinese leader both inside and outside China. The work details the mechanisms of Chinese public diplomacy (for example, the Belt and Road Initiative, the activities of the Confucius Institutes, and the work of the Xinhua News Agency), as well as highlights key frames in Western media discourse. Based on a quantitative analysis of international polls, a significant gap in the level of trust in the Chinese leader has been demonstrated: in developed democracies it does not exceed 20% (for example, Germany – 16%, Japan – 8%), while in a number of developing countries it reaches 50-66% (Nigeria – 66%, Kenya – 64%). These data confirm the existence of a stable perception asymmetry between the West and the Global South.

It is concluded that the gap in the perception of the Chinese leader remains between the West and the countries of the Global South.

Keywords: perception, media campaigns, international relations, trust, public opinion, propaganda, image, Western media, China, Xi Jinping

References (transliterated)

1. Akdag Z. China's Assertive Foreign Policy and Global Visions Under Xi Jinping // Journal of Academic Inquiries. – 2024. – T. 19, № 1. – S. 204-221.
2. Amadu Diop. Analiz modernizatsii po kitaiskomu obraztsu // Materialy Foruma kitaisko-afrikanskogo sotrudnichestva (FOCAC). – 2024. – S. 15.
3. Kabestan Zh.-P. Is Xi Jinping the Reformist Leader China Needs? // China Perspectives. – 2012. – № 3. – S. 69-76.
4. Lam V. Xi Jinping: The Hidden Agendas of China's Ruler for Life. – Abingdon, Angliya: Routledge, 2024. – 234 s.
5. Mokry S. China's foreign policy rhetoric between orchestration and cacophony // The Pacific Review. – 2023. – T. 37, № 2.
6. Mordekai Chobov. Kommentarii k stat'e Si Tszin'pina // Materialy Tsentral'nogo Universiteta Dzhona fon Neimana. – 2024. – S. 23.
7. Si Tszin'pin. Pis'mo vo Vsekitaiskuyu assotsiatsiyu zhurnalistov // Materialy 80-letiya Vsekitaiskoi assotsiatsii zhurnalistov. – 2017. – S. 53.
8. Khan M. K., Bacha S. D. XI Jinping's Foreign Policy; A Critical Challenge for the US // International Journal of Contemporary Issues in Social Sciences. – 2024. – T. 3, № 2. – S. 1224-1236.
9. Chan A. L. Xi Jinping: Political Career, Governance, and Leadership, 1953–2018. – N'yu-Iork: Oxford University Press, 2022. – 736 s.
10. Chzhan S. Assessing the media visibility of China's President Xi Jinping's first 3-year governance in The New York Times // Global Media and China. – 2017. – T. 12, № 4. – S. 467-480.
11. Shakh A. Ul' M., Gakho G. M., Kousar F. XI JINPING: A Dynamic Reformer and Visionary Leader // Advance Social Science Archive Journal. – 2024. – T. 2, № 4. – S. 922-938.
12. Shankhaiskii novostnoi front. Izuchenie i populyarizatsiya sotsialisticheskoi mysli Si Tszin'pina s kitaiskoi spetsifikoi v novyyu epokhu // Shanghai News Front. – 2023. – S. 6.

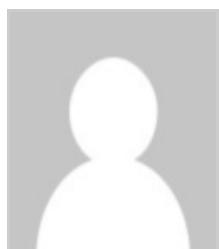
The linguistic and cultural image of Australia in the linguistic consciousness of the Russian-speaking inhabitants of the continent (based on the material of poetic works of the XX-XXI centuries)

Nemirov Vyacheslav Yurievich

Postgraduate student; Institute of the Russian Language; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ slavikparsko@gmail.com



Abstract. In the present study, we pursue the goal of discovering linguocultural units, concepts and plots constructing the image of Australia as a compound concept in the linguistic consciousness of Russian-speaking poets of the state. The main tasks of the study include the analysis of works of Australian poets in Russian to search for linguoculturally and axiologically marked units, the identification of links between them, as well as the description of the mechanism of existence of such a unit as a linguocultural image. Special attention is also paid

to the fact that the linguoculture of Russian-speaking residents of Australia is a part of Russian linguoculture, but it has its own peculiarities caused both by the nature of community formation and its relative isolation. The research methods were semantic and discourse analysis. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first full-fledged study of the linguocultural image of Australia. At present, most studies of similar topics are focused on linguocultural images of Russia's neighboring states, while we strive to set a nuanced and more diverse vector of attention in the study of linguocultural images. Also, most researchers, studying linguocultural images, do not pay attention to the peculiarities of small linguistic communities that are part of larger entities. As a result of the research the key concepts-components of the complex conceptual formation, which is the linguocultural image of Australia, have been identified. Simple concepts are considered, as a result of which the conclusion is made about the image of Australia as a secluded, detached from the rest of the world place, where the usual rules operate exactly the opposite, extremely different from Russia, but inevitably reminiscent of it.

Keywords: axiological linguistics, linguopersonology, Linguoculturology, poetic text, enantiosemia, the linguistic picture of the world, Russian language, Australia, a complex concept, linguistic and cultural image

References (transliterated)

1. Alefirenko N.F. Etnoyazykovoe kodirovanie smysla v zerkale kul'tury // Mir russkogo slova. SPb., 2002. №2. S. 60–74.
2. Babushkin A.P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1996. 103 s.
3. Bolotnova N.S. Khudozhestvennyi tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyi analiz edinits leksicheskogo urovnya. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1992. 309 s.
4. Bol'shoi tolkowyi slovar' russkogo yazyka / pod red. S.A. Kuznetsova. M.: Norint, 2001. 700 s.
5. Borisenko I.V. Natsional'nyi obraz Rossii: filosofsko-kul'turologicheskii analiz: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13. Rostov-na-Donu, 2008. 136 c.
6. Vorob'ev V.V Lingvokul'turologiya: uchebnoe posobie. M.: RUDN, 2006. 331 s.
7. Gal'perin Ch. Tatarskoe igo. Obraz mongolov v srednevekovoi Rossii. Voronezh: Novyi Vzglyad, 2012. 230 s.
8. Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Frantsii KhIKh v. Volgograd: Izdatel'stvo VGPU «Peremeny», 2007. 307 s.
9. Il'ina-Karbovskaya E. Stikhovoreniya [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.unification.com.au/en/articles/1154/> (data obrashcheniya: 02.08.2024).
10. Kazakevich G. Stikhovoreniya [Elektronnyi resurs] URL: <https://stihi.ru/avtor/g1591> (data obrashcheniya: 02.08.2024).
11. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremeny, 2002. 476 s.
12. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Bazovye kharakteristiki lingvokul'turnykh kontseptov // Antologiya kontseptov / Pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. Volgograd: Paradigma, 2005. 352 s.
13. Karasik V.I. Veter kak lingvokul'turnyi simvol v russkom i angliiskom yazykovom soznanii // Rusistika i komparativistika. – 2021. – Vyp. XV. – C. 219–235. doi:

- 10.25688/2619-0656.2021.15.13
14. Karasik V.I. Lingvokul'turnye syuzhetы kak ob'ekt aksiologicheskoi lingvistiki // Sovremennaya rossiiskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti: sbornik materialov II Mezhdunarodnoi naunoi konferentsii 27–28 oktyabrya 2022 g. M.: Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka, 2023. 237 s. S. 49–59.
 15. Kolesov V. V Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste. SPb: Vostokovedenie, 2006. 624 s.
 16. Kochetkova T.N. Protivorechivaya sushchnost' kontsepta «odinochestvo» // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal). – №9 (53) – S. 533-542. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-41
 17. Krofts N. Stikhovoreniya [Elektronnyi resurs] URL: https://45parallel.net/natalya_krofts/stihi/index.html (data obrashcheniya: 02.08.2024).
 18. Krofts N. Muza dal'nikh stranstvii: o russkoi poezii v Avstralii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://interpoezia.org/content/muza-dalnix-stranstvij/> (data obrashcheniya: 02.08.2024).
 19. Kruk N. Stikhovoreniya [Elektronnyi resurs] URL: https://45parallel.net/nora_kruk/stihi/index.html (data obrashcheniya: 02.08.2024).
 20. Kyshtymova I.M., Seyuba E. Obraz Rossii i russkikh: osobennosti vospriyatiya molodezh'yu Rossii i Zambii // Baikal Research Journal. – 2022. – T. 13, №3. S. 22-28. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).28
 21. Makarova A.D. Lingvokul'turnyi obraz: sushchnost' ponyatiya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. №33 (248) Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 60. S. 243-245.
 22. Margulis Ya. Stikhovoreniya. URL: <https://www.unification.com.au/en/articles/1081/> (data obrashcheniya: 02.08.2024).
 23. Mona A. Lingvokul'turnyi obraz Irana v russkikh khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstakh: dis. ... kand. filol. nauk: 05.09.05. M, 2024. 175 s.
 24. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. Kollokatsii so slovom «britva». [Elektronnyi resurs]. URL:[https://ruscorpora.ru/results?search=Co4BGIkKVxIjCgkKA2xleBICCgAKFgoEZm9ybRIOCgzQsdGA0LjRgtCy0LASMAoKCgNsZXgSAwoBKgoLCgVncmFtbRICCgAKFQoEZGlzdCINCP3%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2FwEQAyoqCggIABAKGDIgChAFIAo%2Fabw2vX%2F0AMyBGRpY2VABWoEMC45NXgAoAEBMgIIAToBBw%3D%3D](https://ruscorpora.ru/results?search=Co4BGIkKVxIjCgkKA2xleBICCgAKFgoEZm9ybRIOCgzQsdGA0LjRgtCy0LASMAoKCgNsZXgSAwoBKgoLCgVncmFtbRICCgAKFQoEZGlzdCINCP3%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2FwEQAyoqCggIABAKGDIgChAFIAo%2Fabw2vX%2F0AMyBGRpY2VABWoEMC45NXgAoAEBMgIIAToBBw%3D%3D) (data obrashcheniya: 02.08.2024).
 25. Neroznak V.P. Yazykovaya lichnost' v gendernom izmerenii // Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya: Tez. I mezhdunar. konferentsii. M., 1999. 125 c. S. 70-71.
 26. Petrova, L.I. «Pogoda» skvoz' prizmu lingvokul'turologii // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». – 2015. No 1. – S. 135-144.
 27. Popova Z. D., Sternin I. A. Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1999. 30 s.
 28. Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar': Sibir' i Dal'nii Vostok: V 2 t. / T. 1. Ot stimula k reaktsii. // I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko; In-t filologii SO RAN; Novosib. gos. un-t. – Novosibirsk: IPTs NGU, 2022. 920 s.
 29. Savchenko E.P. Stilisticheskie sredstva sozdaniya lingvokul'turnogo obraza ideal'nogo geroya v tekste originala i v perevode (na materiale proizvedenii Ya. Fleminga): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. M.: 2013. 188 s.
 30. Serebrennikov B. A., Kubryakova E. S., Postovalova V. I., Teliya V. N., Ufimtseva A. A.

Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira / Pod red. Serebrennikova B.A. M.: Nauka, 1988. 216 s.

31. Solodub Yu.P. Sovremennyi russkii yazyk. Leksika i frazeologiya (sopostavitel'nyi aspekt). M.: Flinta:Nauka, 2002. 264 s.
32. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1997. 824 s.
33. Chinakhova E. Stikhotvoreniya [Elektronnyi resurs] URL: <https://rv.russian-albion.com/ru/elena-chihanov> (data obrashcheniya: 02.08.2024).

Dynamics of parents' nominations in Russian speech culture

Rychkova Tatiana Aleksandrovna 

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Philology, Intercultural Communications and Journalism; Murmansk Arctic University

183038, Russia, Murmansk region, Murmansk, Severny ave., 3, sq. 16

 rychkovata@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is the dynamics and change of vocal forms of address to parents in Russian speech culture during three historical periods: pre-Soviet (1700–1916), Soviet (1918–1991) and post-Soviet (1992–2016). The author analyses data from the National Corpus of the Russian Language and uses a specially developed programme. A particular focus is placed on the lexico-semantic, pragmatic and stylistic characteristics of vocatives, which serve to reflect socio-cultural changes and trends within Russian speech culture. The author conducts an investigation into the utilisation of vocatives as markers of social affiliation, and the subsequent dissolution of these differences over time. Moreover, the analysis encompasses their functions in family and non-family communication. The present study is founded upon a quantitative analysis of the frequency of use of different vocatives. The present analysis was conducted utilising the software program 'Counting and Comparing Word Frequency in Text Files'. The present programme enabled the analysis of files from the National Corpus of the Russian Language, which contained 250 million word uses in total. The analysis determined the corresponding vocatives and their frequency of use. The following conclusions are drawn in the paper: firstly, that the variety of vocatives is decreasing; secondly, that 'mum' and 'dad' now prevail; thirdly, that vocatives are no longer a marker of social belonging; fourthly, that there has been a differentiation in the use of vocatives in relation to one's own and other people's parents in the second half of the twentieth century; fifthly, that the number of appeals conveying affectionate attitudes to father and mother is decreasing; and sixthly, that vocatives that used to express respectful and affectionate attitudes are acquiring reduced or rude connotations.

Keywords: mummy, tyatya, mother, Russian language, vocabulary, lexical dynamics, dad, mum, appeal to parents, vocative

References (transliterated)

1. Lewis L. S. Terms of address for parents and some clues about social relationships in the American family // The Family Life Coordinator. 1965. T. 14. S. 43-46.
2. Yokotani K. How young adults address their parents reflects their perception of parenting // Asian Journal of Social Psychology. 2012. T. 15. № 4. P. 284-289.

3. Paulette F., Aronsson K., Galeano G. Endearment and address terms in family life: Children's and parents' requests in Italian and Swedish dinnertime interaction // Journal of Pragmatics. 2017. T. 109. P. 82-94.
4. Surono S. Address terms across cultures: A sociopragmatic analysis // Fourth Prasasti International Seminar on Linguistics. Atlantis Press, 2018. P. 316-324.
5. Tsuui Yuyan. Sopostavitel'nyi analiz markirovannosti gendernoi leksiki, oboznachayushchei terminy rodstva v russkom i kitaiskom yazykakh / Tsuui Yuyan // Universitetskii nauchnyi zhurnal. 2018. № 36. S. 254-259. EDN: YWYCNS.
6. Nguen V. Obrashchenie v russkom rechevom etikete s tochki zreniya nositelei v'etnamskogo yazyka // Rusistika. 2009. № 1. S. 26-32. EDN: JW SYHT.
7. Yang X. Address Forms of English: Rules and Variations // Journal of Language Teaching and Research. 2010. T. 1. S. 743-745.
8. Zaitseva I. P. Vliyanie frantsuzskoi kul'tury na recheetiketnyu sferu russkoi lingvokul'tury XIX veka: (na materiale trilogii L. N. Tolstogo "Detstvo. Otrochestvo. Yunost") // Frantsuzskii yazyk na perekrestke kul'tur: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya: sb. st. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova, 2019. S. 102-108. EDN: SSMBAZ.
9. Krongauz M. A. Izmeneniya v sovremenном rechevom etikete // Zhizn' yazyka. Sbornik statei k 80-letiyu M. V. Panova. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. S. 263-267. EDN: RCAOKV.
10. Sternin I. A. Russkii rechevoi etiket. M.: Drofa, 1996. 73 s.
11. Suprun V. I. Osobennosti ispol'zovaniya vokativnykh edinits v sovremenном russkom yazyke // Grani poznaniya. 2010. № 5. S. 47-52. EDN: RBSMZB.
12. Shavaeva F. Kh. Emotivnost' v sisteme obrashchenii k blizkim rodstvennikam v russkom i karachaevo-balkarskom yazykakh // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 3. S. 562. EDN: SYZRXH.
13. Chernikova N. V. Zhenshchina-mat', mat'-syra zemlya, Rodina-mat': obraz materi v russkoi kul'ture // Dukhovnye osnovy otnoshenii chelovek-priroda: Materialy Vserossiiskoi (Natsional'noi) s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 21-22 yanvarya 2021 goda. Vypusk 2. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2021. S. 123-126.
14. Dyusmetova L. R. Obraz materi v rasskaze Talkhy Giniyatullina "mat' i ditya" / L. R. Dyusmetova // Etnopedagogika kak resurs vospitaniya i stanovleniya lichnosti cherez priobshchenie k traditsionnoi rodnoi kul'ture (XIKh Akmullinskie chteniya): Materialy Mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, 29 noyabrya 2024 goda. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. M. Akmully, 2024. S. 46-48. EDN: AZUVYYQ.
15. Ibraimova G. O. Kognitivnye modeli "mat'-zemlya" i "mat'-reka" v russkoi lingvokul'ture // Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. Sh. Ualikhanova. Seriya filologicheskaya. 2021. № 4. S. 23-28. EDN: CPZCDR.
16. Zaripova Z. S. Mifologicheskie ponyatiya o materyakh Bogini i o materi Umai // The Scientific Heritage. 2021. № 78-5(78). S. 33-36. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-78-5-33-36 EDN: KSZOKP.
17. Pukhova E. A. Obraz ottsa v sovremennoi rossiiskoi mental'nosti ili vliyanie obraza ottsa na lichnost' // Aktual'nye voprosy psichologii razvitiya i formirovaniya lichnosti: metodologiya, teoriya i praktika: Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 03-04 oktyabrya 2023 goda. Sankt-Peterburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina, 2024. S. 99-103. EDN:

GPPW SP.

18. Rychkova T. A., Stoletov E. S., Andreev V. V. Programmnyi modul' "Podschet i sravnenie chasty slovoupotrebleniya v tekstovykh failakh" // Federal'nyi institut promyshlennoi sobstvennosti, 2024. URL: <https://www.fips.ru/publication-web/publications/document?type=doc&tab=PrEVM&id=00466C8C-C03F-47CE-AB85-42D4F69840EE> (data obrashcheniya 20.04.2024).
19. Skachivaemye korpusa Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka // URL: <https://ruscorpora.ru/page/corpora-datasets/> (data obrashcheniya 20.04.2024).
20. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: ruscorpora.ru (data obrashcheniya 20.04.2024).
21. Krasnikova Yu. N. Kormilitsy kak osobaya sotsial'naya gruppa v rossiiskoi imperii XIX-nachala XX vekov // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. S. 134-138.
22. "Tyatya", "tata", "batya", "papa", "otets"... // Muzei oborony Tuapse. 16.10.2021. URL: <https://tuapse.bezformato.com/listnews/tyatya-tata-batya-papa/98626877/> (data obrashcheniya 20.04.2024).

Functional peculiarities of pragmatic types of interrogative utterances in English aviation texts.

Mel'dianova Anna Valer'evna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Language and Translation Studies at Moscow Aviation Institute
(National Research University)

125993, Russia, Mskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Volokolamskoe Shosse, 4

✉ meldianova_av@mail.ru



Abstract. The article studies the pragmatic aspects of interrogative utterances in English-language aviation texts. The research points out the importance of taking into account the speaker's communicative intentions, conditions of communication, as well as the role of nonverbal components in interpreting meanings of utterances. The relevance of the current research is emphasized in the light of the modern approach in linguistics which considers language primarily as a means of live communication, highlighting the necessity of comprehensive analysis of linguistic phenomena in speech. The aim of the study is to consider the functional peculiarities of interrogative utterances in Modern English. The analysis is conducted on the basis of aviation movie scripts, illustrating specific features of communication during aviation incidents where precise comprehension of message is crucially important. Particular attention is given to the study of the functional meanings of interrogative utterances in professional discourse. During the research, such methods as description, generalization, comparison and functional analysis are employed. The results of the study demonstrate the significance of considering pragmatic intentions when interpreting interrogative utterances. These conclusions are valuable for optimizing communication in specialized texts, especially in the aviation sector, where accuracy of information perception determines successful interaction and misunderstanding is unacceptable. The article stands out due to its novelty, since there are currently no similar studies on the subject matter. The materials have allowed identifying the functional peculiarities of interrogative utterances, pointing to the frequent use of not only indirect questions, but also indirect ones, which significantly expands the range of speaker's communicative intentions. The research contributes to improving language practices in critical situations, enhancing both the quality

and efficiency of communication in the aviation field.

Keywords: illocutionary function, nonverbal means, indirect questions, direct questions, interrogative utterances, functional peculiarities, communicative intentions, pragmatic intentions, linguistic pragmatics, aviation field

References (transliterated)

1. Shakirova Kh.N. Sut' pragmatiki // Ekonomika i sotsium. 2021. № 1 (80). S. 743-746.
2. Pospelova A.G. Kosvennye vyskazyvaniya // Spornye voprosy angliiskoi grammatiki. 1988. S. 141-153.
3. Pocheptsov G.G. O meste pragmaticskego elementa v lingvisticheskem opisanii // Pragmaticske i semanticheskie aspekty sintaksisa. 1985.
4. Susov I.P. Semantika i pragmatika predlozheniya. Kalinin: KGU, 1980. 51 s.
5. Levinson S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 434 pp.
6. Leech J. Principles of Pragmatics. New York: Longman, 1983. 250 pp.
7. Formanovskaya N.I. Rechevoe vzaimodeistvie: kommunikatsiya i pragmatika. M.: Izd-vo Ikar, 2007. 480 s. EDN: QDWTGF.
8. Luzhnaya M.M. Pragmaticske omomimia kontekstual'no-situativnykh kosvennykh rechevykh aktov voprosa v povsednevnym obshchenii // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2024. Vyp. 10. № 1. S. 100-123. EDN: RQWSTC.
9. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii / otv. red. V.A. Uspenskii. M.: Izd-vo LKI, 2008. 296 s.
10. Chalova O.N. Funktsional'no-pragmaticske parametry vyskazyvaniia s eksplitsitnym modusom neznaniya v nauchnom dialoge // Vestnik Samarskogo universiteta. 2024. T. 30. № 3. S. 152-158.
11. Grin N.V. Pragmaticske teoriya metafory // Vestnik Angarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2024. T. 1. № 18. S. 359-362. DOI: 10.36629/2686-777x-2024-1-18-359-362 EDN: JNHYRI.
12. Zemeckis R. Flight. Atlanta, 2012.
13. Eastwood Cl. Sully. New York, 2016.
14. Bay M. Pearl Harbor. Los Angeles, 2001.

The Concept of Technological Utopia in Post-Soviet Russian Science Fiction and Its Realization in the Prose of S. Lukyanenko

Yu Shuangshuang

PhD in Philology

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; Peoples' Friendship University of Russia.

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia, Moscow region

✉ 15910387847@163.com



Abstract. This study explores the concept of technological utopia as a central narrative and symbolic construct in post-Soviet Russian science fiction, with a focus on its representation in the prose of Sergey Lukyanenko. The analysis is based on three major novels—Labyrinth of

Reflections, Rough Draft, and Spectrum—in which the author creates complex technogenic worlds that reflect ideological, cultural, and ethical transformations of the post-Soviet era. These texts depict digital environments where the boundaries between reality and virtuality, freedom and control, the human and the artificial become increasingly ambiguous. Technological utopia in Lukyanenko's works serves as both a narrative framework for envisioning alternative futures and a tool for critical reflection on the digital present. The study applies narratological, semiotic, cultural, and hermeneutic methods to analyze the structural features of utopian narrative, the symbolic language of technological imagery, and the philosophical meanings embedded in representations of identity, power, and moral agency. The research reveals that Lukyanenko's approach diverges from traditional utopian idealism, emphasizing instead the tensions between technological progress and ethical dilemmas. His works present technological utopia not as a flawless future, but as a site of unresolved contradictions, where the promise of innovation coexists with the loss of human autonomy. The novelty of this study lies in its integrated analysis of utopian discourse in a post-Soviet cultural context, contributing to a deeper understanding of contemporary Russian speculative fiction and its role in articulating the philosophical boundaries of the human in an age of digital transformation.

Keywords: Transformation of subject, Philosophy of future, Utopian narrative, Technocratic discourse, Virtual reality, S. Lukyanenko, Technological utopia, Post-Soviet science fiction, Science fiction, Digital identity

References (transliterated)

1. Gregori G. Utopiya i utopizm: istoriya osmysleniya ponyatii // Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanii. – 2018. – T. 3(3). – S. 148-160. DOI: 10.23683/2415-8852-2018-3-148-160
2. Medvedeva T.B. Tekhnologicheskaya utopiya i formy ee reprezentatsii v sovremennoi kul'ture // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2011. – № 20 (115). – S. 45-61.
omothetika
3. Nurmamatov B.B. Literaturnaya antiutopiya: k voprosu o granitsakh zhanra // Journal of Multidisciplinary Bulletin. – 2025. – T. 8, № 3. – S. 71-82.
4. Ryl'shchikova L.M., Khudyakov K.V. Al'ternativnaya real'nost' kak populyarizovannyi element nauchno-fantasticheskogo diskursa // Lingua mobilis. – 2011. – № 7 (33). – S. 34-39.
5. Baranskaya E.M. Fantastika A.N. Tolstogo: sovremennost' ili begstvo ot nee? // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni VI Vernadskogo. Filologicheskie nauki. – 2023. – № 4. – S. 3-19.
6. Ryl'shchikova L.M., Khudyakov K.V. Funktsii nauchno-fantasticheskogo diskursa // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 6. – S. 1279.
7. Lozhkina D.D. Mesto lingvistiki v sovremennom fantastovedenii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. – 2021. – T. 21, № 4. – S. 406-411. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-4-406-411
8. Plakhova O.A. K voprosu o vzaimodeistvii diskursa i zhanra (na primere skazochnogo diskursa) // Vektor nauki TGU. – 2015. – № 3-2. – S. 246-252.
9. Tyrygina V.A. Yazykovye sredstva vyrazheniya prostranstvenno-vremennogo kontinuma v diskurse nauchnoi fantastiki // Sovremennaya germanistika i zapadnoevropeiskaya literatura. – 2022. – S. 115-117.

10. Beknazarova G., Khuzhanova O. Psikhologiya vospriyatiya vremeni i prostranstva v literature // Zarubezhnaya lingvistika i lingvodidaktika. – 2025. – № 4. – S. 290-299.
11. Siyukhova A.M., Abdokova I.A. Praelementy utopii v severokavkazskom traditsionnom epose "Narty": osmyslenie v kontekste sovremennoi sotsial'noi real'nosti // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. – 2024. – T. 16, № 4. – S. 169-183. DOI: 10.47370/2078-1024-2024-16-4-169-183
12. Rabazanova M.S. Kompozitsiya kak sistema tochek zreniya v romane Luk'yanenko "Spektr" i ee osobennosti // Problema zhanra v filologii: Materialy XVI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makhachkala, 15 dekabrya 2021 goda. Vypusk XVII. – Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi universitet, 2021. – S. 160-164.
13. Putilo O.O. Izobrazhenie komp'yuternogo virtual'nogo prostranstva v romane S. Luk'yanenko "Labirint otrazhenii" // Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XIX Kirillo-Mefodievske chteniya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalya slavyanskikh yazykov i kul'tur, Moskva, 23-25 maya 2018 goda. – Moskva: Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2018. – S. 398-402.
14. Manakova O.S. Mifologicheskie obrazy v fantasticheskoi proze Sergeya Luk'yanenko // Aktual'nye voprosy innovatsionnogo razvitiya Arkticheskogo regiona RF. – 2023. – S. 433-436.

Intertextuality in the prose of the Yakut writer Platon Oyunsky (1893-1939)

Savvinova Gul'nara Egorovna

PhD in Philology

Senior Researcher, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov
677009, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, F.popova str., 16, building 3, sq. 40

✉ savgul6767@mail.ru



Abstract. The article is devoted to the work of Platon Alekseevich Oyunsky (1893–1939), an outstanding representative of the Yakut intelligentsia and the founder of Yakut Soviet literature, a writer and linguist. The object of the study is the use of intertextuality in Oyunsky's works. The research is based on the texts of the parable stories "Alexander the Great," "Solomon the Wise," and the author's fairy tales "The Argument" and "The Fox and the Badger." The scientific novelty and theoretical significance of the study are determined by the fact that for the first time, the author's fairy tales and parable stories in the works of P. Oyunsky are examined from the perspective of genre transformations. The purpose of the study is to define the semantic transformations in the studied works and the functions of intertextuality. The research objectives include: identifying the form of authorial narration in the works of P. Oyunsky, comparing typologically similar phenomena (works, genres), and identifying the underlying (mythological, socio-pragmatic) prerequisites of the analyzed texts. The method of an integrative approach was used for the research, which combines literary and linguistic knowledge. This allows a deeper analysis of the conceptual and linguistic picture of the author's world, to identify the features of his idiosyncrasy. The results of the research concerning the reception of intextuality in P. Oyunsky's prose, according to knowledge, new ideas, the writer offers a new interpretation of folk tales and parables, images, plots and motifs - ultimately ideas. P. Oyunsky's works, which use the technique of intertextuality, demonstrate that his works reflect not only the phenomena that the writer pays attention to,

but also the writer himself, as well as the time in which P. Oyunsky lived and worked.

Keywords: the Olonko epic, folklore traditions, parable, short stories, author's fairy tale, intertext, Yakut literature, other plots, transformations, borrowings

References (transliterated)

1. Okorokova, V.B. Filosofskie rakursy tvorchestva P.A. Oiunskogo. // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Voprosy natsional'nykh literatur. 2021. № 1. S. 26-34.
2. Khazankovich, Yu.G. Fol'klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Severa : monografiya / Yu. G. Khazankovich; otv. red. d.filol.n. Ch.G. Guseinov ; M-vo obrazovaniya i nauki RF., Feder. agentstvo po obrazovaniyu, GOU VPO "Yakut. gosudarstvennyi universitet im. M.K. Ammosova". Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009. – 129 s.
3. Ovchinnikova, L.V. Russkaya literaturnaya skazka XX veka: Istorya, klassifikatsiya, poetika: avtoref. dis. ...dokt. filol. nauk: 10.01.01, 10.01.09 M., 2001. 41 s.
4. Anikin, V.P. Skazki russkikh pisatelei. Minsk: Pravda 1985. 672 s.
5. Orlova, G.K. Literaturnaya skazka / Poetika russkoi literatury. Kontsa KhIKh – nachala KhKh veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza. M.: IMLI RAN, 2009. 832 s. S. 521-542.
6. Lipovetskii, M.N. Poetika literaturnoi skazki. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1992. 183 s.
7. Propp, V.Ya. Fol'klor i deistvitel'nost'. M.: Nauka, 1976. 326 s.
8. Oiuunuskai, P.A. Talylybyt aiymn'ylar: Ys tomnaakh: kepseenner, sehenner, p'esalar, akhtyy / P.A. Oiuunuskai; Rossiya naukalaryn akad., Sib. otd-nie Sakha sirineesi salaata, Tyl, lit., ist. in-ta. D'okuuskai: Bichik, 1993. T. 2: Kepseenner, sehenner, p'esalar, akhtyy. 441 s. (na yak. yazyke)
9. Vinogradov, V.V. Syuzhet i stil': Sravnit.-ist. issledovanie / AN SSSR. Sovetskii kom. slavistov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 192 s.
10. Savvinova – Otova, G.E. Kul't prirody v olonkho kak otrazhenie natsional'nogo mirovozzreniya // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie, № 3 (03) 2016. S. 49-64.
11. Sokolov, Yu.M. Russkii fol'klor. / Akad. Yu.M. Sokolov. M.: Gos. ucheb. pedagog. izd., 1941. 557 s.
12. Anikin, V.P. Russkaya narodnaya skazka / V.P. Anikin. M.: Prosveshchenie, 1977. 208 s.
13. Ubryatova, E.I. Parnye slova v yakutskom yazyke // Yazyk i myshlenie. T. XIII. № 2. M.-L., 1948. S. 297-327.
14. Tulyakova, N.A. Legenda i predanie v russkoi literature pervoi poloviny XIX v.: zhanrovye refleksivy i zhanrovye strategii // Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya. 2019. Vyp. 58. S. 24-42.
15. Sidorov, O.G. Mnogi ostavленные песни в столет'ях сохранят народ.... // Sibirskie ogni, 2018. № 4. S. 159-178.
16. Burtsev, A.A. Oiunskii i mirovaya literatura / Olonko v mirovom epicheskem prostranstve: nasledie P.A. Oiunskogo: Mater. Mezhdunarodnoi konfer. Yakutsk: Izdat. dom SVFU, 2018. 228 s.
17. Lotman, Yu.M. Tekst v tekste / Ob iskusstve / Yu.M. Lotman. SPb: Iskusstvo-SPB,

2005. 702 s. S. 432.

The anthropological ethics of Chernyshevsky: "reasonable egoism" is altruism

Skoropad Tatiana Anatolievna □

Postgraduate student

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment str., 7/9, room 140

✉ t.milokost@gmail.com

Abstract. This article explores the concept of "rational egoism" in the context of N.G. Chernyshevsky's anthropological ethics, as reflected in his article "The Anthropological Principle in Philosophy" and in the novel "Chto Delat'?". A person is neither good nor evil by nature, and external circumstances strongly influence people's actions; these circumstances shape a person's character and behavior, although inner work and personal transformation are still possible. The conclusion reached by the author of ethics is that the true basis of an individual's "evil" intentions is unmet personal needs. What is to be done? Chernyshevsky outlines a detailed plan of action in his eponymous novel. The correction of a person's egoistic tendencies by reason can lead to the creation of a modern altruistic society based on mutual benefit and decency. The article employs a comparative method through textual and cultural analysis to interpret the ideas of Chernyshevsky, Holbach, Comte, and Lavrov. Anthropological ethics are revealed through Lavrov's text: the true egoistic ideal is a self-developing personality, such as Bazarov or Rakhmetov. Such passionate individuals existed in 19th century Russia and served as role models for the younger generation. As a result of all the above, one can conclude that anthropological ethics essentially underpins the ethical theory of the French materialists of the 18th century and the positivists of the 19th century. Furthermore, the Russian socialist Chernyshevsky builds his utopian society based on the satisfaction of natural human needs: the striving for self-realization, love, and personal and social benefit. Chernyshevsky understands that the main goal is to create a harmonious society where the interests of all participants are respected and the principles of communal living are adjusted, thus transforming innate egoistic behavior into altruism. A significant contribution to the research activity dedicated to studying the phenomenon of "altruism" is the method of interpreting the text "The Anthropological Principle in Philosophy" through Lavrov's article "Essays on Practical Philosophy" and the novel "Chto Delat'?". Lavrov expands the horizon of personal development from a primitive egoist living to satisfy his instincts to the highest ideal of self-development: an educated, willful, honest, healthy, physically strong rational egoist acting for the benefit of others.

Keywords: Otcy i deti, Chto delat', anthropological ethics, Comte, Lavrov, Holbach, Chernyshevsky, nihilism, rational egoism, altruism

References (transliterated)

1. Berdyaev N. A. Russkaya ideya. SPb.: Azbuka-klassika, 2008. 301 s. EDN: QWTPLL.
2. Besschetnova E. V. "Sebyalyubie" Aristotelya i "razumnyi egoizm" N. G. Chernyshevskogo / E. V. Besschetnova // N. G. Chernyshevskii. Stat'i, issledovaniya i materialy: Sbornik nauchnykh trudov / Otv. red. A. A. Gaponenkov. Tom 21. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2018. S. 27-33. EDN: VYBOIY.
3. Bukharev A. M. O romane N. G. Chernyshevskogo "Chto delat?", iz rasskazov o novykh

- Iyudyakh // N. G. Chernyshevskii: pro et contra. Sankt-Peterburg: RKhGI, 2008. S. 577-615.
4. Gaponenkov A. A. "Chto delat'?" Nikolaya Chernyshevskogo kak universal'nyi vopros smysla zhizni / A. A. Gaponenkov // N. G. Chernyshevskii. Stat'i, issledovaniya i materialy: Sbornik nauchnykh trudov, Saratov, 21-22 oktyabrya 2021 goda. Tom 23. Saratov: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Saratovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet im. N. G. Chernyshevskogo", 2022. S. 13-21.
 5. Gol'bakh P. A. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. Pod obshch. red. i so vstupit. stat'ei Kh. N. Momdzhiana. Per. s fr. M.: Sotsekgiz, 1963. T. 1. 715 s.
 6. Kantor V. K. Chto znachil razumnyi egoizm Chernyshevskogo v obshchinnoi strane? / V. K. Kantor // Voprosy filosofii, 2014. № 3. S. 95-104. EDN: SBTQBT.
 7. Kont O. Obshchii obzor pozitivizma: Per. s fr. / Pod red. E. L. Radlova. Izd. 3-e. M.: Knizhnyi dom "Librokom", 2012. 296 s.
 8. Kuznetsov A. N. Antropologicheskii printsip v filosofii N. G. Chernyshevskogo / A. N. Kuznetsov // Vestnik MGTU. Trudy Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2002. T. 5, № 3. S. 367-372. EDN: IIYCLB.
 9. Lavrov P. L. Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye proizvedeniya v 2-kh t. M.: Mysl', 1965. T. 1. 752 s.
 10. Larina T. A. Eticheskaya kontsepsiya "razumnogo egoizma" v teorii lichnosti N. G. Chernyshevskogo / T. A. Larina // Patriotizm i grazhdanstvennost' v povsednevnoi zhizni Rossiiskogo obshchestva (XVIII-XXI vv.): Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 14-16 marta 2013 goda / Pod obshchey redaktsiei V. N. Skvortsova. Sankt-Peterburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina, 2013. S. 260-262. EDN: SBHGPH.
 11. Mirasova K. N. "Atlant raspravil plechi" A. Rend i "Chto delat'?" N. G. Chernyshevskogo kak romany idei "razumnogo egoizma" / K. N. Mirasova // Novoe proshloe. 2020. № 1. S. 180-193. – DOI: 10.18522/2500-3224-2020-1-180-193. EDN: COGWDK.
 12. Momdzhyan Kh. N. Filosofskie i sotsiologicheskie vzglyady Gol'bakha // Gol'bakh P. A. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. Pod obshch. red. i so vstupit. stat'ei Kh. N. Momdzhiana. Per. s fr. M.: Sotsekgiz, 1963. T. 1. S. 5-51.
 13. Nabokov V. V. Lektsii po russkoj literature. SPb.: Azbuka-klassika, 2010. 448 s. – EDN: QUVULV.
 14. Onishchenko V. L., Lagutin A. O. Razumnyi egoizm kak predmet issledovaniya v sotsial'no-filosofskikh teoriyakh frantsuzskikh materialistov XIII v. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2017. № 6. S. 29-32. – DOI: 10.24158/fik.2017.6.7 EDN: YSOJJP.
 15. Paperno I. S. Semiotika povedeniya: Nikolai Chernyshevskii – chelovek epokhi realizma // Novoe literaturnoe obozrenie (NLO), 1996. Nauchnoe prilozhenie, vyp. VI. M. 208 s.
 16. Skaftymov A. P. Roman "Chto delat'?" (ego ideologicheskii sostav i obshchestvennoe vozdeistvie) // N. G. Chernyshevskii: neizdannye teksty, stat'i, materialy, vospominaniya. Saratov, 1926. S. 92-140.
 17. Skoropad T. A. Pozitivnaya etika O. Konta / T. A. Skoropad // XV Mezhdunarodnaya konferentsiya "Teoreticheskaya i prikladnaya etika: Traditsii i perspektivy – 2023. Razumnost'. Praktichnost'. Chelovechnost)": Materialy konferentsii, Sankt-Peterburg, 16-18 noyabrya 2023 goda. Sankt-Peterburg: OOO "Sborka", 2023. S. 72. EDN: IDFFEL.
 18. Tamarchenko G. E. Chto delat'? i russkii roman 60-kh godov // Chernyshevskii N. G. Chto delat'? Iz rasskazov o novykh lyudyakh. L.: Izd. "Nauka", Lenigr. otd., 1975. S.

747-781.

19. Chernyshevskii N. G. Sochineniya v 2-kh t. T. 2 / AN SSSR. In-t filosofii; Redkol.: M. B. Mitin (pred.); Red. izd. I. K. Pantin; Sost. i avt. primech. L. V. Polyakov. M.: Mysl', 1987. 687 s.
20. Chernyshevskii N. G. Chto delat'? Iz rasskazov o novykh lyudyakh. L.: Izd. "Nauka", Lenigr. otd., 1975. 872 s.
21. Chernykh A. A. Teoriya razumnogo egoizma v rabotakh N. G. Chernyshevskogo i P. L. Lavrova / A. A. Chernykh // Modernity: chelovek i kul'tura: Sbornik materialov XXIV mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 23-25 dekabrya 2021 goda. Sankt-Peterburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2022. S. 9-14. EDN: BVEUGO.
22. Gertsen I. G. Eshche raz Bazarov. Dostupno po ssylke:
https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/25447493/105735124/&art=25447493&user=875050613&uiling=ru&catalit&track_reading&fb3_master (data obrashcheniya: 19.03.2025).
23. Pisarev D. I. Bazarov "Ottsy i deti", roman I. S. Turgeneva // D. I. Pisarev. Literurnaya kritika v trekh tomakh. Tom pervyi. Stat'i 1859-1864 gg. – L.: "Khudozhestvennaya literatura", 1981. Dostupno po ssylke:
http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0220.shtml?ysclid=m8681mf5yk675571152 (data obrashcheniya: 19.03.2025).
24. Turgenev I. S. Ottsy i deti. M.: Izd. "Al'pina. Proza" i proekt Polka, 2023. Dostupno po ssylke: <https://books.yandex.ru/reader/zXRAuT9v?resource=book> (data obrashcheniya: 12.03.2025).

Nominal prefix as a semantic constant in modern Russian and English languages

Osadchaia Olga Nikolaevna

PhD in Philology

Senior Tutor, Department of Foreign Languages, Russian State University of Justice

69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russia

 zuba-zuba@mail.ru



Popova Larisa Georgievna

Doctor of Philology

Professor; Department of German Studies and Linguodidactics; Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, Moscow, Maly Kazenny lane, 5B

 popovalg@mgpu.ru



Abstract. The purpose of this work is to clarify the specifics of the representation of the nominal prefix "itself" in Russian and English. The article attempts a deeper analysis of legal and psychological terms in the studied languages, which have an initial element of "self-" and have the highest degree of use over the past few years, in order to establish a more complete and relevant picture of the perception of these units in the minds of representatives of the compared linguistic cultures, as well as to detect the results of the influence of modern extralinguistic factors on the worldview native speakers of Russian and English. The subject of

the study is legal and psychological terms in Russian and English at their current stage of development, containing the prefix "camo-"/"self-". The research material was the legal and psychological terms of the Russian and English languages, which contain the prefix "self-". In accordance with the set goal, the comparative analysis method was used in the work. The scientific novelty of the study is due to the fact that in linguistics, for the first time, a semantic constant is studied in a comparative aspect as an element of legal and psychological terms in Russian and English. Russian linguistic worldview, the formant is found to be highly active in creating new or reviving existing concepts and phenomena, while the native Russian prefix prevails over the Greek-Latin equivalents. Neologisms with an incorporated element of "self-" were found, which is a confirmation of the high productivity of this unit. No such activity of the studied word-formation resource has been recorded in the English language. The identified equivalents of legal and psychological terms contain both the native English prefix self- and borrowed elements.

Keywords: word formation, neologism, frequency of use, term, English language, Russian language, linguistic culture, prefixoid, semantics, comparison

References (transliterated)

1. Abrosimova, E. A. Miromodeliruyushchii potentsial terminoelementa (na primere veterinarnykh i meditsinskikh terminov s nachal'nym elementami SAMO- i AUTO-) // Lingvistika i obrazovanie. 2022. T. 2. № 4 (8). S. 6-16.
2. Alatortseva, S. I. Novoe v russkoe leksike. Slovarnye materialy – 86 / Pod red. N.Z. Kotelovoi, S.I. Alatortsevoi i T.N. Butsevoi. SPb.: D. Bulanin, 1996.
3. Biryukova, E. V., Osadchaya, O. N., Popova, L. G., Shatilova, L. M. Reprezentatsiya tsennosti komponenta kontsepta MILOSERDIE v angliiskikh i russkikh p'esakh KhKh veka posredstvom paremii // Yazyk. Tekst. Diskurs: kollektivnaya monografiya. Orekhovo-Zuevo: Redaktsionno-izdatel'skii otdel GGTU, 2020. S. 79-97.
4. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://spbguga.ru/files/03-5-01-005.pdf> (data obrashcheniya 07.06.2024).
5. Bol'shoi yuridicheskii slovar' [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://courts.spb.ru/spravka/glossary/yuridicheskij-slovar/> (data obrashcheniya: 07.06.2024).
6. Vikulova, L. G., Biryukova, E. V., Popova, L. G. Razvitie sopostavitel'nogo yazykoznaniya v ramkakh nauchnykh shkol Rossii (na materiale zashchit dissertationnykh issledovanii aspirantov, MGPU, 2016-2022) // Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». № 1 (49). S. 183-194.
7. Galkina-Fedoruk, E. M., Gorshkova, K. V., Shanskii, N. M. Sovremennyi russkii yazyk. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1962. 637 s.
8. Geiger, R. M. Problemy analiza slovoobrazovatel'noi struktury i semantiki v sinkronii i diakhronii. Omsk: Izd-vo OmGU, 1986. S. 36.
9. Grinev, S. V., Vikulova, L. G. O nekotorykh lingvisticheskikh aspektakh evolyutsii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 2 (26). S. 130-135.
10. Guseva, A. E., Shimko, E. A. Etnolingvisticheskaya verbalizatsiya naimenovanii svoistvennogo rodstva po muzhskoi linii v nemetskom i russkom yazykakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2021. № 1. S. 117-128.
11. Zemskaya, E. A. Ponyatie proizvodnosti, oformlennosti i chlenimosti osnov. Razvitie

- slovoobrazovaniya sovremennoogo russkogo yazyka. M., 1966.
12. Korepina, N. A. Leksikograficheskii analiz funktsional'no-pragmatischeeskoi kategorii samosti v sovremenном russkom i angliiskom yazykakh // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. Filologiya. Irkutsk, 2008. № 3. S. 92-98.
 13. Kubryakova, E. S., Shakhnarovich, A. M., Sakharnyi, L. V. Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazyki porozhdenie rechi. M.: Nauka, 1991. S. 213. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 09.06.2024).
 14. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 09.06.2024).
 15. Nemchenko, V. N. Vvedenie v yazykoznanie: uchebnik dlya vuzov / V. N. Nemchenko. M.: Drofa, 2008. 703 s.
 16. Ogneva, E. A. Kontsepty-dominanty kak informativnye konstrukty tekstovykh mirov. M.: Editus; 2019.
 17. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://slovarozhegova.ru> (data obrashcheniya: 06.06.2024).
 18. Petrova, M. M. Morfemizatsiya slovoobrazovatel'nykh elementov latinskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke // Boduen de Kurtene i sovremennaya lingvistika. Kazan', 1988. S. 76.
 19. Radbil', T. B. «Samoizolyatsiya» kak noveishii russkii kul'turnyi kontsept: kognitivno-diskursivnyi aspekt // Kommunikativnye issledovaniya. 2020. T. 7. № 4. S. 759-774.
 20. Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. / pod red. A. P. Evgen'evoi [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (data obrashcheniya: 06.06.2024).
 21. Entsiklopediya Kar'era [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.znanie.info/portal/ec-terms/32/1136.html> (data obrashcheniya: 10.06.2024).
 22. Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Maksa Fasmera [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://lexicography.online/etymology/vasmer> (data obrashcheniya: 06.06.2024).
 23. Cambridge Dictionary [Electronic Resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of admission: 10.06.2024).
 24. Glossary of Psychology [Electronic Resource]. URL: <https://www.psychology-lexicon.com/cms/index.php> (date of admission: 11.06.2024).
 25. Google Books Ngram Viewer [Electronic Resource]. URL: <https://books.google.com/ngrams/graph> (date of admission: 09.06.2024).
 26. Legal Dictionary [Electronic Resource]. URL: <https://dictionary.law.com> (date of admission: 11.06.2024).
 27. Oxford English Dictionary [Electronic Resource]. URL: <http://www.oed.com/> (date of admission: 10.06.2024).

Aspectual meanings of progressive and durative aspect in the Old Uyghur language

Senior Lecturer; Faculty of Foreign Languages; A.S. Pushkin Leningrad State University
Lecturer; Faculty of Oriental Studies; St. Petersburg State University

10 Peterburgskoe shosse, Pushkin, Saint Petersburg, 196605.

✉ Kamilla.Alieva95@gmail.com



Abstract. In Turkic studies of recent years, the question of the presence of the morphological category of aspectuality in Turkic languages is occasionally discussed. The dispute on this topic is traditionally led to the question of "the presence or absence of aspect in Turkic languages" and the interpretation of the meanings of some temporal forms of the Turkic verb. The study of aspectual meanings on the material of ancient languages, in particular, the Old Uyghur language, as one of the genetic ancestors of modern Turkic languages, can shed light on the semantic features of the forms of the Turkic verb, as well as provide confirmation or denial of the idea that the Old Uyghur verb can express aspectual meanings morphologically. The study of the features of aspectual meanings in Old Uyghur makes it possible to describe and broaden these meanings, as well as to identify the means that are used to express these meanings. The article deals with the aspectual meanings of progressive and durative and the means of their expression in the Old Uyghur language. In this study, the Old Uyghur language material is examined from the perspective of a functional-semantic approach. Among other things, descriptive and comparative research methods are used to analyse the material in order to identify synchronic and diachronic features of linguistic connections. The study of aspectuality as a functional-semantic field allows us to identify and describe in detail the means of expressing linear aspect meanings. In the course of the study, morphological means capable of marking the meanings of the linear aspect, namely the middle stage of the process were found. The analysis revealed that the progressive and durative aspects are expressed with analytic combinations in which the first component is the adverbial form of the verb and the second is the auxiliary verb.

Keywords: agglutinative languages, auxiliary verb, converb, Turkic languages, the Old Uyghur language, aspectuality, progressive aspect, durative aspect, aspect, perfect

References (transliterated)

1. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
2. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The U. of Chicago Press, 1994.
3. Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
4. Kolpachkova E.N. Klassy glagola, sochetaemost' i tipologiya // Vestnik SPbGU. Ser. 13. 2009. Vyp. 1. S. 137-149.
5. Guzhev V.G. Teoreticheskaya grammatika turetskogo jazyka / pod red. A.S. Avrutinoi, N.N. Telitsina. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo gos. un-ta, 2015. 320 s. EDN: VQHRFD
6. Yakobson R.O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol // Printsipy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroya. M.: Nauka, 1972.
7. Bondarko A.V. Teoriya funktsional'noi grammatiki. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis. L.: Nauka, 1987.
8. Khrakovskii V.S. Tipologiya iterativnykh konstruktsii. L.: Nauka, 1989. EDN: UWGYBL
9. Klein W. Time in language. London; New York: Routledge, 1994.

10. Fedotov M.L. Perfekt i okno nablyudeniya (dva ekz.) // A.A. Kibrik, Ks.P. Semenova, D.V. Sichinava, S.G. Tatevosov, A.Yu. Urmanchieva (red.). VAProsy yazykoznaniya: Megasbornik nanostatei. Sb. st. k yubileyu V.A. Plungyan. M.: "Buki Vedi", 2020. S. 467-475. EDN: UQMJFN
11. Plungyan V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. M.: RGGU, 2011. 672 s. EDN: PWOOIL
12. Bondarko A.V., Kazakovskaya V.V. Problemy funktsional'noi grammatiki: printsip estestvennoi klassifikatsii. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013.
13. Nedyalkov V.P. Nachinatel'nost' i sredstva ee vyrazheniya v yazykakh razlichnykh tipov // A.V. Bondarko (red.). Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis. L.: Nauka, 1987. S. 180-195.
14. Cheremisina M.I., Nevskaya I.A. I stood to lie down' and 'I sat to leave': Infinitive constructions of intention in South Siberian Turkic languages // Turkic Languages. 2000. Vol. 4, no. 2. P. 77-113. EDN: VMJGHT
15. Johanson L. Aspekt im Turkischen: Vorstudien zu einer Beschreibung des turkeiturkischen Aspektsystems. 1971. 344 s.
16. Kuznetsov P.I. Aspekt i aktsional v turetskom yazyke // Sovetskaya tyurkologiya. 1975. Vyp. 3. S. 68-81.
17. Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event reference // Tense and aspect in the languages of Europe / ed. by Ö. Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385-402.
18. Guzev V.G. Kategoriya iz"yavitel'nogo nakloneniya (indikativ). Kategoriya vremeni indikativa v turetskom yazyke // Izbrannoe: k 80-letiyu / otv. red. N.N. Telitsin. SPb.: Studiya "NP-Print", 2019.
19. Arkad'ev P.M. Zametki k tipologii perfektiva // Areal'noe i geneticheskoe v strukture slavyanskikh yazykov: Materialy kruglogo stola / otv. red. Vyach. Vs. Ivanov. M.: "Probel-2000", 2007. S. 17-30.
20. Nasilov D.M. Problemy tyurkskoi aspektual'nosti. Aktsional'nost'. M.: Nauka, 1989. 208 s.
21. Tugusheva L.Yu. Uigurskaya versiya biografii Syuan'-tszana (fragmenty iz leningradskogo rukopisnogo sobraniya Instituta vostokovedeniya AN SSSR). M.: Nauka, 1991.
22. Nasilov D.M. Aktsional'nye gruppy uzbekskikh glagolov // Vostokovedenie. Filologicheskie issledovaniya. 1987. Vyp. 13. S. 34-43.
23. Yuldashev A.A. Analiticheskie formy glagola v tyurkskikh yazykakh. M.: Nauka, 1965. 274 s.
24. Nasilov D.M. Aktsional'nye gruppy uzbekskikh glagolov // Vostokovedenie. Filologicheskie issledovaniya. 1987. Vyp. 13. S. 34-43.
25. Kononov A.N. Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov (VII-IX vv.). L.: Izd-vo Nauka, 1980.
26. Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington IN: Indiana University & The Hague: Mouton, 1968. P. 192-193. (Indiana University Uralic and Altaic Series; Vol. 69).
27. Akhmetov M.A. Glagol v yazyke orkhono-eniseiskikh pamyatnikov (v sravnitel'nom plane s sovremennym bashkirskim yazykom). Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1978. S. 73-75.
28. Shcherbak A.M. Grammaticsii ocherk yazyka tyurkskikh tekstov X-XIII vv. iz Vostochnogo Turkestana / Akad. nauk SSSR. In-t yazykoznaniya. Moskva; Leningrad:

- Izd-vo Akad. nauk SSSR. [Leningr. otd-nie], 1961. 204 s.
29. Shervashidze I.N. Formy glagola v yazyke tyurkskikh runicheskikh nadpisei. Tbilisi: Metsniereba, 1986. S. 63-65.
30. Tekin Ş. Maitrisimit nom bitig. Die Uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhasika-Schule. Berlin: Akademie-verlag, 1980.
31. Telitsin N.N., Alieva K.A. Perfekt v drevneuigurskom yazyke // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i Afrikanistika. 2023. Vyp. 2. S. 332-344. DOI: 10.21638/spbu13.2023.207 EDN: AMESLS
32. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004. (Handbook of Oriental studies. Sect. 8: Central Asia).

Associative Connections of Toponyms in the Linguistic Consciousness of Russian and Chinese Speakers

Tian Bingsen

PhD in Philology

Postgraduate Student; Department of Foreign Languages; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 9, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042245055@pfur.ru



Abstract. This study investigates the associative connections of toponyms in the linguistic consciousness of Russian and Chinese speakers. Geographical names are examined as culturally marked units that reflect specific cognitive and ethnocultural models of spatial perception. The author analyzes the nature of associative reactions to toponyms as manifestations of collective stereotypes, media influence, and sociocultural experience. Based on a free associative experiment, the research aims to identify linguocultural differences in interpreting the same geographical names. Particular attention is paid to how concepts of "self" and "other" spaces are shaped through toponymic imagery and how these affect intercultural communication. The methodology involves a free associative experiment, which reveals cognitive and cultural patterns in the perception of toponyms. Quantitative and qualitative analysis of responses from Russian-speaking and Chinese-speaking informants allows for an effective intercultural comparison of linguistic worldviews. The scientific novelty lies in the comparative analysis of associative reactions to an identical set of culturally significant toponyms. The findings show that Russian participants more often produce stereotypical and politico-administrative associations, while Chinese participants prefer culturally historical and visually scenic imagery. Overlapping associations indicate potential zones of intercultural understanding. The results underscore the relevance of toponymic associations for studying linguistic consciousness and their potential in fostering intercultural competence, language education, and media discourse analysis. This study contributes to the theoretical development of cognitive linguistics and offers promising directions for further research into cultural worldviews.

Keywords: Free association experiment, Cultural memory, National stereotypes, Media discourse, Intercultural communication, Cognitive linguistics, Toponymic semantics, Linguocultural features, Linguistic consciousness, Associative reactions

References (transliterated)

1. Golomidova M. V. Gorodskie toponimy v aspekte translyatsii regional'noi identichnosti:

- keis goroda Ufy // Voprosy onomastiki. 2022. T. 19, № 1. S. 160-179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008
2. Zharkynbekova Sh., Seliverstova Zh. Lingvisticheskie metody v issledovanii sotsiokul'turnykh tsennostei v usloviyakh sovremennoykh vyzovov: analiticheskii obzor // Yazyk i literatura: teoriya i praktika. 2025. T. 4, № 1. S. 26-48. DOI: 10.52301/2957-5567-2025-4-1-26-48.
 3. Fatkullina F. G. Toponimy kak komponent yazykovoi kartiny mira // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1-1. S. 1174.
 4. Kovalakas E. F. K voprosu izucheniya toponomov v kognitivnom aspekte // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2021. T. 13, № 4. S. 326-331. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354.
 5. Abdukadyrova T. T. Osobennosti formirovaniya yazykovoi kartiny mira v funktsional'nom pole kognitivnykh protsessov // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. 2024. № 12-1. S. 143-151. DOI: 10.25726/a6487-5606-2163-q.
 6. Kurganova N. I. Assotsiativnyi eksperiment kak metod issledovaniya znacheniya zhivogo slova // Voprosy psikhologicheskikh problem. 2019. № 3. S. 24-37.
 7. Isaev Yu. N. Assotsiativnyi eksperiment kak istochnik izucheniya yazykovoi kartiny mira // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2015. № 2. S. 156-160.
 8. Ufimtseva N. V. Assotsiativnyi slovar' kak model' yazykovoi kartiny mira // Vestnik IrGTU. 2014. № 9 (92). S. 340-347.
 9. Meirbekov A. K. Issledovanie toponomov kazakhskogo i angliiskogo yazykov v kognitivnom napravlenii // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2021. № 12. S. 147-152. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.12.18.
 10. Zhabotinskaya S. A. Imya kak tekst: kontseptual'naya set' leksicheskogo znacheniya (analiz imeni emotsiy) // Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs. 2013. № 6. S. 47-76.

"Cinema in the Digital Age": Conference Review

Didrov Artur Aleksandrovich

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Philosophy, South Ural State University (National Research University); Professor; Department of Philosophy, Chelyabinsk State University

454091, Russia, Chelyabinsk region, Chelyabinsk, Sovetskaya St, 36, sq. 66

 dydrovaa@susu.ru



Abstract. The 2024 event "Cinema in the Digital Age" brought together Russian specialists in social philosophy, anthropology, sociology, and cultural studies. The formal mission of the conference was to popularize cinematographic research in small towns and regions. In fact, the last conference was devoted to methodological issues (cinema studies), the problems of the connection between the perception of cinema and bodily reactions, the transmission of values, the construction of narratives, and the circulation of ideology. The logic of the sequence of reports was built from general methodological topics related to perception, bodily experience, to cinematic narratives. The methodological trend of the conference is an appeal to specific examples from the cinematographic industry (case studies). The event was based on the principles of an interdisciplinary approach and combined epistemological, axiological, socio-philosophical and anthropological issues. The study of cinematography at the systemic methodological level in Russia is still a relatively young area of scientific practice. The

conference was not aimed at copying Western studies, but at the same time took into account some achievements of foreign scientists in the field of cinema studies. The originality of the content of the scientific event was founded on the complex nature of philosophical, sociological, legal, cultural issues. Most of the studies were carried out within the framework of case studies, which made them methodological examples, allowed to learn about the trends in cinematography, but at the same time imposed restrictions on the use of conclusions. This article is an overview of reports and abstracts with an addition in the form of a constructive and critical assessment. The review is focused on a prolonged discussion and expansion of the research audience within the framework of cinema studies, the development and popularization of related issues and correlating topics.

Keywords: mythology, myth, perception, movie, series, case studies, cinema studies, cinema, society, conference

References (transliterated)

1. Artamonov D. S. Ot mifov o proshlom k mifologizatsii vremeni v tsifrovoi mediasrede // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika. 2020. 20(3). S. 234–239. DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239.
2. Tikhonova S. V. Kak kino menyaet sotsial'nyyu real'nost': the social impact entertainment // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika. 2022. 22(2). S. 170–175. DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-2-170-175
3. Tikhonova S. V. Osobennosti formirovaniya mirovozzreniya rossiiskoi molodezhi XXI veka // Sotsiologiya. 2024. № 3. S. 170–175.
4. Ivanov A. G. Idei i utopii sovetskogo avangarda v istoricheskoi pamyati // Utopicheskie proekty v istorii kul'tury: materialy IV Vserossiiskoi (s mezdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii, Rostov-na-Donu, 26–28 oktyabrya 2022 goda. Rostov-na-Donu – Taganrog: Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2023. S. 87–93.
5. Ivanov A. G. Imperskoe proshloe v kinematografie: optika mifoanaliza // XV Mezdunarodnaya konferentsiya «Teoreticheskaya i prikladnaya etika: Traditsii i perspektivy – 2023. Razumnost'. Praktichnost'. Chelovechnost'». Materialy konferentsii, Sankt-Peterburg, 16–18 noyabrya 2023 goda. Sankt-Peterburg: «Sborka», 2023. S. 116–117.
6. Penner R. V. Tsifrovaya identichnost': teoriya i metodologiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2024. 48 (2). S. 98–113. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-2-98-113.
7. Penner R. V. Tsifrovoi sub"ekt – mif tsifrovoi epokhi // Mif v istorii, politike, kul'ture: Sbornik materialov VI Mezdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii, Sevastopol', 21–24 iyunya 2022 goda. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2023. S. 232–239.
8. Varkhotov T. A. Nekonventional'noe soglasie: kak my vse eshche myslim vmeste // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2023. № 75. S. 313–318. DOI: 10.17223/1998863X/75/27.
9. Varkhotov T. A. «Igra prestolov»: anatomiya i sud'ba ideal'nogo teleseriala // Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki. 2019. 4(22). S. 60–91. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-4-60-91.
10. Baxter P. M., Jack S. M. Qualitative Case Study Methodology: Study Design and Implementation for Novice Researchers // The Qualitative Report. 2010. 13(4). Pp. 544–559. DOI: 10.46743/2160-3715/2008.1573

11. Orum A. A Case for the Case Study // Social Forces. 1992. 71(1). P. 240. DOI: 10.2307/257998